

КЛАССИКА ЛИТЕРАТУР СНГ

ДАВИД
САСУНСКИЙ
И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ

*Армянская литература
с древних времен*

ИЗДАТЕЛЬСТВО НП «КУЛЬТУРА ЕВРАЗИИ»
МОСКВА

УДК 821.161.1-3.
ББК 84(2Рос=Рус)
Д13

Художественное оформление
Александр Щукин

Серия «Классика литератур СНГ»

*Издание осуществлено
при поддержке Межгосударственного фонда
гуманитарного сотрудничества
государств-участников СНГ*

Подписано в печать 20.01.2009. Формат 70×100^{1/16}.
Гарнитура «Петербург» Усл. печ. л. 49,02. Тираж 5000 экз.
Заказ № 32

Д13 Давид Сасунский и его литературное наследие. Армянская литература с древних времен. М.: НП «Культура Евразии», 2009. — 608 с. — («Классика литератур СНГ»)

ISBN 978-5-94663-838-8

Армянская поэзия простирается с незнакомых, мифических и легендарных времен, со ступеней Ноева Ковчега и вплоть до наших, вызывающих остроту, дней. Задавшись целью познакомить широкий круг читателей с вершинами этого уникального феномена, естественно надо было начинать с эпоса, затем пройти тропами средневековой армянской поэзии, вплоть до новой и новейшей — путь тернист, но это не страшно, когда он ведет сквозь тернии к звездам.

Эпос — это, конечно, «Давид Сасунский», в средневековом разделе прослеживается развитие армянского поэтического слага на протяжении 15 веков. Открывают его средневековые фольклорные песни, плачи и заклинания, далее представлены произведения авторов V века, создателя армянского алфавита — Месропа Маштоца, X — Григория Нарекаци, завершают «средневековые» стихи великого армянского поэта-анушта, «трехгорного соловья» XVIII века Саят-Новы. Первый том завершается произведениями классика новой армянской поэзии Паруйра Севака.

ПЯТНАДЦАТЬ ВЕКОВ
АРМЯНСКОЙ
ПОЭЗИИ

Ты видела многих певцов — армян — и увидишь опять.

Елише Чаренц. «Арменин»

1

Мовсес Хоренаци в начале своей «Истории Армении» (написана во второй половине V века) порицает «нерадение о мудрости и неразвитость ума» предков, не оставивших письменных свидетельств о себе и своей стране. «Да падут на них слова моей укоризны, — говорит историк и, дабы в своих упреках не быть голословным, продолжает: — И хотя мы народ небольшой и весьма малочисленный, силою слабый, часто находившийся под чужим господством, однако и в нашей стране много совершено подвигов мужества, достойных описания».

Хоренаци в «обширном и полезном труде» впервые изложил историю армянского народа. Он впервые записал армянские языческие мифы и эпос. В своей «Истории» он приводит высокие образцы языческих песен, распеваемых в области Гохтн:

В муках Рождения пребывало Небо,
Пребывала Земля в муках Рождения,
В муках Рождения было и розово-красное Море.
Томилась в муках Рождения
Красная Тростинка в Море.
Из горлышка Тростинки выходил дым,
Из горлышка Тростинки выходило пламя,
Из пламени выбегал огненно-русый Отрок,
У Отрока кудри из огня,
Борода — из пламени,
А очи у него — как два солнышка.
(Перевод Л. Мкртчяна)

Эта песнь о рождении Ваагна, языческого бога солнца и грозы, по сути своей — поэтическое описание восхода солнца. Языческое мировосприятие было во многом поэтическим. Боготворимая природа ассоциировалась с человеком и выражала его.

Об армянской языческой культуре мы бы знали, очевидно, гораздо больше, если бы разрыв между принятием христианства в Армении (301 год) и созданием армянской письменности (405–406 годы) не исчис-

лялся бы отрезком времени в сто с лишним лет. Письменность «опоздала» на целое столетие. За это время идеологи раннего христианства сделали многое, чтобы уничтожить языческую культуру. А ведь дохристианская Армения прошла большой путь общественного и культурного развития. Языческая Армения в известной мере унаследовала культуру урартов. «В течение IX—VI веков до н. э. народами Урартского царства была создана сравнительно высокая древняя цивилизация, определившая культурное будущее исторической Армении», — писал академик Я. Манандян.

Позднее языческая Армения испытала благотворное влияние эллинизма. Особого расцвета армянская эллинистическая культура достигает во II—I веках до н. э. Армянский царь Артавазд II (I век до н. э.) был автором трагедий, речей и исторических трудов, написанных на греческом языке. По сведениям Плутарха, сочинения Артавазда были известны в начале II века н. э. «Они (парфянский царь Гирод и Артавазд. — Л. М.) задавали друг другу пиры с попойками, — пишет Плутарх, — часто бывали у них греческие представления, ибо Гирод был не чужд греческому языку и литературе, Артавазд же сочинял даже трагедии и писал речи и исторические сочинения, из которых некоторые еще сохранились».

При Артавазде в Армении были свои театры в Арташате и Тигранакерте. Здесь, по свидетельству того же Плутарха, ставили трагедии и самого Артавазда и греческих авторов, например «Вакханок» Еврипида.

До наших дней дошли высокие образцы армянской языческой архитектуры. На территории современной Армении в Гарни сохранились развалины единственного в своем роде языческого храма (в настоящее время храм восстановлен), сооруженного в I веке.

Первый период древнейшей армянской литературы приходится на последние века до нашей эры и на первые три столетия нашей эры, вплоть до принятия армянами христианства. Для этого периода армянской литературы характерны мифы и народный эпос.

Второй период раннесредневековой армянской литературы (IV—IX века) начинается в первые десятилетия четвертого века, после того как христианство стало в Армении официальной религией. Это литература эпохи утверждения христианства, и в целом она подчинена идеологическим задачам религии и борьбе за национальную независимость (в 387 году Армению поделили между собой Персия и Рим, затем, в VII веке, страну завоевали арабы). Народ боролся против иноземного гнета. Против персидского, византийского и арабского ига вспыхивало одно восстание за другим в V, VI, VIII, IX столетиях. В этот период мощно звучат патристические мотивы в произведениях писателей и историков, в народном эпосе о сасунских богатырях.

Сразу же после того, как была закончена работа над армянским алфавитом, создатель письменности Месроп Маштоц (361—440), его сподвижники и ученики занялись творческой деятельностью — переводом Библии. В V—VII веках были переведены с греческого и сирийского на армянский язык сочинения богословские, философские, научные и художественные. Эти книги стали частью армянской культуры, оказали влияние на ее формирование. Исключительное значение деятельности переводчиков

для развития национальной культуры было полностью осознано уже в V веке, когда наиболее выдающихся из них причислили к лику святых, когда учредили «таркманчанцтон» — праздник переводчика.

Первыми армянскими писателями были переводчики. Месропу Маштоцу и Сааку Партеву приписывается авторство ряда духовных песен — кцурдов, то есть своеобразных переложений библейских псалмов и гимнов, названных позднее шараканами.

Есть у Месропа Маштоца молитва о том, что его одолевают враги, что всюду его настигает «море жизни», от которого ему не уйти, не спрятаться, и он просит бога помочь ему. Один из шараканов Маштоца воспринимается нами как исповедь человека, обуреваемого губительными страстями:

Подвергнут опасностям и мукам я
Из-за множества моих грехов.
Бог умиротворяющий, помоги мне!

Вихри моих беззаконий
Взволновали меня, я — как море в непогоду.
Царь умиротворяющий, помоги мне!

И грехи мои как море
Глубокое, беспокойное, — я во власти волн.
Добрый кормчий, спаси меня!
(«Подвергнут опасностям и мукам я...»)

Пусть в этих признаниях выразилась христианская доктрина о виновности человека, но примечателен самый факт обращения поэта V века к миру внутренних душевных потрясений.

Религиозные поэты раннего средневековья проникновенно писали о христианских подвижниках, воспевая красоту и величие их духовного подвига. Армянская поэтесса VIII века Хосровидухт Гохтнаци (уже в эпоху раннего средневековья женщина играла в общественной жизни значительную роль) написала запоминающийся шаракан о Ваане из Гохтна, христианине-мученике:

О блаженный владетель Ваан, избранный среди дворян-азатов!
Как храбрый воин, готовый к сраженью,
Ты мужественно кончил жизнь свою у южных народов,
О блаженный владетель Ваан, князь Гохтна!
(Подстрочный перевод)

Старшей современницей Хосровидухт была Саакадухт Сюнеци (VIII век) — первая армянская поэтесса. Она, как и Хосровидухт, прославилась своими духовными стихами.

Самый ранний известный историкам армянской литературы памятник светской поэзии — это знаменитый «Плач на смерть великого князя Дживаншира», принадлежащий перу Давтака Кертога (VII век).

«Плач...» дошел до наших дней благодаря тому, что Моэсес Каганкатвацци писал в своей «Истории Агван» о князе Джеваншире и процитировал стихи на его смерть. У Кертога были, очевидно, и другие, не дошедшие до нас произведения. Каганкатвацци пишет о нем как об «известном риторе», сведущем в науках. Речь Давтака, свидетельствует историк, «изобиловала украшениями в слоге», изъяснялся он красноречиво, «подобно скоропишущему перу» (имеется, очевидно, в виду импровизаторский дар Кертога).

«Плач...» имеет одну любопытную особенность — в подлиннике начальные буквы строк воспроизводят армянский алфавит. Это своеобразный акrostих. Но только ли из уважения к своему языку Кертог избрал подобную форму стиха, и нельзя ли предположить, что поэт хотел подчеркнуть таким образом свое отношение к Джеванширу как к государственному деятелю, которого оплакивает он всеми письменами, всеми звуками родной речи?

Армения VIII и IX веков вела борьбу против арабского владычества (в 640 году арабы напали на Армению и захватили город Двин). В этой борьбе народ завоевал себе свободу, в борьбе создавался величайший памятник народной литературы — эпос «Давид Сасунский». Стихотворный эпос как бы связует собою VII век армянской поэзии с X, озаренным творческим гением Григора Нарекаци (951–1003).

Творчество Нарекаци — начало нового, *третьего* периода (X–XII века) средневековой армянской литературы, периода зрелого христианства, когда все более углубляется интерес к духовному, внутреннему миру человека. Вера, казалось бы, еще незыблема, но кричащие жизненные противоречия уже стали темой поэзии, темой личных душевных мук великого поэта армянского средневековья Григора Нарекаци, автора знаменитой поэмы «Книга скорби».

Григор Нарекаци был ученым монахом, и жизнь поэта в монастыре Нарек на берегу озера Ван внешне была спокойной, может быть, даже однообразной. В непогоду волны могучего озера в гневе вздымались и падали и вновь яростно вздымались и рушились. А поэт, запертый в смиренном монахе, смотрел на разбушевавшуюся стихию, размышлял о жизни и писал:

Моя жизнь напоминает мне бурное море,
Моя душа в обиталище тела подобна кораблю,
Колеблемому ударами бесчисленного множества
валов...

Поэтому не ошибусь, если сравню море
С моим душевным смятением¹.

Воображение разгоралось, сравнения вели за собой другие сравнения и образы, душевное смятение выражалось во все новых и новых сложнейших развернутых метафорах:

¹ «Книга скорби» цитируется в подстрочном прозаическом переводе Л. Мкртчяна и М. Дарбинян.

Грянула в середине лета зима,
Нагрянула с вьюжными метелями
И бурным натиском нарушила мой покой,
Корабль под ударами свирепых волн утонул,
Сломались уключины,
Мачта, поднимающаяся вверх, была сорвана.
Крылья паруса были изодраны на мелкие кусочки,
Которые невозможно сшить,
Великолепное сооружение обезобразилось,
Натянутые канаты порвались,
Накренилась смотровая вышка,
Веревочные снасти разодраны,
Основание якоря расшатано,
Толстые связки креплений расчленены.
Киль, подпирающий остов,
И основание руля погружены в воду,
Обшивку днища попорчена...

И этот ряд образов не исчерпывает стержневого для 25-й главы «Книги скорби» сравнения: душа — утонувший корабль. Надежды, живущие в ней, рождают новые образы для своего воплощения:

Возможно ли многократно разбитый ковчег
Моего тела увидеть хоть когда-нибудь
обновленным?
Неужто возможно разбитый корабль
Моей скорбной души увидеть невредимым?

От этих образов, еще связанных со стержневым сравнением (душа — корабль), поэт идет к новым образам, к новой надежде:

Ужели настает для меня,
Вскормленного во мгле и омраченного,
Утро восхода?..
Ужели увижу я капли дождевые,
Под которыми зазеленеют
Луга моей души?

Нарекаци — трагический поэт. Он хотел сказать, сколь он грешен как христианин, преступивший религиозные заповеди, и сколь велико его стремление очиститься от грехов. Но об этом писали тысячи апологетов христианства. Нарекаци же написал о крушении своей жизни. Рушится человек и рушатся миры, потому что велика, масштабна личность поэта.

Монологи Нарекаци («Книга скорби» состоит из 95 глав-монологов) переходят в диалог, в горячий, острый спор лиц, противостоящих друг другу и воплощенных в одном лице. Вообще говоря, монолог в чистом виде

невозможен. Монолог всегда предполагает лицо, к которому обращается говорящий. Этим другим лицом может быть и сам говорящий.

Нарекаци в своих монологах пишет о себе и во втором, и в третьем лице. Это и стилистический прием, и осознание разорванности, раздвоенности своей личности. Поэт не может существованием бога оправдывать жизненные противоречия. Для него идея бога и *эта* столь неразумно устроенная жизнь — вещи несовместимые. Он не приемлет мир и прежде всего не приемлет себя как средоточие несправедливого мира.

Творец и мир, им созданный, — это тождество. Отрицая дело рук творца, мы нарушаем тождество. «Истинная вера, — говорит Гегель, — не заботится о том, соответствует ей разум или нет, и не соизмеряет себя с разумом, а *полемическая* вера хочет верить вопреки разуму». Полемическая вера Нарекаци — явление для той эпохи прогрессивное, открывающее возможность оценки и критики мира социальных контрастов с точки зрения жизни людей, с точки зрения интересов человека.

Нарекаци жил в эпоху сравнительно благополучную для Армении. В XI веке Армения вновь утратила свою самостоятельность. Столица средневековой Армении город Ани был взят в 1045 году византийцами, а в 1064 году — турками-сельджуками. В конце XI века на берегу Средиземного моря возникло Киликийское армянское княжество (царство), павшее в 1375 году. Киликийское царство образовалось и существовало под знаком борьбы армянского народа за свою независимость. Крупнейшим поэтом и общественным деятелем Киликийского царства был Нерсес Шнорали (XII век). Особую известность приобрела в средние века поэма Шнорали «Плач об Эдессе», призывающая христианские народы к единению.

В творчестве Шнорали явственнее, чем у Нарекаци, также использовавшего фольклор, прослеживаются заимствования из народно-поэтических произведений. Шнорали — автор стихотворных загадок, написанных на основе фольклора.

Знаменит Нерсес Шнорали и как мастер стиха, он виртуозно владел словом и многое сделал, в частности, для развития рифмы в армянской поэзии.

Учеником Нерсеса Шнорали, развившим его достижения в области стихотворной формы, был его племянник (сын брата) Григор Тха (1133?—1193) — видный поэт Киликийской Армении. «Горяча во мне любовь к богу, но холода близки, хочу взрастить зерна, но воздух зноен и зол», — сетовал Тха.

Армянские поэты средних веков свои стихотворения, даже поэмы, часто писали на одну и ту же рифму. Григор Тха преодолел вслед за Шнорали эту условность. У него есть строфы с рифмами парными (аабб), перекрестными (абаб) и кольцевыми (абба).

Четвертый период армянской средневековой лирики приходится на XIII—XVI века. Литература этого периода богата именами и книгами великих поэтов-гуманистов. В эти века были созданы произведения социально острые и значимые. Это и период расцвета любовной лирики.

Отсутствие социальной справедливости, разрыв между той, «греховной», жизнью, которую вели верующие, и той, которую они должны были

вести согласно христианскому учению, порождали поэзию трагических переживаний. «Почему богом дается власть злым людям, если он сам добр и знает, что это не приносит пользы?» — спрашивал Ованес Ерзнкаци Плуз (ок. 1230–1293) — поэт и философ. «Жизнь эта не является справедливой, — писал он. — Она неровна и негладка, ибо мудрые не удостоиваются почитания. Нравственные и хранители святынь в большинстве случаев страдают от несправедливости, а злые и несправедливые, наоборот, удостоиваются почитания и славы и наследуют власть».

Высказывания Ованеса Ерзнкаци характеризуют его как человека, остро реагирующего на всякую несправедливость.

В своих философских сочинениях Ованес Ерзнкаци оставался поэтом, что, конечно, не снижает научного значения его трудов. Вместе с тем философична его поэзия, особенно его короткие нравоучительные стихотворения.

С именем Ованеса Ерзнкаци связана знаменитая средневековая любовная поэма «Ованес и Аша» (авторство Ерзнкаци не вполне еще доказано). Есть мнение, что поэма о любви христианина Ованеса и мусульманки Аши автобиографична. Герои Ерзнкаци с легкостью преодолевают религиозные барьеры. А ведь в условиях средневековой религиозной нетерпимости подобная жизненная коллизия могла бы иметь трагическую развязку. В Армении, завоеванной в середине XIII века монголами, заставляли христиан, как сказано в одной памятной записи XIV века, «пришивать на спину черную нашивку, дабы люди, увидев их, узнали, что это христиане, и поносили бы их».

О личности ранимой, не понятой современниками, говорят стихи Костандина Ерзнкаци (XIII — начало XIV века). Его поэзия явно автобиографична. Неудовлетворенностью, внутренним разладом с самим собою К. Ерзнкаци близок Григору Нарекаци, духу его мятежной поэзии. «Незнаком душе покой, и не придет радость ко мне», — пишет К. Ерзнкаци.

Стихами, изображающими контрасты жизни, известен поэт XIII — начала XIV века Фрик. Его стихи — это крик о боли, рожденной теми самыми «проклятыми вопросами», что с неизбежностью встают перед всеми, кто угнетен. По его стихам мы догадываемся, что он потерял семью, потерял детей, был преследуем судьбой, о которой писал: «Ты с правым во вражде всегда, а твой любимец — вор иль плут».

Конфликты социальные и политические часто воспринимались в средние века как проблемы нравственные — кто-то зол, кто-то добр и идет в мире вечная борьба Добра со Злом. Нравоучительны, а порой и дидактичны стихи Хачатура Кечареци (XIII — начало XIV века), Аракела Сюнеци (ок. 1350–1425). Мкртича Нагаша (1393 — 70-е годы XV века), Керовбе (XV век)...

Нетрудно заметить у средневековых армянских авторов общие идеи, сходные концепции, близкие оценки человека и раздумья о его месте в жизни.

Выдающимся явлением армянской поэзии средних веков стали айрены. Это песни любовные, иногда дидактические, состоящие, как правило, из четырех стихов по 15 слогов. Стих делится на два полустишия из семи и

восьми слогов (с ударением в первом полустихе на 2, 5 и 7 слогах, во втором полустихе на 3, 5 и 8 слогах).

Большинство айренов дошло до нас в рукописях XVI века. Встречаются айрены и в более ранних рукописях. Считалось, что автор айренов Наапет Кучак, поэт, живший в XVI веке в селе Хараконис близ Вана. Но уже в брюсовской антологии «Поэзия Армении» (1916) было сказано, что Наапет Кучак, автор айренов, — это другой Кучак, не тот, что жил в Хараконисе. «Теперь установлено, — писал В. Брюсов, — что подлинный Кучак не имеет ничего общего, кроме имени, с тем поэтом Кучаком, который жил в начале XVI века в области Вана: Наапет Кучак, по-видимому, был родом из окрестностей Акина (Эгины), так как стихи его по языку, по складу, по отдельным выражениям близко напоминают местные народные песни».

Такие современные ученые, как, например, Л. Хачикян и Ас. Мнацаканян, считают, что правильнее датировать айрены XIII–XIV веками. В своих работах они показывают, как легко объяснить айрены и идеи, выраженные в них, именно этими веками и как трудно без натяжек отнести их к эпохе более поздней. Сейчас айрены изучаются именно как стихотворения XIII–XIV веков¹. Но имя Наапета Кучака за ними закрепилось. При всей близости айренов к фольклору, трудно их от нести к народным песням, растворить в общем потоке устного творчества. Стилистическое, идейно-тематическое изучение айренов показывает, что именно один поэт довел эту древнюю стихотворную форму, встречающуюся еще в X веке у Нарекаци, до совершенства. Слишком явственно ощущается в них авторская индивидуальность.

Автор айренов нам неизвестен, мы не знаем его биографии, но мы знаем его стихи (осталось то, что написано, осталось самое главное), и мы можем сказать, что такой поэт был и жил он в XIII–XIV веках.

О времени создания айренов можно судить по их языку, по той городской среде, в которой они бытовали, и по их содержанию. Большинство дошедших до нас айренов — это стихи о любви, свободной от канонов, любви, знающей одну только власть — власть сердца. Это песня страстных, неожиданных, причудливых признаний в любви. Это стихи о великой красоте женщины...

В XIV–XV веках получает в армянской поэзии права гражданства так называемый восточный стиль. Восточная необузданность и многокрасочность слова проявились в творчестве Ованеса Тлкуранци (XIV–XV века). Он, словно изжаждавшийся любовник, которого угнетала немота, одаряет любимую множеством эпитетов. От неразделенности чувств стих у поэта неровный, мятущийся, а «огонь любовный» разгорается еще сильнее.

И когда мы встретились глазами,
Как свечу, меня спалило пламя.
Обезумев, я на месте замер,
Ибо понял: я ей — не чета.
(«Встретил я красавицу нежданно»)

1. См.. Наапет Кучак. Сто и один айрен. 2-е издание. Ереван, 1976; Армянская классическая лирика, т. II, Ереван, 1977.

Ованес Тлкуранци — один из открывателей в Армении традиционного, перегруженного чувственными образами слога восточной лирики, слога, который в последующие века бездумно эксплуатировался подражателями.

Известен Ов. Тлкуранци и как автор патриотической поэмы «Песнь о храбре Липарите». Липарит — историческое лицо, жившее в XIV веке. Он был спаранетом (командующим войсками) и прославился своими подвигами в борьбе с мамелюками.

Традиции любовной лирики Ованеса Тлкуранци развивает в своих лирических стихотворениях Григорис Ахтамарци (XV–XVI века). Стилистически его стих еще более красочен, чем у его предшественников. Однако наиболее сильное стихотворение Ахтамарци «Песнь скорбная о том, кто выстроил дом и разбил сад» написано сдержанно, без обилия красок, характерных для лирики Ахтамарци вообще. (Поэтому, очевидно, некоторые литературоведы оспаривают принадлежность «Песни...» Григорису Ахтамарци.) «Песнь...» — это монолог о неудавшейся жизни, о той печальной истине, которая стала пословицей: «Когда дом построен, в него входит смерть».

В армянской действительности средних веков одна историческая катастрофа сменялась другою. Вследствие почти 150-летнего монгольского ига Армения экономически и политически ослабла. В середине XVI века произошел первый раздел Армении между Турцией и Персией; в начале XVII века напал на Армению Аббас I, известный своей жестокостью и насильственным переселением армян в Персию; в 1639 году произошел второй раздел Армении между Турцией и Персией.... И хотя культурная жизнь в Армении не прекращалась, веяния времени слабо проникали в поработленную и лишенную самостоятельности страну. Армянские поэты конца XVII и XVIII века, то есть нового времени, по существу продолжают и завершают средневековую литературу (идеи, стиль, тема, образы). На эти два столетия приходится последний, *пятый* период армянской литературы — позднее средневековье. В этот период особую популярность приобретает в Армении так называемая ашугская поэзия, поэзия народных певцов. Народный стих поднял до уровня высокого поэтического мастерства Нагаш Овнатан (1661–1722). Гениальные образцы стихов в духе ашугской песни находим у Арутина Саят-Новы (1722–1795). (Писал он на трех языках — армянском, грузинском и азербайджанском. И соответственно — признанный поэт в Армении, Грузии и Азербайджане.)

В стихах Саят-Новы поражает обилие образов. Он поистине чарует «жемчугами» речей. Поэт обращается и к традициям армянской лирики, и вообще к щедрым краскам восточных культур, к песенному творчеству народов Закавказья и, разумеется, к самой действительности, питавшей его творчество. В этом буйстве слов и красок проявился большой мастер, искусно повелевавший миром метафор и сравнений, в которых сливались поэзия жизни и поэзия воображения.

Время, когда столь блистательно завершил средневековую поэзию Армении Саят-Нова, было также началом *новой* армянской литературы. Как ни велик был гнет турецких и персидских завоевателей, назревало в Армении XVII–XVIII веков движение, имеющее целью освобождение

страны. Один из выдающихся армянских общественных деятелей Израел Ори отправился в 1701 году в Москву. Он был принят Петром I, он просил русского царя помочь армянскому народу в его борьбе с иноземными завоевателями. Петр I обещал свою помощь и, присвоив Израелу Ори чин полковника, отправил его в 1707 году в качестве своего посла в Персию. Этот шаг был предпринят с целью подготовки будущего похода русской армии в Персию. Персидский поход Петра I (1722–1723) активизировал в Закавказье борьбу угнетенных христианских народов с их поработителями.

Идея новой, освобожденной Армении занимала умы литературных и общественных деятелей XVIII века. Они стремились создать литературу патристическую, отвечающую злобе дня, не было, однако, в то время единого, доступного для всех слоев народа литературного языка...

Армянские поэты раннего средневековья писали на *грабаре* — древнеармянском языке. Уже в V веке это был язык богатый, литературно сложившийся. С XII века грабар постепенно выходит из употребления и уступает свои права близкому разговорной речи среднеармянскому языку.

К XVII–XVIII векам и среднеармянский язык стал малопонятен, отделился от живой разговорной речи, хотя по сравнению с грабаром, давно уже ставшим мертвым языком, обладал (в смысле доступности) неоспоримым преимуществом. И тем не менее некоторые деятели армянской культуры XVII–XVIII веков полагали, что надо возродить грабар как язык литературы. Писали на грабаре Багдасар Дпир, Акоп Налъян, Петрос Капанин, Акоп Шаамирян, Симеон Ереванци, Григор Ошаканци и другие поэты и общественные деятели XVII–XVIII веков. Писали на грабаре еще и в XIX веке. Но культивируемый многие десятилетия язык не привился, хотя и старались грабароязычные поэты писать на так называемом простом грабаре. Вместе с тем литература, созданная в XVII–XVIII веках на грабаре, представляет безусловный интерес, хотя стихи и Багдасара Дпира, и Петроса Капанци, этих наиболее видных поэтов, писавших на грабаре, были «закрыты» для простолюдина. «Книги же наши написаны на *грабаре*, а наш новый живой язык *не в почете*, и никак не могу в словах выразить сердечную тоску», — сетовал Хачатур Абовян (1809–1848).

2

В 1828 году произошло великое для исторических судеб армянского народа событие — Восточная Армения была присоединена к России. Это было началом новой, обнадеживающей исторической полосы в жизни армянского народа, освободившегося от векового ига, получившего возможность национального возрождения. Во многом именно 1828 год определил зарождение, идейное и эстетическое содержание новой армянской литературы. Ее основоположником явился Хачатур Абовян. Свой роман «Раны Армении» он написал на *ашхарабаре*. И до него писали на новом армянском языке, однако «Раны Армении» — первое великое произведение, созданное на ашхарабаре. Значение романа определяется не только его языком, но и его идейной концепцией.

Уже предшественники Хачатура Абовяна (Абовян известен и как автор стихотворных басен, лирических миниатюр, восходящих к фольклору) стремились обновить образную и идейную структуру языка армянской поэзии. Это и названные выше поэты XVIII столетия. Это и Ован Ванандеци (1772–1841), автор исторических романов в стихах, и Арсен Багратуни (1790–1866), поэт, переводчик, видный представитель армянского классицизма. Это, наконец, Арутюн Аламдарян (1795–1834) и Месроп Тагиадян (1803–1858), авторы ряда романтических стихотворений и поэм. Но как бы высоко мы ни ставили лирику Аламдаряна, Тагиадяна и, в особенности, Абовяна — их поэтическое творчество не имело того определяющего значения для новой армянской поэзии, как роман «Раны Армении» для прозы.

Новые социальные и политические идеи, характерные для зарождающейся новой армянской поэзии, полно выразились в творчестве Микаэла Налбандяна (1829–1866). Поэт, публицист и критик, он обогатил армянскую общественную мысль идеями русских революционных демократов. Он был их соратником. Он дружил с Герценом, Огаревым, Бакуниным. В совместном письме от 24 июня (6 июля) 1862 года Огарева и Герцена Н. А. Серно-Соловьевичу читаем о Налбандяне: «...Золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости» (Огарев); «...это преблагороднейший человек — скажите ему, что мы помним и любим его» (Герцен).

Революционный талант Налбандяна получил свое развитие в конце 50-х и в самом начале 60-х годов, в пору его сотрудничества в известном демократическом журнале «Юсисапайл» («Северное сияние»). Идеал Налбандяна — служение отчизне. Он стремится пробудить в читателе патриотические, гражданские чувства. Думы о судьбе родины приводят к мыслям о необходимости революционного переустройства действительности. В стихотворении «Дни детства» он писал:

Не лира нежная теперь нужна —
В руке бойца неотвратимый меч.
Огонь и кровь на голову врага!
Вот жизни смысл, вот боевая речь!
(Перевод В. Звягинцевой)

Патриот и революционер — это для Налбандяна понятия взаимно обуславливаемые. Поэтому он клеймит (стихотворения «Жизнь», «Мнение глупцов об учении», «Вспомынем», «Крещение Кндук-Почата») тех «деятелей», которые потеряли свое гражданское, а значит, и национальное лицо. В стихотворениях, написанных Налбандяном — узником Петропавловской крепости (он был арестован в июле 1862 года по делу «лондонских пропагандистов» и в ноябре 1865 года сослан в г. Камышин Саратовской губернии), он обращается к прошлому, к героическим страницам армянской истории, в частности — к образам Месропа Маштоца, создателя армянской письменности (405–406) и Ваагна Мамиконяна, предводителя восстания армянского народа (481–485) против персидских завоевателей. Он пишет о классовом неравенстве, классовом гнете:

Мы вновь говорим? А не видите: брат
 Кровь братскую пьет; хуже пришлого свой...
 («*Ответ великого Вагана Мамиконяна*»)

Налбандян мечтал о времени, когда армяне объединятся и вступят в борьбу во имя свободной и обновленной родины. Вершина поэтического творчества Налбандяна — его стихотворение «Свобода»:

«Свобода!» — восклицаю я.
 Пусть гром над головою грянет,
 Огня, железа не страшусь,
 Пусть враг меня смертельно ранит,
 Пусть казнью, виселицей пусть,
 Столбом позорным кончу годы,
 Не перестану петь, взывать
 И повторять: «Свобода!»

Это стихотворение получило в Армении широкую известность и вдохновляло не одно поколение борцов за свободу и социальную справедливость. «Из наших выдающихся литературных и политических деятелей его (Налбандяна. — Л. М.) вдохновляющее воздействие испытали Раффи и Церенц, в начальный период их творчества также Смбат Шахазиз и Ов. Туманян. Его воздействие на нашу литературу не прекратилось до сих пор», — писал Аветик Исаакян.

Во второй половине XIX века в армянской поэзии работала плеяда лириков, главное в творчестве которых — свободолобивые, общенациональные политические идеи и мотивы. Еще в 40-х годах начал свою литературную деятельность Гевонд Алишан (1820–1901). Проживший всю жизнь на чужбине (родился в Константинополе, учился и работал в Венеции, в Париже), так и не увидевший Армении, он служил ей ревностно как ученый и поэт. Он оглядывался в прошлое, изучал рукописные источники, чтобы послужить настоящему, его вдохновляли герои армянской истории («Песни о родине», «Песни патриота»). Патриотические мотивы стали во второй половине XIX века общими для всей армянской литературы. Идея служения родине, идея освобождения Западной Армении от османского ига захватила всю армянскую литературу.

«О чем скорбишь, печальный сын
 Скалистых гор, дитя долин?...»
 ...— «Я жажду пуль, кровавых встреч,
 Хочу в руках держать я меч!» —

писал Мкртич Пешикташлян (1828–1868) в стихотворении «Зейтунский армянин». И не было такого поэта, для которого тема подвига во имя родины не стала бы его личной, выстраданной темой. «Прежде гражданин и только потом поэт», — писал Смбат Шахазиз (1841–1907), следуя известному стихотворному афоризму Некрасова. Шахазиз прославился своей

поэмой «Скорбь Левона». Это скорбь по Армении, по родине и вместе с тем — размышления о путях возрождения родной земли. Геворг Додоян (1830–1908) в стихотворении «Цицернак» («Ласточка») талантливо выразил чувства тех армян, которые жили вдали от родины и, томимые ностальгией, были охвачены патриотическими идеями.

Самой крупной и характерной фигурой армянской патриотической лирики второй половины XIX века был Рафаел Патканян (1830–1892). Его творчество способствовало пробуждению социального и национального самосознания армянского народа. Патканян хотел видеть в каждом из своих соотечественников гражданина, борца. Он гневно обличал мещанство, себялюбие. Он был непримирим к тем, кто жил одной лишь заботой, — деньгами. Сам поэт бедствовал. Гр. Чалхушьян, близко знавший поэта, писал в своей небольшой книжке «Армянская поэзия в лице Рафаила Патканьяна» (Ростов-на-Дону, 1886): «Хлеба, хлеба побольше вместо лавровых венков».

Патканян — автор многих сатирических произведений. Он едко высмеивал недорослей, кичащихся своей европейской «образованностью», высмеивал ловкачей, приберегших для народа высокие фразы и считающих себя на этом основании национальными деятелями, чуть ли не героями, требовал активной, действенной любви к родине:

Ты много учился, стал ученым,
Тебя всюду прославляют,
Но если от твоей учености
нет Армении пользы,
Плевали мы на тебя и
на твою ученость.
(Подстрочный перевод)

В 70-х годах прошлого века благодаря русско-турецкой войне 1877 — 1878 годов появились надежды на освобождение Западной Армении, изнывавшей под тяжелейшим гнетом турецких поработителей, вынашивавших планы физического истребления армянского народа. Рафаел Патканян стал выразителем этих чаяний. В его стихах много горечи, боли, даже отчаяния. Но главное в его лирике — энергичные, призывные интонации, воодушевляющие на борьбу с угнетателями. Патканян был поэтом острой социально-политической темы.

Рафаел Патканян и его лирический герой знают, что свобода обретается в борьбе, что она никогда не была и не будет кем-то дарована. Ее надо завоевать. «Знаешь ли, где твое счастье, слава и свобода? На острие твоего меча», — пишет Патканян. А в колыбельной («Песня матери Агаси») мать напевает сыну не о сладостных снах, а о борьбе. Воспитывать будущих героев-освободителей! Патканян дорожил этой мыслью и не раз к ней возвращался:

Когда для жизни трудовой
Средь мук рождает сына мать —

Ему точеный острый меч
Отец в подарок должен дать!
(«Новое поколение мужцев»)

Патканян уповал на будущее. Как о примере для подражания он писал о Джузеппе Гарибальди. «И сколько, сколько и ты, и мы — весь народ. — говорил он, — всегда будем краснеть от того, что в продолжение шести столетий ни одна армянка не сумела родить Гарибальди».

Наиболее популярное стихотворение Патканяна — это знаменитое «Слезы Аракса». Аракс — река, символизирующая Армению. Так Волга в русских песнях — символ России и русского народа. Поэт приходит со своими думами к родной реке, приходит как к матери и слышит здесь песню национальной трагедии. Когда-то Аракс был рекой жизни. На ее берегах жил народ, выращивал хлеб, тесал камни... Теперь пустыньны ее берега, а воды что черные слезы беды:

И мне... зачем мне украшаться?
Красою чей мне тешить взгляд?
Мои сыны в плену томятся,
Мои враги везде царят...

«Слезы Аракса» стали общенародной национальной песней. Патканяну как автору «Слез Аракса» посвящали стихотворения.

Он пришел к Араксу,
Тайной думы полн, —
И душою понял
Ропот мутных волн, —

писал поэт Левон Манвелян (1864–1919; перевод Ив. Белоусова). В конце XIX — начале XX века Патканян был одним из самых переводимых армянских поэтов. Стихотворения Патканяна в русских переводах вошли в изданный в 1894 году в Москве сборник «Армянские беллетристы, драматурги и поэты». Сборник был запрещен цензурой. Цензор В. Назаревский в своем донесении от 4 марта 1894 года предостерегал, что «боевой патриотизм, презрение к апатичным или отсталым армянам могут питать и общечеловеческие мечты», то есть могут найти отклик не только в армянской среде. Он писал, что «Патканяну приписывается роль вдохновителя молодого поколения, народного трибуна». Цензор доносил также о стихах поэтов, близких Патканяну, замечая, что «звон гарибальдийских мечей не дает... покоя Шахазизу». Недовольство цензора вызывали гражданские идеи армянских поэтов, его беспокоило то, что было созвучно времени, эпохе, предшествующей первой русской революции, и что привлекало русских переводчиков. Среди переводчиков армянской поэзии той поры мы встречаем имена рабочих поэтов Егора Нечаева и Федора Шкулева, впоследствии написавшего знаменитое стихотворение «Мы кузнецы, и дух наш молод...». Шкулев перевел стихотворение Патканяна «Протест против Европы»:

Руки наши связаны, ноги в кандалах...
Голоса Европы слышатся кругом:
«Что ж вы не восстанете с саблями в руках?
Будьте же за это вечно под ярмом!..»

А если мне исчезнуть суждено,
 Беззвучно, безответно пасть на дно, —
 Дай бледной молнией теперь же стать,
 Над именем твоим, восстав, кричать.
 Что ты — «бог мести», впиться в грудь твою
 Проклятием, подобно острию!

Так стихотворения, казалось бы камерные, замкнутые, приобретали общественное звучание. Лирика Дуряна выстрадана, она личностна и она же масштабна.

В одном из своих писем Дурян говорил о «гениях, которые могли бы яркой кометой пронестись по небосклону человечества», но им не благоприятствовала жизнь и они погибали. Он как бы предвидел свою судьбу. Он сгорел, не дожив и до двадцати лет... Его стихи — словно языки пламени. Огненные языки, подхваченные ветром, тянутся ввысь, разгораются. И слово поэта освещает. И слово жжет...

Новая армянская поэзия сложилась не сразу, формировалась не одно десятилетие. Многие поэты XIX века внесли свою лепту в становление новой армянской литературы, и среди них Дживани (1846–1909) — народный певец, продолжатель песенных традиций Нагаша Овнатана и Саят-Новы. Дживани писал о жизни и жизненных невзгодах с точки зрения народа и языком народа. Его песни вобрали в себя народное миропонимание, в них нашли отражение тяготы народной жизни. Он пел грустные песни о быстротечности и суетности жизни, о том, что беды минуют нас, они не вечны:

Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут — уйдут.
 Всему есть свой конец, не плачь! Что бег минут: придут — уйдут...
 Тоска потерь пусть мучит нас; но верь, что беды лишь на час:
 Как сонм гостей, за рядом ряд, они снуют: придут — уйдут.
 («Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут — уйдут»)

Дживани слагал свои песни, следуя этическим и эстетическим нормам народной лирики. Песенная, фольклорная эстетика всегда дидактична. Призвание народных певцов — учить, пробуждать добрые чувства.

Славнее тварей всех земных, — кто выше нас, людей?
 Но сотни тысяч раз, увы! — как низок нрав людей!
 ...Умы людские — черных туч бездомные пути.
 Они не знают, что творят, куда, зачем идти, —
 («Люди»)

пел Дживани — ашуг и учитель (перевод П. Антокольского). И, конечно же, не о народе («они не знают, что творят...»), но о «хозяевах жизни» писал поэт, он их обличал...

Многое значила для новой, армянской литературы лирика Иоаннеса Иоаннисиана (1864–1929). Расцвет его творчества приходится на конец

XIX и начало XX века. Это было время, когда в общественной жизни не было прежнего общенационального воодушевления. Русско-турецкая война 1877–1878 годов не привела к освобождению Западной Армении и возрождению Армении в целом. В Западной Армении, подвластной Турции, усилился политический и национальный гнет.

И лучшие из нас падут в пылу сраженья.
И будут длительны дни скорби и томленья!
И приневолят нас влачиться под ярмом,
Но семя брошено — мы снова оживем!

Земля впитает кровь погибших за свободу.
Посевы новые она взрастит народу.
Замолкнет ураган, свершится правый суд.
И наши сыновья победу обретут, —

писал в 1887 году Иоаннисиан в стихотворении «Мы шли одним путем сквозь сумрак непроглядный...». Обратите внимание на дату — 1887 год! А ведь в 1877 году, когда началась русско-турецкая война, армянские поэты были полны радужных, но, увы, несбывшихся надежд. Поэтому Иоаннисиан пишет о предстоящих великих испытаниях, великих потерях. Но он же словно бы предвидел и грядущее спасение родного народа. Во истину, как птица Феникс, народ возродился из пепла после первой мировой войны, погромов, пожарищ и резни.

В поэзии Иоаннисиана, как и в лирике его современника Александра Цатуряна (1865–1917), нет боевых, призывных интонаций их непосредственных предшественников. Родина по-прежнему оставалась предметом любви и дум армянских поэтов, но громкоголосая Муза борьбы уступает место Музе страданий и народного горя.

Александр Цатурян пишет стихи, проникнутые чувством сострадания к трудовому народу, пишет о тружениках земли как о надежде родной страны. Он создает также стихи сатирические. Его сатира обращена своим острием к тем из соотечественников, кому чужды интересы народа, родины. Его знаменитое «Завещание...» обличает общество, в котором нет места писателю, деятелю национальной культуры:

Когда умру, — во имя неба,
Не воздвигайте мне гранитных глыб!
А положите корку хлеба и напишите:
«С голоду погиб...»

Александр Цатурян — автор и ряда любовных лирических стихотворений, оставивших в армянской лирике заметный след.

Конец века был ознаменован вступлением в армянскую литературу двух ее крупнейших поэтов — Ованеса Туманяна и Аветика Исаакяна.

Ованес Туманян (1869–1923) всенародно известен в Армении. Его поэмы и легенды, стихотворения, сказки, четверостишия — на устах у каждого

армянина. Илья Сельвинский сравнил Туманяна с Давидом Сасунским, героем армянского народного эпоса. «Когда Давид Сасунский, как говорит эпос, стал пастухом, он собрал стадо из ягнят, зайчат, лисиц и медведей. Сила его духа и обаяние власти были так велики, — писал Сельвинский, — что такое, казалось бы, несоединимое соединение представлялось ему и его стаду делом совершенно естественным. Об этих строфах эпопеи невольно вспоминаешь, читая Ованеса Туманяна. И действительно, его поэзия вмещает в себя самые разнообразные творческие жанры. И это не только разнообразие стиховых приемов, не только богатство голосовых регистров. Нет! Это редчайший дар великой поэтической натуры — обладание сразу несколькими строями души, могущими охватить бытие в его бесконечно больших и бесконечно малых величинах...»

Сельвинский точно и образно определил самую суть творчества Туманяна — разнообразие жанров, могучую эпическую силу его стиха.

Жанровое богатство творчества Туманяна обусловлено богатством идейным. Жизнь человека в произведениях Туманяна изображена широко, философски и в то же время — конкретно, в ее соотнесенности с родной землей, родным очагом и судьбами родного народа. Туманян для Армении больше, чем поэт. Он — ее язык, ее культура, выразитель народного мирозерцания...

Туманян — поэт по преимуществу эпический, тогда как Аветик Исаакян (1875–1957) — ярко выраженный лирик. Его лирика — пример народности, простоты и безыскусственности, которые доступны лишь немногим истинно великим талантам. Эту главную особенность творчества Исаакяна народ подчеркнул в слове Варпет (Мастер), с которым простые люди Армении обращались к своему поэту.

Разлад Исаакяна с дореволюционной действительностью, его мечты о жизни иной, справедливой, определили главное в его стихах: постоянное стремление к гармонии и совершенству, поиски близкой его сердцу дружественной души.

Думы о родине обусловили характер и развитие поэзии Исаакяна, ее основные мотивы. Лирика Исаакяна (многие его стихотворения стали народными песнями и очень любимы в современной Армении) была воспринята как песня о судьбах Армении в течение многих столетий ее упорного пути к освобождению и прогрессу. В одной из своих статей («Литературная газета», 1941, 11 мая) Исаакян писал, что «сущность армянской лирики составляют любовь к жизни, к человеку, жажда счастья, благоговейное восхищение красотой природы, тоска по родному очагу». Все эти качества присущи лирике самого Исаакяна. Как сказал Луи Арагон, в творчестве Исаакяна — «аромат розового сада многовековой армянской поэзии».

Александр Блок, переводивший в 1915 году лирику Исаакяна, заметил, что это поэт «первоклассный; может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет». Увлечение Блока Исаакяном склонны были объяснять «символизмом Исаакяна». Оказалось, однако, что Блоку 1915 года Исаакян потому и был дорог, что Блок увидел в нем поэта, далекого от символизма, поэта, приверженного к классической, на родной чистоте и ясности стиха. (Между прочим, в письме от 31 января

1926 года Исаакян подчеркнул, что его пленяли те поэты, в «творчестве которых была национальная, фольклорная стихия — Гейне, Гёте, Роберт Берне. Никогда Эдгар По, никогда Малларме. Ненавижу их». В том же письме он заметил, что никогда не увлекался поэзией Шарля Бодлера.) А вот Ваану Терьяну (1885–1920) русские и западноевропейские символисты действительно были близки. Поэтому именно Блоку стихи Терьяна поначалу предложили для перевода, но Блок отказался их переводить — для Блока 1915 года символизм был этапом пройденным.

Терьян обогатил армянскую поэзию стихами утонченными, эстетизированными по форме, а значит, и по содержанию. Он — один из самых изящных, музыкальных поэтов новоармянской литературы. Его лирика развивалась под знаком знаменитого афоризма Верлена: «Музыки, музыки прежде всего». Терьян — из тех поэтов, значение которых особенно велико внутри своей литературы. Здесь он — новатор, своим огромным, самобытным талантом подключивший родную литературу к поэзии мировой, к тому ее крылу, которое представлено именами Верлена и Бодлера, Блока и Брюсова.

900-е годы были для армянской поэзии годами плодотворными. В эти годы заявила о себе блистательная плеяда поэтов Западной Армении. Это — Сиаманто, Ваан Текеян, Даниел Варужан, Рубен Севак, Мисак Мецаренц. Они, как и Ваан Терьян, отдали дань символизму, в большей мере — западноевропейскому. Но главное в их творчестве то, что западно-армянские поэты, так же как и восточноармянские, жили одними и теми же интересами — судьбами родной земли, языка, народа.

Придавая первостепенное значение форме стиха, его отделке, Терьян и названные выше западно-армянские поэты никогда не ставили во главу угла формальные изыски как таковые. Их поэзия содержательна, она полна внутреннего драматизма и отражает трагизм армянской действительности той поры.

Ужель поэт последний я,
Певец последний в нашем мире? —

писал Терьян в стихотворении о родине (перевод В. Брюсова).

В 1915 году в Западной Армении было истреблено около двух миллионов армян. Были убиты и армянские поэты — Сиаманто, Варужан, Севак... Мотивы безысходности, мотивы вселенской боли, горя в стихах армянских поэтов начала века обусловлены самой действительностью — все шло от жизни, от национальной трагедии. «Из раны сердца наша песнь возшла!» — восклицал Рубен Севак (1885–1915). Его мучили своей неразрешимостью проблемы национальные и проблемы социальные, классовые. Он писал о жизни рабочих, сопоставляя жизнь бедных и богатых, обнажал контрасты, хотел, чтобы голос его звучал призывно, как колокол:

Проснитесь, добрые колокола!
Кто вырвал языки вам из гортаней?
(Перевод П. Антокольского)

Однако поэты хотя и стремились посвятить лиру борьбе, часто отчаивались и говорили о невозполнимых потерях — таково было положение армян.

Огибал я коварные рифы,
Но пришлось мне изведать и горе:
Растащили желания грифы,
Вера канула в темное море, —

писал Ваан Текеян (1878–1945) в стихотворении «Тридцатилетие». Правда, Текеян дожил до дней, когда Армения стала советской, возродилась. И он, всю свою жизнь проживший за рубежом, в зарубежных армянских колониях, с неизменной любовью и надеждой писал о Советской Армении. Но тогда, в начале века, действительность не предвещала лучшего будущего, подавляла своим трагизмом. Сиаманто (1878–1915) в своей книге «Факелы агонии и надежды» (1907) говорит о песнях-плачах:

Сегодня во сне я коснулся рукой сладкозвучной свирели моей.
К губам трепетавшим прильнула она поцелуем утраченных дней, —
Но память проснулась, прервалось дыханье, и, скрытая тьмою ночной,
Не песня лилась, а катилась слеза, а катилась слеза за слезой.
(«Мои слезы»)

Поэты, однако, не могут быть плакальщиками. И Сиаманто, написавший «Видение смерти» (Дамоклов меч повис над целым народом), искал для своего народа путей к будущему, к жизни, взвешивал, как говорил он о себе, судьбу родины весами Страдания и Спасения. Сиаманто написал о патриоте («он был красив, как жизнь, и добр, как брат, и грозен...»), завещавшем поэту создать песню, с которой бы люди шли на смерть во имя отчизны. С этой песней на устах, с песней, которую не дали ему допеть, пал Сиаманто от рук убийц.

Даниел Варужан (1884–1915), разделивший судьбу Севака и Сиаманто, начал свой путь обращением «К музе», стихотворением, в котором он выразил свое литературное, жизненное кредо: писать, как Абовян и Пешикташлян, писать об униженных и задавленных. И от этой общей декларации Варужан придет затем к песням о хлебе, о поэзии крестьянского труда, о рабочем празднике Первое мая... Он, как и Сиаманто, обращается к истории, к прошлому, но в отличие от поэтов-предшественников (Алишан, Пешикташлян, Патканян) исключает из поля своего зрения Армению христианскую. Он недоумевает, как можно было веками поклоняться богу, распятому на кресте, и думать, что он, *распятый*, поможет армянам. Варужан обращается к языческой, дохристианской Армении. Здесь он ищет жизненные истоки народа, ищет полновесные образы, яркие краски. Обращение поэта к язычеству — это прежде всего поиски человека цельного, верного себе и природе, человека, у которого и мысли, и чувства, и страсти еще не измельчали. Там, казалось ему, все было крупно, сильно, и языческая масштабность и многокрасочность мира еще не были усмирены, не были

унижены религиозными догмами о смирении и покорности. О. Мандельштам в своем известном стихотворном цикле «Армения» воспел, между прочим, черты языческой, так сказать, варужановской Армении: «Якорные пни поваленных дубов звериного и басенного христианства, Рулоны каменного сукна на капителях, как товар из языческой разграбленной лавки, Виноградины с голубиное яйцо...» «Язычество» Варужана было чертой, свойственной и его натуре. Он был человеком широкой души, и душа его была переполнена жизнью, а времена были так неблагоприятны для жизни и столь трагичны для армян. «Язычество» Варужана — понятие не однозначное. «Язычество» — это и его обращение к природе, его «Песня о хлебе». Варужан не искал идиллических картин сельской жизни, не уходил от противоречий, кричащих вопросов современности, он хотел сказать о предназначении человека — жить в мире и выращивать хлеб. «Язычество» — это и форма неприятия, форма критики действительности. И не случайно «языческий поэт» Варужан с таким пониманием и сочувствием писал о жизни рабочих, об их борьбе:

Поле и город — ваши владенья.
Улицею, непреклонны и яры,
юны и стары,
стяг поднимая, пойдете, и грянут
звонко фанфары.
(«Первое мая»)

Проникновенным поэтом природы (мечтательности звезд, таинственной непостижимости ночи, легкости предутренних сумерек, младенческих, еще не окрепших красок рассвета, ветра, заснувшего в листьях травы, туч, отяжелевших зернами хлеба...) был Мисак Мецаренц (1886–1908). Ночь для поэта — время грез и время ожиданий. В ночи — утро, в ночи — грядущий день. Полутона и некая захватывающая недоговоренность его стихов верно передают тончайшие переживания, «малые величины» чувств и настроений, в которых выражается многое — весь человек с его бесконечной, как мир, душой. Стих у Мецаренца радужный, трепетный, иногда зыбкий. Есть в его стихах и что-то от ворожбы, от колдовства. И какой-то щемящей грустью отмечена его лирика. Мецаренц умирал от туберкулеза. Но его судьба (поэт умер в 22 года) не заслонила от него все очарование мира, а оттенила богатство и многообразие жизни. И поэт Мецаренц оставил нам не холодную песнь уныния — его лирика полна любви к миру. И не будь жизнь поэта так несправедливо короткой, кто знает, какие новые песни сложил бы он?

В 900-е годы во всем Закавказье приобрел широкую известность пролетарский поэт Акоп Акопян (1866–1937). Профессиональный революционер, он вступил в РСДРП(б) в 1904 году, был подпольщиком, видным большевистским деятелем, работал вместе с известными революционерами: Степаном Шаумяном, Серго Орджоникидзе, Суреном Спандаряном, Микхой Цхакая, Камо. Проникнутая революционным оптимизмом поэзия Акопяна была новым словом для армянской литературы начала XX века. Он ввел в армянскую литературу новые темы, новые образы; перевел

на армянский язык тексты песен, близких ему как поэту и большевику: «Интернационал», «Марсельезу», «Смело, товарищи, в ногу...», «Варшавянку».

В полемических стихах Акопян отвергал традиционный образ поэта, певца звездной, неземной красоты: «Как ни чаруют голубые дали, есть близкий мир, мир скорби и труда». Ему была ясна историческая роль пролетариата, и его стихи о жизни и борьбе рабочих полны оптимизма, пафоса грядущих побед.

Поэзия Шушаник Кургинян (1876–1927), младшей современницы Акопяна, также связана своими истоками с жизнью и борьбой пролетариата. Революция 1905 года оказала сильнейшее влияние на творчество Кургинян. Она вместе с Акопяном создавала армянскую пролетарскую поэзию, писала стихи о рабочих и хозяевах, обнажала классовые противоречия и звала к борьбе.

Велико было воздействие на армянскую литературу животворных идей Октябрьской революции. Советская власть в Армении была установлена 29 ноября 1920 года, однако советская армянская литература начиналась в 1917 году.

3

Экономически отсталой, вконец разграбленной Армении предстояло в 20-х годах пройти трудный путь восстановления экономики, создания новых социальных отношений, нового строя. Силы народа — моральные и физические — были надломлены (первая мировая война, геноцид). Многого претерпел народ при дашнакских правителях в 1918–1920 годах. То были годы голода, болезней, террора. Советская Армения, широко поддерживаемая русским народом и другими братскими народами нашей страны, достигла выдающихся успехов — уже в первой половине 20-х годов было восстановлено разрушенное хозяйство и всюду началось новое строительство. Молодой Николай Тихонов побывал в 1924 году в Армении и тогда же написал цикл стихов, имеющий значение документа, свидетельства очевидца. «Клыки войны и пламени подрублены вокруг», — писал Тихонов в одном из стихотворений, кончающемся словами: «Перед азийской глубиной Племен, объятых ленью, Форпостом трудолюбья Красуется Армения».

В 1919 году, когда пролетариат Закавказья еще вел борьбу за советскую власть, Акопян написал ныне широко известное стихотворение «В. И. Ленин»:

Перед его портретом я стою.
Я всматриваюсь, глаз не отводя,
В черты лица его — и узнаю
Приметы гения, борца, вождя.
(Перевод А. Тарковского)

В 20-е годы Акопян воспекает первые крупные советские новостройки. Свою поэму о строительстве канала в Шираке он выразительно назвал «Ширканал-большевик» (1924). Одним из первых Акопян обратился

к теме электрификации и индустриализации страны, написав поэму «Волхов-строй» (1925). Эпиграфом к поэме взял он знаменитые слова Ленина: «Коммунизм = Советская власть + электрификация».

Известно, что уже первый стихотворный сборник Терьяна «Грезы сумерек» (1908) предопределил его значение для армянской лирической поэзии, однако лирика Терьяна следующего десятилетия — важный этап творчества поэта. Он создает гражданские, политически значимые стихотворные циклы — «Страна Наирн», «Октябрьские песни». В конце 1910-х годов Терьян занимается активной политической деятельностью. В 1917 году он вступает в партию большевиков, в 1918-м избирается членом ВЦИК и работает в Комиссариате по делам национальностей. В этот период он переводит труды В. И. Ленина «Государство и революция», «Карл Маркс», пишет статью «Что говорит Ленин крестьянам».

Активную позицию защитника революционных преобразований в Армении и в Закавказье занимают Ованес Туманян, Иоаннес Иоаннисиан. Писатели, начавшие свой путь в конце прошлого, в начале нынешнего века и уже в 900-х годах занявшие в армянской литературе прочное место, плодотворно работали затем в советской армянской литературе. Особенной была в этом смысле роль Аветика Исаакяна. Вернувшись в середине 30-х годов на родину, он долгие годы оставался признанным авторитетом, главой армянской советской поэзии, живым ее классиком. Активно выступал Исаакян как поэт и публицист в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, само присутствие Исаакяна, старейшего поэта с мировым именем, в Советской Армении, в рядах ее писателей имело большое мобилизующее значение. И все-таки (и это естественно) именно молодежь, новые имена определяли с начала 20-х годов становление и пути развития советской армянской поэзии.

Сложной была в 20-х годах литературная жизнь республики. Трудности культурного строительства объяснялись, в частности, тем, что до революции наиболее крупные армянские писатели жили и работали, как правило, в Тбилиси, Москве, Баку и за рубежом. Предстояло создать литературную жизнь в собственно Армении, чему во многом способствовало хозяйственное, экономическое развитие республики. Советская Армения строилась, обновлялась. Появились в республике литературная периодика, литературные группы и группировки, остро встал вопрос о месте классического наследия в новой социалистической культуре. (Вспомним, что эта проблема широко дискутировалась тогда и в русской советской литературе.) Высказывались крайние точки зрения. Считалось, что новая, пролетарская литература должна решительно во всем быть новой — долой классиков! Эта точка зрения нашла свое отражение в 1922 году в «Декларации трех» (с декларацией выступили Е. Чаренц, А. Вштунн и Г. Абов). Позже, в 1928 году, Гайк Адонц, противопоставляя творчество пролетарского поэта Акопа Акопяна армянской литературе за многие века ее существования, писал: «Всматриваясь в творчество всей этой массы поэтов, мы положительно не видим в этом поэтическом материале никаких элементов пролетарской классовой борьбы, могущих послужить зерном для развития и роста такого истинного пролетарского крупного таланта, как Акоп Акопян...»

Нигилизм по отношению к классической культуре с годами преодолевается. Еще в октябре 1920 года В. И. Ленин писал: «Не *выдумка* новой пролеткультуры, а *развитие* лучших образцов, традиций, результатов *существующей* культуры с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры».

Литературный процесс 20-х годов отразился во всей своей сложности в творчестве Егише Чаренца (1897–1937), крупнейшего советского армянского поэта. Чаренц, начавший писать в середине 10-х годов, увлекался поэзией символизма, стихами молодого Тьерьяна. Революция пробудила в нем поэта-трибуна, большевика. Революция, и только она одна, способна была решить вековые проблемы жизни. «Сколько сложнейших вопросов, неразрешимых когда-то, просто разрешены в непримиримой борьбе!» — писал Чаренц (перевод А. Тарковского). Чаренц был захвачен ритмами революции, и именно поэтому ему казалось (он об этом писал в 1922 году), что у музыкальнейшего Тьерьяна почти нет ритма. Он слышал время — не музыку, а грохот разрушающегося мира, — и он хотел выразить свой век в громкоголосых стихах и поэмах.

В 1925 году в «Элегии, написанной в Венеции» Чаренц полемизировал с Аветиком Исаакяном, видел в нем поэта старой, ушедшей жизни. А в сентябре 1937 года он посвятил Исаакяну стихотворение (это было если не самое последнее, то одно из последних стихотворений Чаренца), в котором сказал о своей любви к Варпету (Мастеру), о том, что слышит, как простой народ поет песни Исаакяна и это ему помогает жить... В двух этих стихотворениях речь не только об Исаакяне. В них выразилась определенная позиция Чаренца, его взгляды на жизнь и литературу. Но нельзя сказать, что в первом стихотворении Чаренц ошибался, а во втором — нет. Чаренц велик и дорог нам именно такой — неровный, сложный. К противоречиям приводила поэта его страстность, увлеченность, стремление постичь и отразить всю многогранность и все богатство жизни.

Родина и революция как единая тема проходят через все творчество Чаренца. Он любил писать стихи об огне, об его очищающем пламени. Он видел, как в огне революции возрождается Армения, древняя страна Наирри. «Книга пути» Чаренца (1934) — это книга судеб армянского народа.

Около двух десятилетий Чаренц был в центре литературной жизни Армении, был зачинщиком многих литературных споров, вокруг него всегда группировались поэты его поколения и творческая молодежь. Он оказал огромное влияние на развитие советской армянской поэзии. Он обогатил мировую Лениниану своей знаменитой «Балладой о Владимире Ильиче, мужике и паре сапог», своими поэмами «Дядя Ленин», «Ленин и Али»...

В советских национальных литературах с самого их зарождения мощно звучала тема мировой революции, тема солидарности с мировым пролетариатом. Во «Всепоэме» (1920–1921) Чаренц написал о грядущем рабочем братстве народов: «И я говорю: будет мир — общей радости дом!» (перевод В. Брюсова).

Пролетарский интернационализм — основополагающая черта советских литератур. Азат Вштуни (1894–1958) лучшие свои произведения посвятил пробуждающемуся Востоку:

В сердце твоём лава течет, множество солнц,
много огней!
Армией солнц ты окружен, солнечный сын, джан
мой Восток!

(«Восток»)

В стихах по-восточному колоритных Вштуни сказал о социальных взрывах на Востоке, о грядущем его освобождении.

«Восточными» поэмами иного характера прославился выходец из Ирана Гегам Сарьян (1902—1976). Он пел трагедию любви, трагедию красоты в стране гаремов и ханов. Слог его поэм и баллад песенный и высокий, отмеченный неназойливой игрой ритмов и созвучий.

Прекрасна патриотическая лирика Гегамы Сарьяна — его стихи о Советской Армении, его песни о войнах... «Сеятели не вернулись» — эта строка из стихотворения Сарьяна о погибших в войну солдатах стала в Армении крылатой. «Тихая лирика» Гегамы Сарьяна ценна задушевностью, завораживающей прелестью слова.

Курил я долго, до зари курил,
Как будто с кем-то близким говорил.
И душу мне отяжеляла грусть,
Как пепельницу — черных спичек груз.
(«Курил я долго, до зари курил...»)

Природа творчества неоднозначна. По-разному выражают себя поэты и по-разному себя утверждают. Наири Зарьян (1900—1969) издал в 1926 году свой первый стихотворный сборник «В голубой стране каналов» и с тех пор — больше сорока лет — принимал самое активное участие в литературной жизни республики как поэт и публицист. Всецело захваченный пафосом социалистического строительства, он откликался на важнейшие события жизни. Поэма Н. Зарьяна «Рушанская скала» (1930) — это широкое эпическое полотно, по священной теме строительства колхозной деревни. Общественный конфликт переплетается здесь с личным — героя поэмы убивают, но его дело продолжается: на смену старому крестьянскому быту приходит новая колхозная жизнь. Позже Наири Зарьян написал на ту же тему колхозного строительства роман «Ацаван» (1937—1947), ставший заметным явлением армянской советской прозы.

В 30-е годы потерял былую остроту вопрос о том, нужна ли пролетариату классическая культура. И если эта тема занимала Наири Зарьяна, то он к ней подходил несколько иначе. Он думает «о месте поэта в рабочем строю» и находит, что поэты-классики несовременны. Характерно в этом смысле стихотворение Зарьяна «Фирдоуси» (1934). Зарьян отдает должное гению средневекового персидского лирика, но вместе с тем пишет:

Не слушай древности, не тронь
Того, что тленно и мертво.

Дай песне трепет, и огонь,
И сердце века твоего.
(Перевод П. Антокольского)

Новые эстетические принципы социалистического реализма утверждались в борьбе, в острой литературной полемике 30-х годов. Наир Зарьян дерзал, горячо спорил, полемизировал со своими современниками, но и высказывал порой мысли спорные, писал стихи риторические, не выдержавшие испытание временем. Спустя три десятилетия Наир Зарьян скажет о себе:

Жалеть ли о том, что написать не успел.
Или о том, что написано мною?
(«Многое я написал с полной отдачей сил...»)

Об уже написанном жалеть, как говорят, не приходится. Да и многим из написанного поэт вправе был гордиться. Это и военная лирика, и героическая поэма «Голос Родины» (1943), и патриотическая трагедия «Ара Прекрасный» (1944—1946), написанная на основе исторического предания об Ара Прекрасном и Шамирам (Семирамиде) и свидетельствующая о недюжинной силе таланта Зарьяна. Это, наконец, его послевоенная лирика, в которой так ярко сказалась публицистичность Зарьяна...

В последние годы жизни Наир Зарьян и под влиянием критики (критика была к нему особенно пристрастна, порой резка) и под влиянием собственных философских размышлений, подытоживающих сделанное, написал цикл стихотворений, прекрасных своим драматизмом, остротой переживаний.

Исповедальность, присущая лишь поздним стихам Н. Зарьяна, — основная черта творчества Гургена Маари (1903–1969), его поэтической прозы и лирической поэзии. Он писал себя, и он выразил время. Его стихи — это его биография и биография страны. Он и в прозе был лириком. Как писатель, он субъективен в положительном смысле этого слова.

Ночь была прозрачной, лунной,
Ночь была светла,
Тоненькой тростинкой юной
Мать моя была.

Был отец мой сильным, статным.
Пели тополя,
Мир казался необъятным,
Доброю — земля.

Сердце волновала зовом
Песня у реки,
А на взгорье бирюзовом
Тренькали сверчки...

Эх, трещотки, лишь с рассветом
Смолкли вы, друзья!
Это из-за вас поэтом
Уродился я.
(«Поэт»)

Эта лирическая миниатюра демонстрирует еще одну черту поэта Маари — мажорность его лирики. Даже грусть в его стихах мажорна. Поэт радуется миру, и радость живет в его стихах. И еще. Слово Маари часто приправлено, как солью, щепоткой юмора, иногда иронии. И разве в цитированных выше стихах не растворена капелька юмора, придающая им еще большую задумчивость? Наконец, Гурген Маари — мастер пейзажа. Словом, как кистью, он умел писать природу.

Примечательна пейзажная лирика поэта того же поколения, что и Маари, Ваграма Алазана (1903–1966), хотя порой Алазан слишком традиционен, вторичен. В конце 10-х — начале 20-х годов стали печататься Веспер (1893–1977), Вагаршак Норенц (1903–1973), Сармен (р. 1901), автор Гимна Советской Армении и целого ряда стихотворений, положенных на музыку.

В 30-е годы обратили на себя внимание Сурен Вауни (р. 1910), Хачик Даштенц (1910–1974), Мкртич Хираниян (1899–1970), Согомон Таронци (1905–1971) — поэты, которые, кстати, многое сделали и как переводчики русской и европейской поэзии и прозы.

В 1934 году Ованес Шираз (р. 1914) издал свою первую стихотворную книгу «Предвесеннее». Книга принесла ему широкую известность. И с тех пор он — один из самых популярных поэтов Армении. Популярность Ширази среди читателей была все эти годы устойчивой, хотя творческий путь поэта был отмечен противоречиями, спадами. Шираз печатается много и... небрежно. Он как-то сказал о себе: «В золотословом моем песке найдешь много бесценных камней». Из многих поэтических сборников Ширази лучшие и бесспорные — «Книга песен» (1942), «Лирика» (1946), хотя, конечно, и в других его книгах есть сильные стихотворения, есть, так сказать, «золотословый песок». И время, как старатель, добудет из песка золото. Многие стихотворения Ширази уже сейчас стали классическими. И этого, очевидно, достаточно, чтобы он мог сказать о себе: «И люди, меня увидев, — по-новому видят мир».

Многое значит для Ширази фольклор. Свою известную поэму «Снаманто и Хаджезаре», написанную на основе курдской народной легенды, Шираз начинает двустихием, верно характеризующим все его творчество:

Народа светлая душа открылась до глубин,
И я любовно зачерпнул живой воды кувшин.
(Перевод А. Тарковского)

Известно, что о поэте надо судить по его удавшимся произведениям. И с этой точки зрения знаменательна патриотическая лирика Ованеса Ширази. Лучшие свои стихотворения о народе, родине, родном языке Шираз создал в годы Великой Отечественной войны.

Мы мирными были, как наши горы,
 Вы налетели свирепо, как вихри.
 Мы встали против вас, как наши горы,
 Вы взвыли свирепо, как вихри.
 Но мы вечны, как наши горы,
 Вы исчезнете свирепо, как вихри.
 (Подстрочный перевод)

В оригинале этого стихотворения Шираза, труднопереводимого из-за кажущейся абстрактности его содержания, конкретность и полновесность слова достигаются за счет семантической и стилистической полисемии двух стержневых слов — образов — горы и вихрь. Кроме того, звукопись оригинала (*лернер, мер, ваираз, хахах, охмер...*) придает «Экспромту» твердые, набатные интонации. Это шестистишие Шираза, написанное в 1941 году, сразу же приобрело в Армении известность. Военная тема расширила, углубила и обогатила патриотическую лирику Шираза.

В годы войны выступил со стихами, поднимающими народ на борьбу, старейший армянский поэт Аветик Исаакян. Он систематически печатал и гневные публицистические статьи. «Для нас, армян, Москва — любимая и родная столица! Здесь решается вопрос о существовании и нашего многострадального народа, наше будущее», — писал Исаакян в октябре 1941 года.

В Армении, как и всюду у нас в стране, литература стала грозным оружием борьбы с врагом.

Молодые поэты, начавшие печататься во второй половине 30-х годов, творчески возмужали, выросли в годы войны. «Война нас сделала поэтами», — говорит Амо Сагиян (р. 1914). Сагиян — участник Великой Отечественной войны, как и Ваагн Давтян (р. 1922), Рачия Ованесян (р. 1919), Сагател Арутюнян (р. 1921), Ваагн Каренц (р. 1924)... Погиб на фронте поэт Татул Гурян (1912–1942)... Во фронтовой печати работали Ашот Граши (1910–1973) и Гурген Борян (1915–1971). Поэзия воевала. В стихах, присланных в Ереван из действующей армии, Сагиян писал о зеленом тополе страны Наири (Армения) как о символе родной земли:

Красуешься под ветерком, сверкаешь свежей листвой,
 Дневной дороге тень даришь, глубокой ночью ждешь зари.
 В теснинах сердца моего звонкоголосый говор твой,
 О дальний, дальний, дальний мой, зеленый тополь Наири!..
 Меча и пламени певец, хочу я лишь твоей любви,
 И если в праведном бою прикажет родина: «Умри!» —
 Умру, чтоб вольным быть тебе, исчезну я, а ты живи,
 О дальний, дальний, дальний мой, зеленый тополь Наири!
 (Перевод М. Петровых)

Ашот Граши, еще до войны снискавший известность стихами о родной земле, писал в тяжелые военные годы стихотворения тревожные, без былого налета индичности:

Наша доля весны под снегами ослепла,
Наша доля весны не воскресла из пепла.
Мы остались лежать,
Где упали когда-то,
И осталась лишь память живой от солдата.
Наша доля весны, наше синее небо
Там, в окопах, остались, у мертвого снега.
(«Баллада павших солдат»)

Сражаются люди, сражается земля людей, поэтому там, где пали солдаты, весна ослепла и снег там мертвый...

Основные мотивы армянской военной лирики — те же, что и в поэзии общесоюзной. Народ жил одними и теми же чувствами, одними и теми же думами. Поэты писали о героизме, о подвиге, о военной дружбе, писали о разлуке и верности... Читая стихотворение Гургена Боряна о матери — «Ты ждешь меня», нетрудно вспомнить стихи на ту же тему о матери, о любимой женщине и войне у других советских поэтов. И самый глагол *жди* спрягался на все лады в короткие часы привала, во фронтовых письмах, стихах... В годы войны Борян создал лучшие свои лирические стихотворения.

Над фронтом полночь. Мрак и тишина.
Спит мир, и даже ветер спит.
Всё сковано недолгой властью сна,
И артиллерия молчит.
(«Ты ждешь меня»)

В этом четверостишии зримо и психологически точно написаны ночь и тишина, непривычная, кричащая тишина фронта. Боряну сопутствовал успех, когда он писал о пережитом. И в послевоенные годы он создал замечательные своей искренностью и прочувзованностью лирические стихотворения.

В контексте времени развивалась и армянская лирика второй половины 40-х и 50-х годов. Армянские поэты, как и поэты других республик, боролись стихами за мир. Этой теме были посвящены горячие, публицистические стихотворения. В качестве примера можно назвать получившее в свое время широкую известность стихотворение Наири Зарьяна «Письмо товарищу Жанису Зуймачу»...

Армянская послевоенная поэзия (конец 40-х — начало 50-х годов) страдала некоторой риторичностью. В печати появлялись стихи «правильные» и декларативные, написанные без творческих мук. В ответ на такие «ходкие» стихотворения, в которых ничего не было от жизни, но якобы была радость, был оптимизм, Маро Маркарян писала:

Если скажу, что забот не знаю,
Мне всё равно не поверит никто.
Если скажу, что смеюсь всегда я,
Мне всё равно не поверит никто.

Часто дорога была нелегка мне,
 Так же, наверно, как вам, друзья,
 Ноги поранила я о камни,
 Так же, наверно, как вы, друзья.
 (Перевод И. Снеговой)

Откровенность Маро Маркарян — убедительнее любых аргументов. Критика была благосклонна к «благополучным» стихотворным схемам. Подлинная же лирика «прорывалась» от схем и штампов к сложной и многообразной правде жизни.

«Не делай так, а делай эдак...»
 Что я отсюда извлеку?
 В любви сфальшивить напоследок?
 Изъять правдивую строку?
 Но страсти белое каленье
 Ты не упрячешь подо льдом,
 И гордое стихотворенье
 Пренебрежет любым судом.
 В твоём благоразумном мире
 Я, бедный, вовсе не гожусь!
 Ведь я не изменяю лире
 И честной страсти не стыжусь!
 (Перевод Д. Самойлова)

Это стихотворение (оно написано в 1947 году) — прямой, ответ Геворга Эмина критикам, которые неодобрительно писали о лирике чувств, лирике любви. В 1946 году тогда еще молодых поэтов Сильву Капутикян, Геворга Эмина, Маро Маркарян строго критиковали на съезде писателей Армении за проявление «упаднических настроений», хотя то были настроения живых людей, умеющих радоваться и грустить. Много позже, в 1958 году, Сильва Капутикян в предисловии к своим избранным стихам, как бы страхуя лирику любви, писала: «Хочу реже «предоставлять трибуну» так называемой интимной лирике. Но жизнь идет, перемежая личные радости и огорчения. А так как я не веду дневников, очень не люблю писать писем, то вся эта внутренняя энергия чувств уходит в «личную лирику». Ну, что ж, пусть будут еще такие стихи, коль они пишутся!»

Капутикян чуть ли не оправдывается: вот, мол, пишу интимную лирику. Она — прекрасный публицист (и в стихах, и в своих прозаических книгах «Караваны еще в пути», «Меридианы карты и души»). Но ведь прекрасна (и, кстати, очень известна!) ее интимная, ее любовная лирика.

Лирические признания Капутикян полны чистоты чувств. И страсть чиста. Она возвышенна... Хорошие стихи вообще и хорошие стихи о любви воспитывают людей, делают их чище и лучше, что, понятно, имеет большой общественный, социальный смысл. Поэзия должна быть актуальной. И если говорить о любовной лирике, разве она не актуальна, разве воспитывать чувства — задача не современная? «Раз нет любви — нет и

меня самой», — признается Маро Маркарян. Она проверяет свои чувства жизнью — большой, настоящей, отбрасывая все мелкое, незначительное:

Бывало, с судьбой своей не поладя,
От горя ноешь, свету не рада,
Не видишь конца бессилью.
Но вдруг скала обрушится рядом —
И горе твое покажется пылью.
(Перевод Л. Яшина)

Голос у Маркарян мягкий, невысокий, но о чем бы она ни писала — чувство масштабности жизни, времени всегда присуще ее творчеству. Она умеет сочетать «камерность» с широтой охвата действительности, включая в область личных переживаний волнения и радости мира. Маркарян хочет быть полезной людям, словом, как сердцем, хочет согреть читателя. Отсюда в ее лирике образ поэта, разбрасывающего стихи, как зерна добрых чувств.

Плодотворность известного тезиса о поэтах хороших и разных легко проверяется армянской поэзией последних двух десятилетий. Активно работают в современной литературе поэты старшего поколения. Амо Сагиян издал за последние десять лет лучшие свои стихотворные сборники. Он воспел поэзию земли, поэзию труда. Его стихи значительны эстетически, и они значительны пафосом утверждения идей трудового, рабочего человека. Старый крестьянин Хачипап всю жизнь работал и, когда «вдруг на пахоте занемог, бросил плуг, покраснел от стыда...». Крестьянин *стыдится* своей немощи! В этом — идея всего стихотворения, его высокий нравственный смысл. Сагиян любит писать природу высокогорного Зангезура, своей родины:

Свет коснулся гор.
Пробегаёт дрожь по горам,
Горы приподнялись.
Грянул птичий хор.
Пробегаёт дрожь по ветвям,
Деревья прынули ввысь.
Вскочила на камень лань.
Камни по сторонам,
Как под плетью, прынули ввысь.
И в эту раннюю рань
Из-под скал на диво глазам
Столетия прынули ввысь.
(Перевод А. Тарковского)

Так описал Сагиян рассвет в горах. В этих стихах присутствует человек, присутствует история. Природа всегда одухотворена у Сагияна его лирическим «я». Поэтому определение «Сагиян — поэт природы» в известной мере условно. Он — поэт жизни.

Государственной премии СССР (1977) удостоен стихотворный сборник Геворга Эмина «Век. Земля. Любовь». Эмин — один из ведущих поэтов современной Армении. Он известен как новатор, как автор стихов нетрадиционных. Однако новаторство Эмина выражается не в формальных поисках. Стих у него крепкий, я бы сказал: традиционный. Он своеобразен и нов по характеру мышления, фактуре языка, материалу. В одной из своих статей Эмин высказал мысль, для него характерную: поэт, если он хочет быть современным, близким и понятным сегодняшнему читателю, должен превращать в поэзию то, «что раньше не было поэзией». Главное в поэзии Эмина — ответственность современного человека за сегодняшний день, за свою землю, свой дом, своих близких. Эмин глубоко чувствует время историческое. Из своего «сегодня» он вглядывается в глубь веков, в историю своего народа, своей Армении и обнаруживает здесь корни времени.

Историческая тематика издавна занимает Ваагна Давтяна, автора поэм, сюжеты которых взяты из трудов средневековых армянских историков.

Широкой известностью пользуется поэма Давтяна «Тондракийцы», повествующая о мощном «еретическом» движении, потрясшем в IX—XI веках самые основы власти церкви и феодалов. Давтяну удалось создать крупные, характерные образы мятежных тондракийцев. Тондракийцы, восставшие против «церковного христианства», стремились разрушить официальные формы религиозных культовых отправления, понимая, что церковь стала в руках власти имущих орудием социального гнета. Острота конфликта дала Давтяну возможность глубоко изобразить разные стороны средневековой Армении, показать людей, обуреваемых великими страстями. Исторический герой Давтяна — широкий земной человек, ему тесно и тяжело жить в тисках социальной несправедливости и религиозной схоластики. В героях Давтяна «просматриваются» черты, близкие современному человеку, родственные ему.

Существенная часть лирики Давтяна — стихи о нашем современнике. Эти его стихи несут в себе мотивы радостного, вакхического восприятия жизни. Стихи написаны легко (это легкость мастерства), без нажима, словно бы само собой сложилось стихотворение. В каких-то добрых, светлых красках видится поэту земля и мир. «Пусть в мире преумножается доброе, хорошее, благословенное», — утверждает поэт, и это, конечно, не значит, что слово поэта лишено внутреннего драматизма, что он не видит противоречий современного мира, что он идеализирует жизнь. Возвышенна позиция поэта Давтяна, жизнерадостно его мирозерцание.

Щедростью чувств отмечены многие стихотворения Рачия Ованесяна и в особенности его лирический цикл «Чудесный садовник».

В аллегорическом стихотворении «Мефистофель» Рачия Ованесян пишет, что в обмен на душу автору обещали славу, награду, имя... Но может ли поэт жить без души? Влюбленность во все живое, горячее, восторженное восприятие действительности настолько сильно выражены в лучших стихотворениях поэта, что именно эти качества определяют характерные особенности его лирики. Романтизм поэзии Ованесяна — от полноты жизни. Мир представляется ему садом, где «листья выглядят золотом, жемчугом — капли и цветущими лилиями — снегопад».

Для современной армянской поэзии многое значил (и сейчас его влияние огромно) Паруйр Севак (1924–1971). Говорят, что талант в литературе — гораздо более частое явление, чем характер. Севак был прежде всего характером, огромной творческой индивидуальностью. Он утвердил в поэзии 50–60-х годов дух творческого беспокойства, творческих поисков. Нет большого писателя, творчество которого не было бы связано с поисками новых форм воплощения действительности. Но есть писатели, которые по преимуществу ищут, прокладывают новые пути. Иногда они уходят далеко вперед, может кому-то даже показаться, что они отрываются от собственной национальной почвы. Таким писателем-разведчиком был Паруйр Севак, поэт ищущий, острый, полемичный. Он жил в атмосфере постоянных споров, постоянно что-то опровергал, что-то доказывал, горячился. Говорили, что он не любит армянскую классику, не любит Исаакяна. «Какая глупость! — отвечал Севак. — Два Исаакяна, даже десять Исаакянов (Исаакян плюс его подражатели) — это один поэт». Севак хотел быть (и он им стал) другим, еще одним армянским поэтом.

Всё мне кажется,
Я еще удивлю этот атомный век,
К древним струнам семи
Вот возьму и прибавлю восьмую.
(Перевод А. Корнеева)

Поиски этой вот своей струны и составили пафос всей жизни Севака. В одной из своих статей Севак писал: «Пословица гласит: есть вещи, которые не сделаешь, пока не научишься, и есть вещи, которые не научишься делать, пока их не сделаешь. Мне кажется, что несколько десятилетий наша поэзия была стреножена первой половиной названной поговорки: делали то, чему научились, и, наоборот, ни во что не ставили то, чему не научишься, пока не сделаешь».

Чтобы научиться, Севак призывал писать, делать, дерзать. В одном из своих двустий, несомненно программном для него, Севак сказал, что он устал от филигранных холодных слов и что лучше быть знающим дело кузнецом, чем ювелиром.

Севак больше других армянских поэтов обращался к истокам национальной поэзии, национальной культуры (об этом свидетельствует его интерес к творчеству Григора Нарекаци, его поэма о Комитасе «Несмолкающая колокольня», его монографическое исследование о Саят-Нове...), и он же больше, чем другие поэты, его сверстники, ратовал за обновление национальных традиций, за широкое обращение к достижениям мировой культуры. Всем своим творчеством он восставал против замкнутости и узости. Он выступал за широкое взаимодействие культур и высмеивал тех, кто, думая сохранить свое национальное лицо, боялся культурных влияний. Такие люди, говорил Севак, могли бы обвинить в плагиате создателя армянской письменности Месропа Маштоца. «И не надо также забывать, — писал он, — что если в выражении «вариться в своем собственном соку» заключена философия, то это философия нищеты».

Севак рано скончался (погиб в автомобильной катастрофе). Он любил этот мир, эту землю глубокой крестьянской любовью. Он хотел одарить людей радостью, хотел жить: «Ноги мои не пресытились. Пусть еще ходят по земле...»

После смерти Севака вышло в свет его шеститомное собрание сочинений, интерес к его творчеству велик, его популярность в Армении повсеместна. Искусство вечно, а значит, и жизнь не коротка...

Плодотворно работают в современной литературе поэты среднего поколения и поэты молодые.

Сразу уже первыми своими стихами обратил на себя внимание Размик Давоян (р. 1940), поэт, автор ряда стихотворных сборников и большой лирической поэмы «Реквием». Давоян пишет о личном, о том, что стало его биографией, его жизнью. Вообще говоря, так пишут все поэты. Но этот общий признак приобретает в поэзии Давояна черты специфичности. Порой в его стихах связи между образами, между словами оказываются «упрятанными» в каких-то очень личных, субъективных переживаниях, и стих теряет ясность (связи не прослеживаются). Но и в этих стихах Давояна есть магия слова, музыки, многозначности оттенков, догадок и игры ума...

* * *

Давно, в 1921 году, Егише Чаренц написал стихотворное посвящение — «Армении». Оно начиналось строкой: «Ты видела сотни сотен ран — и увидишь опять». Эти слова были подсказаны Чаренцу трагическим прошлым страны и народа. Будущее подсказало поэту другие пророческие слова: «Армения, твой Чаренц как дар взял язык у тебя. Ты видела многих певцов-армян — и увидишь опять».

И так всегда — в Армении и всюду на земле, где люди трудятся, зарабатывают свой хлеб своим трудом, пекутся о родных и близких, о родной земле, о звездах и космических далях, теперь уже тоже родных и близких.

Левон Мкртчян

ДАВИД
САСУНСКИЙ

* * *

О чём поведают страницы?
Несокрушимый Халифат
Мечом безжалостным границы
И на восход, и на закат
Своими ордами раздвинул,
Права латиняна отринул.

Столицей мира стал Багдад.

Завоеватель Аль-Мансур
Узнал, что царственный гяур
Тер-Гагик больше не боится
Меча арабского и стрел
И не согласен примириться
С уделом данника. Посмел
Оспорить грамоты эмира,
Разбить святилища кумира
И так, презренный, осмелед,
Что дочь свою, небесным ликом
Дразнящую рассветный лал,
В гарем законного владыки,
Как данник дар, не отослал.

Ах, Гагик, Гагик, ты не прав...
Смирю войной
 твой дерзкий нрав,
Жемчужиной непросверлённой
Пенатам светит Цовинар,
Тая в душе небесный дар
Любви никем не разделённой.

Не стал арабский повелитель
Порывы сдерживать свои:
Я — государств объединитель,
Я — покоритель и воитель,
Армяне — данники мои!
И потому, не медля доле,
Я распалю войны пожар,
Коль не придет, по доброй воле,
Ко мне царица Цовинар.

Не естся Гагику, не спится.
Как, дочь, молитвенно чиста,
Сумеет сердцем причаститься
Не верующим во Христа
Поклонникам огня и древа?
Как, по неволе, не любя,
Христом помазанная дева
Отдаст язычнику себя?

Уж лучше нищая неволя,
Позор, страданья и сума...
«Позволь, отец, я выйду в поле
И жребий выберу сама.

Готова, Господу в угоду.
Я чашу горькую испить
И этой мерою купить
Покой армянскому народу.

Когда Багдада повелитель
Дозволит верой дорожить,
Построит крепкую обитель,
Где год смогла бы я прожить
В уединенье и моленье,
Тогда, да будет посему,
По Божьему соизволенью,
Навек отдамся я ему».

Присела юная девица,
Устав от пекловой жары,
У ручейка в тени скалы,
Чтоб охладиться и напиться.
Её, подобием подола,
Укрыла тёмная скала.
Убор царица подняла,
Коснулась влаги ножкой голой,
И тут, о диво, из ручья,

Ревниво следуя наклону,
Взвилась, ударила по лону
Тугая белая струя.

Глотнула девица водицы,
Коснулась лона и чела
И, как безгрешная блудница,
От этой влаги зачала.
Тут ни убавить, ни прибавить...
Халиф, узнав расклад такой,
Неколебимою рукой
Хотел царевну обезглавить.
Вот недоверчивый какой!

«Я не виновна, Бог свидетель, —
Молила горько Цовинар, —
Дай мне родить на этом свете
Дитя, а там — готовь удар».

И он смирился. Вышли сроки...
Как Шахразаду Шахрияр,
Простил её халиф жестокий,
И двух младенцев восприял.

Сын Санасар явился первым,
И, сразу следом, Багдасар...
Но пошептал халифу дервиш.
Что от детей неверной девы
Его смертельный ждёт удар.

Халиф невольно содрогнулся
И, злобу в сердце затая,
Уехал в дальние края
На много лет. Домой вернулся,
Как мрачный дэв. Утехи трона,
Охота, женщины, вино,
Набеги, войны, оборона
Ему прискучили давно.

Глядит, приёмыш, для славы,
В устах услужливой молвы,
Давно созрели.

Величавы, как принцы,
Царственны, как львы.

Алкают подвигов великих,
Готовят к битвам рамена.

Велела дерзкая жена
Отлить на золоте их лики.

Привычны к латам и мечу,
Коней смиряют без уздечки...
Халиф какие-то словечки
Шепнул на ухо палачу.

Но двор, в отсутствии владыки,
Утратил преданности дар.
Его приказ, по сути, дикий,
Дошёл до слуха Цовинар.

Рыдая, бедная царица
Целует крест у алтаря
И молит юношей укрыться
От гнева злобного царя.

Но Санасар и Багдасар,
Резвясь с халифом на охоте,
Гоняя барсов по лесам,
Не пощадили царской плоти,
И, утопив его в болоте,
Скормили прах голодным псам.
Так говорят... но есть иные
Преданья этих давних лет.
Сыны, хотя и не родные,
Не погасили жизни свет
В глазах арабского владыки;
Коней достали порезвей,
Решив прародине своей
Вернуть обиженные лики.

Дед Гагик то-то будет рад
И добрым сердцем возликует,
Коль в лоно царственных палат
Вернёт двойной бесценный клад,
Внучат утраченных взыскует.

Неукротимый Санасар,
Играя, палицу резную,
Многопудовую стальную
Бросает к синим небесам
И ловит мощною рукою...
Но вот за быстрою рекою,
Порывам ветра в тон и лад,
Телами гибкими наяд

Волнуясь, как ковыль-трава,
Открылась моря синева.

Для Багдасара, вал за валом
Шквал разбивал в радужный флёр,
Рождая рёв в прибрежных скалах...
И эхо грозно рокотало,
Катясь по склонам ближних гор.

Для первородных глаз открылся
Меж волн как будто коридор,
В конце которого светился
Огней магический узор.
Распались яростные волны
Для Санасара одного
И, высшей волей приневолены,
Вели, как посуху, его.

Средь расступившихся, покорных
Прозрачных вод стоит дворец;
Там крест сияет чудотворный
И конь как пламя... О, Творец,
Творец! он молниями кованный.

Во мгле мерцают оба глаза
Манящим сполюхом топаза
И грива, огненной волной,
Как крылья, льётся за спиной.

Не отыскать коня такого
Твореньям неба и земли...
Ах, этот вещий Джалали,
Подарок пращура морского.

Вблизи убор богатыря:
И булава, и рукавицы,
Кольчуга рдеет, как заря,
И латы, легче крыльев птицы,
Но крепче стали. Стрелы, лук,
Меч-молния в роскошных ножнах,
И, пахлеванов зоркий друг,
Кинжал, мерцающий тревожно
Огнём недружественных мест
И мстью тайного удара...

Тут, одесную, Ратный Крест
Припал к деснице Санасара.

Им чачи пенистые чары
И виноградное вино,
И хлеб, и тучные отары,
И домотканое сукно –
Всё было Господом дано.

Хватало пищи на столе
Сасунцам, и, совсем не даром,
О Санасаре с Багдасаром
Текли легенды по земле.

* * *

Приснился Багдасару вещей
Сон. Молвит брату брат:
Нас призывает Халифат,
Непримиримый и зловещий.

Там Цовинар в руках неверных,
Скорей рабыня, чем жена,
Тоскует, мечется потерянно,
Ломает руки у окна.

Решим вопрос без проволоочки
С дурным языческим царём.
Его кумиров на кусочки
Развеем, маму заберём.

У пахлеванов слово — дело,
Сел Санасар на Джалали,
Сел Багдасар, и пыль взлетела,
Клубясь в заоблачной дали.

Клоня покорно долу очи,
Молили грозного царя
О том, чтоб гневался не очень,
Сынов отсутствием коря.

Но непреклонно и надменно
Халиф ответил: пятый год
Ждёт идол жертвы неременной,
И Он, богам юдоли бренной,
Такую жертву принесёт.

Собрав у капища придворных,
Царь обнажил двуручный меч,
Чтоб пахлеванам непокорным
Лихие головы отсечь.

Тут молнией у Санасара
Сверкнул Божественный булат,
(Поднявший меч, да виноват...)
И на виновного, как кара,
Упал.

 Ни торсом, ни плечами
Не дрогнул царь. Ещё жива,
Шептала что-то голова,
Вращая злобными очами.
Непобедимому лучу
Роняла жалобные пени...
Кровавая белые ступени,
Ещё грозила палачу.

Придворные подняли крик,
Но Багдасар схватил за ноги
Их идола и в тот же миг
Разбил на жертвенном пороге
Его богопротивный лик.

Шарахнулись от силы правой
По тёмным щелям алтаря
Жрецы и евнухи царя,
Чтоб избежать судьбы кровавой.
Упали злыдни на колени,
Спасая выи от беды,
Став тише тени от воды,
Бледней, чем белые ступени.

Грехи им братья отпустили,
Забрали золота мешок
И, закусив на посошок,
Царицу в дрожки усадили
И порысили, покатили,
Взяв курс на северо-восток
Из вотчин идолопоклонства,
Где правит сила испокон,
Где грех порочный многоженства
Не грех, а право и закон.

В окрестностях Берг-Калугина
Скитальцы встретили рассвет,
И здесь, под сенью балдахина,
Их встретил Гагик — старый дед.

Клонились царственные лозы,
Теснясь над кубками столов.

Объятыя, радостные слёзы,
Долма, паныр, горячий плов.

Семь дней кутили, ели, пили,
Дарили подданных казной,
Молитвы Отчине родной
И Богу вечному творили.

Как дар от деда, Санасару
Властитель выделил Сев-сар
И Чапах-джур, а Багдасару
Севан, и крепость Кармир-сар.

Владенья рода укрепляя,
Тер-Гагик был душевно рад
Распространить их от Китая,
До берегов реки Мурад.

Вписались в царство Санасара
Богохранимые места
От Ангхадзора, Сехансара
И до Батманского моста.

Молву о щедром государе
Несли герольды на щите;
Гусаны здравицы слагали
О справедливом Санасаре,
О горделивом Багдасаре,
О силе их и доброте.

Величье этого владенья
Противников вгоняло в дрожь.
И после Дня Богоявления
В Сасун вернулась молодёжь.

Народ водой по капиллярам
Тянулся к славе их сердец.
Сюда и старец, и юнец
Текли, как скот к своим кошарам.

Проклятьем здесь не тяготел
Побор владельца-вельможи.
Всяк жил, как сам того хотел:
Трудился — значит богател,
Был воинном — годился тоже.

Раба, презренного вассала
Клеймо исчезло без следа,

И над Арменией звезда,
Как прежде, гордо засияла.

* * *

Царица Каджей Дехцун-цам,
Красавица и волховея,
Справляя шабаш по лесам,
Придумать способ поновее,
Как молодца свести с ума,
Не потрудилась. Пахлевана.
Она, как русская Татьяна,
Достала строчками письма:

«Ты — мой кумир, моя отрада,
Я жду тебя уже давно!
Мне на скрижалях суждено
Искать любви твоей и взгляда.

Иных поклонников вчера
Я проводила со двора
Движеньем царственной руки.
Они, как мшелые пеньки,
В лохмотьях жалких, без еды
Сидят, безвременно седые,
За гранью города и ждут,
Когда случится правый суд.

Лети на крыльях Джалали
И страсть девичью утоли.
Да не открой кому секрета...
А я портрет тебе за это
С письмом заветным перешлю.
Не медли. Я, полуодета,
Обнять себя тебе велю!»

В Сасунский царственный чертог
Принёс почтовый голубок
Признание девы Дехцун-цам
И бросил в спальню близнецам.

Но Санасар, после пирушки,
До свету длящейся, увы,
Не смог тяжёлой головы
Поднять от ласковой подушки.
А Багдасару не спалось.
Смотрел, как небо занялось
Зарёй рассветной над горою;

Как можжевельник крупный лось
Ласкает росною порою
Губами терпкими; как дым
Сплетает с облаком седым
Худые руки. Вдруг луна,
Лучом метнувшись от окна,
Коснулась стрелкою прямой
Конверта с розовой каймой.

От Дехцун-цамова портрета
Ума лишился пахлеван.
Порочной страстью обуян,
Невзвидел Божеского света.

Обижен бедный Багдасар.
«Я царь, — кричит, — или не царь?
Вся слава брату одному!
Шалишь! Не будет посему!»

Трясёт за плечи Санасара.
А тот, с похмелья, не поймёт.
За что его братишка бьёт,
За что преследует так яро?

Потом, беззлобно, дал под дых:
«Оставь меня, за ради Бога».
И тот, сконфузившись, затих,
Лежит, скучает у порога.

Смекнув, что ссора-кутерьма
Произошла из-за письма,
Мать, обратившись к близнецам,
Просила их, с мольбой во взгляде,
Не верить ведьме Дехцун-цам
Но любопытства только ради
В обитель Каджей — Медный град
Пусть Санасар, как старший брат,
Поедет всё же к царь-девице,

А если в срок не воротится,
Ему на выручку послать
Сасуна яростную рать,
Что Багдасар на всякий случай
Напружит молниевой тучей,
Разящей стрелами дождя,
Проклятых Каджей не щадя.

Без суеты и злоключений,
Естественно, не обошлось.
То злобный дэв, как в горле кость,
Ему добавит огорчений,

То туролобые мужи
Застят дорогу к Меднограду.
Всем объясни, перескажи:
Куда, зачем, какого ляду...
Разжуй и в горло положи.

Задиры, Боже избави!
Четвёртый день рекою льется
Дурная кровь, и в той крови
Завяз воитель. Остаётся
Баранолобых только треть...
Но легче биться, чем терпеть
Миазмы жуткого болотца.

Тут из-за леса, крутояра
Летит с ордой, свиреп и яр
Единокровный Багдасар,
Как снежный барс, как Божья кара.
Смутившись, дрогнули враги,
А братья, дружные отныне,
Рубя от уха до ноги,
Их разметали по долине.

Ликуя, в терем к Дехцун-цам
Они героями явились,
И злые каджи покорились
Непобедимым близнецам.

Развеял чары волховей
Суровой правдой Ратный крест,
И Христианские идеи
Разнёс церковный благовест.

Дехцун очистилась от скверны,
От колдовского ремесла
И Санасара назвала
Своим супругом благоверным.

А Багдасар её сестрицу
Смутил до страсти роковой,
Оплёл посулами девицу
И заманил в свою светлицу,
Ему такое не впервой.

В Сасун вернувшись, испросили
Благословенья у Родной,
И обе свадьбы закатили
На славу тою же весной.

На свадьбе братьев не грустили
Ни князь, ни воин, ни гончар.
Гусаны песни им святили,
Семь дней кутили, ели, пили
Из золотых заздравных чар.

Теперь оставим их на ложе,
Для славословия льстецам,
А нам, Всевышний да поможет,
Вам рассказать о том, что гложет,
Звучит и песенно тревожит:
О Мгере, сыне Дехцун-цам.

* * *

Всё — тлен, от мала до велика.
Звезду Багдада съела моль.
И неизвестная дотоль
Взошла звезда от Мсра-Мелика.

От Палестины до Мургаба
Он смог собрать, объединить,
Зачаровать, ополонить
Огнепоклонников арабов.
И под языческие стяги
Стянуть несметные войска
Приверженцев верблюжьей тяги
И злозыбучего песка.

Уродлив был и грузен телом
Мелик. По царственным бокам
Плоть расплывалась и висела
Косыми складками, потела,
Лоснилась жиром, гнилью прела...
А веки били по щекам.
Ну, чисто — Вий...

Чтоб что-то видеть,

Он их прищипливал на лоб.
Любви не знал и, как Циклоп,
Мог только жрать и ненавидеть.

А как же царство Сасунид?
Оно ослабло. Багдасару

От напридуманных обид
Взбрело, как запись говорит,
Уйти с поклоном к янычару
И там остаться.
Санасару послало небо сыновей:
Верго — трусливого котяру,
Огана, что, как грамотей,
Был славен и умел прегромко
Визжать и яростно орать.
А чтоб не лопнуть, не порвать
Живот раздутый, он постромки
Из шкур воловьих бинтовал
И рта без них не раскрывал.

Горлан Оган, пачкун Верго
Кутили, спали, пили ели...
И в ратном деле не сумели
Найти призванья своего,
Не очень, впрочем, и хотели.

Был третьим Мгер. Прекрасней дара
Царю не снилось, ибо он
Был властной силой наделён,
Достойной сына Санасара.

Скончалась Цовинар-хатун
За ней в печальную обитель
Сошёл и сын её — воитель,
И вдохновитель и ревнитель
Сасунской славы многих лун.

Тер-Мгер дитя ещё, а братья
Не дальновидны, не смелы.
Скорей павлины, чем орлы.
Не брюки им носить, а платья.

Сасун без стержня, без защиты —
Добыча лёгкая врагу.
Как волки, рыскали Мсыриты
На пограничном берегу
И, обложив Сасун ордою,
Без боя заняли его,
Пластаясь алчною бедою
В домах трусливого Верго.

Не преуспев на поле брани,
Скрывая в тень стыдливый лик,

Опять согбенные армяне
Несут ярём позорной дани
Туда, где властвует Мелик.

Сменялись грустные денницы,
И, не по дням, а по часам,
Рос Мгер-любимец Дехцун-цам,
Надежда царства и царицы.

Был у Дехцун любимый брат,
Кери-Торос — опора трона.
В военном деле тороват,
И в соблюдении закона.

Он подобрал святых отцов,
Чей труд — смирение и вера,
Седобородых мудрецов
И ратоборцев-удальцов
Для воспитания Тер-Мгера.

Ребёнок был богатырём,
Семи кангунов где-то ростом.
Он перерос Кери-Тороса.
Стоит — не сдвинешь впятером.

Брал лук отцовский и охотой
Свой дух и тело развивал,
Рукам покоя не давал,
Трудился до седьмого пота.
С таким-то весом, с этим ростом,
Гоняя лис, совсем не просто
С увала прыгать на увал.

Князь Горгик властвовал в Битлисе,
Имея сорок жеребцов.
Сасуна старцы на Меджлисе
Решили, что, в конце концов,
Давно пора ребёнку — Мгеру
Обзавестись своим конём,
Чтобы в борьбе за честь и веру
Он был как друг всегда при нём.

Лишь на хачкарах в Сасун-граде
Забрезжил луч начала дня,
Тер-Мгер пошёл с поклоном к дяде,
Надеясь выпросить коня.

Племянника князь Горгик встретил,
С собою рядом посадил,
Обнял и радостно приветил
И лично к стойлам проводил.

Бери любого, кто по нраву,
Бери хоть всех, не жалко мне.
Лови дичину или славу
На быстроногом скакуне.

Чего б ещё? Но лишь коснётся
Рукою молодец коня,
Тот подсекается и гнётся,
Как под косою зеленыя.

Все сорок. Только в закуточке,
В тени посконного двора,
Где тучей вьётся мошкара,
Мгер видит глазки — уголёчки
Неугасимого костра.
Дрянь — жеребёнок. Ножки хилы,
И хвост мочалою висит.
Стоит, как будто через силу,
Глазами жаркими косит.

«Дам по хребту, от мук избавлю
Того, кто немочен и тих.
Да заодно и позабавлю
Достойных родичей своих», —
Подумал Мгер и приложился
К загривку слабого конька...

А тот ржанул, пружиной взвился
По стенам и до потолка.

Сучили бешеные грабки,
По стойлам яростно звеня,
И кони падали на бабки
От искромётного огня.

Мгер подивился этой встрече
И, возблагодарив Творца,
Взвалил на каменные плечи
Отчаянного жеребца.

Знать, чистокровная порода,
Не обошлось без Джалали...

Кери-Торос четыре года
От глаз завистливых вдали
Оберегал, его и холил,
Кормил отборным ячменём,
Выгуливал ночами в поле,
Любуясь огненным конём.

Через назначенное время,
Набравшись царственных манер,
Взнуздал коня отважный Мгер
И в посеребряное стремя
Ступил бестрепетной ногою
И стан кольчугой дорогою —
Стальной капой укрепил,

Семь лет, охотясь на дичину,
Добычу людям отдавал
И за далёкий перевал
Загнал голодную кручину.

* * *

Людей обманывает рок,
Зане присутствуя незримо.
Струится время, как песок,
Через сознание и мимо.

Благополучие и свет
Воздействуют на восприятие,
Как сон, как лживые объятья,
Шепча, что не было проклятья
И смерти не было и нет.

Известно издавна такое:
Не ходит счастье без беды,
По дружбе аспиды вражды
Стучат ревнивою клюкою.

Господь и доброе вино!
За что Сасунцам эта кара?
В амбарах сына Санасара
Исчезло хлебное зерно.

Оставив скудные столы,
Нетерпеливою гурьбою
К Тер-Мгеру с горькою мольбою
Явились подданных послы.

«Пусть зло на скошенном крыле
Летит от этого порога.
На небе нет превыше Бога,
Превыше Мгера — на земле.

Бесхлебье — хуже, чем враги,
С их ненасытной ордою.
Спаси, владыка, помоги
Достойно справиться с бедою».

«Скажи мне, дядя, что за диво, —
Кери-Тороса Мгер спросил, —
За что к Сасунцам зачастил
Злой рок, свирепствуя глумливо?

Что это, мор иль недород,
Иль засуха поля сгубила
Какая дьявольская сила
Изводит добрый наш народ?»

«Мой мальчик, всё зерно и хлеб
И на еду, и для запаса,
Везут нам Шам или Алепп
В обмен на мулов, шерсть и мясо.

Аревик, не было бы бед
В обмене этими дарами,
Когда б не рыскал между нами
Лев — кровожадный людоед.

Засел в горах, как говорят,
На стыке всех дорог торговых,
И жрёт, каналья, всех подряд —
И мудрых, и пустоголовых.

Жуёт заслуженных людей
И неприметных человеков...
Сасун оставил лиходея
Без лавашей и без чуреков».

«А как, простите, не во гнев,
Вершится злобное деянье?
Людей терзает этот лев
Вблизи или на расстоянье?

Вблизи? Ну, Господом храним,
Я в горы утречком поеду,
Задам острастки людоеду,
По-свойски рассчитаюсь с ним.

Взял меч, кольчугу, булаву
И, сотворя молитву Богу,
Верхом отправился в дорогу
Отдать визит злодею-льву.

Скрываясь под арчѣвым кровом,
Лев был не сыт и раздражѣн.
Завидев Мгера, диким рѣвом
Окрест обрушил горы он.

Мгер, оценив размеры, зубы
И когти зверского царя,
Решил, что для его погубы
Оружье взял с собою зря.

Кольчугу снял он, булаву
С мечом оставил под скалою
И с непокрытой головою
Пошѣл бестрепетно ко льву.

«Воздай, Всевышній, по делам!»
И, укрепившись, словно камень,
Тер-Мгер схватил врага руками
И разорвал напополам.

Молва летела к Дехцун-цам:
Твой Мгер, (храни его. Создатель)
Достоин славного отца,
И пахлевана-удальца
Зовут теперь львораздиратель.

Он Мсра-Меликовых бойцов
Разгонит, как собачью свору.
Свою защиту и опору обрѣл
Сасун в конце концов.

Царица сына обняла.
Меч-молнию, доспехи мужа
И Джалали-конька к тому же,
Благославивши, отдала.
Чтоб защитить и оберечь
От зла Армению родную...

И ратный крест отца, оплечь,
К нему спустился одесную.

Верхом на огненном коне
Объехал Мгер свои владения.

Враги бежали без сраженья,
Признав покорно поражение
В своей грабительской войне.

* * *

Дароносительной рукой
Армянам благостный покой
Был возвращён во искушение.
Скрывая скукой нетерпение,
Он с ностальгической тоской
Готовил новые лишения.

Свербит, покою не даёт
Кери-Торосу лихоманка.
Зайдёт к сестре и, как шарманка,
Со скрипом на ухо поёт:

«Дехцун-джан, засылай гусанов
К Теваторосу в Маназкерт.
Поеду сам, возьму Огана
Для политических бесед.

Жить холостым — такая мука,
Пора племяннику к венцу,
Пока безделие и скука
Не повредили удалцу.

И отчего б, сказать к примеру,
Тевоторосу не отдать
Дочь Армаган супругой Мгеру,
Красавцу и единове­ру?
Кто, как не любящая мать,
Решится на такую меру,
Смир­яя волю молодца,
Что вырос в холе без отца?

По царствам близким и далёким
Красой известна Армаган.
Сияет взором лунооки­м, —
Достойный вид, лилейный стан.
Тому свидетель Божья сила —
В ней нет несовершенных черт».

Сестра с Торосом согласилась,
И он поехал в Маназкерт
Искать родства с Теваторосом,
Засватать деву Армаган,

Чьи позолоченные косы,
Текут по мраморным ногам.

Теваторос соседей встретил
Эскортом у своих границ,
Как братьев, как почётных лиц, —
И обласкал их, и приветил.

Узнав о том, что привело
Посланцев к царскому престолу,
Он потемневшее чело
Склонил, потупя очи долу.

«Звать Мгера сыном — это честь,
И ваши помыслы прекрасны,
Но вот досада, в деле есть
Так — пустячок, где мы не властны.

Семь лет тому, как Белый Дэв
В раскатах молниева грома
Похитил дочь мою из дома,
Украл моё «Кармир арев».

Чтоб утвердить со мной родство,
Придётся Мгеру потрудиться.
Найти врага, убить его
И с Армаган на Рождество
К родным пенатам воротиться.

* * *

Царь Хлата злобный Белый Дэв
Жил рентой властного захвата.
Хватал в залог невинных дев
И требовал за жизни злато.

По телу бледному его,
Стократ меняя положение,
Метались блики обновленья,
Не разрушая естество.

Не брал ни меч его, ни стрелы.
Регенерируя пробой,
Он оставался мягким, белым,
Довольным собственной судьбой.

Узнав о сватовстве Тер-Мгера,
Дэв шлёт к воителю гонца,

Чтоб, для острастки и примера,
С ним разобраться до конца.
На битву вызвал пахлевана,
Вполне уверенный в себе,
Решив, что поздно или рано
А сокрушит его в борьбе.

Мгер не замедлил.

Через сутки он был у Хлатовых полян.
У ручейка обличьем жутких
Двух дэвов встретил пахлеван.

Был сдержан, пожелал здоровья
И блага им на много лет.
Они не дрогнули и бровью
В ответ на вежливый привет.

Просил напиться, но не дали
Воды студёной ни глотка.
Мгер осерчал. Полоска стали
Взлетела легче ветерка
И дэв повержен, у другого
Мечом растерзано бедро;
Он похромал под сени крова,
Забыв порожнее ведро.

Напившись, Мгер по пятнам крови
Нашел приют, где Белый Дэв
Заложницу — «Кармир арев» —
Держал прикованной под кровлей
Вертепа. Смрад и дикий храп,
И дым, и серные зарницы
Смущали тех, кто объявиться
Посмел, да биться — духом слаб.

У входа пленная девица
Смывала кровь, стирала пот,
С невежи, стражника криницы...
Но Мгер не смог остановиться
И милосердия сестрицу
Избавил быстро от хлопот.
Схватил врага, исполнен гнева,
В объятья — клещи заключил
И в когти Иблису вручил.

Так неприветливого дэва

Мгер благодетелью учил.

«Ты кто?» — спросил он у девицы,
«Я Армаган. Живу в плену

Семь лет. (Уж лучше б не родиться.)
Жду Мгера каждую весну.

Он скоро явится ко мне...
Постой! Да это уж не ты ли?
Тебя я видела во сне,
Который дэвы мне крутили».

«Ну, я! Показывай мне друга!»
«Он друг мне? Это подлый враг!
В пещере спит любитель драк.
Не победить его никак
Внутри начертанного круга».

«А где кончается тот круг?»
«У злотаинственной криницы,
Где чёрный лес и мёртвый луг,
Где нет ни зверя и ни птицы.

Там Дэву воду достают
И носят вёдрами к пещере...
Он после сна бывает крут.
Ты б отошёл, не стоит тут
Искать сомнительный приют,
Иль спрячь меня, по крайней мере».

Мгер взял с собою Армаган
И у ключа укрылся в роще.
Глядь, Белый Дэв, как ураган,
Летит к воде, пластая мощи.
При виде Мгера поостыл.
«Ты кто, — спросил его, — откуда?
Веленьем чьих безумных сил
Ко мне явилось это чудо?»

♦Я Мгер. Ты звал меня. Готов
Ты перемолвиться со мною?
Простись со славою земною,
Для Дэва нет у Мгера слов♦.

При белом свете и в тени
То днём, то звёздными ночами,
То булавою, то мечами
Рубились, плющились они.

Кружили пешими, — сам друг,
Сцепившись голыми руками,

Тут Мгер рванул его за круг
И с криком: «Божья сила с нами»
Порвал и выбросил к чертям
Белесоватые лохмотья.
В залесье бросил, в заболотье,
Не дав срастись его костям.

Воздав за спесь своим врагам —
Юнцам и прашуру седому,
Мгер вместе с милой Армаган
Отправился к родному дому.

Судьба. Её не обойдёшь.
Назначенное совершится.
Она прекрасна. Он пригож.
Ну, как им было не влюбиться?

Не погоняя Джалали,
Любуясь звёздными кострами,
В полёт зовущими мирами,
Они в пещеру забрели,
Где под плитой неприметной
Дэв сберегал бесценный клад:
Каменья — грудой многоцветной,
Клинки — узорчатый булат.

Расшиты сканью золотою
Халаты, тканые ковры,
Они, скрываясь до поры,
Легли, как тайные дары,
Перед влюблённою четою,

Благодареньем за труды,
За многолетние страданья,
Как искупленье прозябанья
В темнице Хлатовой гряды.

Глядь, из-за горного откоса
Спешат бодры и веселы
Князя царя Тевотороса —
Сам царь и царские послы.

Запели сазы и дутары.
Властительный Теваторос
Влюблённой паре преподнёс
Благословенные хачкары
И дань наследного владенья

На все оставшиеся дни.
Да будут счастливы они
Отныне каждое мгновенье.

Сасун встречал колоколами
Чету влюблённых и гостей.
Благословение дала им
Дехцун, а дядьки всех мастей,
Поздравив Мгера, возносили
Хвалу прекрасной Армаган,
Бросали золото к ногам
И кубки с мёдом подносили.
Вино, гончарные изделия
Несли от каждого двора.
Казалось, пляшет и гора
В разгаре общего веселья.

Лилось рубиновое зелье,
Но, неизбежное с утра,
Ждало тяжёлое похмелье
И сожаление несмелое
О том, что кончилось вчера.

* * *

То вверх, то вниз.... Опять беда.
Желчь разыгралась у Мелика.
На поводке его орда
Беснуется и воет дико.

Труд пахлевана — ратный труд
В Мусуле стал цениться ниже.
А всё армяне! Ведь они же
Привычной дани не несут.

Наглеют, таску позабыли.
Мгер укрепляет рубежи.
Всех мытарей поистребили,
А те, сказать по правде, были
Весьма достойные мужи.

Не счесть улик! Не знают меру.
Визжа и брызгая слюной,
Шлёт Мсра-Мелик проклятья Мгеру,
Грозя убийственной войной.

Арабы, по его веленью,
Слетелись — чисто вороньё,

И на Сасунские владенья
Косятся, будто на своё.
Да только Мгер уже не тот,
Каким знавал его когда-то
Мелик. Он взрослый и женатый,
Взял льва и Дэва в оборот.

«Оган, ты бога не боишься!
Мы платим дань, а ты молчишь.
Хитришь, лукавишь и таишься,
Как робкий кролик, кроткий стриж».

Но, вызов брошен поелику,
Узнают мощь моей руки.
Убавлю спеси Мера — Мелику,
Порву, на мелкие куски.

«Иди, Мелик, тебе не скрыться
Во Мсыре. Мститель у ворот.
Я жду тебя! Настал черёд
Прийти, увидеться, сразиться.

Оставим стрелы и дубинки.
Забудем палицу и меч.
Чтоб жизни воинов сберечь,
Сойдёмся в честном поединке».

Мелик — горой, к нему навстречу
Идёт, смекая, — быть беде.
Такие ноги, торс и плечи
Он не встречал ещё нигде.

Схватились крепкими руками
И, по ристалищу кружа,
Враги крушили кулаками.
От напряжения дрожа,
Друг другу рёбра, скулы, выи...
И горы рушились окрест.
Вскипали воды, как живые,
Тут Мгер, взглянув на ратный крест,
На розовеющие тучи,
Где зрела новая заря,
Подбросил вверх богатыря,
И тот в руины пустыря
Упал бесформенною кучей.

Пришёл в себя и молвит тихо:
«Прости, я недооценил

Ни правоты твоей, ни сил
И заслужил такое лихо.

Да будет мир невозмутимым.
В Сасуне доблестно цари.
Мне Мсыр оставь и одари
Своею дружбой, побратимом
Мне стань. Должны богатыри
Держаться вместе. А случится
Война иль хлебный недород,
В борьбе с бедой объединится
Пусть твой народ и мой народ.

А если кто, не взвидя света,
Уйдёт в печальный мир теней,
Другим да будет обогрета
Его семья. Да будет это
Обетом до скончанья дней».

Мгер, от рожденья незлобивый,
Достойно принял эту речь,
Обнял Мелика выше плеч
И встречно клятвою правдивой
Поклялся дружбу оберечь.

Союз печатями скрепили.
Пошли подарки и пиры.
Три дня кутили, ели пили
И распрощались до поры.

* * *

В трудах прилежных и достойных,
Достатком души веселя,
Цвела Армянская земля,
Забыв страдания и войны.

Десятилетия Божья сила
И Мгера властная рука
Ваяла, бережно гранила,
И величала, и хранила
Сасун от вражьего клинка.

Но безмятежная лазурь
Небес или людского взгляда —
Лишь око всполохов и бурь,
Летающих на плечах торнадо.

Донёс тоскующий кулик
Печаль до Мгерова порога
О том, что друг его — Мелик
Предстал пред светлы очи Бога,

Что русло высохшей реки
Мертво, как дерево в пустыне,
И не живит его тоски
Краса оазисов отныне.

Мсыритов смутой расколол,
Обеззащитил, обезглавил
Мелик и царственный престол
Им без наследника оставил.

В стране междоусобье длится,
Предательство нашло приют.
Князья уже не признают
Себя вассалами царицы.
Немало солнц, немало лун
Прошло с поры, когда Сасун
Избавился от власти Мсыра.
Слова при заключенье мира
Припомнила Исмил-хатун,
Вдова почившего эмира.

Призвав уменье и старанье,
Коварство женское и лесть,
Шлёт Мгеру просьбу — заклинанье
О помощи, напоминанье
Про долг, ответственность и честь.

Дабы Сасунскому владыке
Сильнее голову вскружить,
Спешит румяна наложить
На угасающие блики
Былой красы.

Сурьма и хна
Легли на волосы умело,
А увядающее тело
Взбодрила мускусом она.

«Мгер клялся быть защитой Мсыра,
Когда заявится беда.
Вот — эти грамоты эмира,
Я их припрятала тогда.

Его увидеть буду рада,
Небесной карой пригрожу,
Обворожу соблазном взгляда,
И сына от него рожу.

Спасу от распрей наше царство.
(Верней, не наше, а моё)*.
Ох, это женское коварство –
Отравы сладкое питьё.
Мгер доброхот и легковерен,
Но Армаган не провести!
Ложилась камнем возле двери,
Моля Дехцун, Тороса-кери
От чар
 любимого спасти.

Меджлис, собравшись скоротечно,
Решил, что Богом суждено
Пробить к язычникам окно
И окрестить народ, конечно.

Да не пройдёт удача мимо!
Знать, то знамение судьбы:
Владенья Мсыра без борьбы
Принять под руку побратима.

Оган, Исмил не доверяя,
Пытался брату объяснить,
Куда ведёт тропа кривая,
В какие омуты ныряя,
Зовёт злокозненная нить,

У Армаган слова, как пламя,
И взглядом каменно тверда:
«Уедешь, Божья сила с нами,
Не возвращайся никогда.

Коли меня оставишь всё же,
Погасишь преданности свет,
Даю обет, — на сорок лет
Забудь супружеское ложе».

«Пойми, я клятву дал Мелику
И слово грамотой скрепил.
Я стал бы ангельскому лику
Презрен и низок, поелику
Святую клятву преступил.

Вернусь к тебе, не сомневайся,
Не плач о муже, не тужи.
Молись, надёжной оставайся,
Обид на сердце не держи».

«Ну, с Богом! Пусть твою дорогу
Украсят листья и цветы,
Но угасить не сможешь ты
Мою сердечную тревогу».

На Джалали хурджин с дарами
Закинул Мгер, и только пыль
Метнулась в горной панораме,
Да по лугам полёг ковыль.

Тропу коврами застелила
К порогу хитрая Исмил,
Перед воротами настил
Сусальным золотом покрыва.

Готовит вина. Глядь — Давид
В подворье въехать норовит.

«Я здесь, Исмил. Ты позвала.
Слова твои да будут кратки.
Что за нужда во мне была,
Какие в царстве непорядки?»

«Зачем ты, парень, на коне
Сидишь и хмуришься сурово?
Спускайся, подойди ко мне,
Промолви ласковое слово».

Мигнув прислужницам, она
Ласкает взглядом бедолагу
И семилетнего вина
Даёт ведёрную баклагу.
Мгер пьёт, и повод Джалали
Передаёт её конюшим.
Слова медово потекли
В его доверчивые уши.

«Князья уже не признают
Меня владычицей наследной.
Как избежать царице бедной
Дворцовых сговоров и смут?

Ты подскажи мне, помоги
Принять оманж моих вассалов.
Я от претензий их устала.
Здесь даже родичи — враги».

Играет доброе вино,
Горит в гранатовом бокале,
Не в гостевой уже, не в зале —
На ложе плещется оно.

На утро Мгер проснулся хмуро:
Вот влип, смекает, так уж влип!
Что натворил я ночью сдуру?
Попался, будто кур в ощиц.

Исмил-хатун змеёю вьётся:
«Мгер, просыпайся, ждут князя.
Пойди, умойся у колодца,
Солью тебе, душа моя».

Поднялся Мгер и — туча тучей —
Побрёл с Исмил на царский двор.
Там на смутьянов пьяный взор
Навёл, тяжёлый и колючий.

«Князя, вы знаете меня?»
«Ты — Мгер, герой-львораздиратель».
«Так вот: с сегодняшнего дня,
(Храни ослушников, Создатель)
Над вами властвует Исмил,
Дай Бог ей доброго здоровья.
Служите ей, по мере сил,
Без сутяжа и суесловья.

Врагами царства назову
Не согласившихся, отныне.
Найду, на части разорву
И прах развею по долине».

«С тобою, Мгер, нам лучше жить
Как прежде, в мире и согласии.
Даём Исмил единовластие
И станем преданно служить».

Победу над князьями празднуя,
Исмил, чьи помыслы черны,
Находит вновь предлоги разные,

Чтоб Мгеру стать милей жены.
«А Джалали, — звучит приказ её. —
Пустить к кобылам в табуны».

Вином и лестью одурманенный,
Мгер годы слил в единый миг.
А у Исмил родился, краденый
У Армаган, малыш Мелик.

То ль наяву, то ли приснилось,
Но только вздрогнул Мгер, когда
В его сознание просочилось:
«Сияет Мсырская звезда!
Звезда Сасуна закатилась».

Исмил смеётся: «Мне удача
Была с рожденья суждена.
Я Мгеру больше, чем жена,
Пусть Армаган в Сасуне плачет,
Её я слышать не должна.

Зря Мгер клянёт дурное зелье,
Благословенным будь оно.
Когда б не крепкое вино,
Не ежедневное похмелье,
Мне б мамой стать не суждено.

Сынок Мелик — светило Мсыра,
Окрепнет, силы соберет,
Возьмёт Сасунцев в оборот,
Да что Сасун? Любой народ.
Пора придёт, владыкой мира
Его послушно назовёт».

Тоскует Мгер: «Я б лучше ногу
Сломал, решив идти сюда.
Уплыли годы, как вода,
Оставив горькую тревогу.

Где брат Оган, где Армаган?
Вы знали всё, вы были правы.
Коварство женское, обман
Меня смели, как ураган,
Лишив наследника и славы.
Теперь и сам себя казню
За то, что долго, терпеливо

Я орошал чужую ниву,
Своя ж усохла на корню».

Понуро сел на Джалали.
В Сасун поехал, не простившись.
Чуть не заплакал, очутившись
В пределах преданной земли.

Стучится: «Где ты, отвечай,
Моя любовь, моя отрада,
Моя игривая наяда,
Бродягу грешного встречай».

Жена дверей не отворила:
«Оставь меня на сорок лет».
Не то, чтоб страсть её остыла,
Но крепок горестный обет.

«Открой, жена, Сасуна ради,
Ведь мы отчизне не враги!
В наш дом войдут чужие дяди,
Когда свои не дороги.
Нужна надёжная опора:
Герой, могучий пахлеван.
Наследник нужен нам, коль скоро
Мсыритам он обманом дан.

Послушайся католикоса
И тех, кто мудр и стар, и сед.
Пусть сообща отыщут способ,
Как снять наложенный запрет».

И вот сошлись архимандриты,
Епископы, католикос,
И ловко, как иезуиты,
Решили каверзный вопрос.
Ловки предшественники школы
Отца Игнатия Лойолы.

«Для Бога, временные звенья –
Условность. Эти сорок лет
Мы сокращаем до мгновенья.
Оно прошло. Его уж нет.

Ступайте, кайтесь и молитесь,
Блюдайте строгие посты.
И Армаган, и храбрый витязь

Теперь безгрешны и чисты.
Ты на супружеское ложе,
Как прежде, Мгер, обязан лечь.
И можешь там или не можешь, —
Сасун наследьем обеспечить»!

Вздохнула Армаган: «Пусть будет,
Как порешили мудрецы.
Должны духовные отцы
Заботиться о Божьем чуде.

За неизведанной чертой
Исчезнем мы, но сын родится,
Чтоб, не увидев наши лица,
Навек остаться сиротой».

«Все смертны, — Мгер жене ответил, —
В началах зиждутся концы.
Уходят матери, отцы,
На смену им приходят дети.

Сасуна слава не умрет,
Его светильник не остынет.
Да возродится в нашем сыне
Благословенный Богом род».

Любовь царит, горами движет,
Чарует тайной огневой.
Супруги стали много ближе,
Чем до разлуки роковой.

Тер-Мгер в восторге упоенья
В горах близ города бродил.
И — под наитьем озаренья —
Цветущий парк в своих владеньях
Разбил, деревья посадил.

Здесь эвкалипты и чинары
Взбегали стайкой на холмы
Здесь Божий храм; его хачкары
Влекли на свет из грешной тьмы.

Дворец, чьи башенки литые
Поил сиянием рассвет,
Струил святой небесный свет
На анфилады золотые.

Свой Цовасар оградой дивной
Обнёс Тер-Мгер, собрав вокруг
Семейства братии наивной —
Послушников и Божьих слуг.

Для развлечений и охоты,
Для состязаний и игры
Роились заросли и гроты
На склонах сказочной горы.

Вот так, лукавствуя с обетом,
Свершив положенный обряд,
Шутя, управились с запретом
Супруги, позабыв при этом,
О том, что с Богом не хитрят.

Прошло положенное время
И, как преданье говорит,
Взошло посеянное семя,
С библейским именем — Давид.

А нарушители обета —
И Армаган, и добрый Мгер
Для покаянья и ответа,
Ушли по лучикам рассвета
В шатёр иных небесных сфер.

* * *

Оделась в чёрные одежды
Мать Мгера Дехцун-цам хатун
И поклялась не снять их прежде,
Чем внук Давид её Сасун
Не озарит своим сияньем,
Приняв владением престол,
Сменив безвластья произвол
Трудом и мудрым созиданьем.

Как предсказала Армаган,
Давид остался сиротою,
И над могильною плитою
Усыновил его Оган.

Сарья-ханум — его жена
Искала мальчику в тревоге
Кормилицу, сбивала ноги
В напрасных поисках она.

Никто не ведал, в чём тут суть;
Малыш Давид искал упрямо
Губами бархатными маму
И отвергал чужую грудь.

Жена достойного Огана —
Уж как сметлива и умна,
Ведь что придумала она?
Послать с Давидом пахлевана
Во Мсыр, где тень его отца
Ещё витает и таится,
Где Мсра-Мелик — дитя царицы
Почти того же образца,
Что и Давид. Проснётся память,
Родная кровь заговорит
И он к Исмил, как в бытность к маме,
Прильнёт и голод утолит.

Так объяснял Оган мотивы
В своём послании к Исмил,
И заклинал её, молил,
Спасти зерно сасунской нивы —
Золотокосой Армаган
И Мгера...

«Он тебе был мужем.
Стань доброй матерью, —
кому же ещё поверит мальчуган?»

Рациональное зерно
В сосёстрах Евы спит до срока,
Но вдруг, где страстно, где жестоко
Переплетается оно
С наитьем чувственного толка.

Кривая помыслов её
Кладёт узоры втихомолку
На хитротканное шитьё.

«В Давиде и моём Мелике
Жив Мгер, отважный пахлеван.
Мне небом шанс счастливый дан
И жребий, подлинно великий,
Объединить Сасун и Мсыр
В удел, где буду я — царица.
Мне станет данником весь мир,
Когда добром не покорится».

Давид, — ты только погляди, —
Толь по родству, то ли спросонок,
Но ведь припал голодный львёнок
К шальной Исмиловой груди.

Отведав дар её сосцов,
С неделю был ей, как бы сыном.
Но — как бы. И, в конце концов,
Срыгнул утробно и картинно
И отвернул от них лицо.

Чтоб юный лев не отощал,
Его кормили маслом, мёдом.
Он рос, уверенно крепчал,
День ото дня, как год за годом.

Но заикаться начал мальчик.
Однажды он в огонь утлей,
Меликом данных, сунул пальчик,
И тут же в рот его скорей,
Чтобы страданье от ожога
Унять. Седельце повредил,
И с этих пор заговорил,
Слова коверкая немного.

По настоянию Мелика
Дитя держали в темноте,
Чтоб солнца ясного заика
Не знал и видеть не хотел.

Чтобы закаты и рассветы
Во сне не грезились ему,
Чтоб он, как крот, не зная света,
Был безучастен ко всему.

Тут до смешного! Раз в темницу,
Где он томился взаперти,
Сумел случайно заползти,
Сквозь шторы тёмные пробиться
Прямой, как лезвие ножа,
Весёлый луч и горделиво
Дразнил, пылинками кружа.

Давид смотрел на это диво,
От возбуждения дрожа.

Решив, что этот гость незван
И быть здесь не имеет права,
Давид пошёл с ним на таран,
То слева бил его, то справа.
Ан, — всё по прежнему,
С лучом не удавалось нипочём
Поладить, выдворить бродягу.
Добро, слуга и близкий друг,
Деливший с мальчиком досуг,
Явил примерную отвагу
И просветил его, беднягу,
Унял ребяческий испуг.

Давид, узнав, как мир велик
И как коварен брат Мелик,
Взломал засовы и запоры,
Решётки, жалюзи и шторы
И к свету Божьему проник.

С минулой жизнью кончил счёты,
Следил за солнцем в вышине,
Познал людей и их заботы
О хлебе, мире и войне.

Узнал, что силою отменной,
Неукротимой наделён
И что таких во всей вселенной
Лишь двое: брат его и он.

На волю вырвавшись впервые,
Шалил, вовсю озоровал,
Ломал деревья вековые,
Стальные цепи разрывал.

* * *

В могиле Мгер. Давид-дитя.
Вожжа запала Мсра-Мелику.
И он — былому братству в пику —
Башку дурную очертя,
Пошёл в Сасун. Губил и грабил.
Пленял людей, селенья жёг,
И мирных жителей заставил
Платить убийственный налог.
Напился крови злобный враг,
Сасун пред Мсыром обесславил
И отошёл. Верго оставил
Своим поверенным в делах.

Давид в неведение растёт.
Исмил, как мать, его ласкает,
Хранит, ревниво опекает
От огорчений и забот.

Мелик, вернувшийся во Мсыр,
Следил его метаморфозу.
Ещё не ясную угрозу
Заметил в родиче эмир.

«Нанэ, давай-ка отошлём
Давида родственным пенатам.
Мне тесно рядом с этим братом
В степи, — не то что за столом».

Предвидя замыслов крушение,
Исмил витийствовала с ним.
Но тот был твёрд, неколебим,
И настоял на возвращенье.

Двум пахлеванам старший брат
Доверил младшего братишку
И намекнул, как говорят,
Чтоб берегли его не слишком.

«Коль он в дороге пропадёт,
Ну, скажем так — случится чудо,
Я горевать о нём не буду,
Скорей — совсем наоборот.
Река бурлива у Батмана,
Мост узок, скальный гребень крут.
Вполне сорваться может тут
Племянник дядюшки Огана».
Убийство — будни для бойца.
Неважно, друга бить иль брата...
И усмехнулись кривовато
Два пахлевана-удальца.

Изменчив хитрый глаз судьбы.
Он беспристрастен только с виду.
Нюансы родственной борьбы
Без чародейской ворожбы
Прозаповеданы Давиду.

Не зарываясь, не грубя,
Вполне естественно, невинно
Он не давал увидеть в спину
Сопровождающим себя.

Ну, вот и мост. Поток ревучий
Грызёт уступы чёрных скал
И разбивается о кручи
За пенным валом пенный вал.

Вершины гор озолотили
Лучи. Последняя черта.
Давида воины схватили
На тонкой жёрдочке моста.

Ребёнок молвил: «Боже правый!
Вы съели что-нибудь не то?
Неужто в отчине никто
Не смог найти на вас управы?

Виновны!» Вниз через перила
Их перекинул в тот же миг.
И только эхо повторило
Двуледенящий душу крик.

* * *

Спешит племяннику навстречу
В сопровождении персон
Оган, увидев издалече
Знакомые крутые плечи,
И не нужны пустые речи
Сердцам, что бьются в унисон.

«Давид, ребёнок, ты ли это?
Красавец, Господи прости!
Мне говорили, что без света
Тебя держали взаперти.

Как ты с лучом боролся, знаю,
Как забавлял пустых людей.
Как бесновался, проклиная
Тебя, глумливый лиходей.

Здесь Мгер — отец твой — упокоен.
С ним рядом — мама — Армаган.
Ты был любим и долгождан, —
Так будь родителей достоин».

Под сенью родственного крова
Помчались будничные дни,
Где труд и ласковое слово
Хранят надёжнее брони.

Давид румян и светолик,
Броваст, ресницы — опахала,
А торс — стройнее не бывало
С тех пор, как этот мир возник.
Ах, эти ямочки тугие,
Пушок над верхней губой,
Ах, плечи круглые, нагие,
Ах, взгляд небесно-голубой.

К таким беда идёт нежданно,
Ведь он доверчив, как дитя.
Сарья-ханум, жена Огана,
В него влюбилась, не шутя.
Страдает, мечется на ложе,
Вздыхает, ловит встречный взгляд.
Тоска шальное сердце гложет,
Алкая, до телесной дрожи,
Любовных пагубных услад.

Наедине — стрижёт глазами,
То ножку выставит, то грудь...
На них (признаться, между нами)
Мечтали многие взглянуть.

Давид же смотрит херувимом
Или, стыдясь, отводит взгляд.
Ему, невинному, вестимо,
Не внятен женский маскарад.

Что до еды — большую фору
Мог дать любым и пить мастак.
Сарья-ханум в ночную пору,
Свечой рассеивая мрак,
Несёт в кровать предмету страсти
Баранье мясо и вино.

Давид, не ведая напасти,
Беспечно спит давным давно.

Она его тихонько будит:
Давидик, ласковый, встречай.
Целует сонного, голубит,
Касаясь, будто невзначай,
Запретных мест... и нетерпенье
Её, безумную, ведёт
Туда, где дремлет сладкий плод,
Не знавший грешного смятенья.

Давид очнулся. «Тётя, вы?
С вином, едою? Слава Богу.
Я б съел сейчас телячью ногу,
Да только нет её, увы!

О, что за запах! Очень кстати!
Не знаю, как благодарить!
Что, прямо здесь? Вот так, в кровати?
Чур, без родительских объятий!
Я эти рёбрышки в салате
Могу и так переварить.

Вино немереною кружкой
Осушит, чан опустошит,
Потом обнимется с подушкой,
Рыгнёт, укроется и спит.

Сарья седые пряди рвёт
И вот, совсем уже бесстыдно,
В купальню названного сына,
Чтоб слил ей, ласково зовёт.

Давид доверчиво подходит
И покачнулся. Что за вид?
Сарья раздетая стоит
И ноги медленно разводит.

Покрылся пятнами стыда,
Полил ей, скрыв глаза рукою.
«Вы, тётя, больше на такое
Меня не ждите никогда.

Вы мать мне, дядюшке Огану — жена,
Вы — близкая родня.
Как я с сегодняшнего дня,
В глаза родному дяде гляну?

И убежал за перевал,
В дремучий лес, крутые скалы.
Где только туры да шакалы
Да мгла холодных покрывал.

Бросая горькие укоры,
Бродил у смерти на краю,
Вёл с сердцем яростные споры,
Кляня доверчивость свою.

Вернувшись, отчима стеснялся,
Стыд вожделенья познавал.
От Сарьи прятался, скрывался
То в погреб, то на сеновал.

Наскучив недорослем слыть,
Давид нашёл Кери-Тороса
И стал прадыюшку молить
О разрешении вопроса.

«При деле вся моя семья,
По мере сил и увлечений:
Стада, охота.... Только я
Живу для сна и развлечений.

Не далеко и до греха
Со скуки, — в этой жалкой роли.
Сыщи мне должность пастуха,
Или хотя б подпаска что ли.

Я ловкий — страсть,
и сил — захлёб,
Как у богатырей былинных.
Хочу узнать рисунок троп
В лесах и пастбищах долинных».

«Ну что ж, дружок, тут есть резон, —
Кери-Торос ему ответил, —
Да будет путь твой умудрён
Трудом. Спускайся на рассвете
К реке.
Я соберу туда,
Под Сехансар, за лесосеку
Сасуна тучные стада
На выпас под твою опеку.

На солнцепёке и в тени
Храни, паси их аккуратно.
Через неделю пригони
Скотину с пастбища обратно.

Сумеешь, будешь молодцом.
Коли управишься умело,
Сравнишься в ловкости с отцом
И совершишь благое дело.

* * *

Уха без кости — не уха.
Нельзя сказать, чтоб становленье
На роль мальчишки-пастуха
Прошло без недоразуменья.

Коров он знал не так уж слишком.
С козлами был едва знаком.
Своим мальчишеским умишком
Судил о мясе с молоком
По дилетантски, понаслышке:
Каймак, шампуры с шашлыком
И козья шерсть без всякой стрижки.

Не зная опыта в охоте,
В крестьянском деле бестолков,
Не отличал в лохматой плоти
Овец от тигров и волков.

В слепом старательном угаре
Посевы злаковых губил,
Сбивал в стада косматых тварей,
Медведей в город приводил.
Добро размежевал грехами,
Винился, коли виноват,
И побратался с пастухами
Соседних сёл, соседних стад.

Его бесхитростную силу
Ценили жители окрест,
Но свет идиллии затмила
И солнце счастья погасила
Лавина зла из диких мест.

* * *

Давид отсутствовал, был в храме,
Ходил за харисой, когда
Внезапно — как в хорошей драме —
Стряслась нежданная беда.

Лишь тьма легла густою тенью,
Вишапы — племя дикарей —
На пастухов и на селенья
Напали яростней зверей.

Всё ценное свалили в груды —
Рогатолобы и крепки,

Одежду, золото, посуду
Снесли в седельные мешки.

Не пощадили и скотины,
Навьючив краденым добром
Их добродетельные спины.
Поджогом кончили погром
И скрылись в тень крутой хребтины.

Давид с котомкой для еды
Ходил в Сасун. Вернувшись к стаду,
Нашёл разбитую ограду,
Кошар и, сколько видно взгляду,
Следы разора и беды.

«К-кто, г-где, к-когда, — спросил, икая
(Язык во Мсыре повредил),
Что за беда стряслась такая,
Пока я к родичам ходил»?

«Вишапы, бешеные в злобе,
Пришли, незваными, сюда;
Ломали, грабили и гробили,
Угнали женщин и стада».

«Давно ль?» — «Часа тому четыре,
Как в лес с награбленным ушли.
Следы огня и чёрной пыли
Ещё виднеются вдали».

«Ну, ждите, я уже в дороге».
«Их там не меньше сорока!»
«Управлюсь, чай они не боги!
Намну насильникам бока».

Весь день преследовал вишапов.
Под вечер зарево костра
И мяса жареного запах
Ему сказали, что пора
Сыскать оружие для боя,

Он, выбрав дуб обхвата в два,
Сказал заветные слова —
Девиз отважного героя:
«Хлеб и вино и воля Бога!
Крест Патараза, помоги!
Пусть в адском пламени враги
Сгорят огнём, без некролога».

И стал, стараясь не частить,
Блюдя достоинство мужчины,
Дубовым деревом крестить
Их мордорогие личины.
Валились, как чертополох,
И радиально, и по кругу
Вишапы, словно с перепугу,
Иль оттого, что он врасплох
Застал отверженное племя,
Но только всё лихое семя
Давид, почёсывая темя,
Вбил в прах нехоженных дорог.

Недурно начал пахлеван
Свою карьеру боевую.
Давида летопись живую
Начнет с вишапов Тер-Оган.

Ну а пока, в пещеру боком
Войдя, Давид остолбенел.
Вокруг, куда достанешь оком,
Переливался и звенел
Цветной металл; монеты, слитки
Мерцали в грудах янтаря,
В старинных амфорах напитки,
За аппетит благодаря,
Рога и кубки искушали,
Влекли к жаровням, вертелам,
Где гроздь мяс источали
На весь разбойничий бедлам
Дух опьяняющий, дразнящий,
И, пряным запахом маня,
Роняли сок животворящий
На жар пещерного огня.

Здесь золото в больших чувалах,
И чистых самоцветов — тьма.
Их свет, то режущий, то алый
Слепил, пленял, сводил с ума.

Давид камнями и златом
Мешки седельные набил,
Неспешно кубки пригубил
И у жаровен супостата
Мясное впрок употребил.

Затем, прикинув по размеру,
Валун гранитный накатил,

На вход в заветную пещеру.
Свой ратный подвиг посвятил,
Святому ангелу и Мгеру
И вниз, по выверенным тропкам,
Где он преследовал врага,
Погнал скотину неторопко
На изумрудные луга.

По каждому, кто слаб и болен,
Прошёл живительной волной
Дождь самоцветов проливной.
Давид, вишаповой казной
Всех оделил, кто обездолен.

Исполнив праведное дело,
Он с отощавшею сумой
Явился к дядюшкам, домой
И заявил, что надоело
Пасти овец. Судьбой самой
Ему дорога сераскира
Дана, и этот путь прямой
Милее всех соблазнов мира.

«Богатства хватит у меня
Да и у вас, лет на сто, право.
Седлайте мула и коня,
Да что там? Конскую ораву.

С собой берите сто чувал,
И — все за мной! Мы едем в горы.
С вишапами я кончил споры
И клад у дэвов отобрал».
«Ты шутишь, увалень, занка, —
Верго ответствовал ему, —
Казна вишапского владыки
Тебе, дружок, не по уму..
Круты рога, остры их зубы,
Ужасен рост и внешний вид.
И зря насмешливые губы
Лукавишь, маленький Давид».

«Я не такой уж, дядя, малый».
И клад свой перед ними — бух!
Свет самоцветов остроалый
Смутил дядьёв суровый дух.

«Неужто правда, непоседа,
Ты победил лесную рать?

Позволь тебя расцеловать!»
Совсем смутили репоеда.

Поехали. Нашли пещеру.
Давид валун отворотил
И клан воинственного Мгера
На много лет обогатил.

Сасун как дерево. что влагой,
Живой водой орошено,
Расцвёл богатством, и отвагой,
И гордой славой заодно.

* * *

Давид проведаль: у Огана
Хранится лук его отца
И стрелы. В сердце удальца
Зарделось пламя пахлевана.

Любого смертного спросите:
Возможности рождают спрос.
И не случайно юный витязь
Приметил под сплетеньем лоз,
В пещерной тьме альков укрытый,
Где конь (вернее — жеребец)
Косил глазами и копытом
Стучал в окованный ларец.

В ларце, усеянном камнями,
Качались сбруя и седло.
Над ними ширилось, плыло
Гало, волшебными огнями
Залив сырой пещерный мрак
Восторгом сказочного света...

Нет страшной тайны и секрета —
Кому достался аргамак.

Вернёмся к луку. Поскрипел
Хранитель скаречно зубами,
Но, предпочтя семейной драме
Покой, оспорить не посмел
Права Давида на наследье,
Условье выставив одно:

Коль тетивой обводы медные
Смирят, то Богом суждено
Сменить оружию владельца.

Сие не каждому дано.
Доселе не было умельца.

Усилье да не будет тщетным.
Давид лукаво подмигнул
И мановеньем неприметным
Струну на рожки натянул,
Его сомнения рассея,
До тени мелочных штрихов.

Оган читал про Одиссея
И вероломных женихов.

* * *

В хрустальных кубках янтаря
Мрачнел огонь дневного света.
Спускалась, сумраком одета,
На лес багряная заря.

Давид, натруженной рукой
Забросив лук отца за плечи,
Благословив ночные свечи,
Шёл на заслуженный покой,

Чтобы от утреннего звона
Бамбиров, дудок пастухов,
Или божественных стихов —
Притч святого Соломона,
Опять воспрянуть с лаской в свет,
Взяв лук и стрелы, чтоб охотой
Продолжить перечень побед,
Гоняясь до седьмого пота
За дичью или птицерьём
По склонам верхнего Сасуна.
Льва подстеречь, когда Фортуна
Велит, послушать Гамаюна
В волшебном виденье своём.

Однажды вещая старуха
У Сехансарова холма,
Кудесница и повитуха
Ему сказала, что долма
Куда вкусней из кабана,
Или хотя бы поросёнка,
Чем из овцы, или цыплёнка.
Она, де, в том убеждена.

Давид ей: «Я ведь не опричь,
Но ты, б-бабуленька, скажи-ка,
Где от-тыскать такую дичь
К долме? — найдёт её заика».

«Эх, дурачок! А Цовасар,
Глухой стеною ограждённый,
В честь Армаган сооружённый
Гер-Мгером — как любовный дар?

Там «Божья мать» за стеной
(Так храм полуденный зовётся)
Сожжён Мсыритами весной.
Там сила белого колодца.

Дичины там — невпроворот.
Узнай дорогу у Огана.
Тень Мгера, сына пахлевана, —
Тебя там ищет и зовёт».

«Хорошенькое дело, дяди,
Вы до сегодняшнего дня
Хранили тайну от меня
Про Цовасар в его ограде.

Не прячьте красного лица,
Смотря по-девичьи невинно.
Меня — наследника и сына —
Ведите к детищу отца».

Лисили путаным хвостом,
Таились, взглядами блудили,
Но образумились потом
И к Цовасару проводили.

И объяснили по пути,
Что Мсра-Меликовым запретом
Всяк, кто осмелится войти,
Разрушив кладку стен при этом,
Да будет заживо сожжён,
Ободран иль посажен на кол.
«Сам посуди, какой однако
Резон — лезть сдуру на рожон»?

Понятное — да извинимо, —
Давид озвучил тишину, —
Не стойте здесь, ступайте мимо,
А я за стену загляну».

* * *

Как боль, как память о былом —
Храм Богородицы в руинах
Лежал, а в рощах соловьиных
Ломились трели напролом.

Сжимала челюсти обида,
И возникал, и гневно рос
К дядьям естественный вопрос:
«Как смели?!...» около Давида
Остался лишь Керн-Торос —
Суровый и правдивый воин,
Брат доброй бабки Дехцун-цам.
Он от начала до конца,
С конька до нижнего венца
Был дружбы Мгера удостоен.

«Я, дядя, стену развалю.
Отрою яму под основу.
Тебя, как старшего, молю
Отстроить эту церковь снова.

Иди в Сасун и кликни глас,
Зови строителей отменных,
И мастеров из смердов бранных,
С кем дружен шнур и ватерпас.

Ещё зови архимандритов,
Попов и певческую рать,
Чтобы крестить и отпевать,

Святить и службы отправлять,
На милость неба уповать
У Богородицы открыто.

Хочу, чтоб за четыре дня
Назло мсыритскому тирану
Святой Маруты дом воспрянул.
Керн, ты слушаешь меня?»

«Ты прав, малыш, назло врагу
Всё делай так, как понимаешь,
А я, и ты об этом знаешь,
И подскажу, и помогу».

Прекрасен труд, когда творят,
Руководясь духовным благом.

Большой строительный отряд
Неторопливо, шаг за шагом,
Красиво, прочно, вековѣ
Клал камень, цвел изразцами,
В шипы увязывал его
Простенки крепкими венцами.

Белком куриного яйца
И молоком питая глину,
Бутил базальтовую спину
В основу каждого венца.

Вилась мозаика, как струйки,
По телу розовых колонн.
На гранях сводчатых окон
Горели золотом чешуйки.

Паря на уровне орлов,
Вознёсся крест, как Божья вежа,
И блавест колоколов
В горах усиливало эхо.
Любовью люди укротили
Разгулье злобы и огня.
Храм Богородицы в три дня
И возвели, и освятили.

Щедра Давидова рука,
За труд воздавшая сторицей.
Всех силогдарственной водицей
Он напоил из родника.

Открыв казну, как Мгер когда-то,
Давид, молитву сотворя,
И драгоценности, и злато
Раздал, народ благодаря.

Зелёный вихрь, что у пилонa
Могила Мгера трепетал,
Опал и стал приветно ал,
Как лал короны Соломона.

Дела в Сасуне шли на лад.
Народ забыл про дань и войны,
Жил благонравно и достойно
Дареньем нив и тучных стад.

Всё было б ладно, но Мсыриты,
Гяурами оскорблены,

Пришли к Мелику и открыто
Грозят и требуют войны.

«Армяне перешли за грани!
Наглеют, просто стыд и срам!
Семь долгих лет не платят дани,
На Цовасаре новый храм
Построили, разбив кумирни,
А всё братишка твой-Давид.
Пора покой трусливый мирный
Забить, — пусть меч заговорит».

* * *

Темны зыбучие пески,
Туманны помыслы Мелика.
В тени владетельной руки
И присноцарственного лика
Паразитировала клика,
Как при Шер-хане — Табаки.

Так Козбадин, придворный воин,
Бахвал и низкий подхалим,
Меликом был весьма любим
И высших званий удостоин.

Постиг дворцовую науку:
К стопам властительным прильнёт,
Скульнёт и радостно лизнёт
С собачьей преданностью руку.

«Тревожить царственный покой,
Мой господин, тебе не стоит.
Есть Козбадин, он всё устроит:
Сасун сожжёт,

по землю сроет
Маруты храм и приведёт
К повиновенью непокорных
Гиксосов, низменных и горных,
И дань с лихвою соберёт».

«Что ж, Козбадин, изобрази
Армян баранами при стрижке.
Убей Давида, привези
На блюде голову братишки.

На Цовасаре возведи,
Как прежде, крепкую ограду.

Иди! И царскую награду
За всё содеянное жди.
Ступай в конюшни. Шестинога
Для дела царского бери.
Недели где-то через три
Явись с победой до зари
К порогу царского чертога♦.

«Исполню», — молвил Козбадин.
И на Леранские поляны
Сошлись Мсыриты — пахлеваны,
Как повелел им господин.

На сорока верблюдах ночью
Вошёл Меликовый шакал
В Сасун. Увидев их воочию,
Верго от страха заикал.

Оган, как гостя, Козбадина
В покоях встретил, угостил.
Давида — названного сына,
За дичью в горы отпустил.

Чтоб мальчик, по крутому праву,
В сердцах, чего не натворил,
Оган лукавил и хитрил,
Ласкал Меликову ораву.

И вот, пока Давид в забаву
Гоняет туров и козлов,
Мсыриты наломали дров,
Верша не суд, скорей — расправу.

В темницы заперли девиц,
Взломали кельи и амбары,
Коров, овец, домашних птиц
Загнали в стойла и кошары.
Верго, Оган и Козбадин,
Открыв казну, считают злато.
В чувалы льётся из корзин
Дань — семилетняя расплата.

Давид, не зная, что народ
Его корит и проклиняет,
Забрался к бабке в огород.
Сидит и репу уминает.

Вдруг слышит: «Ирод, вражий сын,
Позор Творца, чума, холера!
Чтоб не дожил ты до седин
Отца — прославленного Мгера!

Ест репу, юный сумасброд,
Глядит невинными глазами,
Когда в стране его народ
Залит кровавыми слезами.

Мсыриты грабят, губят, жгут,
Гребут казну родного крова,
А ты безруко, безголово
Ешь репу краденую тут!»!

«Мсыриты? Дядюшка послал
Меня за дикою газелью,
Я подстрелил у дальних скал
Косулю, редкостную, белую.

Спасибо, б-бабушка, вот туша
Тебе, з-за реповый разор.
Я на р-расправу с детства скор.
Из тел понымотаю души,
Их кровью смою наш позор.

Пошёл к темницам, цепи сбил
Схватил за ноги пахлевана
И, словно палицей, охрану
Мсыритов смял и перебил.
Дев, жён отправил по жилищам,
Из плена скот освободил
И с содроганием бродил
Среди родного пенелища.

Вот и дворец. Подвалы вскрыты.
Верго, Оган и Козбадин
Ссыпают в Мсырские корыта
Казну из Мгеровых корзин.

Слабы, как видно, на расправу.
В четыре доблестных руки
Знай льют налево и направо
Янтарь и золото в мешки.

Как сон, спустилась тишина.
Лишь Козбадин привстав, для вида,

Проблеял: «Голова Давида!
Она без тела мне нужна»!

Давид, сумнящиеся ничтоже,
Сказал: «Здесь нужен пересчёт.
Я ненасытному вельможе
Давидов окажу почёт».

Взял в руки мерку и ему
Так приложил по наглой роже,
Что, чур меня, помилуй Боже!
Не пожелаю никому.

Местами лоб его и зубы
Ударом мерки поменял,
Потом за шкурку приподнял
И пояснил не очень грубо:

«Твою бы душу намотать
На кол, на дерево осины,
Да заповеди Бога-Сына
Велят обидчика прощать.

Иди во Мсыр. Скажи Мелику,
Посол безглазый, дорогой,
Чтоб в мой Сасун он ни ногой,
Ни даже пальцем, поелику
Он вор и пария, — изгой.

Не помышляя о войне,
Ступай, холоп побитый, с миром.
Довольствуйтесь арабским Мсыром,
Сасун добром оставьте мне.
Вам ни к лицу такие игры».

Избитый, жалкий и кривой
Шакал с поникшей головой
Побрёл в вертеп шального тигра.

Не станет другом битый враг.
Сильна обида на Давида.
У побеждённого планида
Юлить и лгать, скрывая страх.

Но Мсра-Мелик (он не учён)
Был зол и полн пренебреженья.
Не знал доселе пораженья

И потому без уваженья
Отнёсся к Козбадину он.

Не ужинают с рассудком
Слепая ярость, дикий гнев,
Хотя Исмиа вторые сутки
Ему твердила нараспев:

«Остынь, Мыс солнца, Бога ради,
С тобою мама говорит.
Пусть за Батманом, в Сасун-граде
Царит беспоплинно Давид.

Ужель тебе полмира мало?
Есть где поспать и что поесть.
Вам — братьям — более пристала
Любовь, чем ненависть и месть».

«Как, мать? Он сборщиков-мсыритов
Избил, унизил, обокрал. Эй, там!
Подайте мне кинжал
И позлащенное корыто».

Рассёк широкий лоб и, кровью
Смочив щёки, отдал приказ
Войскам:

«Вперёд, медноголовые,
Мужская слава ищет вас...

Война! Спешите под знамёна
Мужи, — и старицы, и юнцы.
Летите, смелые пленцы,
К подножью царственного трона.

Весь воинский Мусульский цвет,
Явись пред очи господина!
Давид обидел Козбадина
И дань не платит много лет.

В Сасуне ждёт вас хлеб и злато.
Любой бедняк, пойдя туда,
Вернётся толстым и богатым,
И многократно женатым
На все грядущие года.

Война! Готовьте луки, стрелы,
Кинжалы, острые мечи.

Вперёд, мои бородачи!
Смирим мятежные пределы!

Пусть поле заревом огней
Напомнит звёзды небосвода!
Седлайте огненных коней,
Терзайте, рвите до корней
Наследье Мгерового рода».

Исмил тревожат сновиденья.
Вещует сердце о беде.
Но все её предупрежденья
Плывут кругами по воде.

«Раз так, и я с тобой поеду!
Возьму придворных мудрецов,
Возьму бамбиров и певцов,
Чтоб глаз сбивали репоеду».

* * *

Тьмы тем Меликовых бойцов
На лошадях, и пешим строем
Замкнули круг, в конце концов,
Как агамянне у Трои.

Дабы от гибельных обид
Сберечь Сасунское светило,
Был усыплён вином Давид.

Сманила дьявольская сила
Дурманом сладкого вина
В края неведенья и сна.

Оган с Верго готовят выкуп.
Кери и сорок сыновей его готовятся Мелику
Дать бой всей силою своей.
Родной предел обороняя,
Здесь каждый воин был готов
Погибнуть, Бога поминая,
Иль перебить наёмных псов.

Дехцун — почтенная старуха —
Спустилась в погреб. Ну и вид!
В объедках плавает Давид
И спит, постанывая глухо.

Рыдая, бросилась будить
Своё уснувшее светило.

Водой холодной окатила
И, ну ругать! И, ну стыдить!

Проснись! Мсыриты у порога!
Ох, укуси тебя змея!
Очнись, внучок, за ради Бога!
Неужто силушка твоя
Дана для пьянства и разгула,
Для сумасбродства одного?
Опомнись! Воинство Мусула
Стоит у дома твоего»!

«Ты что, нанэ? Утри слезинки!
Я снова бодр и начеку.
Иду, чтоб в честном поединке
Сорвать с Мелика-Мсра башку».

Постой, Давид, сперва вели
Сюда доставить капу Мгера,
Доспехи нужного размера,
Меч-молнию и Джалали.

Когда украсит одесную
Тебя отцовский ратный крест,
На Цовасар скачи до мест
Святых, где здравицу лесную
Питает силой белый ключ.

Испив воды, как светлый луч,
Пади на полчища Мелика,
Как водопад, свергаясь дико,
Как белый барс Сасунских круч.

* * *

Оган, увидев гнев Давида,
По ветру нос держа остро,
Чуть поупрямившись для вида,
Отдал отцовское добро.

Разносит фабулу преданья
Курьерский drobный перестук...
То время, сделав новый круг,
Легло в размер повествованья.

Давид на сказочном коне,
Чудесной силой ключевой
Налит, во Мгеровой броне

Простерся тенью гробовою
Над сонным лагерем врага
И крикнул зычно, по-оганьи:

«Эй, ненасытные пирании,
К оружию, если дорога
Вам жизнь! Спешите! Стройтесь в лаву!
Кто не успеет, не взыщи!
Не сможет враг меня ославить,
Сказав, что бью, как тать в ночи».

От разговоров и угроз уйдя,
Со стороны Сев-Сара,
Лихих гостей Кери-Торос
Гвоздит упористо и яро.
По склонам Лервы кровь рекой
Стекает в пыльные долины.
Согнуты вражеские спины
Предсмертной горестной тоской.

Светлее молниевых гроз
В руках детей Кери-Тороса
Мечи, и сам Кери-Торос,
Подобьем древнего колосса

Подавшись грудью и плечом,
Крушит противника руками,
Через колено да о камень,
То булавою, то мечом.

А от Давидового маха
Стал воздух пьян и ядовит.
Миазмы тлеющего праха
Сгустил убийственно Давид.

Старик араб, склонившись долу,
Просил: «Давид, повремени
Губить людей по произволу
Меча, безвинных не вини.

У всех нас матери и дети.
Нас ждут босые сорванцы.
Их непутёвые отцы
Попали в царственные сети.

Твой враг — Мелик. Убей задиру.
Над нами власть себе бери

И добродетельному миру
Миг сострадания подари•.

«Ты прав, старик, кровопролитие
Не остановит череды
Вины и подлинной беды.
Пощады просите? Лады!
Я обещаю подарить её.

Но где Мелик•? «Вон в том шатре.
Исмил сыночка ублажает
И вместе с ним соображает
Ходы в запутанной игре.

Убей тирана, и войска
Тебе охотно покорятся.
Они властителя боятся,
Доколь тверда его рука•.

Чуть сжал колени и поводья
Понятянул, а Джалали
Уж оторвался от земли,
Взлетев над лесом у разводья.

Остановившись у шатра,
Что охраняли пахлеваны,
Давид кинжалом от бедра
Повёл, — и больше нет охраны.

Она, зализывая раны,
Сбежала. Так летит с поляны
От репеллента мошкара.

«Мелик, я тут, — Давид воскликнул, —
Мужайся, смерть твоя пришла!
Она насильника нашла.
Вглядись внимательнее в лик её•.

Мелик,
в прощелину Давида узрев,
невольно задрожал,

Но из шатра не побежал
И не подал о страхе вида.
«Зайди, братишка, выпьем чачи.
Добром у этого стола
Оговорим свои дела,
Решим обиды-нездачи•.

Нравоучительно и грозно
Давид ответил: «Как не так!
Не до питья мне, милый враг,
И объясняться тоже поздно.

Не смог сдержать свою натуру,
Довёл до крови и войны.
Неси в заклад своей вины
Дурную голову и шкуру».

Запела сладкая Исмил:
«Давид, сыночек, Бог с тобою.
Ведь я кормила вас обоих.
Растила, не жалела сил.

Да будет век твой светлый долог.
Устал, измучился в бою.
Сойди с коня, зайди за полог,
Тебя я чаем напою».

Слова — коварные лучи,
Что мотылька влекут в огнище.
Ползут, ощупывают, ищут,
Сжигают в плазменной печи.

Давид сошёл, хоть Джалали
Кусался, на дыбы взвивался,
Потом, обидевшись, умчался.
Растаял в пасмурной дали.

А мальчик наш, не зная броду,
У входа вражьего шатра
Попал, споткнувшись о колоду,
В ловушку. Чёрная дыра
Ещё вчера была готова,
Мелик её соорудил.
Простак,
 как Мгер когда-то, снова
В оковы Мсыра угодил.

Сковав цепями, жерновами
Мелик Давида завалил
И непотребными словами
Его судьбу определил:

«Тебе ль, щенок, тягаться с нами?
(Мели-ик, то смерть твоя идёт!)

Тебя никто здесь не найдёт,
Сгниёшь под этими камнями».

* * *

Не спит, тревожится Оган.
А сном забудется, так снится,
Как разгорается, искрится
Звезда Мусульского врага.

Звезда Сасуна угасает
Мигнёт, за облако уйдёт.
Тускнеет светлый небосвод
И тьма над миром нависает.

Оган встаёт, бинтует брюхо.
Чтоб не порвать чего в сердцах.
Его кобыла — развалюха,
Превозмогая липкий страх,
Везёт, пыхтя, по Сехансару...

И он, во весь природный дар,
Так завопил, что Сехансар
Обрушил, словно Ниагару.
«Давид, сынок, пошевели,
Как прежде, крепкими плечами.
Ты слышишь, плачет Джалали,
Косит лиловыми очами.

Очнись от спячки, напрягись.
Прорви тюремные затворы,
На Цехансар, в родные горы,
Могучим мстителем явись».

Под жерновами и цепями,
А услышал его Давид.
Пронзили боль его и стыд.
Он молвил: «Божья сила с нами», —

И так рванулся из тенет,
Что цепи крепкие, стальные
Порвались, как волосяные
Силки, и выбрался на свет.

Поцеловал Огана в губы,
Пред Джалали склонил чело,
И зло коня пошло на убыль,
Добром развеялось, прошло.

В сопониманье раздраженья
Иль нет, иль прячется оно.
Вновь конь и всадник заодно,
Готовят новое сражение.

«Спасибо, дядюшка, иди
Теперь домой и спи спокойно.
Твои сражения и войны
Ушли. Мои же — впереди».

Он снова у шатра Мелика.
«Ты вновь намерен плутовать?
Вставай, на бой зовёт заика,
Теперь тебе несдобровать».

«Всё понял. Биться — это модно.
Довольно нежиться, дремать.
Вот здесь советует мне мать
Друг друга бить поочерёдно.

От этих инициатив,
Как блохи, мысли скачут цугом.
Лупить дубинами друг друга
По кругу... Ты не супротив?

Согласен если, кинем жребий,
И — препожалте стать к стене».
Давид ответил: «Не потребен
Здесь жребий.

Первым бей по мне.

Ты старший. Уступаю право.
Бей трижды, а потом изволь
Сыграть назначенную роль,
Героя, жертвы и расправы.

Разгон был близок ли, далёк,
Но трижды мимо проносила
Судьба Сасунца смертный рок
И прыть Меликову гасила.

Брань замыкала оборот.
Клубилась пыль, сгущались тучи...
Но, наконец, настал черёд Давида.
Пахлеван могучий,
Венчая смертную игру,

Меч-молнию вознёс, как знамя,
И с криком: «Божья сила с нами»
Помчался к вражьему шатру.
Мелик в подвал,
под сорок шкур воловьих
спрятался надёжно,
И жерновами осторожно
себя прикрыл. «Пускай гяур
Ломает меч о камни сдуру,
Я пережду беду внизу.
Руками разведу грозу
И сохраню родную шкуру».

Свет Божий яростью затмил
Давид, Мелика обличает.
А у шатра его встречает
И очень этим огорчает...
Кто? — несравненная Исмил.

«Постой, сыночек, этой грудью
Тебя спасла однажды я.
Мелика тоже. Мы — семья.
Грудь жаждет жала-острия;
Дай совершиться правосудью.

Приму удар твой первый правый,
Убей кормилицу и мать.
Вручаю тело, исполать,
На суд твой гневный и кровавый».

И он смутился,
 опустил меч-молнию,
 учёл резоны
И Джалали поворотил
Назад для нового разгона.

Опять летит, но тут сестра
Мелика бросилась под ноги коня,
И около шатра
Застыла в горестной тревоге.

«Давид, я нянчила тебя,
Любила, маечки стирала,
Кормила, в салочки играла.
За эти щёчки теребя.
Мне подари второй удар...»

И снова он не поднял руку.
Опять, смиряя сердца скуку,
Погнал коня под Цовасар.

Вновь разогнался и напрасно
Кружились в пляске огневой
Рабыни, обликом прекрасны. —
Взлетел металл над головой

И на Меликовы хоромы
Упала ярость трёх атак.
Меч — молния рассеял мрак
Со звуком молниева грома.

«Марут Высокая и Ратный
Мой Крест, воздайте палачу»! —
Воззвал, и эхо многократно
Пролепетало: «Брат мой, брат мой»...
Вернувшись к молнии-мечу.

Все жернова и шкуры разом
Пробил, в сырую землю врос.
На целых семь продольных гязов
Врубился, молнию пронёс
До самых чёрных вод Коцита.
Едва не выпустил их в свет.

Добро, что ангел деловито
Заклеил молниевый след.
Чуть слышно из-за покрывала
Где меч, как смерч, прошелестел,
На крыльях смерти из подвала
Мелика голос долетел:

«Я здесь, Давид...»

«А ты встряхнись»!

Но он не смог, как ни старался,
Привстал... и надвое распался,
Растёкся, как густая слизь.

* * *

Распорядился победитель
Оставить Мсыр Исмил-хатун.
Чтоб каждый воин, каждый житель
Служил ей до последних лун.

Всех воинов отправил с миром,
Но посоветовал им впредь
С Сасуном дела не иметь,
Молиться собственным кумирам.

Язык набегов и войны
Отныне чтобы позабыли,
Пасли стада, хлеба растили
Под сенью мирной тишины.

Проснулась царская манера.
Победной битвой умудрён,
В палаты властного Тер-Мгера
Давид вошёл и сел на трон.

* * *

Чего б ещё? Живи спокойно,
Паси бодливые стада,
А коль заявится беда,
Сумей принять её достойно.

Но начеку сосёстры Евы.
Им скучен медленный покой.
В ткань судеб вяжут нити гнева,
И, если муж, такой — сякой,
Избави Бог, пойдёт налево,
Их рвут безжалостной рукой.

Дядья бородками седыми
Трясут, усердствуя зело.
Им скукой челюсти свело.
Мечтают, возрасту назло,
Гадают на воде и дыме.

И, ностальгически шая,
По дури ли, забавы ради,
Плетут докучливые дяди
Вокруг Давида вензеля.

Шлют кольца и сватов-гусанов
Чымшик, что силой превзошла
Маститых местных пахлеванов
И недурна собой была.

Дядьям важней всего на свете,
На взгляд, естественный закон:

Простите, дядьки, у Хандут
Милый мне шёлковые сети.
И уговоры бросьте эти,
А сватовство — напрасный труд.

Лишь только утренние слёзы
Росы упали на луга,
Давид с оханкою мимозы
К Хандут отправился в бега.

В дороге, будто ненароком,
Скитальца встретила Чымшкик.
Он не успел моргнуть и оком,
Как очутился в тот же миг
В её шатре.

Питьё с едою,
Ну, там вино и бастурма...
Не мудрено сойти с ума!
Известно, дело молбое.

Наутро чешет репоед
Свою повинную головку.
Не затевать же потасовку
С виновницей случайных бед!

Шасть за шатёр — и боком, боком
За куст, за ель, за бугорок...
С Чымшкик,

быть может,

и жестоким он был,

но иначе не мог.

Свобода! Джалали пластает
Копыта в чуждые поля.
Хандут встречает,
страстью тает,
Ногами вертит кренделя.

Читает смелые экспромты,
Где всё Эрот да Гименей.
Ведёт в причудливые гроты,
Кладёт кусочки пожирней.

Пропал Давид.

Как в бытность Мгера,

Его начево и вперёд

Зовёт на битву пахлевана.
 Когда в сражение победит
 Давид, он будет невозбранно,
 Без тайной мести и обид
 С Хандут любиться, «а иначе...
 Тому порукой бранный меч!
 Слезами горькими поплачет
 За радость с ней на ложе лечь».

«Остынь, Чымшкик, имеешь право
 Желать мне смерти. Я готов
 Искать защиты и управы
 У бога мартовских котов.

Ну, времена! Опять работа!
 В пыли дорожной рамена.
 Моя вина не так страшна,
 Чтоб биться до седьмого пота.

Ты видишь, я ведь не один.
 Отложим нашу потасовку:
 Дай мне семь дней на подготовку.
 Вернусь. Я слову господин».
 «Клянись»! «Клянусь величием Бога,
 Святой Марутой и Крестом,
 И чёрным мартовским котом
 Предстать у этого порога
 Через неделю. Разрешим
 Проблему в честном поединке.
 Что править — свадьбу ли, поминки
 За упокой моей души».

«Запомни же»! Чымшкик-султан
 Посторонилась, дав дорогу,
 И через сутки, слава Богу,
 Их встретил дядюшка Оган.

Вздохнув о юности невинной,
 Давид с красавицей Хандут
 В заботах нежности взаимной
 Деньки, как ниточки, прядут.

Любовь пьянит вином забвенья.
 Их ослепил счастливый пыл.
 Сливая дни в одно мгновенье,
 Давид о клятве позабыл.

Однажды Патаразов Крест
Давиду в грустном сновиденье
Велел сыскать пятьсот невест
И пахлеванов всех окрест
Переженить, во искупленье
Тех молодеческих забав,
Когда людей, хоть трижды прав
Был по закону, но, однако,
Сгубил насильственно вояка.

Прощаясь с ласковой женой,
Давид в вояж очередной
В богохранимые места
Веленьем Ратного Креста
В град Гюрджистан лететь готов.
(Оттуда слышен властный зов.)

«Я на сносях, родить должна», —
Давиду молвила жена.

«Коль будет сын, во славу деду
Его ты Мгером назови.
Не плачь и волосы не рви.
Я возвращусь к тебе, приеду
Годочка эдак через три.

А коль случится, не прибуду
Я в срок под родственную сень,
Браслет из золота в изумрудах
На руку правую надень
Сынку, чтоб мог его при встрече
Я по браслету отличить
И на пиру, и в ратной сече
Узнать, в объятья заключить».

Давид уехал. Через время
Залётный аист у крыльца
Хандут, оставил молодца —
Сасунца доблестное семя

Новорождённого крещая,
Мать будто крылья обрела
И, как отец просил, прощаясь,
Малютку Мгером нарекла.

Сын рос таким же бузотёром,
Нескладным увальнем, на вид,

Как в прошлом маленький Давид,
Дядья наплакались с которым.

Шалил беззлобно, как и он,
Опережая разум ростом,
Смотрел бесхитростно и просто
На тех, кто знаньем умудрён.

Бил сверстников, не помышляя,
Что причиняет этим зло,
Лупил, по первое число,
На сплетни таской отвечая.

Его приبلудышем дразнили
И он, не ведая того,
Спросил Хандут о папе...«Или
Не врут, что не было его»?

«Отец твой — сам Давид, сын Мгера.
Непобедимый пахлеван.
Он нам с тобою Богом дан,
Как Ратный крест и наша вера.

Ты крепок телом и красив,
Сильней богатыря иного.
Альков слезами ороси
И Бога вечного проси
Вернуть под сень родного крова
Отца.

Страдая за народ,
Взял искупленья груз на плечи
Давид
и вот десятый год
Гордыню странствиями лечит.

Примерь из золота браслет.
Тебе отец его оставил.
Он твой вопрос и твой ответ,
И твой хранитель — амулет
В игре без жалости и правил

Ещё немного подрасти,
Окрепни духом, раменами...
Я отпущу тебя, лети,
Вернись с отцом к жене и маме
В Сасун
Иль к деду в Капутик,

Я буду ждать вас у дороги.
Пусть поскорей подарят боги
Мне этой встречи добрый миг».

А что Давид? Его размаха
В делах по части сватовства
Не ведала иная сваха;
И молодица, и вдова
Дарили витязя вниманьем
На много дней пути окрест.

Отцы пристроенных невест
Воспринимали этот крест
Давидов с добрым пониманьем.

Вот и последний пахлеван,
Из тех, кто был невольной свитой
В его затее знаменитой,
Очередной невесте сдан.

Одну красавицу с собою
Давид забрал.... Авось, пойдёт
К Хандут в служанки.
От забот
Избавит силой молодою.

И поскакал на Джалали,
Пристроив девицу над гривой,
В пределы отчиной земли,
Довольный, вольный, горделивый.

Глядит, сияя красотой
Навстречу воин юный скачет.
К чете приблизившись, —
«Постой, —
 кричит, —
 старик, что это значит?

Зачем красотку умыкнул?
Она тебе не по годам уж.
Возьму её, пожалуй, замуж
Иль на забаву и разгул».

«Щенок! Ты смеешь мне такое?
Да я тебя в бараний рог!
Да я тебя одной рукою
Порву, задам тебе урок».

Тут бросились остервенело
Юнец и старец, колотя
Друг друга палицами смело,
Всерьёз, до смерти, не шутя.

Потом отбросили дубины,
Переплели со взглядом взгляд.
Напружив ноги, руки, спины,
Забыв, кто прав, кто виноват,
Кружили по полю до ночи.

Но юность всё-таки своё взяла.

Кинжала остриё

Мгер (это он) занёс и хочет
Разить отцовские седины,
Его, конечно, не узнав,
Но, как Сухраб, в былом Турине,
Сумел смирить суровый нрав.

И, как Сухраб, отцу — Рустаму,
Мгер жизнь Давиду подарил,
Свёл к фарсу яростную драму
И злую долю повторил.
«Ты кто, — спросил он у Давида, —
Мне что-то силушка твоя
Напоминает. Не в обиду,
Ответь мне, где твоя семья?»

«Я царь Давид. В моих палатах
Грустит Хандут и мужа ждёт.
Тому десятый год идёт,
Как не был я в родных пенатах.

Стирая кровь и грязь с лица,
Мгер закричал: «Святые боги,
За что ко мне вы слишком строги?
Я поднял руку на отца!

Взгляни! Браслет твой! Амулетом
Ношу его уже давно.
Каким проклятьем суждено,
За что нам определено
Врагами встретиться при этом?

В Сасуне, дома, у Хандут
Страданье сердце разрывает.

Она всё ведает, всё знает
Про нас. Храни её, Марут».

Отца целуя, он прощенья
Просил за дурь свою и нрав.

Давид позором пораженья
Был уязвлён до возмущенья
И, чадолюбие поправ, молил богов

бессмертьем сына,

Но и бесплодьем обложить.
Чтоб Мгер всевечно клял судьбину
И мир, где вечно должен жить.
Услышав гневное проклятье,
Мгер зарыдал, к коню приник,
Сел на него и в Капутик
Погнал, порвав от горя платье.

Там пил с ровесниками чачу,
У деда Вачо пировал,
Чтоб заглушить позывы плача
Души, убитой наповал.

Давид, вернувшись, рассказал
Хандут о горькой встрече с сыном,
Что проклят, будучи невинным,
Он, как в сказании старинном,
Себя изгнаньем наказал,

Смывая грязь, Мгер обнажился.
«О, горе!» — вскрикнула Хандут.
Крест Ратный саженою покрылся,
Как знак от праведной Марут,
Как беспощадная примета...

«Хандут, я вспомнил! У Чымшкик,
Произнося слова обета,
Крестом я клялся, в тот же миг
Вернуться к ней для разьяснения
Долгов взаимных и обид.

Обет был мною позабыт
И это — кара за забвенье.

Прощай, я еду! Долг велит
Держать ответ за наважденье.

За покаянье в преступленье,
Надеюсь, Бог меня простит».

Вот и Чымшкик, черна от злобы,
Корит неверного, язвит.
Не спорит с женщиной Давид
И просит час всего лишь, чтобы
Омыть в реке усталый пот,
Найти оружие для брани.
Пусть подготовится и ждёт
Его на буковой поляне.

Разделся и в речной поток
С разбегу прыгнул, как когда-то,
В стремнину рок его повлёл,
На стрежень, возле переката.

Плывёт, не зная, что в тиши
Тенистой заводи и света
Таят глухие камыши
Судьбу забытого обета.

Там дочь Давида и Чымшкик
Готовит пик семейной драмы,
Торошит мести сладкий миг,
Взяв лук со стрелами у мамы.

К глазам прицельно подняла
Оружье. Тетиву тугую
Перстами гневно направила
И в бесконечно дорогую,
Незащищённую, нагую
Ей плоть, как тать из-за угла,
Разжала пальчики.
Обида
Уже летит к спине Давида.
Сгубила парня Немезида,
Пронзила чёрная стрела.

Как Гектора в прошлом Троя,
Как Ярославна со стены,
Сасун оплакивал героя
В объятьях смертной пелены.
Семь горьких дней струились слёзы.
Рыдали струны, рвался крик.
В горах сошли лавины. Грозы

* * *

Как дождевая пелена,
Как тучи, что туда стремятся,
Где в атмосфере слабина
И анероиду подняться
Давление низкое не даст,

Так в механизмах сопряженья
Соседних стран тиран горазд
Упрочить вес и положение
Отдельно взятой стороны
За счёт соседней слабины.

Чымшик султан Кери-Торосу
В Сасун веленья Хлата шлёт.
Преклоннолетнему гиксосу
Грозит, покоя не даёт:

«Кери, коварный ваш Давид
Оставил деву в положение.
Явил ко Хлату небрежение,
За что недавно был убит.

Готовьте воинов к сраженью.
Вам не уйти от поражения!
Чымшик вам это говорит!
Я знаю: из пещеры Хлата
Мои сокровища когда-то
Тер-Мгер, убив отца и брата,
В Сасун на мулах перевёз.
Верни мой клад, Кери-Торос.

У вас ведь нет богатырей.
Чтоб избежать кровавой брани,
Несите Хлату и скорей
Казну моей законной дани
За десять лет.
Неуваженья

Сасуна я не потерплю,
Дам бой, кровавое сражение
И всё живое истреблю».

Собрав отчаянный совет
Князей и клир с католикосом,
Оган поведал про обет
Чымшик, грозящий всем гиксосам.

«Сасун в тревоге и нужде.
В нём нет дружины для защиты,
И, коль заявятся Чымшкиты
Или Мсыриты — быть беде!

Одна надежда: в Капутике,
У деда Вачо, ссыльный Мгер.
Обижен выше крайних мер
Сын убиенного заики.

Когда удастся пробудить
В нём сострадание к отчизне,
Его, бессмертного по жизни,
И ста Чымшикам не побить.

Но согласится ли ребёнок
Смириться, отвести беду?
В Сасуне он ещё с пелёнок
К себе испытывал вражду.

А запоздалые объятья,
Посулы царского венца
Смягчат ли гневное проклятье
Им оскорблённого отца?»

«Виновны! Надобно виниться,
А там — что будет», — произнёс
Достойный муж Кери-Торос,
Взглянув в расстроенные лица.

Смирняя дрожь и нервный тик,
Ловя спиной дыханье Хлатов,
Меджлис назначил депутатов
К Вачо и Мгеру в Капутик;

Кери-Торос, богохранимый,
Семь шкур воловых, плюс Оган
И с ними Табл — неукротимый,
Неугомонный пахлеван.

С Вачо язык нашли не сразу.
Он уклонялся и юлил. Лгал, что
Давид с дурного глазу
Родного сына погубил.

Тогда Оган в воловьи шкуры,
Как в кокон тутовый червях,

Залез и в силу всей натуры
Запричитал примерно так

«Мгер! Мальчик!

Твой Сасун в осаде!

Над ним куражатся враги.
Забудь обиды, помоги,
Не оставляй нас, Бога ради».

От крика полегли стада,
Случились схватки родовые,
Свалились кедры вековые,
Прошла обвалов череда.

Услышал Мгер из заточенья
Призыв Огана громовой,
И, не скрывая огорченья,
Прервал застольное лечение
Вином от памяти живой:

«Я здесь! Кто звал меня?

По силе

Вполне похоже, что Оган.
Простите, я немного пьян.
Меня тут славно угостили

Привет вам, дядя и Керн.
А где отец, скажите прямо?
Здоров ли? Как здорова мама?
Я рад вам, чёрт меня дери»!

«Ребёнок, мы посланцы горя.
Одежды видишь черноту?
Твои родители, не споря
С судьбой, ступили за черту,
Что отделяет свет от тени,
Живых от мёртвых навсегда.
Их рока чёрные ступени
Целует чёрная вода.

Давиду отомстить решила
Чымшик, посулам вопреки,
Он умер от её руки.

Хандут не вынесла тоски
И добровольно поспешила
За Мгером в светлый мир иной...

А та, что этому виной,
Армян побором обложила
И на Сасун идёт войной».

«Отец мой! Мама! Сиротою
Зачем оставили меня»? –
Рыдает Мгер, судьбу кляня,
Терзаясь смертною тоскою.

Он сутки лил потоки слёз,
С сырой земли не поднимался.
Потом его Кери-Торос
Поднял, утешить постарался.

«Твои родители в раю.
Тревожит их судьба отчизны.
Пора сменить страданья тризны
На гнев и ненависть в бою.

Ужель угас Сасуна свет?
Гиксосов слава исчезает?
Где силы нет, там счастья нет
И будет ли — никто не знает.

Ужели кровью обагрит,
По воле злого провиденья,
Чымшрик родимые владенья,
Народ свободный покорит?

И Цовасар сожжёт фамильный,
Где храм Маруты, где хачкар,
Где Мгер, где славный Санасар
Уснули под плитой могильной?»

«Прости смятение моё!
Я понял всё, мой мудрый Кери.
Чымшрик султан? Найди её
Иль дай совет, по крайней мере,
Как поскорее отыскать
Ту, что надменно и кроваво
Осуществила злое право —
Измену гибелью карать.

Прощай, дед Вачо, видишь сам,
Пора за дело браться внукам».

Внимая мщенья голосам,
Копыта падающим стуком
Взлетели к синим небесам.

В пути, у стен монастыря,
Что Матхованским назывался,
Ждала засада. Только зря
Их враг за стены укрывался.

Кери и Мгер настороже,
В смертельном жутком вираже
Наймитов подлых перебили,
Тела на части разрубили
И разметали по меже.

Чымшкик (а то была её
Затея с названной засадой)
Всклень накормила вороньё
■ Плодами битвы.
Чрево ада
На миг открылось, поглотив
Кровавых рек аперитив.

Сама ушла за войском новым,
Молиться Хлатовым богам,
Грозя набегам врагам,
Войной и мщением суровым.

Вот и Сасун! Оган выносит
Доспехи ратные отца.
И Джалали огнисто косит
На пахлевана — удальца.

Признал по хватке Сасунида
Конёк и, видно по всему,
Товарищ Мгера и Давида
Вполне доверился ему.

Кери-Торос с Горлан-Оганом
Вдвоём пошли на крепость — Хлат.

А Мгер негаданным-нежданным,
Явился там, где супостат Его —
Чымшкик, готовясь к бою,
Вновь собрала большую рать.

Ей видно нравилось играть
В орлянку смертную с судьбою.

«Хлеб и вино, и Божья слава», —
Промолявил Мгер, и Джалали
Понёсся огненной лавой
К войскам, что замерли вдали.

Сечёт хвостом, гвоздит копытом,
Мгер молнией меча разит,
Как будто пахарь деловито
Оралом землю бороздит.

За рядом ряд косою косит
Мгер силу ратную Чымшкик.
По полю эхо переносит
Его победный грозный клик.

«Вот за отца вам, вот за маму,
Мою бесценную Хандут;
О мести весть дарую храму
Святой божественной Марут».
Чымшкик-султан работой Мгера
Уязвлена, посрамлена.
Припав к загривью скакуна,
В бега ударилась она.

Но преисполнилась, зная, мера
Её грехов.
За ней намётом
На богоданном Джалали
Помчался Мгер,

и вот, в пыли
Мешая прах с кровавым потом,
Копьём в бедро поражена,
Зашлась в агонии она.

Мгер хвост конька и косы девы
Связал загадочным узлом
И, зло гася ответным злом,
Исполнен яростного гнева,
Помчал по кочкам и камням,
Плоть на кусочки разрывая.

Так эта встреча роковая
Закончилась. Ну, просто срам.
Ведь есть конвенции, закон...

Но был суров в то время он.
Карал безжалостно, жестоко
Убийством смерть и оком око
И кровь лилась со всех сторон.

Горлан Оган с Кери-Торосом
Ворвались в Хлат, как смертный рок,
Прошлись мечом, кровавым чёсом
По праху Хлатовых дорог.

Летел невыносимый крик
Огана — яростен и дик,
Рисуя гибельные звенья
Картины светопреставленья.

Град Хлат снаружи и внутри
Разрушили богатыри,
На камне камня не оставив
И всё живое погубя,

(Ну, о каком, простите, праве
Здесь речь?) утешили себя.

А тут и Мгер подъехал
«Браво, деды, — сказал, вздымая бровь, —
Не скисла праведная кровь,
Сасунцев не померкла слава».

Глядят, дымок в руинах вьётся.
Смекают: кто-то уцелел!
И к месту, где костер алел,
Погнали добрых иноходцев.

В чаду занявшихся углей
Колдует древняя старуха,
И, пришепётывая глухо,
Калит стрелу, чтоб стала злей.

«Бабуля, мир тебе, откуда
В твоих руках орудье зла?
Ведь это — смертная стрела,
А не клюка и не посуда.

В твои-то годы о душе
Бессмертной надо длить заботы.
Прости за спрос, но для кого ты
Таньшь оружие в шалаше?»

«Стрела для Мгера.

Он в расчетах с Чымшкик

Не ведал, что творит.

Чудесной силой знаменит,

Губил без жалости и счёта

Людей. Им сын мой был убит.

Мгер мстил за грешного отца,

Но Тер-Давид добрее сына.

Не изводил народ безвинный,

Убив Мелика-наглеца».

«Я Мгер. Ты, бабушка, права.

Губя, я заповеди рушу.

В заблудшую, слепую душу

Я принял мудрые слова.

Благодарю за назиданье.

Разглажу злобные черты.

Прощай, живи, пойми страданье

Отверженного сироты».

«Будь проклят, Мгер,

пусть под тобой

Земля разверзнется могилой.

Чтоб в серый камень гробовой

Ушёл ты с молниевой силой

И силой грозного коня.

Чтобы и в камне ты покоя

Не отыскал, судьбу кляня.

Чтоб вечно маялся тоскою, —

Попомнишь старую меня».

«Кери-Торос, какое диво!

Я жизнь старухе подарил

И говорил с ней незлобиво.

Уж лучше б наголо обрил

Её безмозглый череп, чтобы

Дошло раскаянье моё,

Я б не услышал от неё

Слова проклятия и злобы.

Ну, времена! Как тут добро

Нести и ласковое слово?

Когда в ответ тебе готово
Помоев грязное ведро?
Скажи мне, дядя!•

•Я не знаю.
Уж так устроен этот мир.
Он не бальзам, не элексир,
Он — рана гнойная, сквозная.

На ласку — зло летит в ответ.
На таску — рабское смирение.
Нет счастья в нём и правды нет,
И темы нет для вдохновенья.

Другой, к большому сожаленью,
Не знаю жизни я, мой свет,
А мне без малого сто лет•.

• • •

В Сасуне мир и благолепье,
Но Мгеру скучен мир любой.
Его уже десятилетье
Гнетет бесплодие и бессмертье,
Определённые судьбой.

Преследуя оленьё стадо,
По странной прихоти светил,
Мгер ненароком прикатил
Под стены древнего Багдада.
Без обозначенных границ,
Без виз в то время люди жили,
Без карт дороги находили,
У гнёзд насиженных кружили,
Как стаи перелётных птиц.

Меня, признаться, умиляет
И удивляет их язык.
Он нас туда переселяет,
Где перевозвук первовозник.

Болтают, как кому угодно,
В Сасуне каждый — стар и млад,
Но понимает их свободно
И Маназкерт, и Мсыр, и Хлат,
И Капутик, и сам Багдад
На нём вещают превосходно!

На много солнц и много лун
Предотвратить привычку злую
Губить сожителей и коз,

Дабы не в шутку, а всерьёз
Мог вечный мир установиться,
Обречены, мол, породниться.
О том слышал Кери-Торос.

Давид хотел просватать сына
За дочь — наследницу мою.
Будь сыном мне, войди в семью,
Да будет царство двуедино.

Согласен ли?» «Всё может быть.
Когда понравится девица,
Коли случится полюбить,
Так отчего б и не жениться?

Как звать владыню женских чар?»
«О-о! Имя редкое ей дали,
Раскрыв наследные скрижали.
Ты только вслушайся! Гоар!»

«На слух, в нём что-то есть от кошки
С тигриным нравом. Не томи!
И не корми по чайной ложке,
Чадру с лица её сними».

И вот, в дверях оставив свиту,
Отец покои приоткрыл
Своей Гоар и деловито
Ретировался, воспарил.

Мгер не видал такого чуда:
Глаза — что звёзды, чистый лоб.
Волос спадающая груда —
Отличие царственных особ.

Как персик, щёчки наливные,
Кораллы — губы, речь — что мёд...
Сказать про прелести иные
Мне воспитанье не даёт.

И Мгер хорош! Конечно, оба
Вскинули страстью роковой
И с потрохами, с головой

Влюбились сразу и до гроба.
Их поскорее повенчали...

Тут не понятно мне одно
Теософийное пятно:
То ли армяне помельчали,
То ли арабам суждено
Принять за честь Христову веру?

О том сказитель промолчал,
Легенду далее помчал
В угоду юному Тер-Мгеру.

А вспомните про Ратный Крест.
Где Мгер, там нет о нём ни слова,
А этот крест всему основа
В делах сражений и невест.

Добро ли? Но струится тема
Песком, и не остановить.
Мне остаётся перевить
Её цветами. Пусть поэма
Сияет, точно диадема —
Венец Гоар. Да длится нить
Повествованья безыскусно.

А если вам зевнётся грустно,
Не стоит автора винить.

* * *

Как полагается, неделю
Гуляли свадьбу. Лишь прилёт
На ложе Мгер, Гоар в постели
Кладёт убийственный клинок.

•Прости мне, муж, но царь мсыритов
(Вот шалунишка озорной!)
Кричит нахально и открыто,
Что на Багдад идёт войной.

Гоар подай ему на блюде!
Коль не прибудет, не взыщи!
Все Божьи твари, кони, люди
Забьются, как в сетях лещи.

Разбей мсыритов, мой родимый,
И возвращайся в выходной.

Я стану вечной, неделимой,
Неукоснительной женой».

«Вновь душегубство, потасовка.
Эхма! Ох-хонюшки — охо!
Опять рекой польётся кровка,
Опять оплачут женихов
Невесты горькими слезами!

Неладно обустроен мир!
Ну что ж! Ты сам хотел, эмир,
На гульбище, кровавый пир
Взглянуть бесстыжими глазами».

В поля, что маками цвели,
Марут молитвой поминая,
Несётся, тень перегоняя,
Тер-Мгер на резвом Джалали.

И закрутилась деловито
Баталья. Дело не впервой.
Мсыриты скошенной травой
Ложатся под его копыта.

Конь Джалали не устаёт;
Палит огнём, хвостом сбивает
(При этом многих убивает).
Как вдруг (с кем это не бывает,
Из тех, кто вдоволь ест и пьёт?)
Мгер понемногу отстаёт,
На время битву прерывает
И, по нужде, за куст идёт.

Был сераскиром у мсыритов
Внук Козбадина. Понял он,
Что будет рать его побита,
Коль сей же час не взять в полон
Тер-Мгера. Случай — тот, что надо!

И вот большая кавалькада,
Лишь только снял доспехи Мгер,
Летит к нему во весь карьер.

Аркинит сетями бинтует,
(Мгер о Кресте не помятует)
Вот вам ещё один пример
Того, что вещий Патаразов
Крест, больше силой не поит.

И Мгер, униженный, стоит
Перед мсыритами и глаза
Поднять не может от стыда.

Ему не мнилась никогда
Во сне подобная картина:
Тер-Мгер в плену у Козбадина!

Мсырит, ликуя, не спешит
С убийством знатного вельможи.
Он помаркует и решит,
Как погубить его: иль кожу
Содрать, иль на кол посадить.

Иль на цепи его водить,
Чтоб мог плевать любой прохожий
Врагу в лицо, а злые чада
Бросали камни в удалца.

Не дотянулись до отца,
Так с сыном поквитаться надо.

И вот заукленного Мгера
В колодец бросили глухой,
Давно заброшенный, сухой,
Полузасыпанный трухой,
Без даже кондиционера!

Покуда, лыня от работы,
Охрана пьяная спала,
Нашлись армяне — патриоты
Из псевдомсырского села.

Их клан, узнав про злую муку
В колодце Мгера самого,
Простёр спасительную руку
И ночью вызволил его.

И Джалали врагу не дался;
Как был с доспехами, с мечом,
На Цовасар-гору умчался
С её живительным ключом.

Гоар сбежала от мсыритов
В предгорье, к дедовой родне.
И Пачик с ней, и двор, и свита.

Туда и Мгер к своей жене
В конце концов сумел добраться.
И ну лобзаться, миловаться,
Чай, стосковался на войне.
Разлуке краткой быть иль длинной –
Во власти магии светил.
Тер-Мгера род его старинный
В Багдадской ссылке навестил.

Им краем уха о романе
С Гоар услышать довелось,
И замерещилась в тумане,
Запечатлилась в общем плане
Межгосударственная ось.

Узнав, что витязь на свободе,
Что снова сел на Джалали,
Что все тузы в его колоде,
Мсыриты снялись и ушли
Добром под сень родного крова,
Припомнив таску у холмов.

Не много сыщется умов
Желать пришествия второго.

В Сасун с дядьями не вернулся
Тер-Мгер: «Я проклят был отцом,
Жить рядом с дядей-наглецом,
Что к маме грязно прикоснулся,
Увольте! Будемте мертвы;
Сасунцам — Мгер, а Мгеру — вы.

Мне вековать с женой в Багдаде,
Дыханьем греть её, ласкать,
Сказанья древние листать
Милей, чем славу обретать,
Не обижайтесь, Бога ради.

Я Мгер — армянский сераскир,
Не Каин я и не Иуда,
Но не вернусь в Сасун, покуда
Не обновится Божий мир».
Ушли домой родные дяди.
Скончался у Гоар отец.
Тер-Мгеру царственный венец
Жрецы пророчили в Багдаде.

«Ты дальновиден и силён,
Надежда наша, оборона», —
Петляли мыслями у трона,
И все ж пристроили на трон.

* * *

Тому, как празднуя победу,
Ушли Сасунцы, десять лет
Прошло. И снова зреют беды.
Нет в мире радостей без бед.

Четыре внука Козбадина,
Узнав, что некому хранить
Сасун, исполнены старинной
Вражды, пришли заполонить
Его свободные просторы,
А жителей в глухие норы
Загнать иль вовсе истребить.

Несметной ратью окружили
Его селенья и стада,
Посмертной данью обложили
Захваченные города.

Оган шлёт горькое посланье
В Багдад: «Голубчик, отзовись!
Мсыриты — Божье наказание —
Ползут, как пагубная слизь,
По нивам нашего предела,
Жгут города, уводят скот.

Кери-Торос уж третий год
Как помер, Сарья окривела.
Я стар. Страна обречена
На гибель, без твоей защиты
Вокруг свирепствуют мсыриты,
Дань крови требует война».

Целует Мгер жену: «Мужчине
Быть там, где битва, надлежит.
Сасун в развалинах лежит,
Грустит о проклятом им сыне.

Прошло тому немало лет,
Как занят царскими делами
Я позабыл Сасунский свет.

Тоскует кровь. Давно пора мне
Снести отцу и милой маме
Сыновней памяти букет.

Ты мне жена, а не пловица,
Разгладь морщинки, не грусти,
В чём провинился, отпусти,
Я скоро должен возвратиться.

Едва отдам свои долги —
Сыновние и родовые,
Не плачь! Нам это не впервые,
Себя для Мгера береги».

А дальше, что ж?
Сценарий сложный.
Знобит мурашками по коже,
Как вспомню ужасы войны!

Но Мгером освобождены
От Козбадиновых наймитов
Пределы царства сасунитов.
В изгнание дни враги влечат.
А Козбадиновых внучат.
Припомни сечу у Багдада,
Мгер на ограду Сасунграда
Прибил, как некогда,
На Крест
Мессию отдалённых мест
Распяли, волею Пилата,
Легионеры супостата.
Здесь — Ното Нотес Lurus est.

Ушли заботы и волнения.
В Сасуне достославный Мгер
Обрёл покой и вдохновение,
Как дед, достойный уваженья,
Жилец, увы, надгорних сфер.

Могила предков в Цовасаре,
Источник силы, посетил.
У Богородицы просил
Грехам прощенья, что в угаре
Борьбы невольно допустил.

Потом с Оганом распростился
И, стосковавшись по Гоар,

Поехал к ней, но заблудился
И незаметно очутился
В объятьях новых бед и свар.

Там к людоедке (что за диво!)
Пришлось талант употребить.
Людей вкушала! Особливо
Детей и дев. Зачем ей жить?

В пути попался город Джзир.
Жильцы (строительное дело
им не далось) так неумело
Пообустроили свой мир,
Что Джзира-Шат, река большая,
Текла не пашни орошая,
А поперёк всех улиц — вширь.

Свергаясь с гор, издалека
Порой весеннего разлива,
Бежит по улицам река,
В домах свирепствует гулливо
И нет сухого островка.

Проникся Мгер заботой Джзира.
Как не помочь?
Скалу взвалил на гору мышц,
(ни капли жира!)
И на два русла развалил
Исток реки.

Теперь потёк
Её стремительный поток
В обход,
 и лёг на карту мира,
Не как слепой летящий рок,
А двуедино, точно лира.

Возликовал честной народ
И просит доблестного Мгера
К себе, надеясь, что займёт
Он пост главы
 (как нынче — мэра).

Мгер отказался.
 На скале,
Где русло надвое делилось,
Построил храм, чтоб вечно длилась

О нём легенда по земле.
Храм Пёстрой Башни.
И сейчас
В нём часто слышатся молитвы
Тому, кто в час бескровной битвы
От наводнений город спас.

Семь лет скитался Мгер по свету.
Семь грозных дэвов истребил.
Да только счастья не добыл,
Но наконец в Багдад к рассвету
Явился, в рог свой затрубил,
Как твой Роланд:

«Гоар, я дома! –
Кричит, — а в доме тишина, —
Налей мне доброго вина,
Моя богиня ибн жена!
Встречай! Иль нынче нет приёма?»

Бежит, предчувствием томим
По тронным залам в нетерпенье,
И вдруг, о Боже, перед ним
Его Гоар в оцепененье
Холодном, без сердцебиенья,
В венце, что был им так любим,
Лежит, исполнена смиренья.

В руке письмо: «Прощай, далёкий,
Тоска ужалила меня.
Тебя всё нет. Прошли все сроки,
Все жданки радостного дня,
Когда опять тебя увижу.
Нет сил и нет желанья жить.

Не осуждай, родной, прости же,
Коль в чём умела досадить.
Я поищу тебя у Бога,
Вдруг ты в раю уже и ждёшь.
Не укоряй, не сетуй строго,
Коль жив и мёртвую найдёшь.

Тоска больное сердце гложет.
В Сасун свези меня, к Хандут.
Хочу лежать на смертном ложе
Я рядом с ней.

Пускай найдут

Успокоенье наши души.
Да будет верным мой удар,
Что плоть уставшую разрушит.
Супруга вечная — Гоар».

По сердцу Мгера паутиной
Морщины скорби пролегли.

С Гоар в Сасун дорогой длинной,
В слезах на верном Джалали
Он двинулся, чернее тучи.

Был полон красок, но поблек
Подлунный мир.
Тоской измучен,
Мгер проклял уходящий век.

Альков в могиле мамы милой
Он вырыл для своей Гоар
И долго плакал над могилой,
Кляня отца бессмертный дар.

Что в жизни, если рядом нету
Того, кто дорог на века?
Зачем бродить по белу свету,
Считая скорби облака?
«Отец, ты слышишь?»
«Сын любимый, —
Могильный трепет пробежал, —
Терпи! Всё в мире повторимо.
Жизнь протекает мимо, мимо...
Дрожит Божественный фиал,
Горит неровными кругами.

За старым миром — новый мир
Мудреет новыми богами,
Где современный нам кумир
Меняет ангельские перья,
Берёт иные рубежи.

Прости. Обиды не держи.
Живи, исполненный доверья,
Что приближается, грядёт
Спасенье каждого творенья;

В день Рождества, Богоявленья
Проснётся избранный народ.

Ступай на Ван, в Агравакар.
Мечом раздвинь утёс на части;
Войди в него, доверься власти
Судьбы, до нового витка.

Едва закончится виток,
Злосчастья людям приносящий,
Твой добрый меч и твой конёк,
Лиловым трепетом косящий.

Спасут, поверь мне, сераскир,
Сасун от злого супостата.
Он расцветёт, как встарь когда-то,
Едва созреет для возврата
Героев обновлённый мир.
Взойди звездой над этим миром,
Чтоб вечной истиной сиять.
И прах земли под сераскиром
Да не расступится опять».

Давид умолк. Ни слова боле
Из-под плиты не донеслось.
Мгер не запомнил роли,
И всё, как сказано, сбылось.

С конём в скале Агравакара
Поныне грезит Мгер и ждёт,
Когда над храмом Цовасара
Звезда счастливая взойдёт.

* * *

Расцвёл короной эпилога Костёр имён,
как лала жар.

Да будут святы, волей Бога,
Сасун,
праматерь Цовинар,

И Санасар с Керн-Торосом,
Ревнивый к славе Багдасар,
И Дехцун-цам,
что в Цовасар
Вплетала огненные косы.

Будь свят, Оган миролюбивый,
И старший Мгер,
и Армаган,

И наш Давид,
 с мечом над гривой
 конька,
что мчит, как ураган.
Хандут-хатун
 да освятится
 в умах людей,
 и младший Мгер.

Пусть той же славы причастится
Гоар, как верности пример.

Исмил-ханум.
 Её заботой
Был всё же выкормлен Давид.
Пусть Мгера памятный визит
Её в потомках сохранит.
Простим обиды ей,
 чего там?

Отцов и матушек помянем
Добром.
 Да будет с ними мир.

Но тем, кто крив,
 желать не станем
 добра.
Да сгинут злобный Мсыр,
 И Мера Мелик,
 Верго трусливый,
Блудливая Ханум-Сарья.

Навек запомнится кичливой,
С клеймом убийцы нечестивой
Чымшрик
 и вся её семья.

Да славятся умельцы слова,
Вот этих льющихся страниц.
Мы благодарно вновь и снова
Склоняемся пред ними ниц.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
НАРОДНЫЕ
ПЕСНИ

Песня — молитва сеятеля

Господи мой боже,
Пусть хлеб уродится.
Горсть я дам прохожим,
Горсть другую — птицам,
Третью горсть — нищим,
Пусть будет им пищей.
Пусть прохожие жуют.
Птицы божии — клюют.
Все, кто может, пусть берут.
Горя пусть вовек не знают,
Пусть посеянному мной
Этой раннею весной
Изобилья пожелают!

* * *

Ёр, ёр, ёр, ёр...¹
Наше поле между гор.
Меж высоких двух холмов,
Двух глубоких родников.
Мой лемех остер, и в дышле
Пара сотенных волов!

Ер, ёр, ёр, ёр,
Кто поставит мне в укор,
Что весной весь день пашу,
В летний зной траву кошу
И затем, что недосужно,
На красавиц не гляжу.

1. Ёр, ёр... — напев, сопровождающий работу пахаря.

Ёр, ёр, ёр, ёр,
На работу я востер.
Утром вышел я, нашел
Абрикоса крепкий ствол,
Смастерил для плуга дышло
И за плугом вслед пошел.

Ёр, ёр, ёр, ёр,
Не женат я до сих пор.
Может статься, в этот год
Хорошо ячмень взойдет.
Может, мать уговорю я:
Пусть невесту мне найдет!

Оровел¹

Оровел. Оровел...
Вот рассвет зарозовел.
К борозде я борозду
В чистом поле проведу.
Дай бог, чтоб я всё успел...
Оровел, оровел!

Сын — помощник, видит бог,
Как погонщик — слишком плох.
В борозду лемех вонзать
Глубоко,
Землю твердую пахать
Нелегко!
Много в мире трудных дел.
Оровел, оровел!
Оровел, оровел!
Словно камень мой надел.
Батогом волов огрею,
Хоть всего, чем я владею,
Я б за них не пожалел...
Оровел, оровел!

* * *

Вол, кормилец, поспеши,
Труд нелегкий заверши.
Вспашем поле под пшеницу,

1. Оровел — песня пахаря.

Станем господу молиться,
Чтоб о нас господь радел,
Дал пшенице уродиться,
Ороло-оровел!
Вспашем поле под пшеницу!

Мы с надеждой вспашем поле
И с надеждою проподем,
Лишь бы нас господь жалел —
Ниспослал бы влаги вволю,
Чтоб сам — двадцать иль поболее
Дал бы хлеба наш надел.
Ороло-оровел!
Лишь бы влаги было вволю!

Будем господу молиться,
Чтоб созревшую пшеницу
Зной и град не одолел,
Чтоб на жатве потрудиться,
Чтоб серпам не затупиться.
Ороло-оровел!

* * *

Денница, как счастливый знак,
Мерцает, нам желая благ.
Мы понимаем утра зов:
В ярмо впрягаем мы волов!

Мы даровых не ждем щедрот,
За сладкий плод — соленый пот.
Когда бы не волы да плуг —
Была пустыня бы вокруг.

Сжимая плуга рукоять,
Молитвы будем повторять.
Дает господь рабам своим
И день, и дело вместе с ним!

Волы, я дам вам пить и есть.
Кормильцы, ваша доля есть
Во всем, что с поля мы потом
По божьей воле соберем.

Наш плуг врезался в глубь земли,
Мы ровно борозды вели.

Упорный труд, проворный труд
Превыше злата люди чтут.

К вечерне скоро зазвонят,
Мы скоро повернем назад,
И корма зададим волам,
И поспешим в господний храм.

* * *

Божьей волей плуг спустился.
С неба в поле вдруг спустился
И на пашне у реки
Вырвал с корнем сорняки.
Чтобы стала наша нива
Изобильною на диво,
Чтобы каждому дано
Было по трудам,
Чтобы пахарю — зерно,
Плевела — попам!
Чтобы яблочко — бедняку,
Чтобы девицу — батраку,
Черный клобук — чернецу,
Веревку да сук — подлецу,
И чтобы бестии старосте
Было возмездие в старости,
Пусть у злодея знахаря,
Что порчу шлет на пахаря,
Погаснет очаг.
Да будет так!

Песня пахаря

Боже, боже, пощади,
От ненастья огради,
Нам нужна лишь малость —
Чтоб скорее позади
Пахота осталась!
Хоо!¹

Милые мои волы,
Знаю — сохи тяжелы.
Хоо!

1. Хоо — окрик, понукающий волов.

Ну, а мне легко пахать,
Нажимать на рукоять?
Хоо!

Что взойдет на поле нашем,
Если мы его не вспашем?
Хоо!

Вот жена ко мне идет,
На плече кувшин несет.
Хоо!

Сам поем и вам, волам,
Корма досыта я дам.
Хоо!

Песня пахарей

Мы с первой зорькой встаем,
Идем работать в поля,
Простую песню поем,
Сердца свои веселя!

Темная ночка прошла,
Весел зеленый простор;
У бога много тепла,
Солнце встает из-за гор.

Идем! За дело пора!
В лесах нам птицы поют.
Богат, кто взялся с утра
На ниве за скромный труд.

Пусть долго спит богатей
И ждет от других услуг.
Я сжился с долей своей,
Хоть ем только хлеб да лук.

У меня нет лишних забот,
Всегда беспечален я,
И пахарь песню поет
Звучней, чем песнь соловья.

Едва проснется богач —
Клянет он участь свою;
Над жизнью, бедный, не плачь:
Такая же будет в раю!

Мы с первой зорькой встаем,
Идем работать в поля,
Песню простую поем,
Сердца людей веселя!

Соха

Облегчи, соха, беду,
Сделай глубже борозду.
К беднякам не будь бездушной.
Что нам нужно? Хлеб насущный.

Давят нас долги, нужда,
Стала горькою вода,
Дети голодны всегда,
Не поможешь нам — беда!

К беднякам не будь бездушной.
Что нам нужно? Хлеб насущный.
Ты печаль мою развей,
Пожалей моих детей!

Песни боронования

1

Тап-тап-тап-тап.
Вол-кормилец, ты не слаб!
Комья крепкие земли
Взбороним проворно,
Чтоб скорее проросли
Золотые зерна.
Тап-тап-тап-тап.
Каждый выровняй ухаб.
Утром медлить не расчет,
ТопаЙ веселее, —
Скоро солнце припечет,
Станет тяжелее!

2

Эй, шагай ты прямо, а не в сторону,
Вол мой дорогой.
Комья разрыхляй, тyani ты борону,
Вол мой дорогой.
Чтоб бугров и впадин не осталось,
Вол мой дорогой.

Чтобы всходам легче прорасталось,
Вол мой дорогой.
Ямы и бугры — зерну помеха,
Вол мой дорогой.
Не оставь ни одного огреха,
Вол мой дорогой.

Сеятель

Сеятель, наш хлебодатель,
Награди тебя создатель!
Без тебя, кормилец мира,
Было б холодно и сиро.

Люди от твоей горсти
Глаз не могут отвести.
Одичали бы поля,
Не будь тебя.
Наша вымерла б земля,
Не будь тебя!

За холщовый шейный твой платок
Стать бы жертвой нам.
За чувяки с огрубелых ног
Стать бы жертвой нам.
Да пошлет благословенье бог
Всем твоим трудам!

Песня полольщиц

Вот подул с Масиса¹ ветерок,
Это значит — вечер недалек.
Кончим мы прополку, и, быть может,
Каждой встретится ее дружок.

Девушки, пусть нам не будет лень
Спины гнуть, не убегая в тень.
Всё, что заработаем за лето,
Может, сбережем на черный день.

Кажется, с утра сто лет прошло,
А на поле все еще светло.
Оглядишься — нет конца работе,
Не темнеет небо, как назло!

1. Масис — армянское название горы Арарат.

Хлопок, хлопок — низкие кусты,
Желтые и белые цветы.
Поля мы еще не пропололи,
От его устали красоты.

Песня мотыжницы

В поле я работаю с утра.
Зной слепит глаза, печет жара.
Стать бы жертвой за кушак любимого,
С украшением из серебра!

Мне земля подошвы изожгла,
Зноен день, мотыга тяжела.
К милому щекой своей румяной
Я прижалась, если бы могла.

Меж кустов кунжута я иду.
Пекло здесь нещадней, чем в аду.
Где же рай? — У милого в объятьях,
Коль в его объятья упаду.

Я сотру с лица соленый пот,
Боль, усталость — сразу всё пройдет.
Я надену бусы и забуду
Про печаль, что сердце мне гнетет.

Сада без цветов не бывает,
Розы без шипов не бывает.
Девушек красивых без дружков
И без женихов не бывает!

Песня косаря

Ты свисти, коса, свисти!
Выше травам не расти.
Хыше джик-джик,
Хыше джик-джик.

Поспешайте, косари,
Начинайте до зари.
Джан¹ хыше джик-джик,
Джан хыше джик-джик!

1. Джан — букв.: душа, тело. Ласковое обращение.

Травы смочены росой,
Ровно лягут под косой.
Хыше джик-джик,
Хыше джик-джик.

Чтоб скосить траву скорей,
Вышло много косарей.
Джан хыше джик-джик,
Джан хыше джик-джик.

Ты поманишь два часа,
И затупится коса.
Хыше джик-джик,
Хыше джик-джик.

Эй, косарь, давай скорей,
Косу молотком отбей.
Джан хыше джик-джик,
Джан хыше джик-джик.

Чтобы честь по чести было —
Вот брусок и вот точило.
Хыше джик-джик,
Хыше джик-джик.

Косовище укрепи,
Снова косу торопи.
Джан хыше джик-джик,
Джан хыше джик-джик.

Коль коса твоя остра —
И косьба твоя быстра.
Хыше джик-джик, —
Хыше джик-джик.

Песня жатвы

В чистом поле жарким днем,
Яр¹ ле-ле хоп, ле-ле хоп,
Жнем мы дружно, в ряд идем,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

По нужде, а не в охоту,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп,

1. Яр — возлюбленная, возлюбленный.

Жнем мы, не жалея поту,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

Мы свою полоску сжали.
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп,
Все снопы заскирдовали,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

Крикните, чтоб Мартирос,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп,
Плова жирного принес,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

Кто отстал, тот виноват,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп!
Кто закончил — будет рад,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

Жните все, покуда в силе,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп,
Чтобы сытыми вы были,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

Всё, как есть, сожнем мы жито,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп,
Чтоб зимою есть досыта,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

Песня жнеца

Пусть дует ветер горный,
Чтоб я не так устал,
Чтоб серп в руке проворной
Быстрее пшеницу жал.

Как много раз случалось,
Что я не видел дня,
Что сердце обливалось
Кровью у меня!

Судьба, не будь жестока,
Чтобы я слез не лил,
Врагов — которых много —
Чтоб я не веселил.

Ты, серп, ходи резвее,
Ты, ветер, с гор гуди.

Пусть голос твой развеет
Печаль в моей груди!

Чтоб я быстрее работал,
Чтоб на исходе сил,
И обливаясь потом,
Я горьких слез не лил.

Чтоб улеглась тревога
И до скончания дней
Чтоб я со словом бога
Растил своих детей!

На пастбищах да нивах,
Под бременем забот
Нелегкий, несчастливый
Так весь мой век пройдет!

Песни молотбы

1

Над землей плывут облака.
Эй, мой вол, оровел, оровел!
Ветер дует издалека.
Эй, мой вол, оровел, оровел!

Все снопы отвезем на гумно,
Отделим от соломы зерно,
Солнце в тучи заходит неспешно,
Дело кончить пора бы давно.

Мы с зарею сюда пришли,
С темнотою домой не ушли,
Солнце гаснет, и ветер на поле.
Дождевые капли закали.

2

Вол, я говорю как другу —
Торопись, чтоб дело шло.
Поживей ходи по кругу.
Ороло, ороло! Хо!

Мы разделим по-простому
Всё, что поле нам дало:
Мне — зерно, тебе — солому.
Ороло! Ороло!
Хо!

Песня возчика

Сто снопов — тяжелый воз.
Вол другой его б не свез.
За тебя, мой вол рогатый,
Жизни мне не жаль своей.
Потрудись, прошу как брата,
Не ленись, хей, хей!

Для тебя, дружище вол,
Я из жил постромки сплел.
Не порвешь ты их, рогатый,
Не сотрешь и за сто дней.
Потрудись, прошу как брата,
Не ленись, хей, хей!

Крепко я поставил ось,
Чтоб не шли колеса вкось.
Воз тяжел, мой вол рогатый,
Но тянул ты тяжелей.
Потрудись, прошу как брата,
Не ленись, хей, хей!

Сноп, что с воза обронил,
Поднял я на зубья вил.
Эй, иди ровней, рогатый.
Ты спокойней — груз целей.
Потрудись, прошу как брата,
Не ленись, хей, хей!

Воз высок; чуть поворот —
Не усмотришь — упадет.
Круто не бери, рогатый,
Будь ловчее, будь умней.
Потрудись, прошу как брата,
Не ленись, хей, хей!

Песня жёрнова

Вертится жернов, вертится жернов,
Много зерна он смолот на веку,
Белые зерна, белые зерна
Он превращает в крупу и муку.

Нашей пшеницы зерно золотое
Жернов мгновенно в муку превратит.

В горло зерно ему всыпьте любое,
Всё раздробит, разотрет, размельчит!

Зерна гороха и зерна пшеницы,
Зерна бобов подавайте ему.
Жито в крупу и муку превратится,
Гости придут — начиняйте долму¹.

Эй, отгребай, молодая, проворней,
Пусть красота твоя вечно цветет!
Крутится тяжело грохочущий жернов,
Крутится жернов, дело идет.

Песня крестьянина

Лунный свет нам с испокон сладок,
Труженика крепкий сон сладок.
Ночь неторопливо убывает,
Звук свирели ей вдогон — сладок.
Травы в поле ветер обдувает.
Ласковый и добрый, он — сладок!
Слышно, как с горы поток стекает,
И его далекий звон — сладок.
Где-то соловей поет — рыдает,
Нам же соловьиный стон — сладок.
Все в цветенье, сад благоухает,
Каждый кустик и бутон — сладок.

Маленький земледелец

Солнце землю припекло,
Время пахоты пришло.
Чтоб зимою жить в достатке,
Я в ярмо запряг гусей,
В дышло — белых журавлей;
Взял на помощь для порядку
Воробья и куропатку.
В добрый час, паши и сей.
Все вспахал я понемногу,
Все засеял, слава богу!

Подошла пора полива,
Превратил глаза в родник,

1. Долма — армянское блюдо, вроде голубцов.

Слезы брызнули — и в миг
Оросил поля на диво,
Завершил труды счастливо!

Вот и жатва уж близка,
Словно серп моя рука
Я пшеницу сжал умело,
И, чтоб ветер не унес,
Свил я свясла из волос,
Всё связал и кончил дело.
День прошел — и сжата нива,
Завершил труды счастливо!

Дело новое приспело:
Всё, что сжал, везти на ток.
На спине снопы сволок,
Уложил их все в рядок.
Завершил и это дело —
Молотьбы приходит срок.

Журавля на помощь взял,
Чтоб журавль колосья мял,
Чтоб на холке журавлиной
Восседал бы чибис чинный,
«Хелев-хелев»¹ — погонял.

Дело вмиг завершено:
Тут солома — там зерно.
Через пальцы всё просеял,
Дунул я — зерно провеял.
Но забот еще полно.

Жду я сборщиков налога.
Надо подати платить.
Надо ухо наострить,
Чтоб держались правил строго,
Чтоб не брали слишком много.
Но и это, слава богу,
Удастся завершить.

Вот крученые чулки
Превращаются в мешки —
Я сыпаю в них пшеницу,
Хоть мешки и велики.

Заплатить хочу сторицей
Всем помощникам — друзьям:

1. Хелев-хелев — восклицание, понукающее животных.

И гусям, и журавлям,
Чибису и прочим птицам
Справедливо, по трудам.

Что осталось — видит бог —
Я упрячу под замок,
Буду я муку беречь,
Чтобы хлеб зимою печь.

Песня выпечки хлеба

Хлеб печется, я гляжу, хеп-хо-хеп!
Ты печешь, а я сижу, хеп-хо-хеп!
Посижу еще часок, хеп-хо-хеп!
Развяжу твой поясок, хеп-хо-хеп!
Развяжу его, а там, хеп-хо-хеп!
Я прильну к твоим устам, хеп-хо-хеп!
Щеки у тебя румяны, хеп-хо-хеп!
Груды тверды, как шамамы¹, хеп-хо-хеп!
Месяц на небе все выше, хеп-хо-хеп!
Плоски в нашем крае крыши, хеп-хо-хеп!
Клонит ночь тебя ко сну, хеп-хо-хеп!
Ты вздремни, и я вздремну, хеп-хо-хеп!

Песня маслобойки

Аист прилетел издалека — вот как,
Мы в ведро надоим молока — вот как,
Молоко заквасим и поставим — вот как,
Сделаем мацун², мацун оставим — вот как,
После будем бить мацун сбивалкой — вот как,
Будто нам его совсем не жалко — вот как,
Мы побьем, побьем его получше — вот как!
Из мацуна масло мы получим — вот как!
Гоп-леле,
Гоп-леле!

* * *

Ах, сбивалка, ты моя сбивалка,
Мне мацуна для тебя не жалко!
Бей мацун, крути-верти,

1. Шамам — небольшая дыня.

2. Мацун — род простокваши.

Дело делай,
Ты Бабкена угости
Маслом белым.
Дашь, сбивалка, масла нам немало,
Зря ль тебя я мыла, вытирала.
Бей мацун, крути-верти,
Дело делай,
Варсик-джан ты угости
Маслом белым!

Эй, моя сбивалка, бей проворно,
Будь всегда моей руке покорна.
Бей мацун, крути-верти,
Дело делай,
Бабку с дедом угости
Маслом белым!

Песня веретена

Крутись, крутись, веретено,
Трудись, трудись, веретено.
Тебя благословил священник,
И плату попросил священник,
Но денег нет у нас давно.
Крутись, крутись, веретено,
Трудись, трудись, веретено!

Купец за шерсть заплатит честно.
Крутись, крутись, веретено!
У нас на выданье невеста.
Не обломись, веретено.

Придут за дочкою моею.
Крутись, вертись, веретено.
А что нам, бедным, дать за нею?
Трудись, трудись, веретено!
Пряди быстрее, ради бога,
Крутись, крутись, веретено!
Добра нам надо справить много,
Не покривись, веретено!

Лусик — хорошего бы мужа!
Крутись, веретено, быстрее.
Мы справим ей, бог даст, не хуже
Приданое, чем у людей.

Крутись, вертись, веретено,
Трудись, трудись, веретено!

Прялка

Людям бедным — милость бога, прялка.
Многодетным ты — подмога, прялка!
Ты — спасительница хворых, прялка,
Для покинутых опора, прялка!
Ты для сирот — мать с отцом, прялка,
Для людей бездомных — дом, прялка!

Тонким голосом поешь, прялка,
Шерсть керманскую¹ прядешь, прялка,
Песнь слагаешь, как ашуг, прялка,
О печали, что вокруг, прялка.
Песню тонко пой в тиши, прялка,
Больними с моей души, прялка!

Ты пряди, пряди, пряди, прялка,
Много дела впереди, прялка!
От твоих трудов одежда наша,
От твоих трудов надежда наша!

Звезды светятся давно, прялка,
А в моих глазах темно, прялка,
При тебе я, как раба, прялка,
Прясть всю жизнь — моя судьба, прялка!

Даже в час, когда ты спишь, прялка,
В голове моей шумишь, прялка.
Я с тобой и ты со мной, прялка,
Нитью связаны одной, прялка!

Ты жужжишь в тиши ночной, прялка,
Сон овладевает мной, прялка!
Пусть любимый мой придет, прялка,
В сеть мою он попадет, прялка.

Я пряду, мне не уснуть, прялка.
Милый отбыл в дальний путь, прялка.
Лягу, но не спится мне, прялка.
Хоть не сплю — он снится мне, прялка.

1. Керман — город в Иране, славившийся коврами и шальмами.

Песня прялки

Пряди, крутись, колесо.
Ты мой алмаз, колесо.
Ты свет в тени, колесо.
Ты нить тyani, колесо.
Ты бедным брат, колесо.
Ты нищим клад, колесо
Ты мой ашуг, колесо.
Мой верный друг, колесо.
Крутись быстрее, колесо.
Тоску развей, колесо.

Песня чесальщицы шерсти

Гребень привела в порядок.
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу.
Вам меня просить не надо,
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу.
Шерсть шершавая шуршит,
Надо мною пыль кружит.

Гребень мой дороже злата,
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу.
Только им я и богата.
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу!
Шерсть шершавая шуршит,
Надо мною пыль кружит.

От овцы и от барашка
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу,
Хоть работать мне и тяжело,
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу!
Шерсть шершавая шуршит,
Надо мною пыль кружит!

Гребень — кость и позолота,
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу.
Нелегка моя работа.
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу.
Шерсть шершавая шуршит,
Надо мною пыль кружит!

* * *

Я высечен резцом
Из красного гранита,
Но я горю огнем,
Вся жизнь моя разбита.

Мой камень, мой гранит —
Неверная защита.
Душа моя горит —
Она не из гранита.

* * *

Склон вершины Мндзурской слишком крут,
Люди говорят — вода целебная
Там стекает в золотой сосуд
По извилистой трубе серебряной.

Как-то за целебною водой
Шла красавица с кувшином в гору,
И какой-то всадник молодой
К роднику подъехал в эту пору.

Он сказал: «Чтоб я не изнемог,
Чтоб от жажды не погиб безвинно,
Дай, красавица, один глоток
Мне отпить из твоего кувшина!»

Но в ответ и бровью не ведет
Эта тонкостанная девица:

«Будешь ты не первым, кто умрет,
Не успев воды моей напиться!»

Бедный всадник повернул коня
И сказал пред тем, как вдаль помчался:
«Я умру, и все, кто знал меня,
Пусть сочтут, что я и не рождался!»

Поцелуй был сладок

В летний день спускалась я с Гарманца¹,
За день я устала,
Очень я устала.
Сладкий запах роз и померанца
Жадно я вдыхала,
Жадно я вдыхала.

Спящего тебя я увидала,
И была я рада,
Как была я рада.
В губы я тебя поцеловала,
Спящего тебя поцеловала.
Поцелуй был сладок,
Поцелуй был сладок.

Будь благословенным, склон Гарманца,
Где попал ты в сети,
Где попал ты в сети.
Поцелуй был слаще померанца
И всего на свете,
И всего на свете!

* * *

Нынче вечером был я пьяным,
Нынче вечером был я пьяным,
Я стоял у входа в твой дом,
Я стоял у входа в твой дом,
Ты взглянула, всплеснула руками,
Я стоял, ты всплеснула руками,
Протянула мне чашу с вином.

«Не прошу я иной услуги —
Я молю: запиши меня в слуги,

1. Гарманц — квартал, населенный греками.

Хоть рабом допусти к очагу!►
«Нет, рабу я не буду рада,
И прислужников мне не надо,
Я лишь друга пустить могу!»

Обнялись мы с тобой, невинной,
Но раздался крик петушиный.
«Ах, предатель, ах, горлодер!
За его оранье бесстыжес
Посреди ночного затишья
Нож ему, шампур и костер!

Петуха за шею возьмем мы,
На костре его испечем мы
И поделим с тобой пополам.
Мы ему отомстим, как можем,
Ножки, крылышки — всё обгложем,
А из косточек сложим храм!»

«Ах, мой милый, мой бестолковый,
Храм с тобой мы построим новый,
И на радость обонм нам
Благовонный воскуришь ладан,
Купишь масла, нальешь в лампы,
Будешь их зажигать по ночам!»

Как мне спасти тебя?

Сгустилась мгла, недобрым стала знаменьем,
Любовь рекой была, а стала пламенем.
Влюбленного, она дотла сожгла меня.
А как тебя спасти от злой руки?
Ты — роза, ты роняешь лепестки,
Ты — роза, ты роняешь лепестки.

Чем помогу тебе я, нищий странник,
О роза, ты роняешь лепестки,
О роза, ты роняешь лепестки.
Я гибну от печали и тоски,
А не от острых стрел на поле брани!

Любовь тяжка, я изнемог от бремени.
Изгнанник я, без роду и без племени.
Не в пору я расцвел, увял без времени.
Но как тебя спасти от злой руки?
Ты — роза, ты роняешь лепестки,

Ты — роза, ты роняешь лепестки.
Чем помогу тебе я — жалкий странник.
Я гибну от печали и тоски,
А не от вражьих стрел на поле брани!

Ты — моя милая

Ах, почему ты, любимая, зла,
Что ж ты и знака не подала?
Мимо прошла, а кивнуть не могла,
Ты, моя милая!

Утром срывала ты розы в саду,
Ты ли не знала, что я тебя жду.
Что ж красовалась у всех на виду
Ты, моя милая!

Солнце сияло, и розы цвели,
Разве не знала, что ждал я вдали,
Самая лучшая роза земли —
Ты, моя милая!

Раскрылся цветок

Раскрылся цветок
На крыше соседской,
На крыше соседской
Раскрылся не в срок.

Коль можешь помочь,
Заснуть помоги мне,
Заснуть помоги мне.
Не сплю я всю ночь!

Дари поцелуй мне,
Хотя б по субботам.
Дари поцелуй мне, —
Пусть кровь мне зажжет он.

Хотя бы раз в месяц
Ко мне приходи,
Чтоб крепко прижаться
К горячей груди!

И коль повезет,
Ты будешь дарить мне,

Ты будешь дарить мне
Детей что ни год.

* * *

Стан твой словно рукоять кинжала,
Вот ты вышла, вот у двери стала.
Стал больным я от любви к тебе,
А тебе, насмешница, все мало!

Ты мне сердце жжешь, тебе не жаль его.
Ты не сердце жги, сожги печаль его.

С гор бежит поток издалека,
Но водой студеной с ледника
Сердце остудить не удастся:
Жжет его любовь и жжет тоска.

Ты мне сердце жжешь, тебе не жаль его.
Ты не сердце жги, сожги печаль его.

* * *

«Ты не плачь, не плачь! — сказал бывалый
Попугай залетный птичке малой. —
Я тебя счастливою весною
В благодатный край возьму с собою.
В дальнем том краю с тобой вдвоем
На вершине мы гнездо сошьем.

Теплый ветер будет обдувать тебя,
Ночью звезды будут озарять тебя,
В полдень солнце будет согревать тебя,
И тюльпаны будут окружать тебя».

* * *

Милая, ты в благодатном саду
Тонкими пальцами гроздь срываешь,
Взглядом случайным мне сердце пронзаешь,
Словом нечаянным грудь иссушаешь.
Ты ли не знаешь, что я тебя жду.
Что же ты медлишь — ведь жизнь быстротечна.
Юность даруется нам не навечно.

Белая роза средь красных одна,
 Белая роза уже распустилась.
 Что же ты медлишь, скажи мне на милость?
 Сколько бы красных цветов ни раскрылось.
 Белая роза, лишь ты мне нужна!
 Что же ты ждешь, ведь пройдет без следа
 Юность моя и твоя красота!

* * *

Если на гору поднимешь ты взгляд,
 Я над тобою — седой Арарат.
 Вечен мой снег, но и снег растоплю я,
 Каплю на плечи тебе оброню я.

Если под небом захочешь уснуть, —
 Облаком лягу к тебе я на грудь.
 В путь ты пойдешь одинокой тропой, —
 Буду я ветром лететь за тобой!

* * *

Ах, яр, ямман¹, ямман, ямман!
 Ах, яр, причудница моя!
 Наш дом — под грушею стоит.
 Ваш дом — под грушею стоит.
 Пусть пои ваш бороду спалит:
 Хочу жениться — не велит.

Инжир — близ нашего жилья,
 Инжир — близ вашего жилья.
 Здесь — яр моя, там — яр твоя,
 С дурнушкой — ты, с красоткой — я!

У нас — кувшины, сорок в ряд,
 У вас — кувшины, сорок в ряд,
 Пред каждым — чаши в ряд стоят.
 «Коль пил — целуйся», — говорят.

Наш дом, ваш дом — рядком, рядком,
 Мы в сад сойдем, травы нарвем,
 С травой душистой, яр, пойдем
 И в ясли травку отнесем.

1. Ямман — выражение огорчения, горя.

Чья яр светлей других лицом?
Моя светлей других лицом!

Ах, яр, ямман, ямман, ямман!
Ах, яр, причудница моя!

Я повторять всегда готов:
«Не надо роз — они язвят,
Люби фиалку без шипов,
Ее так нежен аромат.

Ты розу шипуную нашел?
Она увянет, — вот гляди!
Люби цветок, что не расцвел, —
Он расцветает на груди!»

Ах, раствориться — и стать водой,
И покатиться — большой рекой,
Водой струиться, — ах! ключевой!
А яр пришла бы — налить кувшин,
Я прожурчал бы — в ее кувшин,
С водой поднялся — ей на плечо,
Ей грудь облил бы — так горячо!

Песня на день преображения

Роза распустилась под Ваном¹ в саду.
Господи! дорогу как туда найду!
Милая, малютка, скажи мне: ты чья?
Целый мир ответит: ты — моя, моя!

Роза распустилась, и петух пропел.
Милую в саду я утром подсмотрел.
Роза распустилась утром под росой.

Милая срывала розы пред собой.
Роза распустилась в Воскресенье роз.
Ты зажгла любовью рощу моих грез.

1. Ван — город в западной Армении (ныне в Турции).

Милая, малютка, скажи мне: ты чья?
Целый мир ответит: ты — моя, моя!

* * *

Как из яблок шербет — твой румяный лик!
Губы — мед у тебя, и сахар — язык!
Голос твой — каманча, сердце жаждет — тебя,
Словно звезды — твой взгляд, груди — сладостный сад!

Если в сад ты войдешь, — как стан твой высок!
Поцелует тебе ноги каждый цветок,
Все деревья тебе отвесят поклон,
И стыдно луне блистать в вышине.

Как павлин ты идешь, хороша и стройна,
В переливных цветах, и ала, и бледна.
Да какую из птиц с тобой сравнить?
И чайке морской не спорить с тобой!

ПЕСНИ ИЗГНАНИЯ

* * *

Что, красавица, плачешь в печали,
Совершилось какое из зол:
Лето ль кончилось — розы опали,
Час ли пробил — твой милый ушел?
Не печалься: цветы не утрата—
Лишь наступят весенние дни,
Заалеют на грядках они
Даже, может, пышней, чем когда-то.
Если ж милый отправился в путь,
В край, откуда нам нету возврата,
Знай, слезами его не вернуть!

Я — несчастная пленница

Птица, я поймана, в клетке глухой заперта я,
Нету мне счастья с тех пор, как отбилась от стаи.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Пусть, как гусаны, мне песни поют попугаи.
Нету мне счастья, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Я о наряде из перьев цветных не мечтаю.
Нету мне счастья с тех пор, как отбилась от стаи.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Пусть меня холят, зерном золотым ублажая,
Нету мне счастья, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Мне во владенье не надо обширного края,
Нету мне счастья, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Пусть суетятся рабы, мне во всем угождая,
Счастья не будет, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Пусть вознесется дворец, позолотой блистая,
Счастья не будет, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Если и вырвусь из клетки, бессильна одна я,
Счастья не будет, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Птице несчастной, не надо мне вашего рая,
Взвиться бы в небо, пробиться к взлетающей стае.
Сердце разбито мое, я — несчастная пленница!

Может, не так безнадежна судьба моя злая,
Может, за мною вернется родимая стая,
Может быть, в жизни моей всё еще переменится!

Журавль

Отчего, журавль, ты в небе стонешь?
Нет ли вести из страны моей?
Чуть помедли, ты свой стан догонишь,
Нет ли вести из страны моей?

Ты спешишь, и ждут тебя в Халебе,
Но прошу, как о насущном хлебе,
Пожалей, скажи, летящий в небе,
Нет ли вести из страны моей?

Потерял давно я все на свете,
Чем владел когда-то — не владеть мне.
О журавль, помедли и ответь мне:
Нет ли вести из страны моей?

Сам я выбрал путь неосторожно,
Изменить бы все — да невозможно.

Зло вокруг, все в этом крае ложно.
Нет ли вести из страны моей?

Как живу я? — спросят. — Понемногу.
Плачу я, клянусь свою дорогу.
Чем я плох, чем неугоден богу?
Нет ли вести из страны моей?

Остаюсь для всех я посторонним,
Я привык к безверью, к беззаконьям.
Всё вокруг отравлено зловоньем...
Нет ли вести из страны моей?

Я с тобой, журавль, гонец мой статный,
Весть отправлю в край мой благодатный.
Скажешь ты, пустившись в путь обратный:
Нет ли вести из страны моей?

Полетишь обратно от Багдада,
Твой прилет мне будет как награда.
О журавль, мне так немного надо —
Нет ли вести из страны моей?

* * *

«Ручеек немноговодный,
Ты откуда?»
«Я с горы.
Снег растаял от жары
Нынешний и прошлогодний».

Ручеек я отведу,
Напою цветы в саду,
Расцветут — свяжу в букеты
И любимому pošлю.
Мой любимый — бедный странник,
Он забыл в своих скитаньях,
Что я здесь его люблю.

Пусть вдохнет он аромат,
Мой, быть может, вспомнит сад,
И мое поймет он горе,
Затоскует сам и вскоре,
Может быть, придет назад.

Песня бездомного

Сердце мое — что разваленный дом,
Груда камней над упавшим столбом,
Дикие птицы устроятся в нем.
Эх, брошусь в реку весенним я днем,
Пищей для рыб пусть я стану потом, —
Эх, бездомный ты!

Черное море, от пены бело,
Волны на волны, сражаясь, вело,
Море двояким пред взором росло.
В сердце моем так же мутно и зло,
Лучше бы вовсе его унесло, —
Эх, бездомный ты!

Жалоба куропатки

На горячем камне, вся в слезах,
Куропатка жалуется птицам:
«Ни в лесу дремучем, ни в горах,
Бедной птице, негде мне укрыться.

Где мне схорониться от врага,
Есть ли место на земле такое,
Есть ли в мире горы и луга,
Где б меня оставили в покое?

В нашем крае горы высоки,
Там орлы когтистые гнезятся,
На лугах расставлены силки,
Ждут стрелки, что я должна попасться.

Спрячусь я — стрелок меня найдет,
Острый нож в его руках блеснет.
Потечет из горла кровь ручьем,
Обагрится грудь моя мгновенно,
Ножки тонкие мои ножом
Мне стрелок отрежет по колено.

Пестренькие перышки мои
Ветер Злой развеет по равнине,
Унесут их быстрые ручьи,
Вот и всё, и нет меня в помине.

Разнесется белый мой пушок,
Улетит по ветру без возврата,
И любой ничтожный ручеек
На волнах умчит его куда-то».

Куропатка

Стоном оглашая лес,
В глушь забилась куропатка.
И спросил господь с небес:
«Что случилось, куропатка?»

«У меня пропал птенец.
На вершине ль поднебесной
Или в пропасти отвесной
Отыскал он свой конец?..
Буря ли сосну свалила —
Моего птенца убила,
Или бешеный поток
Моего сына увлек?
Но с бедой не примирюсь я,
Полечу я поутру,
Отыщу сына — вернусь я,
Не найду — сама умру!»

ПЕСНИ О ПРИРОДЕ

Песня о временах года

ВЕСНА

Вновь прилетели те птицы,
Опять прилетели те птицы,
Снова явились те птицы,
Что каждой весною приходят.

Надели зеленый наряд,
Надели зеленый наряд,
Надели зеленый наряд,
Над землею кружатся, кружат.

Пой, соловей, свою песнь,
Пой, сизокрылый, мне песнь,
Пой, сладкогласый, мне песнь,
Я без ума от нее,
Раб умиленный творца.

ЛЕТО

Вновь прилетели те птицы,
Опять прилетели те птицы,
Снова явились те птицы,
Что каждым летом приходят.

Надели багряный наряд,
Надели багряный наряд,
Надели багряный наряд,
Над розой кружатся, кружат.

Пой, соловей, свою песнь,
Пой, сизокрылый, мне песнь,

Пой, сладкогласый, мне песнь,
Я без ума от нее,
Раб умиленный творца.

ОСЕНЬ

Вновь прилетели те птицы,
Опять прилетели те птицы,
Снова явились те птицы,
Что осенью каждой приходят.

Надели желтый наряд,
Надели желтый наряд,
Надели желтый наряд,
Над сушью кружатся, кружат.

Пой, соловей, свою песнь,
Пой, сизокрылый, мне песнь,
Пой, сладкогласый, мне песнь,
Я без ума от нее,
Раб умиленный творца.

ЗИМА

Вновь прилетели те птицы,
Опять прилетели те птицы,
Снова явились те птицы,
Что каждой зимою приходят.

Надели белый наряд,
Надели белый наряд,
Надели белый наряд,
Над снегами кружатся, кружат.

Пой, соловей, свою песнь,
Пой, сизокрылый, мне песнь,
Пой, сладкогласый, мне песнь,
Я без ума от нее,
Раб умиленный творца.

* * *

«Как вам не завидовать,
Горы вы высокие!»
«Что же нам завидовать —
Участь наша горькая:
Летом жжет нас солнышко,
В зиму — стужа лютая!»

Песня аиста

Здравствуй, аист! аист-друг!
Ты вернулся, аист-друг,
Разлилась весна вокруг,
Веселей нам стало вдруг!

Милый аист, к нам спустись,
К нам на кровлю опустишь,
В нашем доме поселись,
Свей на ясене гнездо.

Я пожалуюсь тебе,
Ах, пожалуюсь тебе:
Много бед в моей судьбе,
Горе сердца — море бед!

Ах! когда ты улетел,
С нашей кровли улетел,
Ветер злой рассвирепел,
Иссушил цветы в саду.

Омрачился небосвод,
Помрачился небосвод,
Выпал снег, закрылся лед,
И зима цветы смела.

От Варагских самых гор,
Ах, с Варагских самых гор,
Замели снега простор,
Холод выбелил поля.

Аист! здесь у нас в раю,
Все занес мороз в краю,
Засушил и умертвил
Розу милую мою!

* * *

Белым снегом вершины покрыло,
Небо милость сменило на гнев.
Вот и осень сады оголила,
Вот и листья опали с деревьев.

Я промолвил: «Чинары и вишни,
Смерть коснулась и ваших голов!»

И почудился голос чуть слышный
Из глубин оголенных стволов:

«Не жалеј нас: весна еще будет,
Увяданье для нас не беда,
Потому что деревья — не люди,
Увядающие навсегда!»

И прощальным окинул я взором
Всё, что знал и любил искони,
И неспешно поднялся я в горы,
Но под снегом молчали они.

Их вершины во льдах холодели,
И промолвил я в скорбный их час:
«Горы, горы мои, неужели
Смерть слепая коснулась и вас?»

И услышал я голос, который
Шел откуда-то с дальних высот:
«Оживут еще белые горы,
Всё ушедшее снова придет.

Птицы пустятся в путь свой обратный,
Зажурчат водопады опять,
И цветения дух благодатный
Над вершинами будет витать.

Будет солнце, весна еще будет.
Снег растает, пройдут холода,
Потому что и горы — не люди,
Умирающие навсегда».

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Песня облачения царя

Над теми горами высокими солнце в зените.
Эй, люди, царю молодому одежду скроите.
Вы солнце на верх, а луну на подкладку возьмите,
Небесные звезды по верху узором пустите,
Дождитесь и дождик в иголки проденьте, как нити,
Отгладьте кафтан и в обновку царя¹ нарядите!

Свадебная песня

1

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Зарю ли дам я, что займется,
Займется, с этим солнцем схоже?

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не солнце ль дам я, что засветит,
Засветит, с этим солнцем схоже?

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не радугу ли дам, что встанет,
Что встанет, с этим солнцем схоже?

1. В армянских обрядовых песнях жениха и невесту называют царем и царицей.

2

Царю что дам я, с ним что схоже.
С его зеленым солнцем схоже?
Не бальзамин ли, что задышит,
Задышит, с этим солнцем схоже?

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не розу ль дам я, что заблещет,
Заблещет, с этим солнцем схоже?

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не гамаспюр¹ ли, что не вянет,
Не вянет, с этим солнцем схоже.

3

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не абрикос ли, весь цветущий?
Цветите, с абрикосом схоже.

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не виноград ли, плод дающий?
Давайте плод, с лозою схоже.

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не дуб ли дам я, крепко мощный?
Вы будьте мощны, с дубом схоже.

4

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не василек ли дам пахучий?
Благоухай твоя царица!

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не дам ли желтый мак пахучий?
Благоухай твоя царица!

1. Гамаспюр — чудодейственный цветок.

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зеленым солнцем схоже?
Не златоцвет ли дам пахучий?
Благоухай твоя царица!

Свадебная песня

С божьего благословения
Сел ты за праздничный стол,
Будь щедрым твое цветение,
Будь крепок твой стройный ствол!

Пусть волей бога пречистого
И Крестителя Карапета
Зелеными, красными листьями
Покроется дерево это!

«Царь, что принести мы можем
На солнце твое похожее?
Звезду принесем, что в полночь
Заблещет по милости божьей!»

«Царь, что принести мы можем
На солнце твое похожее?
Зарю принесем, что под утро
Займется по милости божьей!»

«Царь, что по милости божьей
Еще принести мы можем?
Принесем цветок бальзамин,
На солнце твое похожий!»

Нас не оставь, господь,
Нам помоги, спаситель.
Дух наш и нашу плоть
Ты укрепи, вседержитель!

«Пусть скажет — что хочет от нас
Царь, который наш пир возглавил?»
«Соловья принесите тотчас,
Чтобы древо мое восславил!»

И тогда соловей влетел,
И по воле царя державной

Он владыку сперва воспел,
А потом весь род его славный.

«Царь, что хочешь еще от нас,
Мы исполним просьбу любую!»
«Чтоб восславить мой род, тотчас
Приведите мне лань степную».

Лань степную тотчас привели
В золотые царевы чертоги,
И склонилась она до земли,
И упала владыке в ноги.

И ни слова не говоря,
Только взором своим и смиреньем
Лань восславила род царя
С достославным его окруженьем.

«Царь, что хочешь еще от нас,
Только слово скажи, повелитель!»
«Вы ягненка сюда тотчас
Златорунного приведите!»

Златорунного агнца ввели
В золотые царевы чертоги.
И склонился он до земли,
Повалился владыке в ноги.

И ни слова не говоря,
Только взором своим и смиреньем
Он восславил весь род царя
С достославным его окруженьем.

«Чтоб тебе умножалась хвала,
Что ты хочешь еще, повелитель?»
«Тотчас Каменного Козла.
Чтоб восславил меня, приведите!»

Тут же Каменный тот Козел
Появился в царевом чертоге.
Он восславить царя пришел,
Повалился владыке в ноги.

«Царь венчанный чего б ни спросил,
Мы исполним желанье любое!»

«Я хочу, чтоб восславлен был
Род мой праведною пчелою».

И тогда впустили пчелу.
И она государю в угоду
Принесла сладчайшего меду,
Прожужжала она хвалу
И царю. и цареву роду.

«Царь венчанный, мы слова ждем,
Чем тебе угодить, скажи нам?
Быть стволу твоему миндалем,
Стройной пальмою быть, инжиром!

Ты не знай никакой напасти,
Вкруг тебя друзья и родня,
Вкруг тебя веселье и счастье,
Как в раю после Судного дня!

Ты хвалы принимаешь по праву.
Пусть вовек ты не знаешь беды.
Дай, господь, тебе счастья и славы,
Но и нас одари за труды!

Ты, венчанный, наш царь молодой,
Награди славословие наше.
Пусть нам вынесут полные чаши
И подносы с горячей едой!»

Бет дизан¹
(Свадебная песня)

«Бет дизан, а это кто,
Скажи нам, пожалуйста».
«Бет дизан, бет-бет дизан,
Это сельский староста».

«Бет дизан, бет-бет дизан,
Кто, скажи нам, это?»
«Бет дизан, бет-бет дизан,
Это — вардапеты».

«Бет дизан, а это чьи
Клохчущие клушки?»

1. Бет дизан — букв.: большая копна. Здесь имеет значение напева.

«Эти клушки, бет дизан,
Наши молодушки».

«Чьи же это, бет дизан,
Птицы без насеста?»

«Эти птицы, бет дизан,
На выданье невесты».

«Что за псы пришли в ваш дом
И зачем их много?»

«Эти псы с большим мешком —
Сборщики налога».

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

* * *

У меня ль невеста есть,
Жениху прямая честь,
У меня ли дочка есть кудрявая,
Справлю свадебку на славу я
Посреди зеленых свеч
В кудрях с лентами до плеч.
Девочка руками двигает,
Девочка в постельке прыгает.
Я кому ее отдам?
Принцу я ее отдам,

А в приданое я дам — сто карет
С платьями, каких нигде — краше нет,
Дам покрыться ей — узорчатый платок,
Дам чесаться ей — янтарный гребешок,
Дам одеться ей — серебрян поясок,
Дам обуться ей — сафьянный башмачок,
Все, что в доме есть, — от крыши по порог.

* * *

Баю-бай, идут овечки,
С черных гор подходят к речке,
Милый сон несут для нас,
Для твоих, что море, глаз,
Усыпляют милым сном,
Упоют молоком.

Баю-бай! Христос с тобой,
Богоматерь над тобой,

Богоматерь над тобой,
Чтобы ты тихонько спал,
Чтоб в постельке ты лежал.

Богоматерь — мать твоя,
Сын ее — хранит тебя.
В церковь божью пойду,
Всех святых я попрошу,
Чтоб Распятый нас хранил
И тебя благословил.

* * *

Колыбель качает южный ветер.
Песню напевает южный ветер.
Лань степная молока
Своего
Не жалеет для сынка
Моего.
Солнце над сынком моим светило,
Днем оно сыночку нянькой было.

«Зегзегун» — поет ночной
Ветерок,
Чтобы крепко спал родной
Мой сынок.

* * *

Щечка у тебя бела,
Родинке на ней — хвала!
Дочь я на руки взяла,
В розовый цветник пришла.

Алые сорву цветочки
Для моей любимой дочки.
Пусть не розе соловей —
Доченьке поет моей.
Златотканый твой наряд
Пусть людской чарует взгляд.

Воробьи и куропатки
Пусть с тобой играют в прятки.
А пока бы на замок
Заперсть твой язычок.

* * *

Наша доченька мала,
Розу дочка сорвала:
Доченьке по воле бога
Будет долгою дорога.

Пролетит за годом год.
Будет жизнь ее как мед.
Платье из парчи сошьет
Наша дочка,
Удальца себе найдет
Наша дочка!

* * *

Что за мать тебя породила?
Породила тебя и вскормила?
Лань степная тебя родила,
Соколица тебя принесла,
Солнце в небе тебя согревало,
А луна тебе грудь давала,
Ветром люльку твою качало,
Пел он песню: «Баю-баю!»
Словно в крапинках одеяло,
Небо звездное укрывало
Колыбельку твою!

* * *

Баю-баю, кончается день,
От деревьев склоняется тень.
Над моею дочуркой, деревья,
Спойте песенку, если не лень!

* * *

Баю-баю, Орсагюль,
Спи, родная Орсагюль!
Твой свивальник — листик тонкий,
Лист большой — твоя пеленка.
Лист ольховый — покрывало.
Лист кленовый — одеяло.

Месяц сон твой озаряет,
Ветер колыбель качает.
Если дождик литься будет,
Если доченьку разбудит, —
Пожалею дочь свою,
Слезы горькие пролью.

* * *

Дочку, что досталась нам,
Дочку, что стройней чинары,
Никому я не отдам:
Нет ей подходящей пары,
Хоть и выложит жених
Десять тысяч золотых!

Нашу дочь полюбят все,
Кто бедны и кто богаты,
К нам наедет больше сватов,
Чем волос в ее косе.
Что я дам за ней приданым,
Не свезти ста караванам.

Пусть все сваты прочь идут,
Распростишься с пустой надеждой.
Если всё ж тебя возьмут
И из дома увезут, —
Как мне жить, осиротевшей?

* * *

Соловей под горой,
Твой отец под землей;
Твоя люлька — камыш
Да пещерная тишь.

Ветер ночной качает тебя,
Баюкают звезды, мерцая тебе.
С гор коза молоко принесет,
Ты ж расти и цвети, стань большим.

Бай-бай, малыш, бай-бай, дитя,
Лилия на розовой щеке,

Бай-бай, цветок, бай-бай, сынок,
Люлька на чистом стоит ветерке.

Коза бы дала молока,
Шептала б луна над тобой,
Солнце бы дало покой,
Бай-бай, дитя мое, бай-бай,
Бай-бай, цветок мой, бай-бай.

Песня о князе Мокском

День пятый тот —
Канун суббот.
В Малакяве пьем, веселясь.
Из Джебзире гонцы, являсь,
Письмо несут, к тебе стремясь,
И прямо в руки, Мокский князь.
Как жаль тебя, о Мокский князь!

В письме как будто меда сладость,
Боль сердцем пронеслась,
Скосил глаза он, ртом кривясь,
Сошла со щек румянца власть,
Как жаль тебя, о Мокский князь!

Велит слуге прийти с конем,
Тот серый конь — не конь, а гром
Под перламутровым седлом.
«Послом посду я, гордясь».
Как жаль тебя, о Мокский князь!

До Чамбаре уже домчась,
Он видит: женщины тотчас
Все у окон, глядят, смутясь,
Его красе большой дивясь.
Как жаль тебя, о Мокский князь!

До Джебзире доехал князь,
Пришел весь город, встал, теснясь,
О, Мокский князь,
Один ты стоишь всех, являсь.
Как жаль тебя, о Мокский князь!

Ты проклят будь, Колот¹-паша,
Длинноволосый, в чем душа,
К себе повел он, не спеша.
Будь тебе пусто, Колот-паша!

Брал деньги, шел он на базар,
Купил арбуз, как будто в дар,
Ножа отравленный удар...
Кусок, в котором яд живет,
Он князю Мокскому дает.
Будь тебе пусто. Колот-паша!

Князь на коня сел, как всегда,
Пришла беда:
Отвисла челюсть, глаз — слюда,
Вся выпадает борода
И волос с красных щек тогда,
Усы — с губ нежных — без следа;
Не пот, а желтая вода.
Будь тебе пусто, Колот-паша!

К ущелью Хынку доберясь,
Добром до Хынка доберясь,
Мы видим: гроб несут, теснясь.
Как жаль тебя, о Мокский князь!
Будь тебе пусто. Колот-паша!

До Барнашена доберясь,
Благополучно доберясь,
Носилки двигались, трясясь,
Кувшин подвешен к ним, искрясь,
За каплей капля — в землю кровь.
Как жаль тебя, о Мокский князь!
Будь тебе пусто, Колот-паша!

Несите весть в Малакяве,
Там ждет невеста, с нею зять,
Чтоб танец тризны начинать.
Как жаль тебя, о Мокский князь!
Будь тебе пусто, Колот-паша!

Несите весть в Малакяве,
Хозяйке — крепости главе,
Оставит трон пускай она,

1. Колот — низкий ростом, коротышка.

В одежды мрака облачась.
Ей больше власть не вручена.
Как жаль тебя, о Мокский князь!
Будь тебе пусто, Колот-паша!

Дошли уж до Малакяве,
Посреди города идут,
Налево пляшет зять, правей
Невеста тоже пляшет тут.
Скажите матери с отцом:
Дорогую Назлухан
Пусть замуж выдают.

Пришли, собрались мокцы все,
Ко трупу князя подошли;
Труп между скал кладет народ.
Открыли с юга ветру ход.
Людам привет —
Тысячу лет.
Дорогую Назлухан
Пусть замуж выдают.

* * *

Пришла я, но очи твои не видят.
Зову я, но уши твои не слышат.
Что мне сделать, чтоб ты увидал меня,
Что мне сделать, чтоб ты услышал меня?
Чтобы кто-нибудь сердце мое больное
Увращевал бы целебной травой?

Серп, что был у тебя в руках,
Выпал из рук, коса затупилась.
И вошел в мою душу страх.
Горе в сердце моем поселилось.

Если б могла, я по собственной воле
Стала бы жертвой за старый твой плуг,
Стала бы жертвою за мозоли
На ладонях натруженных рук.

Муж мой, отдыха днем не знал ты,
Ночью работал, глаз не смыкал ты!
Ах, луна моя тучей закрылась,
Солнце ясное закатилось!

* * *

Был ты жемчугом, мог блистать,
Нить порвали — как жемчуг собрать?
Подойдите же, соберите,
Нанижите на нить опять!

Плач по ребенку

Знаю, что плакать теперь бесполезно,
Дитя мое джан.
Красное солнце, упавшее в бездну,
Дитя мое джан.

Листик, сорвавшийся с ветки зеленой,
Сыночек мой джан,
Рекою весеннею унесенный,
Сыночек мой джан.

Всласть еще на земле не поживший,
Сыночек мой джан.
Сердце мое тоской растравивший,
Сыночек мой джан.

За тобою, мой месяц яркий,
Сваты странные снаряжены.
Кумовья пришли без подарков,
Дружки хмурые — без зурны.

Эти сваты из дальнего города
Средь людей отыскали тебя
И надели рубашку без ворота,
В дом без окон взяли тебя.

Плач матери

Скажи мне, сыночек милый,
Что у тебя болит?
Я позову экима¹,
Он тебя исцелит!

Сыночек, месяц мой светлый,
Что ты лежишь недвижим?

1. Эким — знахарь, врач.

Лучше бы мне ослепнуть,
Чем видеть тебя таким!

Дерево золотистое,
Которого нет нежней,
Наземь осыпались листья
С поникших твоих ветвей.

Сыночек мой несравненный,
Тонкий пальмовый ствол.
Как ты увял мгновенно,
Как ты недолго цвел!

Кого должна умолять я,
Чтобы не брали тебя,
Чтоб из моих объятий
Не вырывали тебя?
Сын мой, птенец крылатый,
Я ль не любила тебя?
Я ли в том виновата,
Что упустила тебя?

Мой попугай красивый
Песню свою отпел.
Милый мой, сладкоречивый,
Что же ты онемел?

Сын мой, ягненок мой белый,
На этой земле с людьми
Одной мне нечего делать,
С собою меня возьми.

Плакальщицы-матери

Твой не мертв, не мертв сынок:
Розы он сорвал цветок,
Положил себе на грудь, —
В сладком запахе заснуть!

Плач вдовы

Храбрым соколом взлечу
И к окошку прилечу,
Плачем в дом я постучу,
Чтоб стал сон не по плечу.

«Чтоб ни ты, ни я. — вскричу, —
Ночь не спали б, — так хочу!»

Плакальщицы над молодым

Понесем тебя мы — хоронить в саду.
Мы просеем землю через кисею,
Над могилою посеем мы цветы,
Чтоб за изгородью роз проснулся ты.

Жалоба сестер

Пойдем мы вдвоем, на холм мы взойдем,
Я буду звать, ты будешь — искать.
Его не найдем — могилу найдем.
И камень могильный будем мы целовать.

ЗАКЛИНАНИЯ

* * *

Забелелася заря,
Обозначились кресты,
Смилосердился господь,
В рай раскрылись врата,
В ад закрылись врата,
Цени падают с души,
Господи, помилуй нас!

* * *

Погашены огни,
Лукавый отошел.
Закрыв лицо, Христос,
Меж ангелов своих,
С небес теперь сошел,
В дом христиан вошел.
«Куда идешь, Христос?»
«Разожжены огни
В кадилах моих,
И нити — из огня.
Я люльки обошел,
Спешу к обедне я».

Заклинание на волка

Восьмью пальцами, двумя ладонями,
Гривой лошади Саркисовой,
Тем жезлом ли Монсеевым,
Тем копьём ли свят-Егория,

Той ли верой свят-Григория,
Богоматери святым млеком,
Ухвати его, свяжи его;
Глаз за глазом ему выколи,
Язык в горле привяжи ему,
Осени его, одолей его,
Ради господи Христа все бедствия
Да падут на зверя лютого.

* * *

На подушку я — голову склонил,
Ангелу-хранителю душу поручил:
Храни в полночь,
Храни всю ночь.
Когда петух поет,
Когда заря идет,
Вверяюсь одному
Царю небесному,
Во смертном рву лежу,
Я сплю, я отхожу,
В руки твои, мать божия,
Душу вручаю на ложе я!

Заклятие старух к луне

«Молодая, молодая, обновленный серп!
В полноте ала, зелена в ущерб!
Ты стара зашла, ты млада взошла,
С края света что нам ты принесла?»

«Счастье на весь мир,
Царям — лад и мир,
Покойникам — любовь,
Хлебушку — дешовь,
Добрым — много дней,
Рай — душе твоей».

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
ЛИРИКИ
(IV–XVIII вв.)

• • •

Жены, славны страной и народом своим,
Предлагали жемчуг, неизвестный дотоле.
За многих себя оставляли в залог,
Выкупом став для чуждой земли.

Вам — корабль вести, ваш опытен дух,
Стремительна мысль, безбрежна плоть.
По долгим путям житейских пучин
Невредимо неслись вы и дошли до Христа.

Вы — ветви лозы виноградной Христа.
Виноградарь небес соберет ваш сок;
Вы дали себя в точиле¹ топтать,
Чтоб вечных блаженств чашу испить.

От житейских нужд отвратились вы,
Ибо все здесь сон и прикрасы лжи.
Обольщенью нег вы не предали душ.
Убедись, что величье — одна суета.

Завиден чрез вас стал детства чертог.
Ваша кровь и огонь обновили его.
Вы предали плоть мечу и костру.
Неугасимый свет вы в чертог внесли.

Тридцать семь — число тех блаженных дев,
Венчанных вовек не вянущим венком.
Высоко взнесенных над всем жгющим,
Блаженствующих здесь во славе тьмы.

1. Точило — жем. устройство для чинения жемчуга.

СТЕПАНОС СЮНЕЦИ

Неувядаемый цветок, высот свободных светлый крин,
О ладоносный стройный ствол, о пальма выжженных
долин,
Ты золотой сосуд, что полн небесных манн для злых
годин.
Благословенная, тебе мы славословие поем.

Ты, как жемчужина, горишь, как светозарный ты чертог,
Ты благовония родни, ты золотых лучей поток,
Мария, о, блаженна ты, и у твоих пречистых ног,
Благословенная, тебе мы славословие поем.

Чтут все архангелы тебя и славит весь небесный мир,
Всех небожителей чреда, всех серафимов пышный клир,
Все те, что троице святой возносят звон нездешних лир.
Благословенная, тебе мы славословие поем.

СААКАДУХТ СЮНЕЦИ

Пресвятая Мария

Пресвятая Мария, пречистый храм,
Матерь живого божьего слова.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Нива духа, дивный цветок,
Дождем пролившийся от отца,
Оплодотворенный;
Людям явленная.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Небес и земли основа,
Жизни подательница,
Луч господнего света, сошедший к нам,
Чтоб удержать от грехопадения.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Лик прекраснейшего серафима
Миру явившая,
Во чреве носившая
Повелителя сонмов ангельских.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Для нас растворившая посохом жизни
Врата, охраняемые херувимами,
Из рук у них взявшая огненные мечи.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Рая врата и сошествие божье;
Посредница между землей и небом,
Познавшая муку праматери нашей Евы
И победившая смерть.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Счастливица, радуйся, —
Всевышний с тобой.
Ангелов хоры прелестными голосами
Славу тебе поют в небесах.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Обитель еще небывалого божьего слова,
Во чреве таившая жар господня огня,
Неопалимая, как купина;
Мать для всех порожденного бота.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Таинство жизни бренной и вечной,
Давшее миру новые крылья,
Сон земнородных вознесший на небо
И в святых обративший их.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Светлую славу поют небеса
Властителю вечности и беспредельности,
Тому, кто пришел, порожденный пречистой
И искупил первородный грех,
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

АМАМ АРЕВЕЛЦИ

* * *

Отец небесный, раб твой незаметный
Взывает к милости твоей несметной:
Прошу: мне по грехам не воздавай!
Не расточай свой правый гнев ответный,
Меня за прегрешенья не карай!
Из всех, кто смертен здесь и кто бессмертен,
Лишь ты один велик и милосерден.
И хоть я шел по ложному пути,
Я смерти убоялся, и, лукавый,
Злой враг меня склонил на путь кровавый,
Я все-таки молю тебя: «Прости!»

Спасенья ради, а не ради злата
Великий грех я совершил когда-то.
Когда враги ступили на порог,
Убийца я, — убил родного брата,
Послав людей своих в его чертог.
Хоть будет и заслужена, и свята
Любая по грехам моим расплата,
Все ж я молю: «Прости, великий бог!»

О господи, когда-то в страшный час
Давида — псалмопевца и владыку —
Простил ты и от страшной кары спас;
Так отпусти и мне мой грех великий
И огради от новой крови нас,
Оборотись к нам просветленным ликом —
Я лишь о том молю тебя сейчас!

О господи, столь тяжки прегрешенья,
Я столь тяжелым очернен грехом,
Что мне уже не заслужить прощенья
Ни ныне, ни когда-нибудь потом,
Но, как Манассия, я в испупленье
Прошу: «Прости меня в грехе моем!»

ГРИГОР НАРЕКАЦИ

Песнь сладостная

Красива, хоть черна,
Я — дочь Ерусалима.
Желанна и любима
Для друга я одна!

Мой друг — в горах олень,
Чье тело так упруго.
Далекий голос друга
Я слышу в этот день!

«Любимая моя,
Ты мне одна желанна,
Ты из лесов Ливана
Приди в мои края.

Глаза твои горят,
От плеч и от ладоней
Исходит благовоний
Счастливый аромат».

Был чище всех святых
Младенец тот хвалимый,
Людьми непостижимый
Цветок долин родных.

Ты видишь: сонм святой
На той горе толпится,
Ты слышишь, душ корицы
С горы исходит той?

И должно нам опять
Склониться с пастухами,
С премудрыми волхвами
Творцу хвалы воздать..

Спасителя Христа
Восславим дух нетленный,
Чей свет и чистота
Вовек благословенны!

Вардавар¹

Алмазная роза взяла
Свой блеск у дневного светила,
Когда оно тихо входило
В морскую бескрайнюю гладь.

Казалось: багровый цветок
Над ширью морской распустился,
Казалось, над ней засветился
Созревший шафрановый плод.

Шуршала густая листва,
Шумела на гнущемся древе,
Которое царь-псалмопевец
В псалме благозвучном воспел.

Цветы распускались в садах,
Прекрасны и благоуханны,
И кедры, самшиты, платаны
Пускали побеги свои.

Вдали зеленел кипарис,
Горела рябина, алея.
Своей близною лилея
Сверкала в закатных лучах.

Дыхание ветра и гор
Ее лепестки овевало,
И влагой роса окропляла
Зеленые листья ее.

Всходила на небе луна,
Светилася меж облаками,

1. Вардавар — праздник Преображения господня.

И ясные звезды роями
Во тьме окружали ее.

И не было счастьем конца,
И зрело чуть слышное слово
Молитвы во имя отца
И сына и духа святого.

Песнь воскресения

Арба в день Воскресения господня
С горы Масис спускается сегодня.
И скамьи белые на ней расставлены,
И пламенем пурпурный шелк горит,
Трон золоченый посреди стоит,
И восседает царский сын прославленный,
Крестом сложивши руки на груди.
А справа серафимы шестикрылые,
А слева херувимы, богу милые,
А отроки с крестами впереди
Сидят на скамьях и псалтырь листают,
Псалмы во славу божью возглашают,
Поют святому празднику хвалы!
Но вот все шествие остановилось,
Но вот колес вращенье прекратилось
И встали краснобокие волы.

Тогда цветы и проса шесть снопов
Раскинули, вплели, как украшение,
Украсили арбу в честь Воскресения
И крестовидные рога волов.
Арба стоит, а по бокам жемчужины,
Постромки шелковые не натружены.
Блестит дышло светом золотым,
Колеса деревянные не вертятся,
И удивленным отрокам не верится,
Не знают отроки, что делать им.

Возница был красавцем молодым,
Взмахнул возница сильными руками
И золотистыми тряхнул кудрями.
Возница подал знак волам своим.
Возница юный закричал сурово
На первого вола и на второго.
И клич возницы был понятен им.
И дрогнула арба и покатилась.

И снова все пошло и закрутилось.
И шествие вошло в Ерусалим.
И люди вознесли моления снова
В честь Воскресенья светлого Христова,
Услышанные богом всеблагим!

«КНИГА СКОРБНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ»

(Отрывки)

ГЛАВА I

Слово к Богу,
идущее из глубин сердца

1

Я обращаю сбивчивую речь
К тебе, Господь, не в суетности праздной,
А чтоб в огне отчаяния сжечь
Овладевающие мной соблазны.
Пусть дым кадилаицы души моей,
Сколь я ни грешен, духом сколь ни беден,
Тебе угодней будет и милей,
Чем воскуренья праздничных обеден.
Мой стон истошный, ставший песнопеньем,
Прими не с гневом, а с благоволеньем.

Из дальних келий, тайных уголков
Достал я слово, как со дна колодца,
Пусть дым сожжения моих грехов
К тебе, всемилосердный, вознесется!
Когда перед тобой предстану я
С застывшей на губах мольбой бесплодной,
Пусть жертва добровольная моя
Тебе не будет столь же неугодной,
Как стон Иакова в краю глухом
Или пограние твоего закона
Правителем греховным Вавилона,
Как сказано в писании святом.
Мой дар тебе пусть будет, всеблагому,
Угоден.
Пусть тебя он ублажит,
Как дым кадилаиц в скинии¹ Селома²,

1. Скиния — шатер, походная церковь у израильтян.

2. Селом — город, в котором, согласно Библии, разместили скинию и ковчег завета — святыню израильтян.

Которую воссоздал царь Давид.
Кивот¹, освобожденный от плененья,
Давид поставил там, на много дней.
Да будет таковым и возрожденье
Погрязнувшей в грехах души моей!

2

Час настает, и громкий судный глас
Уже гремит в ущелиях отмщенья.
Он нас зовет и порождает в нас
Страстей противоборных столкновенье.
И сонмы сил недобрых и благих:
Любовь и гнев, проклятья и молитвы —
Блистают острием мечей своих
И дух мой превращают в поле битвы!
И снова дух смятен мой, как вначале,
Когда я благодати не обрел,
Которую апостол Павел счел
Превыше Моисеевых скрижалей.
Мне ведомо, что близок день суда
И на суде нас уличат во многом,
Но Божий суд не есть ли встреча с Богом?
Где будет суд — я поспешу туда!
Я пред Тобой, о Господи, склонюсь,
И, отречась от жизни быстротечной,
Не к вечности ль Твоей я приобщусь,
Хоть эта вечность будет мукой вечной?

Я грешен был, я преступал закон,
Я за грехи достоин наказания
Страшней, чем мука варварских племен.
Поверженных Твоею гневной дланью.
Для филистимлян и эдомитян
Годами Ты отмерил наказание,
Но вечный огонь в удел мне будет дан
За все мои сомненья и деянья.
Ждет Страшный суд меня, но до тех пор
Удел при жизни выпал мне не лучший:
При жизни обречен я на позор
И ожиданье кары неминучей.
Нас вознести иль превратить во прах,
Низвергнуть в ад иль даровать спасенье —
Во всем Ты властен, все в Твоих руках,
Приявший муки в наше искупленье.

1. Кивот — застекленная рама или шкафчик для икон; здесь: ковчег завета.

ГЛАВА II

Слово к Богу, идущее из глубин сердца

1

Взывал ты, повторял священный стих,
Склонялся пред отцом своим небесным,
Судящим по делам сынов своих,
Не обольщаясь рвением их словесным.
Страдал Твой род в египетском плену,
Но не дал ты ему лишиться веры.
С кем, Моисей, сравнить тебя дерзну,
Найду ли я достойные примеры?
Я грешен, я упрям в грехе своем,
Я — варвар, недостойный божья слова.
Та кара, коей предан был Содом,
И по моим грехам не столь сурова.
Как Ханаан, грехом я осквернен,
Я — Амалик, меня нельзя наставить.
Как идолообитель Вавилон,
Меня разрушить легче, чем исправить.
Обломком жалким я встаю из мглы,
На мне лежит проклятье, грех Иудин.
Как древний Тир, достоин я хулы,
Я, как Сидон, порочен и подсуден.
Я старца одряхлевшего слабей
От дней развратных и от жизни шумной.
Я — голубь, кроткий в глупости своей,
А не в своей смиренности разумной.
Я — как яйцо, где скрыт змеинный яд.
Ехидна я, что львицей почиталась.
Я — Иерусалим, священный град
Пред тем, как от него лишь пыль осталась.
Я — человек, чья сущность не чиста.
Шатер пустой, не избежавший бедствий.
Я — крепость, чьи сокрушены врата, —
Наследникам ненужное наследство.
Я — дом, но он покинут и забыт,
И, чтоб его избавить от проклятья,
Он должен быть очищен и обмыт,
Обмазан глиной божьей благодати.
А у меня нет для спасенья сил,
Я слаб, я сломлен тяжкими грехами,
И Справедливейший определил
При жизни место мне в зловонной яме.

Я изгнан, я отвержен, я забыт,
Смятен я духом, жалок я обличьем.

Я — тот талант, который был зарыт
Рабом лукавым, как глаголет притча.

2

Всех душ и всякой плоти созидатель,
Извечно щедрый в милости своей,
Дай верить мне, как верил Моисей,
Пророк. Твоей достойный благодати.
Дай завершить мне книгу песнопений,
Достойную Твоих благословений.

В обитель, где Ты должен нас принять,
Я начал путь свой, плача и стеная,
Дай грех мне искупить и злаком стать,
Возликовать при сборе урожая.
И сколь грехи мои ни велики,
Не дай иссякнуть слез моих истокам,
И, как Израиль, Ты не обреки
Мой дух и сердце засухе жестокой
Пред тем, как неба мы услышим глас,
А небо — глас земли, где сонмы нас,
Земля же — глас хлебов, и лоз, и хмеля,
И все услышат голос Изрееля.
Пусть чистая молитва и елей —
Все, что Тебе святыми воздается,
Проникнет в суть души моей скорей,
Чем тела оскверненного коснется.
О Господи, я — глина, Ты — творец,
Спаси меня, небесный мой отец,
Чтоб на земле мне духом укрепиться,
Чтоб в час, когда вступлю я в мир иной
И небо Ты развернешь предо мной,
Я б мог его сияньем насладиться,
Чтоб под небесным этим светом впредь,
Как воску, не растаять, не сгореть.

Дай, Боже, силу мне, изнеможенному,
Дай духом мне воспрянуть, обделенному.
Перед концом моим, возможно, скорым,
Сведи меня с порочного пути,
Хоть я истерзан совести укором,
А не усилием Тебя найти.

Меня, земною тронутого скверной,
Услышь, о Боже, со своих высот.

Возьми залог моей мольбы усердной
И дай мне благодать своих щедрот.
Своим небесным светом освети
Мой слабый стон, глухое покаянье
И слово из Священного писанья,
Что в эту книгу тщусь я привнести.
Меня, мой благодетель совершенный,
Хоть жалости не стою, пожалей
И вместо меди звонкой, но презренной
Даруй мне злато милости своей.
Не повергай меня в смертельный страх
И не ожесточай мой дух скорбящий,
Не обреки бесплодным быть в трудах,
Как пахаря на почве неродящей.
Не дай мне лишь стенать, а слез не лить,
В мучениях рожать и не родить,
Быть тучею, а влагой не пролиться,
Не достигать, хоть и всегда стремиться,
За помощью к бездушным приходить,
Рыдать без утешенья, без ответа,
Не дай мне у неслышащих просить.
Не дай, Господь, мне жертву приносить
И знать, что негодна жертва эта,
И заклинать того, кто глух и нем.
Не дай во сне иль наяву однажды
Тебя на миг увидеть лишь затем,
Чтобы не утолить извечной жажды.

И до того, как мой услышишь зов,
Услышь мои, о Боже, покаянья
И соразмерно с тяжестью грехов
Не назначай покуда наказанья.
Щадящий, пощади, спаси, спасающий,
Освободи меня, освобождающий.
Не дай сойти с пути; прости, прощающий;
От бед оборони, обороняющий.
Недуг мой исцели, всеисцеляющий,
И путь мой озари, всеозаряющий.
За прегрешенья не карай, карающий.
Прости мой долг, от долга избавляющий,
С врагами примири, всепримиряющий.
Когда в последний раз в последний миг
Я подниму слабеющие вежды,
Пусть мне случится Твой увидеть лик,
Дарующий спасенье и надежды.
И мой последний вздох в последний час

Пусть мне минувшей жизни будет слаще,
Пусть ангел Твой с меня не сводит глаз,
Ведя дорогой страшной, но манящей.
Когда умру, моей душе яви
Дух небожителей. дух бестелесный
Тех, кто дорогой веры и любви
Пришел, о Боже, в Твой чертог небесный.
Не воздавай мне за мои грехи.
Пусть будет принят дух мой в мире лучшем.
Не дай, Спаситель, волка в пастухи
Твоей больной овце, овце заблудшей.
Погрязшему в долгах — даруй прощенье,
Погибшему в грехах — пошли спасенье.

3

Ты, жаждущим дающий утоление,
Ужели в мире не рассеешь тьму,
Ужель меня лишишь благоволения,
Изменишь милосердью своему?
Ужели мне откажешь в состраданье,
Ты, тот единый, в ком оно живет?
Утрадишь ли, цветок, благоуханье,
Засохнешь ли, о благодатный плод?
Ужель животворящие деянья
Ты прекратишь, о наше упование?
О ты, который кроток и велик,
Ужель пренебрежешь извечной славой,
Ужели омрачишь, о боже правый,
Пречистый свой, неомраченный лик?
Ты ль не даруешь, о мое спасенье,
Кровоточащим ранам исцеленье?
Бальзам на язвы не положишь мне?
Слепому, не пошлешь мне озаренье,
Свет предо мною не зажжешь во тьме?

Я — твой проситель, раб твой дерзновенный —
Молю тебя: меня ты не покинь.
Нетленный, жизнь дарующий вселенной,
Ты, славословимый, благословенный,
Ты был и есть твердыня всех твердынь.
Ты был и остаешься вездесущим,
Как в прошлом, так и ныне, и в грядущем,
И за пределом вечности.
Аминь.

ГЛАВА III

Слово к Богу, идущее из глубин сердца

1

О Повелитель сущего всего,
Бесценными дарами нас дарящий,
Господь, творящий все из ничего,
Неведомый, всезнающий, страшный,
И милосердный, и неумолимый,
Неизреченный, и непостижимый,
Невидимый, извечный, необъятный,
И ужасающий, и благодатный,
Непроницаем Ты, неосязаем
И безначален Ты и нескончаем,
Ты — то единственное, что безмерно,
Что в мире подлинно и достоверно,
Ты — то, что нам дает благословенье,
Ты — полдень без заката, свет без тени.
Единственный для нас родник покоя,
Что просветляет бытие мирское.
И безграничный Ты, и вездесущий,
Ты и сладчайший мед, и хлеб насущный,
Неистощимый клад, пречистый дождь,
Вовек неиссякающая мощь.
Ты и хранитель наш и наставитель,
Недуги наши знающий целитель,
Опора всех, всевидящее зренье.
Десница благодатного даренья,
Ты явственно живущий, Ты бесплотный,
Наш пастырь неустанный, царь беззлобный,
Всевидящий и днем и ночью бдящий,
Судья, по справедливости судящий,
Взгляд негнетущий, голос утешенья,
Ты — весть, несущая успокоенье.
Твой строгий перст, всевидящее око
Остерегают смертных от порока
Судья того, что право, что неправо,
Не вызывающая зависть слава.
Ты — светоч наш, величие без края,
Незримая дорога, но прямая.
Твой след невидим, видима лишь милость,
Что с неба к нам на землю ниспустилась.

Слова, что я изрек Тебе во славу,
Бледнее слов, которые бы мог

Услышать Ты, о Господи, по праву,
Когда б я не был речью столь убог,
Господь всеведущий, благословенный,
Восславленный всем сущим во вселенной,
Все то, что совершить нам суждено,
Твоею волею предрешено.
О Господи, дорогу очищенья
Ты мне в моих сомненьях укажуй
И, приведя меня к вратам спасенья,
Сам удовлетворишь и возликуй.
Цель песнопенья Твоего раба —
Не славословье и не восхваленье,
Мои слова ничтожные — мольба,
Которой жажду обрести спасенье..

2

Собрание песен сих, где каждый стих
Наполнен скорбью черною до края,
Сложил я — ведатель страстей людских, —
Поскольку сам в себе их порицаю.
Писал я, чтоб слова дойти могли
До христиан во всех краях земли.
Писал для тех, кто в жизнь едва вступает,
Как и для тех, кто пожил и созрел,
Для тех, кто путь земной свой завершает
И преступает роковой предел.
Для праведных писал я и для грешных,
Для утешающих и безутешных,
И для судящих, и для осужденных,
Для кающихся и грехом плененных,
Для добродетелей и злодеев,
Для девственников и прелюбодеев,
Для всех: для родовитых и ничтожных,
Рабов забитых и князей вельможных,
Писал я равно для мужей и жен,
Тех, кто унижен, тех, кто вознесен,
Для повелителей и угнетенных,
Для оскорбителей и оскорбленных,
Для тех, кто утешал и кто утешен.
Писал равно для конных и для пеших.
Писал равно для малых и великих,
Для горожан и горцев полудиких
И для того, кто высший властелин,
Которому судья лишь бог один;
Для суетных людей и для благих,
Для иноков, отшельников святых.

И строки, полные моим страданием,
Пусть станут для кого-то назиданием.

Пусть кающийся в горьком прегрешенье
Найдет в моих писаньях утешенье.
Пусть обратит мой труд, мое усердие
Себе во благо человек любой,
И стих мой, став молитвой и мольбой,
Да вымолит господне милосердие.

3

Всем тем, кто вникнет в сущность скорбных слов,
Всем, кто постигнет суть сего творенья,
Дай, Боже, искупление грехов,
Освободи от пагубных оков
Сомнения, а значит, преступленья.

Желанное даруй им отпущенье,
Пусть слезы их обильные текут,
И голосом моим они моление
Тебе угодное да вознесут.
К Тебе да вознесется их мольба
И за меня, за твоего раба.
Пусть, Боже, на рабов Твоих покорных,
На всех раскаявшихся, кто прочтет
С участием книгу этих песен скорбных,
Твой свет и благодать да снизойдет!

И если всех ты примешь, кто со мной
Произнесет слова мольбы усердной,
Врата своей обители святой
Открой и мне, о Боже милосердный.
И если слезная моя мольба
Прольется, словно дождь, грехи смывая,
То и меня, ничтожного раба,
Омоет пусть его вода живая.
И если Ты спасешь, о Боже, всех,
Согласных с мыслью свыше вдохновленной,
Ты и меня, простив мой тяжкий грех,
Спаси, о Господи благословенный.
И если песнь моя в душе иной
Родит Тебе угодные понятия,
Ты и меня, Отец небесный мой,
Не обдели своею благодатью.
И если те, кто мой постигнет стих,
К Тебе дрожащие возденут руки,

Пусть боль стенаний горестных моих
Сольется с их мольбой в едином звуке.
И если сказанные в книге сей
Услышаны тобою покаянья,
То в многощедрой милости своей
Будь милосерден и к пришедшим ране,
И если поколеблется, скорбя,
В священной вере некто, духом нищий,
Пусть он, воспрянув, в книге сей отыщет
Опору, уповая на Тебя.
Коль маловер однажды устрашится,
Что храм его надежд не устоит,
Пусть этот шаткий храм Твоя десница
Строками книги скорбной укрепит.
Когда недугом мучимый жестоко
Почти утратит кто-то с жизнью связь,
Пусть обретет он силу в этих строках
И возродится вновь, Тебе молясь.
И если смертный страх или сомненье
Вдруг овладеют кем-то из людей,
Пусть в книге он найдет успокоенье,
Найдет покой по благодати Твоей.

И если груз грехов неискупленных
Потянет в пропасть грешника, пусть он
Всею сутью слов, Тобою мне внушенных,
Спасен навечно будет и прощен.
И если где-то грешник есть, который
Не минет сатанинской западни, —
Дозволь, чтоб труд мой был ему опорой,
И сам безумца светом осени.

И если кто-то в губительной гордыне
Слова святых молитв забыть готов, —
Дозволь, чтоб я вернул его к святыне
Могуществом Тобой внушенных слов.

И тех, кто в сатанинском ослепленье
Уверует в презренную тщету,
Мне книгой скорбных этих песнопений
Дозволь вернуть к причастью и кресту.
И ураган неверия, взметенный,
Как над водой, над душами людей,
Смири моею песней, вдохновленной
Божественною милостью Твоей.

4

Сей труд, что начинал я с упованьем
И с именем Твоим,
Ты заверши,
Чтоб песнопенье стало врачеваньем,
Целящим раны тела и души.
И если труд мой скромный завершится
С Твоим благословением святым, —
Пусть дух господень в нем соединится
Со скудным вдохновением моим.
Тобой дарованное озаренье
Не погаси.
Мой разум не покинь,
Но вновь и вновь прими восхваленья
От Твоего служителя.
Аминь.

ГЛАВА IX

Слово к Богу, идущее из глубин сердца

1

И наступает срок сказать мне честно
О прегрешеньях дней моих и лет.
Но в час, когда пора держать ответ,
Моя душа робка и бессловесна.

И если я припомню все, что было,
И воды моря превращу в чернила,
И, как пергаменты, я расстелю
Все склоны гор пологие и дали,
И тростники на перья изрублю —
То и тогда при помощи письма
Я перечислю, Господи, едва ли
Мои грехи, которых тьма и тьма.

И если кедр ливанский в три обхвата
Свалю я, сделав рычагом весов, —
На чаше их и тяжесть Арарата
Не перетянет всех моих грехов.

2

Я — дерево, на котором веток много,
Но зрелых я плодов не оброню.
Как та смоковница, по воле Бога

Бесплоден я, засохший на корню.
Смоковница, украшенная кроной,
Манит шумящею листвою зеленой
Усталых путников издалека.
Но подойдет к ней путник изнуренный
И ни плода не сыщет, ни цветка.
Она — предмет презрения и брани.
Оставленная, как напоминанье,
Как некий тусклый образ душ людских,
Запятнанных греховностью и ложью,
Подвергнутых навек проклятью божью,
Погрызших в омуте грехов мирских.

Бывает, потом политые пашни,
Зерно приемля, хлеба не родят,
И пахарь, труд оплакавши вчерашний,
Уходит прочь, куда глаза глядят.
Душа, храня пристойности обличье,
Ты, как смоковница, листвою шуршишь,
Но, как смоковница в старинной притче,
Бесплодия и ты не избежишь.
Душа моя — как выгребная яма.
Ты вобрала, чтоб погубить меня,
Грехи всех смертных — со времен Адама,
Свершенные до нынешнего дня.
Ты копишь то, что Богу не угодно,
И потому презренна и бесплодна.

З
Я сам отяготил себя грехами,
Я над собой самим свершаю суд.
Я буду побивать себя словами,
Как из пращи камнями зверя бьют.
Я в мире жил и нагрешил премного,
И ныне я вступаю в смертный бой —
Как некий враг с врагом во имя Бога
Я насмерть биться буду сам с собой.
В сокрытых мной пороках и желаньях
И помыслах, в которых был лукав,
Винюсь, как в совершенных злодеяньях,
Перед Тобою на колени пав.

Молясь тебе, живу единой верой,
Что Ты, который милосердней всех,
Свою отмеришь милость той же мерой,
Которой мерю я свой тяжкий грех.
И мне ты не откажешь в подаянье,

И чем неизлечимей мой недуг,
Тем большее искусство врачеванья
Ты явишь мне — и я воспряну вдруг.
Чем больший долг простишь Ты мне с любовью,
Чем милосердней будешь и щедрей —
Тем истовей польется славословье
Мое, как в притче праведной Твоей.
О Господи, в Тебе одном спасенье:
Даешь ты справедливость нам в даренье.
Лишь от Твоей десницы обновление
И силы нам от Твоего перста,
От милосердия — нам искупление,
От лика — вся земная красота,
От Твоего чела — нам озарение,
От Твоего дыханья — вдохновение,
От Твоего участия — доброта,
От Твоего еля — умиление,
От знаменья — благое разумение,
Что наши скорбь и радость — все тщета.
Лишь Ты даруешь нам освобождение
От страха, от преступного сомненья,
Ты вкладываешь слово нам в уста.
Достоин Ты земного восхваленья,
Лишь Ты один вселенной лепота.

Все в мире сущее, все поколенья
Возносят к небесам Тебе моленья.
Молитва наша свята и чиста.
Аминь.

ГЛАВА XXI

Слово к Богу, идущее из глубин сердца

1

С тех пор как гибели себя обрек,
Уже я не восстал как человек,
Вновь не обрел в себе я человека,
Как сказано в писании святом.
Сойдя с пути, что праведен от века,
На этот путь я не вступил потом.

Хоть рассказал я в предыдущих главах
Про все грехи мои, но, стыд поправ,
Напомню вновь я о делах неправых,
О злодеяньях, о путях лукавых,
Не изменяя слогу прежних глав.

2

О Господи, я — грешник, я — злодей,
Я заслужил Твой лютый гнев и кару.
Ничтожностью, греховностью своей
Себя я уподобил Велнару¹.

Своею нерадивостью и ленью
Я сам себя подвергнул осуждению,
Обрек себя на горе и позор.

И демоны мои возликовали,
В бесовском хороводе заплясали
И пляшут и ликуют до сих пор.

Удары тайные я принял, Боже,
Предуготованные мне судьбой.

Я не отверг отвергнутых Тобой,
Наоборот, их силы преумножил.

Бесовской я и сам грешил игрой,
И сам плясал я с бесами порой.

Они же имя божье поносили.

Но я греха не отвергал в бессилье,
Себе не говорил я — не греши!

Я грех творил,

И черви подточили

Поникнувший цветок моей души.

Я погубителей моих незримых

Не вскармливал, но не уничтожал.

Я сам невольно силы умножал

Гонителей моих неукротимых,

Я разрушителям, исчадью ада

Был преданнее, нежели Творцу.

Не сладость я вкушал, а горечь яда,

И вот приходят дни мои к концу.

Я уstraшен греховностью моей.

О, горе мне, позор и поруганье!

Как перед взором праведных людей

Предстать мне после моего признанья?

Всех лучше знаю, сколь мой грех велик,

Мне горло сжал отчаяния крик.

Когда способность мне была б дана

То видеть, что никто узреть не может,

Узрел бы я: душа моя черна,

Как идолопоклонник в храме божьем,

Понеже грехотворной силы страсть

И идолов богопротивных власть

Сказать воистину — одно и то же.

1. Велнар, или Вельдевул — злой дух, властитель ада.

В крошечной тьме, у жизни на краю,
Погибельной тропой иду я ныне.
Мой дух бессмертный — благодать Твою —
Я превратил в бесплодные пустыни.

3
Могу ли человеком я считаться,
Когда причислен я к творящим зло,
И существом разумным называться,
Когда в меня безумие вошло?
Хоть я и зрячий, но слепого хуже.
Внутри себя свет погасив, теперь
Я не могу прослыть ученым мужем:
К Познанию сам себе закрыл я дверь.
Слыть многомудрым, свыше просветленным
Я, погубивший душу, не могу,
И просто существом одушевленным
Себя назвавши, — я и то солгу.

Среди кувшинов я — кувшин негодный.
В гранитной кладке — камень инородный.
Я в сонме избранных — избранник ложный,
Я в сонме признанных — глупец ничтожный.
И, уstraшенный смертью, ибо грешен,
Покинут всеми я, а кем утешен?
Пророк Иеремия говорил,
Что Иерусалим падет в бессилье,
Так и меня страданья истощили,
Погиб я, потеряв остаток сил...
Как деревья червями, ткани молью.
Изъеден я своей сердечной болью.
Я источился, словно паутина.
Моя греховность этому причина.
Я прекращаю век свой, исчезая,
Как утренний туман, роса ночная.
Я веровал в людей неосторожно,
А вера только в Господа возможна.

И ныне о содеянном скорбя,
Я, проклятый и очерненный скверной,
Надеюсь, Боже, только на тебя,
Исполненного милости безмерной.
И на кресте Ты никого не клял,
Терпя страданья, не ожесточился,
Когда к Отцу Небесному взывал
И за своих мучителей молился.
Подай мне весть, чтоб ей внимал мой слух,

Даруй надежду в жизни быстротечной
И в час, когда Тебе свой жалкий дух
Я возвращу,
Даруй мне дух свой вечный.
Аминь.

ГЛАВА XXIII

Слово из глубины души ко Всевышнему

1

Ты всемогущий Бог, Ты, вездесущий Бог,
Непостижимый Ты, недостижимый Ты,
Всею Своею сущностью всем существам присущ;
Нет предела Тебе; суть всего, Ты во всем,
Ты незрим, но бытие Твое — свет?
Зрения нет без Тебя.
Вечным величием страшен Ты, славен Ты;
Голос Вселенной, зов, Ты для всех и во всех;
Неисповедимый Ты,
Неотвратимый Ты; дальний, Ты вечно в нас.
Видишь, Хранитель наш, кто погубитель наш;
Ты, Утешитель наш, Освободитель наш,
Боже, Целитель наш. Боже, Спаситель наш!

2

Ты возри на меня! Видишь, сколько скорбей,
Видишь, сколько страстей обуревают меня.
Представшего в слезах, Господи, пред Тобой;
Я сам себе палач, Ты милосердный врач;
Ты не суди меня, Ты пощади меня.
Когда сомненья мои безжалостнее врагов;
Когда душе предстоит гибель во веки веков;
Когда отравлена плоть ядом зловредных ков;
Когда зло во мне обрело приют, пристанище, кров;
Когда пороки мне льстят, как сонм лукавых рабов;
Когда нечистая страсть — основа моих основ;
Когда душа пронзена упреками мудрецов;
Когда уповать я боюсь, беднейший из бедняков;
Когда я разумным слыву, а сам я хуже скотов;
Когда я в скверне зачат и в скверне коснеть готов;
Когда меня точит недуг, хотя на вид я здоров;
Когда грехи вопиют на тысячу голосов;
Когда меня будущее страшит, как внезапный зов;
Когда мое прошлое — постыднейший из тайников;
Когда на молитве я стыжусь покаянных слов;
Когда меня совесть палит, как солнце среди облаков;

Когда я вспять смотрю, едва касаясь плугов;
Когда вперед стремлюсь я, худший из ходоков;
Когда я вспять бреду, своих не жалея шагов;
Когда я сам себе лгу по наущенью лжецов;
Когда, зная истину, вверяюсь бредням глупцов;
Когда в моем горле горит горчайший из всех костров;
Когда гортань — врата для воплей, как для гонцов;
Когда стоны рвутся из уст, как полчища беглецов;
Когда я во мраке моем беспомощнее слепцов;
Когда мой собственный суд строже других судов;
Когда я себя сужу и мой приговор суров;
Когда благодетель мой скупее злобных скупцов;
Когда сжигающий свет грозит мне со всех концов;
Когда перед Богом я должник среди должников;
Когда естество мое страшится Божьих громов;
Когда не жалуется Бог жалких таких умов;
Когда я камнями побит (удел блудников таков);
Когда слепит меня блеск мученических венцов;
Когда свой талант зарыл я в землю для мертвецов;
Когда недостоин я святых Господних даров;
Когда избегать привык я праведных трудов;
Когда собрать не дано празднолюбцу плодов;
Когда нет свечи в ночи и стынет очаг без дров;
Когда немеет язык, стыдась других языков;
Когда молчать осужден гордец из гордецов;
Когда пытливая мысль утратила прежний улов;
Когда в западню прошусь, ищу для себя силков;
Когда не зная добра, не знаю верных весов;
Когда нет пути взаперти: зло — тяжелый засов;
Когда в лампаде гарь: иссяк елей постов;
Когда не выплатить мне вовеки моих долгов;
Когда в слезах не видать блаженных райских садов;
Когда среди святых целительных стихов
Нет имени моего, лишь список моих грехов.

3

Если боец передо мной, значит, я обречен;
Если гонец передо мной, буду я заточен;
Если писец передо мной, буду я отлучен;
Если апостол передо мной, значит, я осужден;
Если святой передо мной, грешник предупрежден;
Если наглец передо мной, мне предстоит урон;
Если водою меня испытать, я утоплюсь;
Если отравой меня испытать, я отравлюсь;
Если увижу добро вместо зла, я удалюсь;
Если рука чья-нибудь поднялась, в страхе согнусь;
Если страшилище встретилось мне, я содрогнусь;

Если услышу поблизости шум, прочь я рванусь;
Если меня на пир позовут, я ужаснусь;
Если предстану я пред Тобой, вдруг я запылусь;
Если допрашивать будут меня, я не проговорюсь;
Если судить по закону меня, я не спасусь.
Множатся неизлечимые сомненья во мне.
В единенье своем каленым острием
В сердце впиваясь, пытая, терзают меня,
Пронзают меня незримыми стрелами изнутри;
Не удалить этих стрел, не исцелить этих ран,
Когда душа уязвлена, воспалена,
Не заживает, болит,
Мне, страждущему, сулит мучительную смерть.
Железо жалит меня, гноятся раны мои.
Таятся язвы во мне, истоки жестоких мук;
Сушит меня недуг, хворь моя душит меня;
В тяжелой моей тоске
Жалобный вопль моей сокрушенной души
Я возношу к Тебе, Боже, Спаситель мой,
Слезы мои смешаю со слезами Твоих
Мучеников святых, которые, отстрадав,
Молятся за меня.
Я на земле молюсь, по небесам томлюсь,
Чтобы молитва моя достигала небес.
Жалкий труженик я, возделываю тщету.
Мне целительный мир, Господи, ниспошли,
Ибо, Сущий во всем, существам присущ.
В сущем осуществлен, сущим прославлен Ты.
Аминь.

ГЛАВА XXVI

Слово из глубины души к Богоматери

1

Я среди тех, чья песнь — лишь неумолчный плач;
Наши слезы поют, вторят ладам тоски;
И созвучий других не нашлось для певца:
Жалобный стон в конце каждой моей строки.
Это плачут сердца,
Чтобы слезы текли.
Я возглавляю тех,
Чей стих слезами зачат, вестник наших утрат.
Скорбным рыданием исповедаю грех.
Для мира моя душа пока еще не умерла,
И не живет еще для Бога моя душа.
Иоанн Богослов обличает меня:

Я не горяч душой, и не холоден я;
Тепел я, значит, плох;
Брезгует мною Бог.
Нас тяготит печаль,
Вечный грозит урон.
Слышен в конце строки
Один и тот же стон.

2

Я нечестный должник. Мой долг просрочен давно.
Мне по моей вине бедствовать все равно.
Я преступник вдвойне, оправдываться грешно.
Сокровище царское мною расточено.
Мне перед Господом держать ответ суждено.
Десять тысяч — мой долг, отсрочки просить вольно;
Именье мое дотла мною разорено.
Бедному пленнику заступника не дано.
Плачу, больной, в тюрьме; узнику днем темно,
Брашно не для меня, не для меня вино.
Песнопенье мое горю посвящено,
Звучком скорбным одним в жалобу превращено,
В чередование строк строгий строй обрело;
Каждый стих заключен одним отчаянным «О».
О, печальный итог, таинственное число!
Горе мое — гора, жарко горит оно,
Яростным пламенем сердце обожжено.
Отдал я сердце в залог, сам себе сделал зло;
От наказания зло меня не спасло,
Праведному суду грешника обрекло,
Пагубным острием рану мне нанесло.
Я в тенетах страстей, время мое истекло.
Ужасом, как мечом, сердце поражено;
В беззащитной груди, жалкое, обречено:
Перед Страшным судом, дрогнув, изнемогло.
Скорбные очи мои мраком заволокло.
Никнет мое чело.
Изнывает в цепях бренное естество;
Некому исцелить сомнения моего;
Передо мною представ, страшит меня Божество.
В бездне затеряно все мое существо,
Богом покинуто, в пламени казнено
Там, где целебное солнце упразднено.
Не помогло мне скудное, дурное мое добро:
Богом отвергнуто все мое серебро,
Безрассудным нечестием, грехами осквернено.
Руки мои грязны, зрение замутнено;
Сердце мое разбитое к небу обращено,

Ибо мое спасение Тобою возвещено,
Богоматерь Пречистая! Все Тобой прощено.
О Царица Небесная! Мне с Тобою светло.
Когда бы слово Твое душу мою вознесло!
Грешное сердце мое Тобою защищено,
Тобою просвещено.
Царство Небесное Тобою озарено.
Новой надеждою свыше одарено,
Благоухания сердце мое полно.

3

Мольба покаянная, слово еще одно
К песне скорбной моей присовокуплено.
Утратами нескончаемыми горе заселено,
Моими слезами обильными только углублено;
Бог весть, где предел, где дно.
Помышление мое в горе погружено,
Тонет, крылатое, глубию заморожено,
Моими тягчайшими грехами побеждено.
Вкусить погибель свою тело принуждено.
Малодушным сомнением лицо мое измождено.
Выпил я чашу сию, и все предо мной черно.
Упованье мое отчаяньем сокрушено:
Прегрешенье мое мною оглашено.
Незримой жаровнею все во мне раскалено;
С плачем все во мне плавится, пламенем опалено;
Неумолимой совестью жестоко уязвлено,
Все вскипает во мне, слезами упоено;
Сколько незримых жал в сердце затаено!
Множеством гибельных стрел нутро мое пронзено,
Ядом заражено.
Вечно мучиться родами чрево осуждено,
Но ничего на свет мною не рождено;
Чрево мое проклятием как бы заграждено.
Жгучею лихорадкою тело изнурено,
Горе мое горчайшее в желчи растворено;
Судорогой тошнотворного горло мое сведено,
Неумолчным рыданием отчаянье пробуждено.
Существо мое жалкое все разъединено,
Самоуничтожением лукаво соблазнено;
Мною самым побоище во мне же учинено,
Перемирье желанное гневом отдалено.
Алчное вожделение еще не утолено.
Сомнение новым сомнением, страхом подкреплено.
Тиной грехов облеплено, тело истомлено,
Смертью ослеплено.
Лишь Тобою, Пречистая, сердце просветлено,

От сомнений губительных снова исцелено,
Лишь Твоим состраданием в бездне окрылено,
Светом Твоим утешено, в небо устремлено.
Аминь.

ГЛАВА XXX

Слово из глубины души ко Всевышнему

1

Боже мой милостивый, Господи всеблагой,
Вспомни Ты свой глагол и не отринь того,
Кто спотыкается, падает, как слепец,
Молится, кается, правый теряет путь,
Чтобы опять грешить в сонме других сердец,
Истину при смерти выстрадав, наконец
Ибо во мне самом алчный мой властелин,
Вкрадчивый, хищный враг, хитрый, коварный льстец,
Он мой приспешник злой; грешник, я сам не свой.
Он, как в притче, пасет ветры, чья пажить — ложь;
Как от охотника, он от Бога бежит,
Мой супротивник — дичь, тело мое — ловец.
Словно зверь в западне, мой супостат во мне,
Ядовитый исток всех сомнений моих;
Сколько их, Господи, ведаешь Ты один.
Я в сокрушении каюсь; где грех, там плач,
Горестный, жалобный голос моих скорбен;
Не затихает он, душу мне надорвав;
Истомленный, к Тебе, Господи, устремлен;
Стоны возносятся, преодоляя стыд,
Запечатленные лишь письменами слез.

2

Дабы зачлось мне то, что я твержу давно,
И в суесловие слово не перешло,
Чтоб не перечил плач вечной моей мольбе,
Царства Небесного я не просил себе;
Лишь бы легче чуть-чуть стал мне скорбный мой путь.
Если недостижим животворящий свет,
Скрыться бы хоть во тьме, хоть среди мертвецов.
Там, где поверженным не восторжествовать,
Там, где отверженным не на что уповать;
На отдыхе уставать, на пиру тосковать;
Ясен беспечный лик, ранен скорбящий дух;
Виден смех на устах, таится печаль в очах;
Невозмутимый вид,
Но выдаст слеза сокровенную скорбь.

Две чаши в руках; в одной молоко,
В другой горячая кровь,
Два кадила:
Одною рукой кадишь, другою рукой чадишь.
Два блюда:
Одно усладительное, в другом как будто полынь.
Два сосуда:
В одном горючие слезы, горючая сера в другом.
Два кубка:
В одном вино, жгучая желчь в другом.
Двоятся врата предо мной:
Одни сулят нищету, другие только тщету.
Два тигля: один — как лед,
Другой нестерпимо жжет.
Два взгляда: в одном привет,
В другом безжалостный гнев.
Две поднятые руки:
Одна наносит удар, другая отвергла дар.
Две тени на лице:
В одной глубокая грусть, в другой затаенная злость.
Два упрека в душе:
Один упрек нынешнему, другой грядущему дню.
Два робких чаянья:
Хоть бы одно сбылось, другому не повредив!
Два крика рвутся из уст:
Боль в одном, проклятье в другом.
Два побуждения:
Одно надежде сродни, другое горем казнит.
Мрак с двумя бурями:
Одна ранит стрелами, другая камнями бьет.
Гроза с двумя бедами:
Одна беда — крупный град, другая — огненный дождь.
Ночь с двумя карами:
Одна кара — скорбь, другая кара — смерть.
Рассвет с двумя знаменьями:
В одном укор, в другом приговор,
Два солнца с двух сторон:
Одно из них черное, другое палит огнем.

3

Если занесена заносчивая рука,
Новой пощечины бледная ждет щека,
Ибо не ждет щедрот губительная тоска
И не для бедняка дар в могучей руке.
Если великолепие прельщает издалека.
Жалобно кланяться все так же вдалеке;
Если некий гордец шествует в стороне,

Скорбеть по своей вине;
 Заговорят о злых — плакать, как плачут в беде;
 Заговорят о святых — никнуть в своем стыде;
 Заговорят о бессмертии — трепетать в нищете;
 Если благословят, себя проклинять в душе;
 Если похвалят вдруг, перечить этой хвале;
 Если громко хулят, поддакивать хуле;
 Грех свой оплакивать, если зачат во зле.
 Ибо глумление целительнее похвал;
 Следует ниже пасть, если ты, грешный, пал,
 Чтобы великий грех сам себя искупал.
 Если скажут «умри», ответить «умру»
 И подтвердить: «умру»!
 Молнию благословить,
 Если убьет она.
 Свои позабыть права,
 Когда оправданья нет;
 Не на что притязать и не на что дерзать.
 Лучше убить себя,
 Однако себя убить — душу свою сгубить.
 Поистине прав мудрец:
 Горе ходящему по двум стезям».

4

Слыша мой скорбный вопль, слыша мой горький плач,
 Разве не смилуешься Ты, Всеблагой, надо мной?
 Славен Ты словом своим:
 «Я сокрушенному внемлю, Я милосерд!»
 Мне, прельщенному злом, благо — отрада Твоя.
 Мне, удрученному, мне, обреченному, мне услада Твоя;
 Мне, соvrащенному, непросвещенному, свет — ограда Твоя;
 Мне, возмущенному, мне, ослепленному,
 мне — правота Твоя;
 Мне, разъяренному, неукрошенному, мне Десница Твоя;
 Мне, погруженному в море, рука Твоя;
 Мне, уязвленному, неисцеленному, в горе забота Твоя;
 Мне, уstraшенному, опустошенному, мне благодать Твоя;
 Мне, помраченному, избличенному, в муках печать Твоя;
 Мне, иступленному, мне, оскорбленному,
 в бедствии мощь Твоя;
 Мне, оскверненному, мне посрамленному,
 в скорби купель Твоя;
 Мне, изнуренному, неумудренному,
 опора — стопа Твоя;
 Мне, истомленному, неугомонному,
 прибежище — длань Твоя;
 Мне, соблазненному, в глушь заведенному, мне — дорога Твоя;

Ибо сбился бы конь с пути,
Если бы не рука седока;
Ибо без кормчего не поплывет корабль;
Если сноровки нет,
Любая соха плоха;
Без людского ума мало быкам ярма;
Без ветерка не летят облака;
Без мироздания нет планет,
Солнца нет, если неба нет;
И меня, Вседержитель, нет
Без мановения Твоего.
Дар великий Твой — наша жизнь и мысль;
И вселенский строй учрежден Тобой,
Псалмопевец рек: Ты Пречистый Спас!
Утешает всех, воскрешает всех
Весть благая Твоя:
«Приндите ко Мне все труждающиеся
и обремененные,
И Я успокою вас!»
Но зачем очищение мне,
Если вновь я впадаю в разврат?
И зачем причащение мне,
Если, райских вкусив усад,
Я потом попадаю в ад?
Разве не срам — твердить: «Авраам, Авраам», —
А по стопам его не идти?

3
Прав был пророк: не скажешь мудрей
О скверне моей;
Я сын мерзостной четы:
Мой отец — аморрей, хеттеянка — мать моя.
Нет, не Сарра, жена Авраама, зачала меня;
Я сын эфиоплянки, отверженец я.
Прав был пророк в минувшие дни:
Мне Самария, Содом и Гоморра сродни.
Прав пророк Иезекииль, дважды проклявший меня;
Сын Оголы, сын Оголивы, отродье блудницы я;
Отброс нечистого чрева нечист вдвойне;
Скверна моя — половодье, в отчаянье тону.
Как будто меня врасплох застиг всемирный потоп;
Гибель грозит отовсюду, некуда плыть;
Пересилить волну тщетно пытаюсь я;
В пагубном плену, куда ни взгляну. — вода:
Долю свою клянусь, глотаю жидкую грязь;
Водоросли глотаю, ила полна гортань;
Погружен в глубину, задыхаюсь я,

Вьюсь, трепыхаюсь и все же иду ко дну.
Вот мой жалкий удел:
Учат меня, а я глуп;
Кличут меня, а я глух;
Будят меня, а я сплю;
Трубят — я не слышу труб;
Бьют меня — я терплю,
Зовут меня, а я труп.
Идол идолом я:
Идолу невдомек, что Бог от него далек.
Впрочем, по существу,
Гораздо хуже я:
Я к суду не готов;
Страшен мне суд Христов.

4

Нечего мне помянуть, кроме грехов моих;
Безысходный мой путь мне дано помянуть,
Чтобы читался впредь этот мой скорбный завет,
Чтобы мои слова другой повторял, молясь.
Пусть же слово мое, Господи Всеблагой,
Подвигнутое Тобой, стремящееся к Тебе,
Впишется в Твой канон.
Пусть же книга моя вместо плоти моей,
Пусть же слово мое, образ души моей,
Возносится к Тебе вечной молитвой моей,
Как будто молитву мою все еще я пою,
Так что нетления для богомольца нет,
Боже мой милостивый, Господи — Всеблагой!
Аминь.

ИЗ ГЛАВЫ LV

Слово из глубины души ко Всевышнему

Непостижимую смерть, чья сущность — лишь произвол,
Злом из горчайших зол философ-язычник назвал,
Истину возвестив.
Я подтвердить готов: этот философ прав,
Ибо строптив наш нрав и мы подобны скоту;
Мы жизни лишены и не уstraшены,
На гибель обречены и спокойно сидим;
Заживо погребены и не усмирены;
От церкви отлучены, в грядущее не глядим;
То и дело грешим, а каяться не спешим;
Истлевая, смердим, и не вразумлены;
Жизнью не дорожим, смерти не избежим;
Предостережены, грехом заморожены,

Мы порабощены, ибо совращены.
Иов блаженный рек: смерть — великий покой.
Горем гоним, я с ним согласиться бы мог.
Но тяготит меня невыносимый гнет:
К смерти меня влечет иго проступков моих.
Козни страшней во тьме, прячется враг во мрак.
Нынешний день как тень,
Вчерашний день — тайник, завтрашний день — тупик.
Подозреваю всех, а сам ненадежен я;
Ноги мои не идут, мысли мои разбрелись;
Страстям подвержен я, и невоздержен я;
Тело осквернено, так вожделеть грешно.
От роду я упрям,
Природа моя — разлад;
Дождь непрерывно льет, а мой оплот — скудель;
Нет моим нуждам числа, бедствиям счету нет;
Мысль мою манит вред, благо мое мне претит;
Жизнь пролетит вот-вот, а предмет забот моих — прах;
Мои попеченья — бред, мои развлеченья — пустяк;
Тщета для меня — цель, суета для меня — хмель,
Пустота для меня — снедь, ветер — мой обильный обед;
Образ мой — марево, подобье мое — чурбан.
Ибо такой завет апостолом Павлом дан:
Грех воскресив, закон справедлив,
А я, слепец,
Для жизни мертвец, для смерти жив.
Слово писания сбылось.
Все, что мне довелось обрести душой и умом,
Нечестивые полчища разграбили дотла;
Мудрость не дошла до меня,
Как в притчах возвещено;
Что грешно, то желанней всего для меня.
Моя душа нечиста: отвернулась она от Христа,
И, прельщенный тьмой, избегал я стези прямой;
Глупо было спешить, я глубже завяз;
Искал я всего и не нашел своего;
Я стремился ввысь, а попал в грязь;
Путь в небеса держал и бездны не избежал;
Весь век берег себя; а благом своим пренебрег;
Думал, что буду цел, а сам душой оскудел;
На левую ногу хромал, правой ногой не владел;
Лишнего пожелал, насущное проглядел,
Малым прельстился я, великий забыв удел;
Свой соблюдал обет и нарушил завет;
От шалостей отвыкал, к гибели привыкал;
Ошибки преодолев, пороки приобрел;
Сам постыдный итог моих губительных дел
Обвиняет меня, к страждущему жесток.

ГЛАВА LVI

Слово из глубины души ко Всевышнему

1

В моем саду дерево, чьи корни в аду:
Горькие плоды сулят мне смерть;
Мои враги во мне, мой кров — убежище моих врагов;
Мой брат — мой супостат;
Мои сыновья предают меня.
Вот перечень заклятых недругов моих,
Названных по именам:

2

Растленное сердце мое, мои дурные уста,
Блудливые очи мои, пугливые уши мои,
Моя смертоносная длань, мерзкая похоть моя, —
Моя ступня, не выносящая меня;
Я сам, которому сомнение сродни;
Изгибы моей стези, мой дух в зловонной грязи;
Каждый мой шаг, ведущий во мрак;
Спячка моих чувств, горячка мыслей моих;
Оковы воли моей, ковы скверны моей;
Мнимое счастье мое; душа моя, чуждая мне;
Мой расточенный клад, отданный мною в заклад;
Я подранок, я птица, подстреленная на лету;
Я на земле не жилец, я сорвавшийся в бездну беглец;
Я разбойник в цепях, я корсар, идущий ко дну;
Я, посланный на войну, боец, ненадежный в бою;
Я насильник в доспехах, я преступник с мечом в руке;
Я нерасторопный слуга, я псаломщик без псалтыря;
Я церковная крыса, снующая у алтаря;
Я священник — мошенник, я иерей — лиходей;
Я беззаконник — законник, я издომец — писец;
Я безумный мудрец;
Я срамник, чья личина — собственный лик;
Я соглядатай, у которого глаз дурной;
Я страшилище, лишнее черт людских;
Я посмешище для всех и вся;
Я едок, чья снедь человеку претит;
Я виноградник, рассадник сорняков;
Я сад, который заглох, где разросся чертополох;
Я сухая лоза, я спорынья;
Я мед, которым лакомится мышь;
Я отверженец, я изгой;
Я зарвавшийся наглец, я высокомерный мертвец;
Я грешник, для которого церкви нет;
Я изгнанник, чей путь возврата не сулит;

Я тупой острослов, я напыщенный суеслов;
Я хищник хитрый, ненасытный, как бес;
Я распутник, чья страсть — гибельная напасть;
Я безбожник, я бесноватый глашатай греха;
Я убийца, поднявший руку на ближнего своего;
Я слепой оратай, засеявший плевелами свой надел;
Я убогая роскошь, я отвратная красота,
Я нечистая чистота,
Я немогущая мощь, я низкая высота,
Я попранная правота;
Я суета, для которой заповедь — звук пустой;
Я доброволец в проклятом стане грехов;
Я своенравный наместник, я льстивый клевет;
Я злобный друг, я бесчестный казначей;
Я жадный сородич, я благодетель — скупец;
Я корыстный купец;
Я себялюбец, я противник для всех;
Я мучитель, я изверг, я лютый зверь;
Я заблудший глупец;
Я душа, в которой таится гниль;
Я гнусный скрытник, я гонимый блудник;
Я промотавшийся скопидом;
Я ростовщик — должник;
Я спившийся пономарь;
Я невезучий торгаш, я неверный страж;
Я злоязычный посол;
Я привратник — развратник, я нищий гордец;
Я убогий богач;
Я попутчик — лазутчик, я подкупный судья;
Я приветливый клеветник;
Я гонец, которому лучше сгинуть в пути;
Я вестник — прелестник, учитель, прельститель душ;
Я бестолковый толковник, опальный государь;
Я падший кесарь, я подлый царь;
Я воитель — грабитель, я приятель — предатель,
я князь мразь;
Я самовластный властитель, я строптивый холоп;
Я соблазн для хулы,
Я скорбь для любви,
Я мишень для острот,
Я вина для суда.
Я воистину таков,
И к тому же я хуже подчас.
Я грешен; всем этим грешным «я» нет числа;
Глупость моя меня подвела,
Слабость моя меня извела;
Грех возлюбя, погубил я себя.

Какое из моих «я» всего ненавистней Тебе?
 Какое из моих «я» губительнее для меня?
 Какое из моих «я» достойно предстать пред Тобой?
 Как я Тебе поклонюсь,
 Когда во всех моих «я» — грех?
 Долго ли будешь прощать меня, защищать,
 Жизнь мне возвращать, мою гибель предотвращать?
 Долго ли будешь меня просвещать Своей добротой,
 Молчанье храня?
 Долго ли будешь терпеть, хотя я заслуживаю бича,
 Название которому — смерть?
 Однако тьму моих грешных «я»,
 Безысходную тьму моих зол,
 Эту беспросветную тьму
 Ты посети, целительный Свет!
 Просвети, прости, защити меня,
 Ибо ты всемогущ в бытии Своем
 И прославлен всеми во всем
 Аминь.

ГЛАВА LXIX

Слово из глубины души ко Всевышнему

1
 Всемогущий искусник, премудрый Создатель мой,
 Господь мой и Бог!
 Любовь Твоя плавит меня, но я по-прежнему плох,
 По-прежнему я нечист;
 Жажду слиться с Тобой, но невозможен сплав;
 Слишком дурен мой нрав, и Твой напрасен труд.
 Зодчий небесный мой, плавильщик-сребродел!
 Явно пророк был прав:
 Плавильщик плавил напрасно,
 Ибо злые не отделились.
 Как полоумный болтун заблуждается вслух,
 Когда нечистый дух обуревает его,
 Я дерзаю вещать, язык себе развязав,
 Если бы для того,
 Чтобы покаяться будущему суду!
 Нет, к своему стыду я хуже грешу в бреду.
 Так мне преподана горчайшая из наук:
 Чтобы врасплох не застиг ужас великих мук
 После смерти меня, при жизни я постиг
 Соразмерность грехов и загробных скорбей.
 В той жизни гоним здешним ничтожным злом,
 Я предвкушаю казнь, сужденную мне в аду.

2

Ползая в чреве моем, плодятся полчища червей,
Извиваются, впиваются исподтишка,
В кишках кишмя кишат;
Прорываются нарывы, в язвах яд;
Раны горят огнем ночью и днем;
Тело гниет от гнусных гнид;
Пот приносит плод: это вши-малыши.
Жалят в жилы, сосут, вызвав жгучий зуд.
Неисчислимые, неодолимые орды блох,
Словно демоны, неистовствующие в ночи,
Словно грабители, любители тьмы,
Тьма во тьме,
Словно стаи волков аравийских, которые хуже вражьих полков,
Черные, проворные, подкрадываются тайком
И, тлетворные, держат наготове жала-хоботки;
Схожи со скорпионами, легионами злючки-колючки язвят,
Пьют кровь из-под кожи, до дрожи доводя,
Так что на ложе мечется человек.
Стоит, однако, руку поднять,
Чтобы их унять,
Страшится держать ответ
За причиненный вред:
Крохи-блохи, безволосые прыгуны,
Истязают и, как на крыльях, ускользают вмиг.
Эти палачи подвижнее саранчи.
Так нахалы-шакалы в ночи учиняют разор,
А разбойничьих нор не сыщет никто.
Блошиную рать нельзя покарать.
Не только подлый сброд, не только простой народ.
Знатнейшие из господ боятся ничтожных блох,
От которых порою бежит беззащитный царь
Бегом вверх по лестнице, свой покинув покой,
Или скрывается, изгнанный из дворца,
Иной герой, войной шедший на врага,
Чтобы выиграть бой, чтобы победить,
Страну за страной присваивавший по пути,
Любой ценой властвовавший везде,
Другим угрожал, а сам бежал от маленьких жал
И признавался: «Они могущественнее нас!
Мы до края земли дошли, спасаясь от блох».

3

Но зачем об этих дрянных существах,
Об этих смешных врагах говорить?
Потому что недаром этим карам подвержен я:
Блох посылает Бог,

Чтобы, страдая от этих злобных гонцов,
О муках загробных я вспоминал,
Предвкушая горькие плоды,
Которые сулит мне моя плоть.
Адским казням недуги предшествуют здесь
И войска кровососов, которых не избежать,
Которых не перехитрить и не переморить.
Ибо муки загробные им дано предварить.
Нет нам прибежища, убежища нет.
Остается нам уповать на промысел Твой;
Когда разум людской сдает, нам несдобровать.
Но Ты всемогущий, Ты милосерд
И во власти Твоей
Преобразить, просветить, исцелить, простить, воскресить.
Господи, слава Тебе!
Аминь.

ГЛАВА LXXX

Слово из глубины души к Богоматери

1

Грехов не искупив, к небесам возопив,
Надежду свою в слезах потопив,
Господа прогневив, я, ни мертв ни жив,
В отчаянье молю Богоматерь, Тебя;
Ты, Царица Небесная, хранящая род людской,
Непорочная во плоти, Ты меня защити!
Чистая, как воздух, лучистая, как свет,
Утренняя звезда, Ты навсегда взошла;
Святостью превзошла святую обитель Ты;
Рай бессмертия, древо жизни Ты;
Огненный меч призван Тебя стеречь.
Богом Отцом укреплена, ограждена,
Духом Святым осенена, одарена,
Озарена, просвещена, посещена,
Сыном Твоим, Творцом Твоим возрождена.
Девственно чиста, Ты сама доброта;
Ты свята, безгрешная, и потому,
Наша заступница, Ты ходатайствуешь за нас.
Молитвы мои со слезами моими прими,
Чтобы до Бога дошли молитвы мои, как Твоя,
Чтобы до Бога дошла моя прежняя хвала,
К Тебе обращенная, посвященная Тебе,
С Твоею молитвой, в которой рай
И достойный ладана сладостный лад,
Ты сочитай мой грешный, мой безутешный стон.

Ты древо жизни, Твой плод благословен!
Мой горестный плен Ты помяни,
В смертной тени Ты меня просвети;
В моем пути, Пресвятая Мать,
Не оставляй меня, заблудшего храня,
Чтобы мне грех побороть, чтобы мне жизнь даровал
Твой Сын и Твой Господь.

2

Крылатой молитвой Твоей Ты мне помоги.
Пресвятая Мать всех тех, кто рожден:
Мне помоги земную покинуть юдоль,
Мне помоги обрести без мук
Обитель, ждущую нас;
В последний мой час помоги очиститься мне
От греховного бремени моего.
День скорби моей в торжество преврати,
Искупившая Евин грех;
Мою скорбь утоли, исцели, замоли,
Ибо верю я; внемлет Бог Тебе
В чистоте Твоей;
Благословенна Ты в женах.
Меня, погибающего, слезами Своими спаси;
Матерь Божья, колени Свои преклони
Перед Богом ради меня.
Горняя скиния, Ты меня, скорбного, осени;
Церковь на небеси, Ты меня, падшего, вознеси!
Сына Своего Собою прославь,
Благодать Его на меня призови,
Чтобы чудом Он, мой Господь,
Мне простил долги, отпустил грехи.
Ты, раба Господня, Ты, Божья Мать!
Славу Свою приумножь, явив доброту;
И спасенье мое в Тебе обрету,
Если меня Ты обратишь, Матерь Божия,
Если меня Ты простишь, Благословенная,
Если меня, заблудшего, Ты приютишь,
Непорочная;
Если меня, отверженного, Ты посетишь,
Благодатная;
Если меня, окаянного, к Богу Ты приобщишь,
Благословенная;
Если меня, печального, Ты защитишь,
Пречистая;
Если меня, опального, Ты наградишь,
Преславная;
Если меня, многострадального, Ты осенишь,

Целительница;
Если меня, истомленного, Ты укрепишь,
Хранительница;
Если меня, возмущенного, Ты смиришь,
Примирительница;
Если меня, соvrащенного, Ты просветишь,
Достоxвальная;
Если меня, осужденного, Ты возродишь,
Сострадательная;
Если меня, удрученного, Ты одаришь,
Многомилостивая;
Если меня, отлученного, с Богом Ты примиришь,
Заступница;
Если меня, нечестивого, Ты убелишь,
Возвышенная;
Если меня, погребенного, Ты воскресишь,
Сияющая;
Если меня, рыдающего, Ты благословишь,
Утешительница;
Если меня, страждущего, Ты исцелишь,
Врачующая;
Если меня, гибнущего, Ты призришь,
Духа Святого полная;
Если меня, изгнанника, Ты возвратишь,
Святейшая!
Мне дарует жизнь, душу мне целит
Млеко девства Твоего каплею одной:
Мне даруют жизнь лишь Твои уста,
Так чиста Ты, Матерь Господа нашего Христа,
Сотворившего небеса и нас;
Озарившего нас Рождеством Своим;
Воплощенного, рожденного в Полноте Божества
Человеческим Твоим естеством;
Прославляемого со своим Отцом и Духом Святым;
Сочетавшего Божество и наше естество;
Он суть всего во всем;
Он Святая Ипостась Троицы Святой,
Вечный в державе своей, во славе Своей.
Аминь.

ИЗ ГЛАВЫ LXXXII

Слово из глубины души ко Всевышнему

1

К молитвам святых Твоих, взывающих к небесам,
Чтобы простилась мне там земная моя вина,

Нечистая речь моя присоединена;
Так затаена горечь в сладком вине;
Так сочетается нежный цветок с шипом,
А красота с горбом;
С жемчугом — ил,
С чистым золотом — прах,
С дорогим серебром —
Грубый камень в горах;
С правдой — сомнение, низкий расчет с добром;
Мягкий хлеб с песком,
Похрустывающим на зубах.
Ты, Всевышний, Ты, Всемогущий, Ты, Всеблагой!
Твоим Святым внемли ради меня,
Мне внемли ради Святых Твоих;
Твоим Святым внемли ради славы Твоей,
Мне внемли ради моей души,
Чье спасенье Тебя прославит, мой Спас,
Благословенный, нетленный, несравненный Господь,
Долготерпеливый, справедливый, предвечный Творец,
Готовый ниспослать нам благодать,
Исток и предел всех добрых дел.
Ты не заточишь, Ты вознаградишь;
Ты не уличишь, Ты благословишь;
Ты не казнишь, Ты сохранишь;
Ты не умертвишь, Ты воскресишь;
Ты не мстишь, Ты простишь;
Ты не сокрушишь, Ты укрепишь;
Ты не сразишь, Ты защитишь;
Ты не уязвишь, Ты исцелишь;
Ты не огорчишь, Ты усладишь;
Ты не омрачишь, Ты просветишь;
Ты не сотрешь письмен, Ты писать предпочтешь;
Ты не убьешь, Ты спасешь;
Ты не толкнешь, Ты вознесешь;
Ты не пытал, Ты напитал;
Ты не устрашал, Ты утешал;
Ты не растоптал, Ты воспитал;
Ты не разобщал, Ты приобщал;
Ты не сводишь с нас глаз,
Ты творишь лишь добро;
Ты не приговоришь нас, пречистый Спас;
Ты нас не пригводишь, Ты нас освободишь.
Ты Спаситель! Кто Тебя оскорбит?
Ты Даритель! Кто Тебя обличит?
Ты Целитель! Кто Тебя уязвит?
Ты Ревнитель! Кто Тебя обвинит?
Ты Хранитель! Кто Тебя умертвит?

Ты Учитель! Кто Тебя посрамит?
Ты Примиритель! Кто Тебя победит?
Ты Благотворитель! Кто Тебя обольстит?
Ты Зиждитель! Кто Тебя омрачит?
Ты Вседержитель! Кто Тебя очернит?
Ты Промыслитель! Кто Тебя хулит?
Слышнее хвала, когда посрамлена хула.
Ты, Всемогущий, грехи мои отпусти!
Ты, Милосердный, долги мои мне прости!
Меня, преступника, Ты вознеси, Всеблагой!
Богоотступника Ты, Пресвятой, спаси!
Я земная персть,
Но преобразишь Ты меня своим перстом.
Тебе, Господи, спасти меня легче всего;
Для меня, грешного, нет ничего важней:
Ты, сотворивший меня
По образу и подобию Своему,
Свой образ во мне яви,
Грешную тьму рассеи,
Оживи меня благодатью Твоей,
Целительный, чистительный Свет!
Не сокращай моих дней,
Не приближай последнего дня,
Не посылай меня в последний путь
Без проводника:
Слишком далека дорога, слишком страшна.
Желчью не утоляй жажды моей,
Твоей благодати не лишай меня,
Не позволяй смерти напасть на меня в ночи,
Как нападает враг;
Не иссушай моих корней,
Когда меня сушит жар;
Не подвергай меня влиянию лунных чар;
Не подавляй меня льдами грехов моих;
Не сокрушай меня потоками бытия,
Чья струя смывает меня;
Не допускай гибели моей,
Не оставляй моего разума во тьме,
Которой окутана смерть;
Не покидай меня во сне, дабы проснуться мне;
Не дай мне задремать, когда я в западне;
Не обрекай меня кончине в постыдный час,
Когда грех со мною наедине;
Не отвергай моей души,
Которую Ты спас.

ОВАНЕС САРКАВАГ ИМАСТАСЕР

**Мудрая беседа, которую вел в час прогулки философ
Ованес Саркаваг с птицей,
именуемой Пересмешник
(Отрывки)**

О птица, птица божия, скрываемая чащею,
Недремлющая, бдящая под веткою в тени,
То весело поющая, то жалобно молящая,
Хвалу во славу господу с моею соедини!

Ты здесь, лесолюбивая отшельница всесветная,
Живешь, не зная зависти, всех равно возлюбя.
Среди великих малая, среди малых неприметная,
Но могут и великие учиться у тебя.

Среди великих малая, среди малых невеликая,
Но лучше нас понявшая, что в мире все — тщета.
Беспечна, незапаслива, на ветку с ветки прыгая,
Живешь во славу господу — спасителя Христа!

Искусна в песнопении, ты сладко заливаешься.
К тебе не прикасаются ни суета, ни ложь.
Зовешь ли ты кого-нибудь, клянешься ль, отрекаешься,
Ликуешь или каешься, — ты день и ночь поешь.

Ты, дух не осквернявшая и плотью не грешащая,
Вовеки не вкусившая запретного плода,
В заботах неусыпная, всегда к трудам спешащая,
И днем, и в ночь безлунную — тебе светло всегда.

Пример святым отшельникам, укор живущим
в праздности.
Ты недоступна лени, к злословью не склонна.

Певунья многогласная в своей однообразности.
Ты величава в скромности, в величии скромна.

Одним — способность пения, другим же дар молчания
Дал бог по справедливости, дал в меру наших сил.
Хоть не была ты в горнице на благовествовании,
Разноязыким пением тебя он одарил.

Мудрец из неудачливых, не преуспевший в пении,
Прошу — меня, смиренного, в ученики возьми!
Как плату за учение, создам я сочинение,
Что навсегда останется, читаемо людьми.

**Ответ птицы,
именуемой Пересмешник**

Что было мне подарено, в грехе я не утратила.
Не сорвала я с дерева плодов добра и зла.
Я избежала страшного возмездья и проклятия,
Ни башен я не строила, ни бога не кляла.

Горды своею мудростью, грешили вы надменностью,
Один язык дробили вы на сотни языков.
Грешили вы гордынею, не знали вы смиренности
И с каждым шагом множили число своих грехов.

В своих чертогах каменных отмеченные скверною,
Природу невзлюбили вы, и ваша в том вина.
Я ж, птица, от рождения была природе верною, —
За верность откровеньями ее награждена.

Вы как единство созданы, но противоборением
Разобщены вы, смертные, на множество частей.
А мы, созданыя малые, велики единением,
Спаستись нам помогающим от пагубных сетей.

**Философ оправдывает ответы птицы,
именуемой Пересмешник,
и проявляет к ней снисходительность**

.....
В суровом осуждении права ты, птица, может быть.
Хотя он и загадочен, нам мир природы мил.
Но, грешных от рождения и прегрешенья множащих,
Нас от природы истинной создатель отделил.

О птица, птица божия, твое мы слышим пение.
Перед твоею песнею ничтожна песнь моя.
Но звучным шебстанием, суровым осуждением
Мешаешь размышлениям о тайнах бытия.

Смущаешь ты укорами покой мой, птица малая,
В минуту обретения душою высших благ.
Ты в строгом обличении все, чем грешил, бывало, я,
Склонна преувеличивать, как будто я — твой враг.

Я трачу дни короткие на обретенье мудрости,
Ищу пути, которые предначертал творец.
Зачем же дух мой алчущий ты обвиняешь в скудости?
Губою оклеветанный, не враг я, но истец.

И как истцу пристало мне порочить обвиненного.
Скажи: коль, птица певчая, сродни ты соловью,
Что не поешь в пустыне ты, от мира отрешенная,
А средь людей построила ты келию свою?

Искусники великие: Орфей — певец из Фракии,
И Арион прославленный, и Амфион из Фив,
Хоть пели восхитительно, но признаю, однако, я,
Что птичье пенье сладостней в тиши лесов и нив.

У всех твоих сородичей есть мастерство врожденное,
Да и тебе такое же природою дано,
Но что ж ты лес покинула и, чем-то привлеченная,
Мое жилье заметила и здесь кружишь давно?

.....

**Философу, обвиняя, отвечает птица,
именуемая Пересмешник**

Постигший мудрость многую, напрасно ты винишь меня,
От века мы — исконные владельцы земли.
А вы, созданыя высшие, но все ж владыки прищлые,
За грех из рая изгнанны, на землю вы пришли.

Земля сия бескрайная нам отдана в наследие,
Чтоб жили и плодились мы, не ждя иных наград.
А вы, желая многого, утратили последнее,
На небеса позарившись, вы заслужили ад!

Разбогатеть мечтали вы, да стали духом нищие,
Попрали слово божие, низвергнуты во прах.

Попали в преисподнюю, как ни стремились к высшему,
Идя за искусителем, погрязли вы в грехах.

Братоубийцы злобные, ходить вам неприкаянным,
И не услышат ангелы ваш вопиющий глас.
Вы, люди, слуги божии, роптали на Хозяина,
И, слуги ваши кроткие, мы обличаем вас.

Наказанным изгнанием за вашу суть лукавую,
Вам с нами жить, с безгрешными, и ныне, и всегда.
Отвергшим пищу чистую, вам пищу есть кровавую,
У нас обитель общая и общая беда.

Рассудком наделенные, стоящие над безднами,
Вы поминутно множимым грехом осквернены.
За ваши прегрешения мы, твари бессловесные,
Созданья неразумные, страдаем без вины!

За ваши прегрешения, невыполнение должного,
Созданья бессловесные, мы горестно живем.
Нет лекаря искусного, и крова нет надежного,
И нашу пищу скудную находим мы с трудом.

Познали мы лишения за ваши прегрешения.
Вы землю нашу заняли, за грех сюда попав.
Ничтожны ваши доводы и ложны обвинения,
Ответствуй же по совести — кто виноват, кто прав?

Сопоставление двух речей и признание философом своего поражения

Ты поразила мудростью сужденья, непреложного,
Искусно ты оспорила все вымыслы тщеты,
И, мудреца ничтожного, меня, поэта ложного,
Своею речью краткою разубедила ты.

НЕРСЕС ШНОРАЛИ

На распятие Господне

Тот жаждал на кресте, как человек простой,
Кто создал океан, наполненный водой.

Самаритянку тот «дай мне испить» просил,
Кто всю вселенную бессмертьем напоил.

И сотник римских войск, желчь с уксусом смешав,
Через губку напоил царя небесных слав.

Днем солнце было мглой затем облечено,
Что слово вечное землей оскорблено.

И громким голосом господь с креста к отцу
«Или! Или!» воззвал и предал дух творцу.

Завета Ветхого порвался завес — в миг,
Когда в мучениях деятель жизни ник.

Земля потрясена была до глубины;
Рассеклись камни скал, гроба потрясены;

Темница страшная, восколебался ад,
Тьму душ окованных он выпустил назад:

От гласа мощного того, кем жизнь дана,
Была свобода им в тот час возвращена.

Сей жизнедатель наш когда во ад сошел,
Он свет затеплил тем, кого в тюрьме обрел,

Все беды были суждены;
Хоть были дни мои больны,
Лекарства не были даны...
Пришла я к краю крутизны,
Где двери в ад растворены.

3

Тиран, судьбы свидетель злой,
Дракон сей, сходный со змеей,
Пополз изгибистой дугой,
Свирепый, ядом облитой,
Чтобы в пяди меня стрелой
Сразить, таимой за спиной.
Он, под личной тишины,
Скрывал коварство за душой,
Как волк, живущий под горой
И в степь бегущий предо мной.
Но имя ты его усвой:
Занки — всех гнусностей герой.
Напал нежданной он порой,
Нарочно выбрав день глухой,
Когда узнал он стороною,
Что не было бойцов со мной:
Со всех концов, как пеленой,
Вмиг окружил меня густой
Мохер¹-арабскою ордой.
Не счесть, кто в стае был людской:
Элимцы, Кетцы, чередой,
Бессчетны, как песок морской!
Со сворой псов стоят стеной,
Ни выйти, ни пройти домой!
Что час, то начинают бой,
Меня терзают день-деньской;
Что день, стремится новый строй;
У всех — оружие под рукой,
На шуйце — щит, копье — в десной,
Кольчуга, шлем над головой,
И дротики, и лук тугой, —
Летят и стрел пускают рой!
Они, поставив ряд махин,
Метали дождь камней, пращей,
Крушивших, бивших все с собой,
Что созерцала я с тоской.
Но сколь ни длили приступ свой,
Мы все же дали им отбой.

1. Мохер — кочевые племена.

Замыслил тут иной разбой —
Наш враг, на хитрости лихой.
Как крот, прорыл он под землей
Под наши башни ход прямой
И утвердил там, скрытый мглой,
Подпоры, ровно под стеной,
Чтоб взрыв нас поразил бедой,
Что для неверных — не впервой!

4

Потом, представ перед толпой,
Он крикнул с гордой похвальбой:
«Народ! Не спорь с своей судьбой!
Чтоб сени минуть гробовой,
Ты сам ворота мне открой,
Тогда я сжалюсь над тобой!»
Но, вызов услыжав такой,
Герои, храбрецы, — гурьбой
Сошлись, толкуя меж собой,
Давая клятвы с прямоюй:
Не отступать перед борьбой,
Стоять упорно под грозой,
Отвергнув договор худой, —
Не растворять стены градской:
Ведь лучше сгинуть всей семьей
И быть прославлену молвой,
Чем клятве изменить честной
И жизнь купить такой ценой:
Так Манкавеев круг быллой
Сражался и Вардан святой!

.....

Так одному твердил другой,
Подобно кабанам весной,
Точащим зубы в мгле лесной;
Так сына звал отец родной,
А сын готовил меч стальной.
Призыв на битву, словно вой,
Гудел в домах, над мостовой.
Вождем — забыт сан боевой,
И — рядом с ним бедняк простой:
Все стали равны пред бедой,
Все мыслью спаяны одной.
Священники, епископы
Примкнули все к присяге той:
Решили твердой стать стопой,
Непоколебимой бороздой,
И смерть презреть, что лишь покой

Дарует жизни остальной.
 Гласят друг другу: «Смело стой!
 Дрожать нам — лишь пред сатаной,
 Любить того, кто вековой
 Венок возносит над душой!
 Брат! Мужество свое удвой
 И бог заплатит лучшей мздой!»

Друг друга так они с мольбой
 Поддерживали в перебой.
 «Гляди: по тверди голубой
 К нам помощь мчится под звездой!»
 Шептали, сей крепясь мечтой.
 Потом, за каждою тропой
 Следя, и днем, и в тьме ночной
 Все ждали помощи земной,
 Но не было им — никакой!
 Никто не двинул и рукой
 Из христиан страны иной,
 Земля осталась к нам глухой:
 Кто чтит крест — не шли войной!

.....

5
 Был истощен запас съестной;
 Подвоз отрезан — за чертой;
 Мы голод лютый и слепой
 Со всякой ведали нуждой.
 И ныне рвется голос мой,
 И сердце сдавлено тугой,
 И грудь вздымается волной,
 И мысль томится слепотой,
 Чуть вспомню день тот роковой,
 С его зловещею зарей,
 Когда не вспыхнул свет дневной,
 Но было все покрыто тьмой.
 Содомский факел огневой
 Взлетел до неба полосой;
 Не дождь из тучи грозовой
 Упал, но — каменный прибой.
 И нашей крепости устоя
 Распался, словно пень гнилой,
 От самой кручи основной,
 Открылся вход — орде чужой.
 Но взвод остался удалой,
 На шаг не отступив ногой,
 Друг друга убеждали все:

Быть твердыми перед враждой,
Держаться дружеской четой,
И над разрушенной плитой
Бороться с силою двойной,
Презрев врага клинок кривой!

.....

6

Их вождь, вместилище грехов,
Воззвал к своим, дик и суров:
Обрек мечу и грабежу
И плену всех моих сынов.
Арабы после этих слов
И всяких варвары родов,
Подобно своре диких псов,
Накннулись со всех концов,
Составя цепи из рядов,
Одни вослед другим на зов,
Под труб и барабанов рев,
Подобный грому с облаков.
Дрожал простор от голосов,
Все потрясавших до основ,
Сердца сжимались у трусов,
Росла отвага храбрецов:
Тот был на смерть лететь готов,
Тот в страхе умереть готов.
Но было мало удалцов.
Чтоб защищать валы и ров.
Они устали от трудов,
Бессонных, тягостных часов,
Прошедших пред лицом врагов,
За месяц роковых боев.
И вот какой-то из углов
Предстал неверным без бойцов.

7

И враг, вскарабкавшись, проник
Внутрь башни, близ домов жилых.
Толпа, узрев в стенах своих
Врагов (хоть мало было их),
Подъемля безнадежный крик,
Бежит вдоль улиц городских...
Что видели в веках иных
Прискорбней зрелищ таковых?
Орда неверных, диких, злых,
Свирепствует меж толп людских;
Ударами мечей стальных

Всех рубит — старых, молодых.
Бойцы от валов земляных
Бегут в смятение напрямик
К развалинам ворот былых.
Но стая тех зверей лесных
Пронзает их клинками вмиг:
Овец так волки луговых
Преследуют в полях нагих,
Из множества ловя любых,
Топя их в токах кровяных.
Смерть грудей не коснулась чьих?
Губили и детей грудных,
И старцев, хилых и больных.
Что им ребенка нежный лик?
Что им священник-духовник?
Что даже патриарх-старик?
Все гибло от врагов лихих.
Кровь капала с волос седых;
Служители церквей родных,
Что кровь лишь в таинствах святых
Знавали, — кровью жил своих
Святили кровь людей простых.
Тиран, неукротим и дик,
Убийства радости постиг.
Так лев в лесах пускает рык
Иль в труп медведь вонзает клык.
Меж тех событий гробовых,
Для коих нет и слов земных,
Как выразит поэта стих
Весь ужас бедствий роковых?

Песня чистой весны

Опять сверкает солнце в небе,
Горят цветы в садах земных,
И всюду слышен птичий щебет,
Песнь соловьев и птиц иных.

Опять цветы вдали на взгорьях
Пестреют, как всегда весной,
И рыбы устремились к морю
В раскованной воде речной.

Природа суть свою раскрыла,
Не утаив от нас щедрот,
И, опьяненный розой милой,
Влюбленный соловей поет:

«Ты свет мой ясный в мире сером,
На свете белом ты одна.
Юпитер мой, моя Венера,
Ты солнце в небе и луна.

Не отворишь ты увяданья,
Как я осенний свой отлет,
Но мысль о нашем расставанье
Теснит в груди моей дыханье
И мне покоя не дает.

Ты рдеешь ярче всех рубинов,
Ты благороднее, чем лал,
Ты — сказочнее Чинмачина,
Я свой рассудок потерял!»

...Друзья, скорей друзей зовите,
Пусть все откликнется на зов.

В сады весенние идите,
Шатры постройте из цветов.

Сойдитесь поскорее, други,
Ликуя, что пришла весна.
Друг другу протяните руки,
Налейте сладкого вина.

Нарцисс — цветок пестроцветущий,
Лиля, гиацинт, рейхан
Красуются в зеленой пуще,
И воздух их дыханьем пьян.

И маки алые пылают,
И ликованью нет конца,
И птицы звонко восхваляют
Благословенного творца.

Я — твой пленник, сжался надо мной
(Отрывки)

Ты — мой свет, ты словно солнце светишь,
Лучшее, что суще под луной,
Не беги, едва меня заметишь.
Я — твой пленник, сжался надо мной.

Если ж ты меня не замечаешь,
О душа души моей больной,
Свет моих очей ты отнимаешь,
Я — твой пленник, сжался надо мной.

Всех ты словом одарить готова,
А меня твоё сжигает слово,
Ты не отвергай меня сурово,
Я — твой пленник, сжался надо мной!

.....

Я покоя навсегда лишился,
От любви мой разум помутился.
Хочешь ли, чтоб с жизнью я простился?
Я — твой пленник, сжался надо мной.

Нет звезды на нашем небе лучшей,
Почему ж ты прячешься за тучей,
От меня скрываешь свет свой жгучий?
Я — твой пленник, сжался надо мной.

Роза в пору своего цветенья,
Ты — моя любовь, мое мученье.
Скрыть не могут люди восхищенья,
Если видят лик твой неземной!

Как два лука, брови вдруг натянешь,
Стрелы выпустишь, мне сердце ранишь.
И не то что исцелишь — не глянешь
И пройдешь спокойно, стороной.

Нет мне от любви моей спасенья.
Ты — мое лекарство и лечение.
Приоткрой лицо хоть на мгновенье,
Встань во всей красе передо мной.

Ночью я не сплю, лежу и плачу,
Днем бреду куда-то наудачу.
Без тебя я ничего не значу,
Ты моя душа, мой свет дневной.

Если ты лишишь меня надежды,
В клочья разорву свои одежды.
Если я навек закрою вежды —
Будешь ты одна тому виной.

Я — пловец, плыву в открытом море,
Не доплыть, иссякнут силы вскоре.
Услышать мой стон из бездны горя
И спасти дано тебе одной.

Но спасти, помочь ты мне не хочешь,
Ты проходишь, опускаешь очи.
Ты со мной черства, стыдлива очень.
Я — твой пленник, сжался надо мной.

Ты мой свет, ты ярче солнца светишь.
Почему ж меня ты не приветишь,
Прочь идешь, едва меня заметишь.
Я — твой пленник, сжался надо мной.

Песня любви

Такой прекрасной, несравненной
Никто не видел под луной.
Твой образ дивный, незабвенный
Повсюду следует за мной.

Тебя ищу я наудачу,
Я муку прячу, но не спрячу,
Кровавыми слезами плачу
И днем, и в тишине ночной.

Твои шаги, твое дыхание
Порой приносят мне страдания.
От твоего благоуханья
Я стал безумный и хмельной.

Ты красотой меня пленила,
Как полуполночное светило.
Ты путь мой светом озарила,
То свет — я знаю — неземной!

Любовь моя — как наважденье,
Мое проклятье и спасенье.
Ты — храм мой светлый, и моления
Я возношу тебе одной!

На шее жемчуга и лалы¹,
Шелка твоей одежды алы,
Как с пламенным вином фиалы,
Как розы в цветнике весной.

Что б ни надела — ты прекрасна,
Весь мир ты озаряешь властно,
Подобную тебе напрасно
Искать в любой стране иной.

Я чахну от любви и боли,
И я молю тебя, как молит
О благодатной влаге поле,
Которое сжигает зной!

Тебя вокруг ищу я взглядом
И если знаю: ты не рядом —
Мир кажется мне сущим адом,
И ты одна тому виной!

Но если я тебя замечу,
Я сердце болью изувечу,
Я саз возьму, пойду навстречу, —
Я стать хочу твоим слугой.

¹ Лал — рубин

Под этим небом необъятным
Подъемлю чашу с ароматным
Вином хмельным и благодатным,
Подобным лишь тебе одной!

Борьба плоти и духа

Душа подсказала: «Сверши.
что Костандин повелел!»
Плоть молвила: «Слову души
внемлю я, но есть и предел,
Не стоит меня срамить
открыто — за столько дел.
На слабую хочешь взвалить
бремя и свой надел!»

Охотно душа моя
в мудрости входит придел.
Но телом, что здесь рождено,
сластолюбив, оголтел,
Я между ними двумя, —
словно, свеча, обгорел,
Ветром колеблем, нетверд
и от волненья бел.

Четыре врага собрались, —
отчаявшись, я оробел.
Огонь меня тянет ввысь,
но держит земля... Словно мел,
Я сух и тяжел... От воды
мой пламень чуть-чуть ослабел,
Но ветер нагрянул, и вновь
силу огонь возымел.

Тщетно, двух чаяний раб,
я их сопрячь восхотел.
Между огнем и душой
нужен мне водораздел...
Либо по морю шагать
(стал ли я свят, пустотел?),
Либо руками сдержать
пламень, что прочь пролетел!

Я, этот совет и укор
к себе обратив, присмирел,

Примеры себе я привел,
деянья людей оглядел.
Мне ли, как брату, с тобой
спорить! Я — плевел, пробел.
Если б прошли по лицу,
я бы покорно стерпел.

Множество жалоб и слез,
чей урожай уж созрел,
Я бы тому лишь принес,
кто тепло на меня смотрел...

Изранен я и гоним,
столько страдал и скорбел,
Раны — привыкло ли к ним
сердце иль я очерствел?
Но — за стеной земляной
вражеский что мне обстрел!
Землю войной на себя
сам напустил я и — цел.

Вот, без доспехов, нагой,
встал я, спокоен и смел,
Хоть бы вонзилась в цель
одна из тысячи стрел...

Те восклицают: «Глупец,
от желчи он одурел!»
Другие: «Пустить бы кровь
растлителью душ и тел!»
Отвечу: верить всему,
что ты, Костандин, здесь напел
И так же тужить нельзя —
у каждого свой удел.

**Слово — одно по замыслу,
иное по внешнему виду, — которое иносказательно
выглядит так:**

Я стать весенним ветром рад —
С любовью обдуваю сад.
Зимы студеной лед и хлад,
Меня почуяв, прочь летят.

Молить я должен, чтоб забил
Из камня ключ — он сердцу мил,

Я в слово дивное свой пыл
Вложу, хватило б только сил.

Я повелю — и нет зимы,
Цветами запестрят холмы,
Весна — для всех; узрели мы:
Нет ни темницы, ни тюрьмы.

О, весть благая, сладкий глас!
К нам роза новая сейчас
Идет, откинув свой атлас,
Врата любви открыв для нас.

И соловей, лиша~~я~~сь чувств,
Поет — напиток страсти густ...
Он кровью слез осыпал куст
И потому — сахароуст.

Высок престол царицы роз,
А сердце далеко унес
Поток султанских смутных грез,
И что ей горечь наших слез!

Шить невозможно с розой врозь,
Стать соловью рабом пришлось,
Поет, чтобы, пронзив насквозь,
Благоуханье донеслось.

О, голос нежный, тишь нарушь!
Я — ветер, твой шакарфуруш¹.
О, сколько удрученных душ
Ты радуешь и будишь глушь!

Сегодня отнята тобой
Вся наша мудрость — ум слепой.
Любим ты розою, так пой,
Счастливый, взысканный судьбой.

Поешь над розой, и в крови,
В слезах, в слезах — глаза твои,
О, соловей, и нам яви —
Немым — глаза твоей любви!

Окраска каждого пера
Сейчас прекрасна и нестра.

1. Шакарфуруш — продавец сахара.

Затмила розы их сестра!..
И спят шипы, но боль остра.

Дай нынче сладкого вина,
Я — кравчий счастья, жизнь полна,
Ведь начинается весна —
Любви и песен времена.

Пою любовью допьяна,
Чтоб дружно жили мы — до дна!
Прекрасна роза и красна,
Так приказала нам она.

Сегодня душу ты излей,
Не станет завтра веселей.
Кто будет мил душе твоей,
Коль роза сгинет, соловей?!

О роза, гордость цветника,
Как ты прекрасна и ярка!
Глядишь ты властно, свысока.
А я влюблен, в душе — тоска.

Душой ты светел, соловей,
В чьем сердце — знойный огневей,
Язык твой жгуч, меча острей,
И чуден жар твоих речей.

Благодари же, Костандин,
Творца, доживши до седин,
Ведь розы видел ты кармин,
Услышал соловья долины!

Сердце мое, отчего ты забилося?

Сердце мое, отчего ты забилося?
Быстрая мысль, ты куда устремилась?
Что ты, слеза, по щеке покатилась?
Память, а ты почему замутилась?

Много грешил, суесловил я много,
Я отдалился от господа бога.
Ныне меня посетила тревога,
Ангел святой поманил меня строго.

Все, что святыней считал я когда-то,
Нищему духом, давно уж не свято.
Сделал замки и воздвиг я палаты,
Скрыл в сундуки я каменья и злато.

Грешник с посыпанной пеплом главою,
Что ты дрожишь над несметной казною?
И богачи, поглощенные тьмою,
Много ли взяли из мира с собою?..

Цветок любви

Цветок любви чудесный этот
Растет не в дальней стороне,
Он зацветает вешним цветом
Внутри людей, а не вовне.

Он любящим приносит благо,
Он указывает им пути.
Исполнишь львиною отвагой
И тот цветок в себе взрасти!

Ты силам темным на потребу
Не пребывай в греховном сне.
Но, устремляя очи к небу,
Покайся, Фрик, в своей вине.

Страшись страстей, что правят нами,
Помысли о грядущем дне
И плачь кровавыми слезами,
Чтоб в вечном не гореть огне.

К богатым

Вином грешите, ложью
В кругу распутных жен.
Вам слаще слова божья
Греховных песен звон.

Но близится расплата:
Суд страшный, трубный глас,
Прислужники разврата,
Что ожидает вас!

На нищих вы кричите
И гоните их вон,
Вы бедняка браните
За то, что беден он.

Но бог поднимет руку
И спросит в судный час:
«Чтоб облегчить мне муку,
Кто пострадал из вас?

Как Лазарь, я в бессилье
Лежал у ваших врат,
Но вы пройти спешили
И отводили взгляд».

Дарили вы презренье
Всем тем, кто обделен,
Но в огненной геенне
Конец ваш предрешен.

На муку вас осудят
За пурпур, за виссон.
Последний нищий будет
Скорей, чем вы, спасен!

В роскошестве излишнем
Забыли вы закон:
Кто яму роет ближним,
В ней будет погребен.

Пред Матерью Пречистой
Покайтесь до конца,
Своей молитвой истой
Смягчите гнев творца.

Заступница поможет
И сына в судный час
Умилостивить может,
Чтоб вас простил и спас.

Молите всеблагого,
Чтоб отпустил вину.
Мое услышите слово —
Нельзя вверяться сну!

Покайтесь же в моление
И смойте поскорей
Слезами искупленья
Грехи души своей.

Чтоб сыновьями ада
Вам, богачам, не быть,
Раскаяться вам надо
И господу молить.

Чтоб пищею дракона
По смерти вам не стать,
Господнего закона
Примите благодать.

Из вас постигнет каждый,
Что в мире все тщета,
Переступив однажды
Последние врата.

Зачем же о богатых
Ты так печешься, Фрик?
Ведь нищий сам, ты златом
Не наполнишь свой тайник.

Нет у тебя ни крова,
Ни тех, кого любил.

Богатства никакого
Ты здесь не накопил.

Ты прожил век — и ныне,
Как прежде, бос и гол.
Ты этот мир покинешь
Таким же, как пришел.

И все ж, когда голодным
Руки ты не простер,
Ты деревом был бесплодным,
Пригодным лишь в костер.

Что черно здесь, что бело,
Постичь лишь ныне смог,
Когда расстаться с телом
Душе приходит срок.

Отвергни, Фрик, беспечность
Земного бытия,
Обрести старайся вечность —
Там родина твоя.

При жизни совершайте
Лишь добрые дела.
Вовек не пожелайте
Себе подобным зла.

Наградой двоякой
Добро нам воздает.
В извечном мире — благо.
Здесь — славу и почет.

Духовный слух добавьте
К земному, чтобы внять
Великой божьей правде,
Чтоб господу познать.

Сей мир — не достоянье.
Я сам себя пытал:
«Достойные деянья
Ты часто ль совершал?»

Здесь помощи просите
Лишь у небесных сил,
Чтоб сжалился спаситель
И нам грехи простил.

И ныне покаяньем
Свой просветлите взор
И добрые деянья
Творите с этих пор.

Вас одарить мне нечем,
Но каждый, кто умен,
Моей да внемлет речи
И будет просветлен.

А люди, у которых
Пустая голова,
Пусть почитают вздором
Разумные слова.

Колесо судьбы

Гей ты, судьба! Нам изменив, ты нас свергаешь с высоты;
Ты останавливаешь вмиг коловращенье суеты.
От века зыблющийся мир на склоне скользком держишь Ты,
Подставив меру зла, твердишь: «Сыпь все заботы и
мечты!»

Ах, колесо! Злодея ты лелеешь в доме золотом,
А честный должен подбирать объедки за чужим столом.
Ты в рыцари выводишь тех, кому б сидеть в хлеву
свином,
Без заступа ты роешь ров и рушишь праведника дом.

Скажи: «Ты не права, судьба!» — и смех услышишь без
конца.

За что ученых гонишь ты, а любишь злого иль глупца?
Из них ты делаешь вельмож, их ты доводишь до венца
И шлешь по горам и полям бродить за хлебом мудреца.

Теперь еще труднее нам, когда татарин сел на трон,
Всех обделил он, и воров поставил господами он.
Но ты ни с кем ведь не родня: вновь повернется
ось времен,
Одаришь ты, и нет царя, исчезнет он, как утром сон.

Как верить, колесо, тебе, ведь ты не любишь никого!
Нет правды у тебя, нет клятв, нет совести, нет ничего!
Сегодня возведешь на трон, а завтра сокрушишь его.
Повергнешь в пепел и в прах, лишишь — честей, короны
и всего.

Лишь, исподлюбия взглянув, судьба хребет свой
повернет —
Что тут бумага, что перо иль даже всадников сто сот!
Все терпят: от пинков судьбы и царь спины не сбережет.
Не сдержишь — стрелами тебя, и полетишь на дно высот!

Судья неправедный! Зачем ты правый презираешь суд?
Ты с правым во вражде всегда, а твой любимец — вор
иль плут,
Ошибки чаще ты творишь, судьба, чем на земле весь люд;
Ты землю, море, небо — все заворачиваешь в пять минут.

Невежда пред тобой велик, а мудрый головой поник,
И что кругом ты неправа, какой не вымолвит язык!
Но, слышу, мне судьба в ответ: «Не лай, как пес, пустой
старик,
С тех пор как я — судьба, никто еще не лгал, как этот
Фрик!»

«Моя судьба, меня ты бьешь, ты — мой неправедный
судья,
Но вспомни, что от бога все и власть — его, а не моя!»
Судьба еще: «Величит Бог как бедняка, так и царя,
Хоть я — судьба, но вот тебе дать ничего не вправе я!

Бог повелит — ты будешь царь, я посажу тебя в чертог,
Бог не велит — и будешь ты скитаться нищим вдоль
дорог».

«Судьба, я замолкаю: все — прекрасно, что дозволил
Бог;
Но, нашим по грехам, порой — армянский к нам
Создатель строг».

ХАЧАТУР КЕЧАРЕЦИ

Бренное тело корила душа

Бренное тело корила душа,
Телу, скорбя, говорила душа:
«Грешное, все ты соблазны познало
Этого мира, где святости мало.
Ты и меня погубило грехами,
Ввергнуло в неугасимое пламя.
Ты и в аду, не избегнув огня,
Будешь терзаться и мучать меня».
Тело ответило: «Полно, душа,
Я — во служенье, а ты — госпожа.
Ложно, неправо меня не суди,
Раны кровавые не береди.
Конь я, и ты оседлала меня,
Гонишь куда ни попало коня.
Все по твоей совершается воле,
В мире — я горсточка праха, не боле».

Плач и мольба

Я молю тебя, Творца:
Знак подай, хоть чуть заметный,
В пастве всей твоей несметной
Я — заблудшая овца!

Укажи сегодня мне:
Истинная где дорога,
Чтобы не остаться вне
Божья светлого чертога!

В слове сказано твоим,
Что удел людей безгрешных —
Жить и вознестись потом
К сонму ангелов небесных.

Господи, подай же знак,
Дай благое разуменье,
Как мне жить, молиться как,
Чтобы заслужить спасенье!

Сердце мне свое смягчить
Ныне помоги, о боже.
Дай способность слезы лить,
Что с твоей росой схожи!

Наставитель, поспеши,
Огради меня от горя,
Исцели от вечной хвори —
Немощи моей души.

Чтоб, как лист среди ветвей,
Мог весною расцветать я,
Озаряемый твоей
Неземною благодатью.

Но, покуда я живу,
Ветр моих же прегрешений
Вечного венка листву
Сдул с меня, как ветр осенний.

Если бросят в море сеть,
В сеть рыбешка попадется.
На песке бедняжка бьется
Перед тем, как умереть.

Был я счастлив в глубине
Божьей мудрости без края,
Но по собственной вине
В сеть попав, я умираю.

Господи, мои рассей
Тьмы грехов весь список длинный.
Может, я — цена твоей
Крови чистой и невинной.

Над горами облака
Вдаль плывут, но гром ударит,
Град падет издалека,
Всех земных пугая тварей.

Грех мой — тоже черный свод,
Нет ему конца и края,

Он в себе грозу несет,
И меня, и всех пугая.

Чтобы мудрость обрести,
Я спешил на торг в печали,
Но всего меня в пути
Злые люди обобрали.

За добро платил я злом
И, прозрев прозреньем поздним,
Что сказать смогу потом,
В день наш Судный, в час мой грозный?

Я пока еще живой,
Но не вечно все и ломко,
Как же мне пройти по той
Роковой тропинке тонкой?

О создатель, мир земной —
Глиняный кувшин непрочный
Встал меж мною и тобой,
Сыном девы непорочной!

Я — Кечареци, давно
Копошусь в грязи соблазна.
Силюсь не пойти на дно,
В скверне общей не погрязнуть.

Боже, пусть твоя рука
Мне укажет путь спасенья
В мире, там, где велика
Сила зла и искушенья.

Ты меня на путь наставь
В жизни этой, в жизни брэнной,
И от огненной геенны
В мире том меня избавь!

* * *

В дремоте и дни и ночи
Не пребывай, человек,
Тот час далек, да не очень,
Когда ты почишь навек!

Наш мир — это сон беспечный,
И думаешь ты в забыти,

Что дни твои бесконечны
И вечны богатства твои.

Ты спишь, и над нищим ложем
Витают сладостный сон,
Будто знатный вельможа,
Почетом ты окружен.

Но встанет заря, а с нею
И знатность твоя, и казна
Растает лишь чуть позднее,
Чем ты воспрянешь от сна.

Как все, мы — у края гроба,
Придут за душой твоей,
И миг останется, чтобы
Проститься с семьей своей.

В оставшееся мгновенье
Не будет тебе дано
Средство найти для спасенья,
Да вряд ли и есть оно.

Пред тем, как уйти без возврата,
Попросишь ты, чтоб подошла
Женщина, что когда-то
Детей твоих родила.

Ты скажешь ей, безутешной:
«Разлука нам суждена.
Я — половина грешной
Плоти твоей, жена.

Ты видишь, я век свой прожил,
А те, что родились от нас,
Пусть знают, что вскоре тоже
Пробьет их последний час.

Пусть и они в ослепленье
Не совершают зла,
Чтобы потом в геенне
Расплата их не ждала.

Ведь прежде, чем сын Адама
Хоть раз успевает моргнуть,
Смерть, и зла, и упряма,
Находит к нему свой путь!*

Айрены

* * *

О ночь, продлись! Останься, мгла!
Стань годом, если можешь ты!
Ведь милая ко мне пришла!
Стань веком, если можешь ты!
Помедли, утра грозный час!
Ведь игры двух тревожишь ты!
Где радость? В скорбь ты клонишь нас!
Ты сладость гонишь темноты!

* * *

Как красиво расцветали
все кусты в бахче моей!
Но цветы похитил кто-то,
льются слезы из очей.
Я мечусь, как перепелка,
потерявшая детей.
Сеть свою скорей раскинь,
чтоб запутался я в ней.

* * *

Ты сказала: «Я твоя!»
Неужели это — ложь?
Ты закаялась любить!
Иль иного ты найдешь?
Мне такое будет горе,

что к иному ты прильнешь
И к следам моих лобзаний
ты уста его прижмешь!

* * *

Ты в мире — перстень золотой,
а я — алмаз на нем;
Ты — зелень, нежащая пруд,
а я — росинка днем;
Ты — яблоко, что берегут,
я — лист в венце твоём;
И я, когда тебя сорвут,
иссохну под лучом.

* * *

Как я люблю твой милый лик:
ему луна поет с небес!
Твоих я жажду нежных уст:
пред ними горек дикий мед!
Твои глаза в дуге бровей
бездонны, как пучина вод!
И чаша с розовой водой —
твой алый, твой прекрасный рот!

* * *

Когда умру я от любви,
срежь косу, волосы сними,
Как факел в руку их возьми,
меня ищи не меж людьми.
Придя к могиле, все пойми,
плиту слезами окайми
И, мне шепча: «Любовь прими!»,
холодный камень обойми!

* * *

Спорят с морем под Месрой¹
эти очи глубиной,

1. Месра, или Мысыр — Египет.

Эти кудри разметались
ветром зыблемой волной.
Взросла ты, точна ива,
ты — как яблочк наливной.
Ты напоишь ароматом
белой розы мир земной.

* * *

Ты журчишь между скал, ручей.
Из какой ты страны, из чьей?
Мне в ущелье не видно струй,
только все голосок звончей.
Видно, ты любовью богат, —
все спешишь к любимой, ручей.
На чужбине, видно, любовь, —
мчишься к ней и не спишь ночей.

* * *

Откуда ты пришла в мой дом,
я был с тобою незнаком!
Огонь был в рукаве твоём,
теперь я сам горю огнем.
Ты золото любви тайком расплавил
в огне своём
И в ухо сердца моего
продела золотым кольцом.

* * *

Взгляни на тяжелый камень,
одумайся, ради бога:
Как этот камень ни крепок —
уступит воде дорогу.
Воде жернова покорны,
хоть весу в жернове много,
А сердце — комочек малый,
его ли осудим строго!

* * *

Я избит из-за тебя так,
что обнажились кости,
Шелком рану врач зашил,

след искать — и думать бросьте.
Изломайте хоть всего —
дотащусь я к милой в гости,
Приложусь щекой к щеке —
и не станет в сердце злости.

* * *

Скучал я смертельной скукой,
томила меня тоска
И вдруг тебя, дорогая,
увидел издалека,
Обрадовался, как путник,
журчанию родника,
Припасть бы к нему губами,
ведь жажда так велика.

* * *

Мне говорили «золотой»,
когда я рос в семье родной,
Но потерял я цвет лица
от встреч с красавицей одной.
Любовь и камень раздробит,
проверено все это мной,
Отгородитесь от нее
стеной железной иль стальной.

* * *

Я вздыхал, ища напрасно
сладостной любви утех,
Вдох мой к облакам поднялся,
и пошел при этом снег,
На голову мне свалился,
но откуда летом снег?
Лишь меня он осыпает
или падает на всех?

* * *

Я решил уйти подальше,
чтоб с любовью разлучиться,

Но в пути любовь успела
в жаркий пламень превратиться.
Если кто огня желает —
я могу им поделиться,
Множество сердец несчастных
опалит одна зарница.

* * *

В мире две великих силы:
смерть и скорбь любви земной.
Влюбишься, потом уносит
ангел смерти в мир иной,
Ну, а мертвые не плачут,
скрытые сырой землей.
Кто же этот несчастливец?
Он ни мертвый, ни живой.

* * *

Вино твоего румянца
мне пить бы опять, опять,
Библейский рай — твое тело,
ах, яблоко бы сорвать!
Уснуть на груди прекрасной
не высшая ль благодать?
За это ангелу смерти
не жалко мне долг отдать.

* * *

Днем красавицу вели,
чтоб держать ее в неволе.
Слезы лили сотни глаз,
а с моими даже боле.
Чтобы вырвать поцелуй,
побежать за нею, что ли?
Силою возьму один,
а другой — по доброй воле.

* * *

Милая, в этих лохмотьях
кажешься ты неприглядной.

Шитое золотом платье
с шалью надень ты нарядной.
Плавню пройди предо мною
в этой одежде парадной —
Будешь тогда ты красива,
краше лозы виноградной.

* * *

Пришел по делу, вышла ты,
и я забыл о деле,
И шагу не могу ступить,
и руки онемели.
Ну что ты делаешь с людьми,
чтоб двинуться не смели?
Любил не раз я, —
в первый раз не достигаю цели.

* * *

Ты пальмовое дерево
с негнущимся стволом,
Твоим павлином сделаюсь,
построю тут же дом,
Нарву цветов, целебных трав в горах,
в лесу густом,
Других домов не надо нам,
мы станем жить в моем.

* * *

Я вышел ночью за вином,
держа кувшин в руке,
Навстречу милая идет:
— Что толку в кабачке?
Пойдем ко мне,
горю свечой, истаяла в тоске,
Слезам обливаюсь я,
их — что воды в реке.

* * *

Если б та, чей стан свободно
перехвачен пояском,

Бедною была, а я бы
не был жалким бедняком —
Тысячу монет бы отдал,
распростившись с кошельком!
За три родинки на щечках
приплатил бы я тайком —
Стоит каждая алмаза и объятия притом.

* * *

Я очень по тебе скучаю,
и стоишь ты того.
Зависит жизнь моя от часа
прихода твоего.
Порой бывает долговечным
земное существо,
Но долгий век без милой сердцу
не стоит ничего.

* * *

Обращаюсь я к творцу:
сохрани ушедших вдаль!
На чужбине милый мой —
велика моя печаль,
Пусть вернется, без него
никому меня не жаль.
С плотью плоть соедини,
сердце к сердцу ты причаль!

* * *

Худо стать бедняком,
распроститься с богатством своим,
Разлучиться с семьей
и скитаться по странам чужим,
Встретив ту, что любил,
отвернуться со вздохом глухим.
Да о чем говорить!
Если дерево стало сухим —
Опадает листва, не отыщется тени под ним.

* * *

Яблоко портилось целый год
за пазухой, на груди,
Я оставался в своем селе,
не думал, что впереди.
Девушка с верхней улицы вдруг сказала:
— Ко мне приди,
Будешь всю ночь в объятьях моих,
а в край чужой не ходи.

* * *

Жалок тот, кто, имея
немало родных и семью,
Сам от них оторвался
и жизнь омрачает свою.
Все по праздникам вместе,
как будто в цветущем раю,
Он же сломанной веткой
иссохнет в пустынном краю.

* * *

Цари, князья, врата закона,
властители земли,
Вы, злых начальников поставив,
скрываетесь вдали.
Пришли к вам те, кого на горе,
на смерть вы обрекли.
Подумайте, они не к богу —
к вам с жалобой пришли!

* * *

Спросили мудреца:
— Скажи, ты знаешь или нет,
Зачем при теле душу дал творец,
создавший свет? —
Возможно, чтоб людей поднять
превыше зол и бед,
Иль душу в тело он вложил,
как в перстень самоцвет.

* * *

Я странствовал. Как в зеркале
увидел мир. И что ж?
Вернувшись, понял: по сердцу
в нем друга не найдешь.
С кем хлеб и соль поделишь ты,
с кем чашу разопьешь?
Так люди оклеветаны,
что правдой стала ложь.

* * *

У человека раз в руках
был камень драгоценный,
Пока он думал, как с ним быть,
пропал алмаз отменный.
Заплакал горько человек,
сражен судьбы изменой,
Но не имеет плач цены нигде
во всей вселенной.

* * *

Цари, султаны, все,
кому пришлось высоко сесть, —
Стоят рабы, стоят войска,
вам отдавая честь.
Законы грозные у вас,
повсюду ложь и лесть.
Чините свой неправый суд —
над вами высший есть!

* * *

Апельсинами, инжиром
радуют деревья в срок.
Без плодов красива ива,
но какой же в этом прок?
Часто любят молчаливо,
но какой же в этом прок?
Умереть любя не диво,
но какой же в этом прок?

* * *

От долгих раздумий
растут и печаль, и забота,
И сахар не сладок,
и жжется вода отчего-то,
И таешь свечою,
страшась до холодного пота,
Жизнь так беспокойна, трудна,
что и жить неохота.

* * *

Приносит зло и белое,
и красное вино.
С тех пор как стал я пьянствовать —
вокруг темным-темно.
Но видел и непьющих я,
им счастья не дано:
Хоть по ночам работают —
нет денег все равно.

* * *

Невинным агнцем был рожден
я матерью моею
И вынут из купели был
жемчужины светлее.
Я вырос, грешником я стал,
погряз в грехах по шею.
Как это сделал сатана, —
понятья не имею.

* * *

Запомни сказанное мной,
внимательно прослушай,
Совет мой в серьги преврати
и вдень скорее в уши:
С тем, кто болтает о тебе,
всегда держись посуше,
Стрелу метнувши, прячут лук
завистливые души.

* * *

Вот что мне в голову пришло,
спасибо мысли за приход:
Какое дело до невежд тому,
кого признал народ!
Похож невежда на огонь —
где упадет, там и сожжет,
А умный — чистая вода,
где ни пройдет — все зацветет.

* * *

Бог, что создал людей для счастья,
не бросай меня в пламя страсти!
Ну, а бросишь, то все ж пожалей —
защити от другой напасти,
Огради от суда людей,
а не можешь — скорей убей,
Ибо, чем от позора пасть мне,
лучше пасть от руки твоей!

* * *

Не нужна ты мне, не нужна,
мне с тобой ни покоя, ни сна,
Обожгла ты меня стрелою
и осталась сама холодна.
Скажут мне: ты стала водою, —
пить не буду, губ не омою,
Словно та вода солона.
Если скажут: ты стала лозою, —
Не коснусь твоего вина.

* * *

Пред тобою я, мой желанный,
скатерть белую расстелю,
Куропатку с кожей румяной
соком сливовым оболью,
И напиток хмельной и пряный
из кувшина в две чаши налью.
Я надену наряд тонкотканый,

чтобы ты, как за дымкой туманной,
Видел белую грудь мою.

* * *

Я по белому свету ходил
и мечтал, что раньше иль позже
Буду я красавице мил,
той, которой никто не пленил.
Зря потратил я столько сил,
ты лежала на чьем-то ложе,
Кто-то бросил тебя; и что же,
полюбив, я тебя подхватил!

* * *

Я ошибся, сроднился с грехом,
подрядился к любви пастухом.
Думал, будут радость и счастье
озарять меня ночью и днем.
Кровь и слезы глаза мне застыт,
сердце вечным горит огнем,
Счастья нет ни в любви, ни в страсти,
и, наверное, нет ни в чем.

* * *

Ты смеешься, ты все не со мною.
Но тебя я верну — погоди,
Окружу глухою стеною
и запру, словно сердце в груди!
И тогда снисхожденья не жди.
Я сожгу все мосты под луною,
Все мосты, что уже за спиною,
все мосты, что еще впереди!

* * *

Как завидую я лампадам:
то погаснут они, то горят.
Подожженный пламенным взглядом,
я горю много дней подряд.
Нет огню моему преграды,
погасить — он погаснет навряд.

Может быть, и стараться не надо,
пусть горит, жизнь мне хуже ада.
Догорю я — и кончится ад.

* * *

Милый мой,
мне принесший зло,
Свет мой ясный,
быстрей — в седло.
Скройся прочь,
чтоб мое проклятье
Поразить тебя
не могло!

* * *

Ах, любовь,
с тобой пропадешь.
Ты мне в сердце вошла,
как нож.
Нож наткнулся на что-то,
согнулся,
И не вынешь,
не разогнешь.

* * *

Все опять началось сначала.
Подожла ты, слово сказала,
И пронзила меня стрела.
Разве мук моих было мало?
Или каменна ты, как скала?
«Я не каменна, — ты отвчала, —
Погляди, я какою стала.
Страсть твоя и меня сожгла».

* * *

Ты сказала, что любишь меня,
ты не знала, что губишь меня.
Ты пронзила мне грудь стрелою,
кровь сочится из раны моей.
Сжальтесь, юноши, надо мною,
если есть, отыщите скорей,

Позовите ко мне врачей,
иль глаза я навеки закрою.
И тогда скажут люди с тоскою:
«Он погиб от любви своей!»

* * *

О гордячка моя непреклонная,
день мой горький и ночь бессонная,
Где глаза, где щеки твои?
Сколько можно пытаться влюбленного?
Сколько можно сжигать сожженного?
От меня ты себя не таи,
Иль сама для меня, обреченного,
белый саван скорее скрой!

* * *

— Что, бедняжка, ты так бледна?
Чем ты, бедная, удручена?
Разве друг твой погиб на чужбине
и осталась ты в мире одна?
— Нет, причина другая ныне
не дает мне покоя и сна.
Душу я потеряла в гордыне,
а такая кому я нужна?

* * *

Горы серые, серые скалы,
я любимого потеряла!
Эй, луга, где трава и цветы,
он на ваше ль не лег покрывало?
Эй, тропинки, дороги, мосты,
не прошел ли он здесь, как бывало?
Он ушел, я спала, не слыхала —
были сны мои слишком чисты!

* * *

Мы пылали с тобой огнем,
мы сгорали с тобой живьем.
Все прошло, ты узнать захотела,
что со мною стало потом?

Все случилось, как ты хотела,
что могло, все давно сгорело,
На костях моих нету тела,
есть лишь пепел в сердце моем.

* * *

Я в любви — как ребенок малый,
силой отнятый от груди.
Погляди, что со мною случилось,
погоди уходить, пощади!
Ничего у меня не осталось,
только тьма теперь впереди.
Сделай мне хоть малую малость:
дай воды, мой огонь остуди!

* * *

Эх, глаза, мне бы выжечь вас
без пощады железом каленым,
Лучше тьма — мне не нужно глаз,
что на милого смотрят влюбленно.
Мне б язык отрезать тотчас,
чтобы слов не болтал затаенных.
Мне бы сердце пронзить сто раз,
Чтоб не билось оно испугленно,
Обреченно, как бьется сейчас.

* * *

Говорят, что любовь на земле
нам и горе приносит и радость,
В ней соседствуют, как в миндале,
горечь сладкая, горькая сладость.
В горький час я тебя полюбил,
мне любовь эта горькая в тягость.
Пожалей, больше нет моих сил,
дай познать мне сладость и радость.

* * *

Словно лавка в краю прекрасном
грудь твоя: там — и шелк, и атлас,

Мне бы этим товаром красным,
став купцом, завладеть бы сейчас,
Чтоб лежать на шелке атласном,
не смыкать до рассвета глаз.

* * *

Сердцу жаловались глаза:
«В миг, когда ты трепещешь от счастья,
Нас горячая жжет слеза
и туманное облако застит!»
Отвечало сердце глазам:
«Не лукавьте, в вашей я власти
Ничего, что не нравится вам,
не внушает любви мне и страсти!»

* * *

Непослушным глазам своим,
как родитель, сказал непреклонно:
«Тленен мир, красота его — дым,
не смотрите на мир исступленно!»
«Горе нам с мудрецом таким, —
мне глаза отвечали смущенно. —
Лучше вовсе пусть будет слепым
Человек, что не смотрит влюбленно
Вслед красавицам молодым!»

* * *

О миндаль, над твоей головой
ветер дул и дожди проливались.
Ветви редкой покрыты листвой,
цвет опал, только ядра остались.
Помню я — в день рождения твой
ты рыдала, а все улыбались,
Так живи, чтобы в час роковой
ты б смеялась, а все убивались.

* * *

Говорят у нас горожане,
что замужних любить — не расчет.

Суесловить весь город станет,
стыд-позор на тебя падет.
А жена, что мужа обманет,
на свиданье украдкой придет
И тебя любить перестанет,
лишь замену тебе найдёт.

* * *

Звезды, с неба сойдите прочь,
все равно мне — что день, что ночь!
Если есть от любви лечение,
пусть мне лекарь придет помочь.
Пусть поможет мне боль превозмочь,
облегчит, если может, мученье.

* * *

Нет пути ни назад, ни вперед —
я стою у твоих ворот,
От меня отказалась братья.
Пусть огонь, что не в силах унять я,
И тебя найдет и сожжет.
Ты открой мне свои объятья,
Или горе меня убьет,
И падет на тебя проклятье,
Божья кара тебя найдет.

* * *

Ты — ловушка моя, западня,
как хитро завлекла ты меня.
Ты лампы глаз засветила,
промелькнула, серьгами звеня.
Из жемчужин занавес сшила,
им от мира себя заслоня.
Ты пленила меня, покорила
и лишила светлого дня.

* * *

Я тебе надоел, ну что же!
Как прикажешь, тебе видней,

Твой покой моего дороже,
но любовь — что нам делать с ней?
Я уйду, и тебе, быть может,
станет легче на несколько дней,
Но потом тебя страх встревожит,
и тогда ты станешь умней.
Ты поймешь: на девичьем ложе
без меня еще холодней.

* * *

Черноброва ты, тонкостанна,
лоб высокий, лицо румяно.
Белизну ты внутри несешь,
грудь твоя словно два шамама, —
Что ж припасть мне к ней не даешь?
Ведь и ты уйдешь в край туманный,
В край, куда красоты не возьмешь.
Почему ж при жизни так странно
Ты со мною себя ведешь!

* * *

В мире этом, где боль гнездится,
мне бы лучше совсем не родиться.
Но родился я и полюбил
ту, которой совсем не мил.
С жизнью я готов распроститься,
я кричу: «Больше нету сил!» —
Лишь смеется моя царица.
Боже, что на земле творится!
Гибну я, хоть еще не жил.

* * *

Кто солгал нам, что под луной
нет нигде куропатки ручной?
Я одну увидал украдкой
и грущу о ней об одной.
Брови тонки, уста ее сладки,
а в глазах ее свет и зной.
Даже мертвого в жар лихорадки
может бросить, чтоб тот без оглядки
Шел за ней по дороге земной.

* * *

Ты вкусила запретный плод,
в рай закрыта тебе дорога.
Сын вороны, он впился в твой рот,
а на сокола смотришь ты строго.
И покоя мне не дает
день и ночь за тебя тревога.
Как ошибочен твой расчет,
как жеманство твое убого!

* * *

Между каменных скал на весу
дом твой где-то построен в лесу.
Я проникнуть туда не сумею
и твою не увижу красу.
Я крылами орла завладею,
я себя до небес вознесу.
Окна, двери — все разнесу.
Ты, любимая, будешь моею,
Или я головы не снесу.

* * *

— Ты не яблоко ли багряное,
не пора ли тебя сорвать?
Но Евфрат — река окаянная
между мной и тобой опять.
— Милый мой, речь твою туманную
не могу я никак понять.
Я Евфрат перешла, как пьяная,
я мосты сожгла деревянные,
Больше нечего мне терять!

* * *

Пожалейте меня, ради бога,
как мне быть с этой страстью земной.
Я люблю, а моя недотрога
целоваться не хочет со мной.
Хоть решил я держать себя строго,
встречусь с милой — горю, как шальной.

Пусть щедрей она будет немного,
жизнь не ждет, все пройдет под луной...

* * *

Лишь глазами ты поведешь —
и меня залучишь ты в сети.
Ты кивнешь мне, и бросишь в дрожь,
и пройдешь, как проходит ветер.
Как мне жить, на кого я похож?
Ты за участь мою в ответе.
Если ты ко мне не придешь,
что мне делать на этом свете?

* * *

Стан твой тонок, ты высока,
как тростиночка, ты гибка,
Говорят, что вода живая
наподобие родника
Из груди твоей бьет, исцеляя
всех, кто выпьет хоть полглотка.
Счастлив тот, кто пьет,
припадая к бугорку твоего соска!

* * *

На земле, где мы все живем,
только ангела смерти дом
Пусть провалится, испепелится,
пусть хозяин погибнет в нем.
Стоит с кем-нибудь мне слюбиться,
ангел смерти, как злая птица,
Над любимым парит челом.
Я предвижу: скоро случится —
Надо мной он будет кружиться
и накроет своим крылом.

* * *

Дорогая, однажды тайком
темной ночью проник я в твой дом.
Целовал тебя — ты улыбалась,
ты спала слишком крепким сном
Или спящей только казалась —
для меня это тайной осталось;

Но я часто думал потом,
что ты спящею притворялась
И боялась признаться в том.

* * *

Я люблю, я сделал чернила,
сделал краску из серебра
И на руку твой образ милый
я нанес острием пера.
По ночам я к портрету милой прижимаюсь,
как к жару костра.
Только это дает мне силы
дотерпеть и дожить до утра.

* * *

Зреет яблоня на пригорке,
греет солнце ее сквозь туман,
Чтоб полить, принесу в ведерке
я воды из реки Иордан.
Буду холить, следить буду зорко,
чтоб мои не пропали труды,
Чтоб случилось однажды на зорьке
мне сорвать дорогие плоды.

* * *

Ты и яблоко, и цветок,
ждал, терпел я, покуда мог,
Но приходит конец терпенью,
нету силы, я сердце сжег.
Твой обман — для меня мученье,
знай: обман — это грех и порок.
И за все твои прегрешенья
от тебя отвернется бог.

* * *

Это яблоко красно-бело,
но рукой его не сорвешь,
Налилось оно и созрело,
но колючки вонзаются в тело,

Даже близко не подойдешь.
Стану воином, выйду я смело,
Обрублю все колючки сплошь.
Зрелый плод пригублю умело,
А потом что с меня возьмешь?

* * *

Горько мне, я горю в огне,
если солнцу сказать обо мне,
Может солнце навек закатиться.
Обо мне расскажите луне —
Если даже с ней что-то случится,
хоть померкнет луна в вышине —
Через месяц она обновится.

* * *

Там старушка живет у нас,
каждый шорох слышит слепая,
Ей еще бы ослепнуть раз
иль оглохнуть, чтобы глухая
Не учуяла бы сейчас,
как мой милый крадется, не зная,
Что старушка живет у нас.

* * *

Чахну, чахну который день я.
Нет в судьбе моей просветленья.
Ты хоть яблочек мне принеси,
перед ложем склонись на колени,
О болезни моей расспроси.
Ты — болезнь моя и мученье,
Ты — и лекарь мой, и лечение,
излечи меня, воскреси!

* * *

Пусть завидуют все кругом:
нынче милый придет в мой дом.
Он придет и в сердце моем
разожжет иль погасит пламя.

Я друзей позову потом,
чтоб они пировали с нами.
Море сделаю я вином,
чаши винные — кораблями,

* * *

Как исправить мне глупость свою?
Полюбил дочь змеи — змею.
Жизнь свою я змее доверил,
яд змеиный теперь я пью.
Я стою у запертой двери,
мать-змея жалит душу мою.
Чем обиду мою измерить?
Жалок тот, кто любит змею.

* * *

Скуп отец твой, жених жесток,
силой взял тебя в свой чертог.
Реки слез соседи пролили,
я — и реку слез, и приток.
Я догнал бы тебя, если мог,
силой обнял тебя разок,
А потом бы мы губы слили
по согласию, видит бог.

* * *

Спой мне песню, о спутник мой,
скрась мне горе в дороге длинной.
Спой про месяц мне молодой,
спой о ратных делах старинных.
Но о милой моей не пой,
хоть ни в чем она не повинна.
Странник я на земле чужой,
а у странников сердце пустынно.

* * *

Боль и радость в сердце моем,
я люблю тебя, дорогую.
Нет нам счастья, давай уйдем

поскорее в страну другую.
Будем жить мы с тобой вдвоем,
позабудем тревогу слепую.
Все оставим: и отчий дом,
и врагов, и молву людскую.

* * *

Уходя, я прошу: «Бога ради,
не забудь завещанье мое,
Вспоминай со слезою во взгляде,
как любил я тебя горячо.
Я с тобою прощаюсь и, глядя
в даль дороги, прошу я еще:
Дай с собою мне краешек пряди,
что упала тебе на плечо».

* * *

Не уедешь ты, это — ложь,
это просто судачат люди.
Лучше в сердце вонзи мне нож,
и никто тебя не осудит.
Если в край ты чужой уйдешь,
все равно ты меня убьешь.
И тогда чей взгляд тебя будет
в грех вводить и бросать тебя в дрожь?
Где такие белые груди
ты на свете еще найдешь?

* * *

Чье легло на меня проклятье?
Должен край родной покидать я.
Выйди, путь мой благослови.
Только год прошу тебя ждать я.
Год молись и меня зови!
Возвращусь я — кинься в объятья,
Не вернусь я — черное платье
сшей себе в знак погибшей любви!

* * *

Что я, глупая, совершила,
проводила, кого любила,
На дорогу сама повела

и ущельям его поручила.
И казалось, черная сила
от меня его оторвала.
Сколько раз я судьбу молила,
чтоб его оградила от зла.
Что я, глупая, сотворила?
Сколько слез я потом пролила!

* * *

Стал ручьем я по воле божьей,
Я по землям чужим бегу.
Я ищу на тебя похожих
и найти никак не могу.
Коль найду — полюблю, быть может,
не найду на своем веку —
Выйду я из тесного ложа,
кровью красною истеку.

* * *

— Мы недавно видели сами,
твой любимый в Алеппо живет.
Он глаза свои сделал весами,
сделал брови свои рычагами,
Белый сахар он продает.
И красавиц, до сахара падких,
Он к лотку своему зовет,
Он за сладость берет то, что сладко,
Поцелуи за сахар берет.

* * *

В плен меня увезли, мой брат,
возвратили, а я не рад.
Здесь в темницу меня поместили,
милрой отдали под пригляд.
На железный замок закрыли,
ключ зарыли, как тайный клад.
Кузнецов на земле ослепили,
ни вперед мне пути, ни назад.

* * *

Не могу я с тобой расстаться,
на пути твоём встану стеной.

Скажешь: «Я не могу остаться», —
и уйдешь, распростишься со мной.
О мой милый, года промчатся,
будет в мире и холод, и зной,
Будет сердце твое сжиматься,
по земле терзаться родной.

* * *

Я выше тучи грозовой,
и не опасна мне стрела.
Не страшен даже молот мне,
перед людьми я как скала.
Поди возьми ливанский кедр,
когда тебе я так мила,
И, словно лук, согни его,
чтоб я тебя любить могла.

* * *

Из дому выйди поскорей
и всю вселенную согрей!
Как будто молнии в ночи
от солнечной груди твоей.
Тобою бредит иерей.
Бежит он прочь от алтарей.
Я сам забыл родимый дом,
тоскуя у твоих дверей.

* * *

Как только родилась любовь,
она вошла в меня, и вот
Во всей вселенной разлилась,
всех побеждая в свой черед.
В душе моей любовь с тех пор
воздвигла вечный свой оплот,
Любовь хотела слез моих,
не слезы — кровь из глаз течет,

* * *

Всем сердцем, всей моей душой
услышал я во сне:

Ночная птица про любовь
запела в тишине.
И сердце дрогнуло в груди.
Казалось, при луне
Моя любимая поет,
узнав, как больно мне.

* * *

Краснеет облако вдали
от солнечных лучей,
И мне ли, грешной, не краснеть,
вкусив любви твоей!
Прельщать не нужно мне других.
Ты — свет моих очей.
Чем горячей моя любовь,
тем слезы горячей.

* * *

Я ночью был не трезв, не пьян,
шагал я ночью наугад
И встретил милую мою.
У милой грудь как будто сад.
Я только руку протянул.
Плоды потрогать был я рад.
Не верьте ей, друзья мои,
я в грабеже не виноват!

* * *

Трепещет сердце от любви,
как одинокий лист в саду.
Как ливень, слезы по щекам.
Попал, безумец, я в беду.
Меня покинула душа.
Из-за тебя я как в аду.
С тобою мы — единая плоть.
Куда я без тебя пойду?

* * *

• Подобна храму грудь твоя,
лампады в нем — твои соски.

Их зажигать бы мне весь век!
Тогда не знал бы я тоски».
«Юнцы, подобные тебе,
от прилежанья далеки.
Мой храм оставишь в темноте
своим обетам вопреки».

* * *

Я, словно ладан, побледнел,
и пожелтел я, как шафран.
Любовь моя и смерть моя!
Сразил меня твой стройный стан.
Мое лекарство — ты одна,
мой эликсир и мой дурман.
Тебя в убийстве обвинят,
когда умру от этих ран.

* * *

Дурнушку вздумал я просить:
«Поцеловала бы меня!»
И подняла дурнушка крик:
«Позорят среди бела дня!»
Кричит красавица в окно:
«К чему пустая болтовня!
Люби красивых, молодец!
Дурнушек бойся, как огня!»

* * *

Уйду куда глаза глядят.
В скитаньях я неутомим.
Не Палестина цель моя,
не Византия и не Рим.
Услышишь, где я, так не верь!
Всегда в дороге пилигрим,
Любые цепи разорвав,
найду я путь к дверям твоим.

* * *

Испепеляют, жгут, палят...
Спасенья нет от этих глаз!

Они разрушить бы могли
до основания Шираз.
Сияет солнце не для тех,
кто в них заглядывал хоть раз.
Дамаск, Алеппо, целый мир
томится по тебе сейчас!

* * *

Тебя всевышний создал бог.
Благословен творец!
Твоим родителям — хвала!
Ты — солнце для сердец.
Всем духовенством осужден
духовный твой отец.
Он запретил тебе любить.
И мне пришел конец.

* * *

Я вышел рано поутру,
и мне в лицо ударил свет —
Луна и солнце заодно.
«Люблю тебя!» — я крикнул вслед.
И, закусив себе губу,
она промолвила в ответ:
«Люби не вслух, а про себя,
чтобы не сплетничал сосед!»

* * *

Отпустишь ли ты мне грехи,
заступник мой, Давид-пророк?
Мой величайший грех — любовь.
Не будь ко мне ты слишком строг!
Когда любимая моя
на твой вступила бы порог,
Днем пел бы ты свои псалмы,
а ночью сам бы с нею лег.

* * *

Эти волосы, брови и взгляд!
Умереть я за них был бы рад.

Пусть тебя лихорадит всю ночь,
если ты не придешь ко мне в сад.
А придешь — и щекою к щеке
я прильну, чтоб печали помочь,
Чтоб дыханье твое ощутить
у себя на душе в эту ночь.

* * *

Я — очи, а ты — мой свет,
что без света очи узрят?
Я — рыба, а ты — ручей,
как же рыбе жить без ручья?
Но рыба в любом ручье
будет жить, была бы вода,
А если вдруг нас с тобой
разлучат — умру без тебя.

* * *

Взошла со звездой луна,
чтоб на небе ночью сиять.
Красавицу обнял я,
в щечки стал ее целовать.
И молвил тогда Творец:
«Бойся милую потерять,
Под этой луной таких
двух красавиц мне не создать».

* * *

По улице шел я раз,
вижу — дверь распахнута в дом,
Решил заглянуть — смотрю:
моя милая за столом,
Стоит на столе, пенясь,
пред любимой чаша с вином, —
О, выпей ее до дна,
Я тогда признаюсь во всем.

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСИ

**Памятная запись XIV века,
принадлежащая переписчику библии Мхитару Анеци**

С надеждой буду я молиться —
Пусть, господи, мой век продлится,
Пока сей труд не завершит
Его последняя страница.

Аваг¹ дозволил украшенья —
Хораны², буквицы, тисненья —
Мне на листах расположить
По собственному разуменью.

Чтоб на поверхность переплета
Легла узором позолота,
Чтоб жизнь ничтожную мою
Увековечила работа,

Когда-то я не знал печали,
Меня грехи одолевали.
Был молод, мысли о душе
Мой грешный ум не занимали.

Теперь, когда дряхлеет тело
И даже зренье помутнело, —
Я взялся за великий труд
И, помолившись, начал дело.

Сей труд нелегкий, но прекрасный
Не терпит суеты напрасной,

1. Аваг — заказчик рукописи.

2. Хоран — миниатюрное украшение в начале рукописных евангелий.

И требует терпенья он
Вдали от суетности праздной.

За труд сей взялся непомерный
Я, скудомудрый, неусердный,
Повинный в мерзости мирской,
Запятнанный земною скверной.

Но мне, познавшему сомненье,
Святое было озаренье:
Бездетный старец, понял я —
Лишь в сем труде мое продленье.

Святая братия достанет
Мой труд, когда меня не станет,
Укором или же хвалой,
Несчастливого, меня помянет.

Я умоляю: ради бога,
Суди, читающий, не строго,
Хоть, может быть, в труде моем
Помарок и ошибок много.

Свой долг я исполнял с любовью.
И ты не подвергай злословью
Труд безымянного писца,
Писавшего своею кровью.

Читающий пусть не смеется
Ошибке, что в строках найдется,
Пусть он заглянет в душу мне
И в сердце, что уже не бьется.

Я дряхл, дрожит моя десница.
Смерть в келию мою стучится.
И мучает меня печаль,
Что этот труд не завершится.

О боже, прояви заботу,
Продли мой век, ускорь работу.
Преодолеть мне помоги
Недуг мой и мою дремоту.

Я чувствую: уходит сила,
Жара мне тело разморила,

И вьются мухи надо мной,
И сохнут в пузырьке чернила.

Мой труд я совершал любовно,
Лишь немощь старика виновна
В том, что дрожит моя рука,
В том, что строка лежит неровно.

Я чуда жду и озаренья.
Вернется ль мне бывшее зренье
Хотя б на миг, чтоб увидеть
Моей работы завершенье.

Я слаб, мне все дается трудно.
Но все ж надеюсь я подспудно,
Что приведу я к берегам
Свое ветшающее судно.

Моли, о дева пресвятая,
Моя заступница благая,
Чтобы исполнил Иисус
То, что прошу я, умирая.

**Памятная запись XIV века,
принадлежащая переписчику Овану**

Кровью горячею сердце облилось,
Перед глазами все вдруг помутилось.
Сына любимого смерть унесла,
Кара господня над нами свершилась!

Видимо, были мои прегрешенья
Слишком велики, и вот — искупленье.
Сын мой любимый — в холодной земле,
Той, по которой хожу я в смятенье.

Сын мой — мое утешенье земное,
Очи застлало твои пеленою,
Голос поныне мне слышится твой,
Будто живой ты стоишь предо мною!

Сын мой любимый ночами мне снится.
Мне он свою простирает десницу.
Господи боже, прости мне мой грех, —
С волей твоей не могу примириться.

Памятная запись XV века

Пусть возопит истошный глас
О том, как попирают нас,
Как безграничны наши беды,
Как нас господь обрек страдать,
Как в руки чужеземцев предал,
Пустил на нас чужую рать;
Как храмы наши оскверняют,
Как духовенство унижают,
Как зажимают нам уста,
Как милосердного Христа
Вновь нечестивцы распинают.

Но, попираемы врагами
И злобно втоптанные в грязь,
Не престаем грешить мы сами,
Господня гнева не страшась.
Мы грешники, и не за то ли,
Прельстившихся стезею зла,
Всеprawедная божья воля
Нас на погибель обрекла?

И, христиане, горсткой праха
Мы стали, мы идем во мглу
По злобой воле падишаха
Хасана-Бека Ак-Кюндлу.
Явились сборщики налога,
Не почитающие бога,
Пришли, чтоб с каждой взять души
Сколь можно серебра иль злата,
А с тех из нас, что небогаты,
Содрать хоть медные гроши.
Святыни наши осквернили.
Нас знаком синим заклеили,
Хараджем обложили всех,
И подчинили нас жестоко
Законам своего пророка
И наши ввергли души в грех!

Всего мы лишены сегодня:
В церквах армянских городов
Умолкнул звон колоколов —
Предвестие суда господня.

Господь нас, грешных, покарал,
Насильников в наш край наслал,

Несчастных, ввергнул нас в беду,
От своего отринул лона
В злосчастном нынешнем году,
Что под созвездьем Скорпиона.

Мучитель наш, султан Хасан,
Горазд в деяньях беззаконных,
Собрал, повел на Гуржистан¹
Сто тысяч пеших войск и конных.

Тепхис² в руины превратил,
Разрушил все, что было свято,
Изгнал правителя Баграта
И кровь обильную пролил.

И пали каменные стены.
Всех бед людских не описать.
И никому не сосчитать
Замученных и убиенных.

1. Гуржистан – Грузия.

2. Тепхис – Тифлис (ныне Тбилиси).

«АДАМОВА КНИГА»

(Из главы II)

Об убранстве прародителей и рая

Как описать мне прелесть рая?
Не может быть прекрасней края.
Как солнце и луна сверкая,
Цветок там каждый расцветал.

Лицо Адамово лучилось,
В нем отражалась божья милость,
Оно сверкало и светилося,
И райский свет на нем играл.

Оно сияньем озарялось;
В нем солнце так преображалось,
Что солнцем и лицо казалось.
Бессмертья свет на нем блистал.

Адам, сияньем осененный,
Был неземным ростком зеленым.
Он был цветком новорожденным,
Он свет бессмертья источал.

Своим блаженством восхищенный,
Душой и мыслью просветленный,
Как на свету алмаз граненый,
Сияньем божьим он сиял.

Под сенью райского предела
Сливался свет души и тела,
Душа сияньем пламенела,
И свет сей тело озарял.

Над ним господь был вездесущий,
Под ним шумели рая кущи,
Глядел Адам на мир цветущий
И божью милость восславлял.

Благоуханную обитель
Оглядывал наш прародитель.
Он, опьяненный райский житель,
Благие запахи вдыхал.

Он любовался этим краем,
Он пел, он упивался раем.
Что сам он был неувядаем,
Наш прародитель понимал.

Он к божьей славе приобщался,
Любви сияньем упивался,
Восторг его из сердца рвался
И благодарностью звучал.

Сияли чудным озареньем
Творец и тот, кто был твореньем.
Над каждой тварью и растеньем
Дух целомудрия витал.

Цветы, казалось, пламенели;
И сонмы ангельские пели,
Они пьянили и пьянели,
Сливаясь в радостный хорал.

И может, божеская милость
В том благодатно проявилась,
Что самому Адаму мнилось:
И он сиянье излучал.

Сомненьем поздним не тревожим,
Адам на бога был похожим,
И, будучи подобьем божьим,
В себе он бога ощущал.

**Плач о неизбежной кончине,
о пути души и борьбе ее со злыми духами
(Из главы V)**

Не избежать и мне сего удела:
Душа моя отринется от тела
И пустится в тот страшный, без предела
Далекий путь неведомо куда.

Обступят душу сонмы бесов разных,
Ужасных сутью, ликом безобразных,
Еще страшней сомнений тех опасных,
Что бесы мне внушали иногда.

Душа моя окажется в их власти,
Сулящей ей лишь беды и напасти,
И душу раздерут мою на части,
Чтоб ей пропасть, исчезнуть без следа.

Те бесы с адской злобою во взгляде
Начнут огонь вздуть и крючья ладить,
Кружиться станут спереди и сзади,
Повсюду — слева, справа — вот беда!

В том мире тесном, мире помрачевшем
Придется худо душам отлетевшим,
Стыдом отягощенным, многогрешным,
Не ждавшим в жизни Страшного суда.

И, проявив бесовское старанье,
Припомнят бесы все мои деянья
И станут мне готовить наказание,
Для коего и брошен я сюда.

Но перед тем, как дьявол завладеет
Моей душой, как телом Моисея,
Быть может, скажет ангел, мрак рассея:
«Господь его прощает навсегда!»

Молитва

Горы в цветах — волшебный цвет,
Как фимнам, цветов привет;
Так ярко льешь ты славы свет,
Белей тебя и снега нет.

* * *

Дух мирры ты, ты дух цветов,
Ты слаще всех земных плодов.
Ты розы куст, что без шипов,
Любви побег, что цвести готов.

* * *

О яр, узрев твою красу,
Как лилия, я расцвету,
Зажгусь огнем я весь в свету,
Паду без чувств я в пустоту.

* * *

Заря любви и благодать,
Позволь в уста поцеловать.
Где будешь ты благоухать,
Хочу тебя сопровождать.

* * *

Любовью полн, меня лобзай,
Хотя б одно лобзанье дай,
Чтобы душе открылся рай.
Вино груди твоей вливай.

* * *

Меня белит, как горы снег,
С тех пор как я — причастник нег,
Душа моя, ликуй вовек.
Роса бежит с открытых век.

* * *

Не знают сна мои глаза,
Как грянула любви гроза,
Я землю ем, как хлеб, грызя.
Водою служит мне слеза.

* * *

О, только в сад я твой вошел,
Как древо там твое нашел,
Вкусив плоды, я в нем обрел,
Усладу дум средь дальних дол.

* * *

Пошли, о нард, пошли шафран,
В нем аромат священный дан,
Чтоб я был светом осиян
И вечно б был ты духом пьян.

* * *

Рыскающий зверь, в полях брожу
И все цветка не нахожу.
Пускай твой лик я услежу,
Чтоб душу усмирить свою.

* * *

Томлюсь я ночь, и сна мне нет,
Спокойствия пропал и след.
Владеет мной безумный бред,
Я страстью полн к тебе, о свет.

* * *

Уединен и замкнут сад,
Где ты цветешь среди оград,
О дивный лик, я сотни крат
Твоим лобзаньям был бы рад.

* * *

Хоть обхожу я белый свет,
Котлом киплю в течение лет.
Тобою полн, небесный свет,
И все любви исхода нет.

* * *

Что пламенем, я весь сожжен,
Тоской к тебе изнеможен.
Пускай потоп опять решен, —
Огня залить не в силах он.

* * *

Шумя огнем, велит мне страсть
Лобзаний тех изведать власть.
О, дай к груди твоей припасть,
Где молока и меда сласть.

* * *

Щедрот твоих мы все хотим,
Раскрыв сердца, мы все стоим, —
Когда ж себя мы предадим
Лобзаниям живым твоим?

* * *

Я жертвой стал любви меча,
Расплавился я, как свеча,
Я изнемог, цветку крича:
«Возьми любовь, что горяча!»

* * *

Эдемскую взрывая тишь,
Зову: «Меня ль любви лишишь?
Ты к славе слав еще взлетишь,
Коль страсть мою ты утолишь».

ОВАНЕС ТЛКУРАНЦИ

Песня любви

В сиянии сидела ты
Подобной солнцу красоты;
Похожа на прекрасный сад,
Где роз и лилий аромат
Цветы лучистые струят.

Твой взор — как гладь морских валов,
А брови — сумрак облаков;
Меж тонких губ ряды зубов
Блестят, как нити жемчугов.

Монахи, встретившись с тобой,
О книге позабыв святой,
Дрожат всем телом в летний зной,
Зима ж им кажется весной.

С тобой вступить могу ль я в спор?
Любовью твердь ты плавишь гор,
Ты крепостей крушишь затвор,
Ты скалы мчишь в морской простор.

Безумец бедный, Ованес!
Ты пел златой ковчег чудес,
Чтоб, по суду благих небес,
Червь тело грыз, а душу — бес!

Не убей меня, любовь

Ты пышный цветник, ты, как роза, горда.
Глаза — морей опьяненных вода.

Грудь — сад плодовый. Скрыться куда?
Ты грозный судья, и жду я суда.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

Сильнее креста твоя благодать,
Я сил не найду с тобой совладать.
Земля ты иль пламя? Рядом сядь.
Я болен — и вот здоров я опять.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

И стыд позабыт. Священник, монах,
И вам не спастись — настигнет впотьмах,
Нарушит ваш сон любовь. Где же страх?
Смеется, злословит народ — все прах.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

О, ты молоко, и миндаль, и мед.
Пускай острый шип глаза разорвет
Тому, кто тебя не чтит. О разлет
Бровей! Кипарис, пронзающий свод.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

Как бабочка, опален я огнем.
Ты солнечный лик, пылающий днем.
Когда остаюсь с тобой вдвоем,
Дрожу, и смятение в сердце моем.
Любовь, не убей меня.
Не будь палачом!

Я светлый твой лоб сравню со звездой.
Шамам — твоя грудь, эдем золотой.
О яблоки щек, коль сахар со мной,
То и на Мысыр махну я рукой.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

За твой поцелуй отдам Хоросан,
Абаш и Дели, Емен, Индостан.
Цена твоих кос — Китай и Яздан,
Стамбул и Хата — все обилие стран.
О Тлкуранци, все сказал ты пока,
Ведь ум твой легче крыла мотылька.

Песня Ованеса о любви

Я гибну! Сжался надо мной! Любовь сказала: умирай!
Возьми же заступ золотой и мне могилу ископай,
Пусть на костре сожгут меня: душа, стена, взлетит огнем.
Кто не знавал сего огня? И сушь, и зелень гибнет в нем.
Мой бедный прах вином омыв, пускай певец над ним
споет,
Как в саван, в листья положив, в саду весеннем погребет.
Жестокая! Глаза твои учить могли бы палачей,
Ты всех влечешь в тюрьму любви, и бойня — камни
перед ней!
О! сердце ты мое сожгла, чтоб углем брови подвести.
О! кровь мою ты пролила, чтоб алый сок для ног найти,
Кидайте яблоки в меня! — я нежным ранен языком,
Я пленник твой! Мой дух, пьяня, ты поишь сладостным
вином.
Мне нынче ночью снился сон, что на куски я разнесен:
Зверье сосало кровь мою, мой труп достался воронью.
Льва надо мной зияла пасть; и все струилась кровь моя...
Твоя искала крови страсть, — являйся, жажды не тая.
Землей, что топчет удалец, клянусь: во мне душа — одна!
Меня сожгла ты! наконец, пей кровь мою взамен вина!
С моей главы на сердце вдруг упали клубы черных туч.
Желчь разлилась, туман вокруг, а слез поток — кровав
и жгуч.
Мы ели за одним столом, из кубка пили одного,
Садись вместе, шли вдвоем, ах! что осталось от того!
Свои слова и свой обет ты помнишь? Им свидетель — бог!
Теперь меж нами связи нет, все зложелатель превозмог.
За зло пусть бог заплатит злом, чтоб враг мог зло свое
испытть,
И добрым пусть воздаст добром, чтоб вновь вдвоем
с тобой нам быть.
Да мне укажет бог пути! Деревья зацветут в лесах,
И древу сердца вновь цвести, и вновь пернатым петь
в ветвях!
Безумный Ованес! терпи, работай, полно унывать!
Надеждой твердой дух крепи: она придет вновь
целовать!

* * *

Земля подобна раю стала
По мановению творца,

Чьей благодати нет конца,
Чьей благодати нет начала.

Коснулась божия рука
Листа, и ветви, и цветка,
В горах замерзшая река
Оттаяла и зажурчала.

Идут коровы со двора,
Пастись в лугах пришла пора.
Резвится, пляшет детвора,
Как ей по возрасту пристало.

Юнцы влюбленные стоят,
Вослед красавицам глядят,
Но те не ловят жаркий взгляд,
Не смотрят на кого попало.

Вернулись птицы в свой приют
И хлопотливо гнезда вьют.
И, завершая тяжкий труд,
Они поют свои хоралы.

Вновь прилетели в отчий край
И соловей, и попугай,
И, превращая землю в рай,
Их песнопенье зазвучало.

Простор лугов и склоны гор
Покрыл затейливый узор —
Раскинулся цветов ковер,
И вся земля возликовала.

Расцвел нарцисс, как добрый знак,
Короной возгордился мак,
И орхидея белый стяг
Ввысь подняла и засияла.

Вот тубероза средь лилей
Стоит, других цветов мудрей,
Поскольку мудростью своей
Больных проказой исцеляла.

Расцвел весь мир, как вешний сад,
И всяк живущий в мире рад,

Все господа благодарят:
Его глагол — всему начало.

Не счесть его благих щедрот,
И зреет всякий сладкий плод,
Обилье вишен ветку гнет,
Склонясь, она к земле припала.

Кизила ягоды горят,
Каштаны зрелые висят,
И соком налился гранат,
И зреют груши небывало.

И, словно поздняя трава,
Желтеет на ветвях айва,
Отяжелели деревья,
И много персиков опало.

Но сходит все в краях земных.
И вот в садах полупустых
Нет абрикосов золотых,
И фиников, и яблок мало.

Куда ни глянь — пустеет сад,
Но созревает виноград,
Чья сладость слаще всех услад
В раю Адама искушала.

Поднесший виноград к устам,
Из рая изгнан был Адам, —
Но сладость винограда нам
Блаженство рая даровала.

И вот уже сады пусты.
Где нынче листья, где цветы?
Былой не видно красоты,
Листва пожухла и опала.

Страдают птицы без вины,
Что в дальний край лететь должны.
Не всем дождаться им весны,
Чтоб снова все начать сначала.

А осень оставляет нам
Сады — как опустелый храм;
Они подобны старикам:
Что отцвело, того не стало.

Коль не было б мужей...

Коль не было б мужей, что грешных нас
Предостеречь хотят святым писаньем, —
Смерть и без них была бы всякий раз
Остереженьем и напominаньем.

Дотянется до всех ее рука,
До полководца и до властелина,
До богатея и до бедняка;
Ты схимник или царь — ей все едино.

Я видел покорителей земли,
Но ведал я: их слава быстротечна;
И в час назначенный они ушли,
Взяв лишь одну сажень земли навечно.

И тот, кто тело ходил много лет,
Тот, кто себя умащивал до лоска,
Ушел навечно, и его скелет
Лежит в могиле на подгнивших досках.

Я видел многих богачей, скупых,
В чьи сундуки текли златые реки,
Но даже им всего два золотых
В дорогу дали, положив на веки.

Твердил владыка: «Есмь я Соломон!»
Была блестящей жизнь его и длинной,
Но эта жизнь окончилась, и он
Стал под землею пищей муравьиной.

Не одного я видел удальца, —
Теперь они давно лежат в могилах,
И даже муравья согнать с лица,
Ходившие на львов, они не в силах.

Красивы, юны были женихи,
Стройны невесты были и невинны.
Краса поблекла их, и пауки
В гробах забытых свили паутины.

Единый в мире властвует закон:
Все, что на свет рождается, — умирает.
И если ты рассудком наделен,
Тебе об этом помнить не мешает.

К смерти

Лишь о тебе помыслю, смерть, в душе тоска.
Всего ты горче, пред тобой — желчь не горька!
Ты горче горького! лишь ты — к себе близка!
Пусть горче ад: в него влечет — твоя рука!

Ты мстишь Адамовым сынам, ведешь их в ад;
Ты — наказание за грехи, за райский сад.
Давида с Моисеем ты берешь подряд;
Взят Авраам, и Исаак под землю взят;
Тобой низвергнут Константин и Тиридат¹.
Тебя и тысячи врагов не устрашат.

Шесть панцирей надень, их все — твой дрот пробьет;
В тюрьму всех бросишь и скалой завалишь вход.
Ты — тот орел безмернокрыл, чей мощен лет,
И волочит концами крыл он весь народ.
Блажен, кого в добре найдет его черед,
Но схваченных во зле — в огонь твой взмах метнет!

О, Тлкуранский Ованес! ты учишь всех,
И семь десятков лет ты сам ласкаешь грех!

1. Тиридат — армянский царь (298–330)

О жадности

От века и до наших дней любому злу в судьбе земной
Тупая жадность — лишь она — была единственной виной.

«У жадного и бога нет, — апостол говорит святой. —
Того он бога признает, под чьей находится пятой».

Он — хищный волк. Его закон: людскую кровь пускать
рекой.
Он пьет, но кровью никогда не насыщается людской.

Хоть и богат, и властен он, но по природе он такой:
Всех обездолить норовит, все захватить своей рукой.

Всё, всё — и войны, и тоска, и зависть, и ночной разбой,
Прделки шайки воровской — все из-за жадности
людской.

Клятвопреступники, лжецы, кричащие наперебой,
От веры отошли святой — все из-за жадности людской.

Один болтается в петле, другой сидит в тюрьме сырой,
А те пропали с головой — все из-за жадности людской.

Цари садятся на коней, цари воюют меж собой,
Гоня покорных на убой, — все из-за жадности людской.

Чтоб увести народы в плен, проходят вихрем над страной,
Равняют города с землей, — все из-за жадности людской.

Один поднялся на отца, братоубийцей стал другой,
У них святое под ногой — все из-за жадности людской.

В католикосы лезет всяк, кто в беззаконии — герой,
Пролез в епископы иной — все из-за жадности людской.

С епископом развратник пьет — и властью наделен мирской
За мзду монетой золотой — все из-за жадности людской.

Архимандритов новых рой во всем плетется за толпой,
В прилавок превратив налож, — все из-за жадности людской.

Монахи, бросив монастырь, по селам шляются толпой:
Забудь молитвы! Песни пой! — все из-за жадности людской.

И иереи — за дубье! Тот — с окровавленной щекой,
А тот — с припухнувшей губой — все из-за жадности
людской.

Нагаш, ты — пленник суеты, следи всечасно за собой;
Немало всяческих грехов и ты имеешь, как любой.

Плач об умерших

Счел господь нас достойными кары,
Тяжки божьей десницы удары,
Смерть забыла — кто юный, кто старый,
Полыхают повсюду пожары.

Ах, как жаль, что пришло это горе, —
Разлученным не свидеться вскоре.
Гибнут юноши, тонут, как в море,
Стынут слезы у женщин во взоре.

Ангел смерти мечом своим длинным
Сносит головы жертвам невинным,
А они как цветы по долинам...
Стонет мать над загубленным сыном.

Кто опишет несчастья эти?
Худших зол не бывало на свете,
На порогах родительских дети
За ничто погибают в расцвете.

Войте, жалуйтесь: днесь и вовеки
Надо зло умертвить в человеке,
Плачут горы, деревья и реки,
Мудрецы на земле что калеки.

Пали воины — цвет молодежи,
Те, кого обожали до дрожи,
Те, чьи брови на арки похожи,
Огнеглазые в куртках из кожи.

И диаконы, что ежечасно
Пели богу хвалу сладкогласно,
Смерть вкусили. Роптанье напрасно,
Лишь в могиле лежать безопасно.

Страшный суд совершается ныне,
Но заступника нет и в помине...
Черный ангел уносится в дыме
С новобрачными, а не седыми.

Некий юноша, шедший на муку,
Плакал, с жизнью предвидя разлуку,
Был бы рад он хоть слову, хоть звуку,
Но никто не подал ему руку.

И сказал он: «Тоска меня гложет,
Смерть состарить до срока не может,
Я — зеленая ветка, быть может,
Кто-нибудь уцелеть мне поможет.

Мне не в пору могила-темница,
Сто забот в моем сердце теснится,
Сто желаний запретных толпится,
Лучше б дома мне в щелку забиться!»

И к отцу он воззвал: «Ради бога,
Помоги мне прожить хоть немного,
Мне неведома жизни дорога.
Злая смерть сторожит у порога!»

Горько молвил отец: «Вот беда-то, —
Ни скотины на выкуп, ни злата;
Мог себя запродавать я когда-то,
Но за старца дадут небогато».

И, подобно другим обреченным,
Сын свалился на землю со стоном:
Вспомнил детство, свечу пред амвоном,
Вспомнил солнце, что было зеленым...

И глаза его скорбь угасила,
И исчезла из рук его сила,

И лицо, словно маска, застыло,
Неизбежною стала могила.

Тут и молвил он: «Отче и братья,
Лишь молитвы могу с собой взять я,
Умоляйте же все без изъятья,
Чтоб господь растворил мне объятья».

А потом, отдышавшись немного,
Стал просить он служителей бога;
«Помолитесь и вы, чтоб дорога
Довела до господня порога!»

Я, епископ Нагаш, раб единой,
Видел сам все страданья Мердина,
Слышал сам его жителей стоны,
Шел сквозь город, в печаль погруженный.

По большому армянскому счету,
Год стоит у нас девятисотый.
Приказал я молиться причету,
Позабыл про иные заботы.

Пожалей наших мертвых, Мария,
Шлю мольбы от зари до зари я,
Рай открой им, спаси их от змия,
Лишь молиться мы можем, Мария!

АРАКЕЛ БАГИШЕЦИ

Песня о розе и соловье

Песнь изумительную вы услышите сейчас,
И телу, и душе она готовит радость в нас.
Я буду славить соловья, чей так приятен глас,
И розу, чей цветной убор так сладостен для глаз.

Так молвит розе соловей: «Влечешь меня лишь ты!
Знай: я тебя люблю: ты — храм любви и красоты!
Должна в тебя сойти любовь святая с высоты;
Твоей любовью расцветут по всей земле цветы».

Так молвит роза соловью: «О дивный соловей!
Как счастлива, в душе моей, я от твоих речей;
Но ты летаешь высоко, я — вечно средь полей:
Я слить могу ль свою любовь с любовью твоей».

Так молвит розе соловей: «Внемли, что я пою:
Чтоб сердце поняло твое до дна любовь мою,
Я, красоту твою ценя, с небес росу пролью,
С моей любовью ты сольешь тогда любовь свою».

Так молвит роза соловью и это говорит:
«Боюсь, что молния с небес ко мне с росой слетит,
Что яркость лепестков моих то пламя опалит
И станет на смех всем цветам мой искаженный вид».

Так молвит розе соловей: «Внемли моим словам,
И неисчерпный ключ любви тогда тебе я дам:
Чтоб чистым и зеленым быть всегда твоим листам,
И ток поящих вод пошлю всем на земле цветам».

Так молвит роза соловью, ее ответ таков:
«Меня не разуверил смысл твоих отважных слов:
Боюсь, что ключ твой потечет водой без берегов,
Что он зальет и унесет красу моих листов».

Так молвит розе соловей: «Хочу я тучей стать,
От солнечных лучей тебя я буду защищать,
И с нежностью в палящий день навесом отенять,
И сладостной своей росой, в часы зари, питать».

Так молвит роза соловью и это говорит:
«Мне страшно, я боюсь, что гром из тучи загремит,
Что лепестки мои, гремя, всех красок он лишит,
И станет на смех всем цветам мой искаженный вид».

Так молвит розе соловей: «Я солнцем стать могу,
Свой заревой, свой нежный свет я для тебя зажгу,
Я красок тысячу твоих любовно сберегу,
И честью всех других цветов ты станешь на лугу».

Так молвит роза соловью: «Так хрупок мой наряд!
Рассветные часы меня пугают и палят;
Боюсь я солнечных лучей: они меня пронзят,
И упадут все лепестки на луг, за рядом ряд».

Так молвит розе соловей, и так поет певец:
«Достойна ты! ты всем цветам — прекраснейший венец;
Что я любовью опьянен, признаюсь наконец!
Тебя зеленой навсегда да сохранит творец!»

Так молвит роза соловью в ответ на песнь певца:
«Твой нежен голос, веселишь ты всех людей сердца,
И песнь на тысячу ладов ты строишь без конца,
Ты — честь и ты — краса всех птиц по милости творца!»

Так молвит розе соловей: «Ты всех лекарство зол,
Кто болен, исцеленье тот в любви к тебе обрел.
Кто страждет и еще к тебе за благом не пришел, —
Томим раскаяньем, что он спасенья не нашел».

Так молвит роза соловью: «О дивный соловей!
Откуда песнь твоя, что всех певучей и сильней?
Я в умиление от твоих властительных речей.
Наверно, равного тебе нет во вселенной всей».

Так молвит розе соловей: «Есть царь, что надо мной,
Дарует всем цветам дары он щедрою рукой,

И если жаждешь ты узреть его перед собой —
Прославлена в века веков ты будешь всей землей!»

Так молвит роза соловью: «Я завистью полна!
Служить ему — тебе судьба бесценная дана!
Да, если осыпал тебя он милостью сполна,
Понятно мне, я почему томилась здесь одна!»

Так молвит розе соловей, и вот его ответ:
«Когда всем сердцем примешь ты мой радостный обет,
Тебя, и телом, и душой, прославит целый свет,
И, как рабы, все будут чтить твой непорочный цвет».

Так молвит роза соловью: «Спешь мне все открыть!
Я вся желанием горю — твои слова испытать!
Что есть на сердце, ничего не должен ты таить,
Когда любовью меня ты хочешь покорить!»

Так молвит розе соловей: «Несу благую весть:
Рабою быть царя — твоя достойнейшая честь!
Начнут тебя превозносить все птицы, сколько есть,
И песен про тебя спою я столько, что не счесть!»

Так молвит роза соловью: «Тебя благодарю:
Служить желаю всей душой подобному царю,
Но пред величием его я радостью горю.
Чем я пленю его и что ему я подарю?»

Так молвит розе соловей: «Тебе я бодрость дам.
Узнай, что снизойти к тебе сей царь желает сам.
Ты в радости безмерной верь божественным мечтам,
Затем, что будешь ты его — нерукотворный храм!»

Тот соловей, краса всех птиц, — архангел Гавриил,
И богоматерь — роза та, святее всех святых,
И царь тот — Иисус Христос, владыка вышних сил,
В бессмертной розе воплотись, он к людям нисходил.

Все это, полн земных грехов, писал я, Аракел,
Так соловья и розу я, как только мог, воспел;
А Гавриила в соловье изобразить хотел,
Марию — в розе и Христа — в царе, как я умел.

И всех молю я ныне, кто мои стихи прочтет,
И всех, кто на веселый лад иль нежный их сплет:
Да богу имя он мое в молитве назовет,
И за молитву ту господь к нему да снизойдет.

Горе несчастному мне

Я по кладбищу бродил нынешним утром унылым
И увидал средь могил свежую чью-то могилу.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

В этой могиле лежал юноша, мне неизвестный.
«Прочь уходи, — я сказал, — юным в могиле не место».
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

И отвечал мне мертвец — юноша некогда славный:
«Был я, как ты, о глупец, ветреным в жизни недавней.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Пил я, бывало, и ел, думал о вечности мало,
Да невзначай заболел; все, чем владел я, — пропало.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Даже средь белого дня, слабый, не видел я света;
Хоть вопрошали меня, не было сил для ответа.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Я навсегда опустил руки, что сильными были.
Сладкоречивым я был, замер язык мой в бессилье.
Горе, несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Видя, что я занемог, плакали сестры и братья.
Им, умирая, не мог внятного слова сказать я.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Близкие люди пришли, чем-то помочь мне хотели,
Но удержать не смогли дух мой в слабеющем теле.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Стали мне саван кроить и торопить погребенье,
Чтоб я не начал смердеть, делали мне омовенья.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Перстень и в ухе серьга были при жизни — их сняли,
Как после битвы врага, братья меня обообрали.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Взяли меня, понесли к этой унылой ограде,
Близкие следом пошли, плача о скорбной утрате.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Короток был, как всегда, грустный обряд погребенья.
Так и попал я сюда, мерзким червям на съеденье.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Крат мой, он лжив, этот свет, бrenно блаженство земное,
Сколько б ни прожил ты лет, ляжешь ты рядом со мною.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Путь освети свой добром, благом, свершенным сегодня,
Чтоб, оскверненный грехом, ты не горел в преисподней.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Кайся до смертного дня — он, хоть не ждешь, а настанет,
Брат мой, тебя, как меня, пусть сатана не обманет.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Поторопись, вознеси матери божьей моленья.
Господа ты упроси, чтоб даровал он прощенье.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Жалкий глупец Керовбе, праздных речей опасайся,
Смерть предстоит и тебе, кайся при жизни, спасайся.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Добрых ты дел не творил, ты суесловил, бывало.
Славу мирскую любил, ту, что в геенну толкала.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!»

ГРИГОРИС АХТАМАРЦИ

Песня

Весна пришла! весна пришла! сады — в убранстве роз.
И горлинка, и соловей поют, поют до слез,
Горя любовью к цветку, что краше всех возрос,
Чей в зелени румяный лик влечет бессчетность грез!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои — что сон!

О, солнце! о, луна! звезда, встающая с зарей!
Венера, льющая огонь лучистый и живой!
О, ослепительный алмаз! о, жемчуг дорогой!
Пурпуровый цветок в саду! фиалка в мгле лесной!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои — что сон!

Ты — светлый вяз! лилея ты, чей стебель благоухай!
На пыльной людной площади зеленый ты фонтан!
Что град Катай! что весь Китай! что славный Хорасан!
Они — ничто перед тобой, и я любовью пьян!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои — что сон!

Дух бальзамический струят персты, белей, чем снег.
Ты — сладкий сахар! ты — миндаль! ты — ладана ковчег!
Ты — свежий, сладостный цветник, сад, полный вешних нег!
Ты — красный яблок, а к нему зеленый льнет побег!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои что сон!

Ты — багрянеющий топаз! сверкающий рубин!
Ты — беспорочный изумруд! цветной аквамарин!
Ты — перл, обточенный волной на дне морских глубин,
Отважным добытый пловцом из сумрачных пучин!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
И опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
И опьянен! я опьянен! все дни мои что сон!

Ты — нунуфар!¹ ты — базилик, цветущий долгий срок!
Ты — мирта! нежный бальзамин! ты — лилии цветок!
Ты — гамаспюр, в садах весны пустивший свой росток!
Ты — лавр, из коего плетут в земном раю венок!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои что сон!

Ты — деревцо, где без плодов зеленой ветки нет!
Ты — пальма в почках без конца, ты — пальмы первоцвет!
Ты — лес, что острым запахом цветов и трав согрет!
Ты — роза и фиалка, ты — над морем алый свет!

М опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои что сон!

Ты из миндальных деревцов роскошный, пышный сад!
Ты — запах амбры! мускус — ты! ты — дивный аромат!
Ты — апельсиновых цветов душистее стократ!
Ты — кипарис, и ты — платан! ты — кедр, шатер услад!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои что сон!

О, гамаспюр ты, что, цветя, не вянешь никогда!
О, эликсир ты, что целишь все скорби без следа!
Прекрасная! будь, как миндаль, зеленой навсегда,
Чтоб видели красу твою мы долгие года!

1. Нунуфар — кувшинка.

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои что сон!

Да льются милости творца вокруг тебя дождем!
Да осеняет он тебя всегда святым крестом!
Да направляет он тебя везде прямым путем!
Да будешь ты охранена от всяких зол отцом!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои что сон!

О, чудный образ! ты вовек — прекрасна и чиста!
Как ангелы, сияньем ты небесным облита!
Твой рот — божественный алтарь и фимиам — уста.
А зубы — нити жемчугов, и вся ты — Красота!

Я опьянен! я опьянен! любовью опьянен!
Я опьянен! я опьянен! при солнце взят в полон!
Я опьянен! я опьянен! все дни мои что сон!

Песнь о розе и соловье

Когда исчезла роза, в сад явился соловей,
Узрев ее шатер пустым, затосковал по ней,
Всех спрашивал, не находя возлюбленной своей,
В ночи взывал, за часом час плачевней и грустней.

«О сад, с тобой я говорю! Дай мне, о сад, ответ!
Ты розы не берег моей, любимой розы нет.
Главы, царицы всех цветов, увы, пропал и след,
Чей был бессмертен аромат, чей был прекрасен цвет!

Так рухнет пусть твоя стена и распадешься ты;
Засохнут пусть твоих деревьев и ветки, и листы,
Пусть топчет всякая нога просторы пустоты,
Исчезнут злаки, и трава, и корни, и кусты.

«Обильноводный, не теки, — я говорю ручью, —
Стряхните, деревья, листву зеленую свою!»,
Я, без смущенья, говорю, отчетливо пою:
Достойнейшую унесли любимицу мою.

Ах, розу унесли мою, и ныне я уныл,
Отняли свет очей моих, и мрак меня стеснил,

Я плачу и при свете дня и при лучах светил,
Моей привычкой стала грусть, в душе нет прежних сил.

То надо мною учинил садовник, может быть:
Он розу от меня унес, чтоб боль мне причинить.
Ее мне больше не видать! рабу, мне как же быть?
На грусть веселый свой напев я должен изменить.

Боюсь, быть может, ветер встал, суровый, страшный, злой,
И листья розы оттого увяли под грозой.
Иль дуновением ее палящий солнца зной
Жег и розу омертвил с непрочной красотой.

Иль, мне завидуя, цветы свершили это все,
Похитив, тайно унесли все счастье мое.
Иль сильный град на розу пал, из туч, как лезвие,
Сразив жестоко, от куста отрезал он ее*,

Одно в ответ цветы гласят на много голосов:
«Где роза спрятана, об том — нет вести у цветов,
Утеха мы тебе, певец — на тысячу ладов,
И каждый все тебе из нас пересказать готов».

На крыльях в воздух соловей взлетел на этот раз,
Подумал: «Расспрошу у птиц я обо всем сейчас.
Что знают, пусть об том скорей мне сообщат рассказ,
А то, как море, хлынет ток слез у меня из глаз».

«Вы знаете ль, свершилось что? О птицы, к вам вопрос.
Из сада розу унесли, чистейшую из роз!
Не знаете ль, куда ушла иль кто ее унес?
Вы, может, видели ее иль весть вам кто принес?»

А те в ответ: «Создатель бог то ведает лишь сам,
Лишь он один читает все, что скрыто по сердцам.
Иди, лети, ищи ее ты по другим местам,
Но розы не видали мы, господь свидетель нам».

И огорчился соловей, сказал: «Куда пойду!
Ведь до рассвета я всю ночь терзаюсь, как в бреду.
Мне страшно, что без розы вдруг я смерть свою найду,
Тоскуя, с розой разлучен, в могилу я сойду.

Хотя б, без розы, дали мне весь мировой простор,
Все будет жалким для меня, презренный, лишний вздор!
Пусть песнопевцы мне поют и с музыкою хор,
Мне будет сладкий их напев — как тягостный укор.

Куда же унесли тебя иль скрыли где тебя?
Твою высокую любовь как позабуду я?
Страдает сердце у меня, как и душа моя,
И увядают все цветы сегодня, грусть тая.

Я весь дрожу, вся жизнь моя — как будто сны одни,
И самый солнца свет, как мрак, мне кажется в тени.
В мучениях и в горести провел я эти дни,
И жизни той, что прожил я, в счет не войдут они.

Моя разлука тяжела, терпимая едва.
Не обо мне ли издавна сказал пророк слова:
Не хуже ль я, чем пеликан, в стране, где жизнь мертва,
И на развалинах не я ль уселся, как сова!♦

Пришел садовник и его утешил средь забот,
Сказал: «Не плачь, о соловей, ведь роза вновь придет.
Смотри — фиалка уж пришла, предтеча розы — вот,
Я с доброй вестью прихожу, несу поклон вперед».

И соловей благодарил и был безмерно рад:
«Дай бог, чтоб ты блаженно жил и дней бессчетных ряд,
Пускай твои цветы цветут, распустится твой сад,
Пусть обновятся в нем фонтан и камни из оград!

Все веточки и все ростки пусть зеленеют в нем,
Росой покроются с небес, заплещут как огнем,
Размерно зыблются пускай под нежным ветерком,
На радость людям аромат пусть разливают днем!♦

Взяв, розе по двору снесли посланье от певца.
Там розу-астру перед ней избрали, как чтеца.
Встав на ноги, она, держа посланье у лица,
Прочла от соловья письмо всем громко до конца?

«Душой любимая! тебе я низкий шлю поклон!
Блаженная! здорова ль ты, лишь этим я смущен.
На господа надеюсь я, кто всем обогащен,
Что беспорочной и живой тебя содеял он.

Простерши руки, целый день я возношу мольбы,
Молюсь, чтоб длились для тебя дни радостной судьбы
Ты — всем земным цветам глава, они — твои рабы,
Над ними всеми ты царишь и правишь без борьбы.

По цвету несравненна ты, и запах твой хорош,
Ты ярче солнечных лучей сиянье утром льешь.

Когда увижу я тебя, как будет час пригож:
Ведь по природе ты кротка и ненавидишь ложь.

Покорнейший пишу поклон тебе издалека,
Прошу тебя: вернись ко мне и пожалей слегка.
Коль хочешь ведать, как живет покорный твой слуга,
Знай: у него и толк, и ум — все отняла тоска.

Покой и мир утратил я, гнезда не создавал;
Ни капли сил нет у меня, всю кровь я потерял;
Тебя не видя, я дрожу, почти совсем пропал,
До утра в бденье нахожусь, все ночи я не спал.

Тоскуя, надрываюсь я: наступит ли весна!
В печали, в думах по тебе душа изнурена.
Морозная, суровая — зима проведена;
Все горе по тебе, всю скорбь изведаль я сполна.

С упреком говорили мне: «Зачем страдать любя!
Ты — раб! Царица всех цветов полюбит ли тебя!»

И отвечала роза так, когда закончил чтец:
«Отправлю множество цветов к нему я, наконец,
Да скрасят горы, и поля, и за дворцом дворец,
Чтоб с радостью среди цветов мог обитать певец.

Мне ехать не пришла пора, немного подожду.
Пусть подождет и соловей немногих дней чреду,
Что высока его любовь — не подлежит суду,
Ему скажите, чтоб меня он поискал в саду».

Услышав это, соловей стал очень ликовать,
Сказал: «Благую нынче весть мне довелось узнать:
Прелестнейшая роза — в сад вернется к нам опять.
С единой розой твари все возможно ли равнять!»

Поднялось солнце в небеса и до Овна дошло,
Вдруг туча на небе росой взгремела тяжело,
И тысяч тысяча цветов внезапно возросло,
Но розы, хоть искал певец, там не было назло.

Зеленой розы лист потом он приметил вдруг,
Она была еще светлей и ярче всех подруг, —
За завесой, на трон воссев, обозревала луг,
И были, как рабы, челом ей все цветы вокруг.

«О боже! — молвил соловей, — тебя благодарю!
Все славят господу уста, и я хвалой горю.

Все славословье вознесем небесному царю!
Я розу меж кустов узрел в счастливую зарю».

Опомнись, ахтамарец, ты в стихах не суесловь!
Припомни, что колючий шип — здесь, на земле, любовь:
На слезы обречет и скорбь, согрев недолго кровь.
Что проку в радости, когда — потом рыдать нам вновь!

Песня любви

Цветут цветы в моем саду,
На счастье мне иль на беду?
В моем саду благоуханном,
Желанная, тебя я жду,

В твоей груди таится мед,
Речь сладостная с губ течет.
Мне видится твое сиянье,
Мне душу ожиданье жжет.

Один я, нету мне пути,
Мне в мире счастья не найти.
Своей непостижимой тайной
Мой ум смятенный просвети.

Я жду, как ждал в былые дни;
В моем саду, в его тени
Мы спрячемся, как в тайной келье,
Как будто в мире мы одни.

Твоим словам внимать хочу,
И стан твой обнимать хочу.
Украдкой поцелуй твой сладкий
С горящих губ сорвать хочу.

Пусть мне ослепнуть суждено.
Твой лик увижу все равно,
В моей душе твое сиянье
Навечно запечатлено.

И ты меня своим огнем
Воспламени — и мы вдвоем
Ввысь вознесемся на мгновенье
И рай небесный обретем.

Пока не стар, пока я жив,
Прошу — услышь ты мой призыв.

Взываю я к тебе, далекой,
Свой взор молящий устремив.

Любовью ли наказан я,
На царство ли помазан я —
Не знаю, но своей любовью
К твоей любви привязан я.

Ты ладан иль цветок живой,
Сабур¹ ты, мак ли луговой —
Весь этот мир тобой наполнен
И все опьянены тобой.

Алмаз ты или же топаз?
Ты блеском ослепила нас,
И все сердца тревожно бьются,
И слезы каплют из глаз.

Владычица моей души,
Ты эти слезы осуши,
Ты — благодатный ветер южный,
Цветок, раскрывшийся в тиши.

Моя целебная вода,
Жемчужно-светлая звезда,
Ты в сердце мне тайком проникла
И там осталась навсегда.

Песня

(Борьба духа и плоти)

Вечно телом душа стеснена;
В непрестанных стенаньях, она
Богу молится, слез не тая:
«Рассуди, справедливый судья».

Бог меня сотворил, и закон
Заповедал мне, грешному, он:
Пусть не делят раздор и вражда
Душу с телом моим никогда.

Но я сам для себя стал судьей,
Потому суд несправеден мой.
Дерзость люди взрастили в сердцах,

1. Сабур — алмаз.

Потеряли к создателю страх.

Говорю я теперь: горе мне.
Нет душе исцеленья. В огне
Одинокая будет страдать,
Призывая Христа благодать.

Я измучен обильем грехов,
Я дрожу. Мне не сбросить оков.
И враждует с душой моей плоть,
И друг друга хотят побороть.

Я покоя найти не могу.
Как бродяга, все в том же кругу
Я блуждаю. Хоть на два бы дня
Кров и отдых нашлись для меня!

О Григорис, когда, не боясь,
Ты отмыл бы греховную грязь!
Излечись, разве время для сна?
Мир наш — тление, жизнь непрочна;

Смерти день приближается.
Где Врач твой, где исцеленье в беде?
Завтра явится Вестник в пути
И прикажет отсюда уйти.

НЕРСЕС МОКАЦИ

Спор неба и земли

Что краше и что могучей —
Земля или небосвод?
Небесное солнце и тучи
Иль блага земных щедрот?

Небо Земле сказала:
«Богатств у тебя немало,
Но в сумрак и ночью поздней
На небе мерцают звезды,
Сияют с моих высот».

Земля отвечала: «Я тоже
Отмечена милостью божьей,
Владычица я не из бедных:
Шесть тысяч цветов разноцветных
В моих цветниках растет!»

Небо Земле сказала:
«Богатств на Земле немало,
Но дождь не польется с неба —
Не будет земного хлеба,
Земной не нальется плод».

Земля отвечала: «Я тоже
Отмечена милостью божьей:
Все тучи рождает море —
Оно на земном просторе,
Земною влагой живет».

Небо Земле сказала:
«Богатств у тебя немало,

Но стоит мне рассердиться —
И солнце мое накалится,
И все на земле сожжет».

Земля отвечала: «Я тоже
Отмечена милостью божьей:
И в зной хлебопашцам на благо
Моих водоемов влага
Посевы в полях спасет».

Небо Земле сказало:
«Богатств у тебя немало,
Но стоит мне рассердиться —
Небесный град разразится
И все посевы побьет».

Земля отвечала: «Я тоже
Отмечена милостью божьей.
Твой град не достигнет цели:
Мои поглотят ущелья
Все, что с небес упадет!»

Небо Земле сказало:
«Богатств у тебя немало,
Но человек иль птица
По промыслу неба родится,
А их Земля приберет!»

Земля отвечала: «Все может
Вершиться по воле божьей.
И как бы я ни хотела.
Ничье не возьму я тело,
Коль Небо души не возьмет».

Небо Земле сказало:
«Богатств у тебя немало,
Но, свет неся несравненный,
Сонм ангелов благословенный
По Небу свершает полет».

Земля отвечала: «Я тоже
Отмечена милостью божьей:
Апостолы и святые,
Они ведь — люди земные,
Их горе земное гнетет».

И Небо Земле сказало:
«Богатств у тебя немало,

Но все же на Небе тот,
Чья власть над тобой и мною,
Кто высшее все и земное
По воле своей создает».

Земля отвечала: «И все же
Я знаком отмечена божьим:
Суд страшный грешников ждет,
Внизу он вершиться будет,
На Землю спустятся судьи,
Небо на Землю падет».

И Небо в гордыне смирилось,
И Небо Земле поклонилось...
И вы, неразумные дети,
Скорее на этом свете
Воздайте Земле почет!

МАРТИРОС КРЫМЕЦИ

Песнь, восхваляющая город Амасию

Здесь, где горы снеговые,
Где к утесу льнет утес,
Крепости свои вознес
Град, чье имя Амасия.

Здесь, где крут скалистый скат,
Где растут леса густые,
Царь понтийский Михридат¹
Высек стены Амасии.

В пору давних тех времен,
В годы древние, глухие,
Внуки Айка горный склон
Обживали здесь впервые.

Здесь река Ирис течет
Сквозь леса береговые
И волну свою несет
В волны Понта голубые.

От ее живой воды
Зреют яблоки большие,
Сладким соком налитые.
Как в раю, цветут сады.

Распускаются цветы
Белые и огневые,
Розы дивной красоты,
Лавры, хмелем обвитые,

1. Михрид~~ат~~, Митридат — понтийский царь.

Под плодами дерева
Летом нагибают выи,
Зреют персики, айва,
Абрикосы золотые.

Алой розе соловей
Шлет хвалы свои ночные
И томится лишь о ней,
Позабыв цветы иные.

Виноград здесь дарит нам
Гроздий ягоды тугие;
Их, как говорят, Адам
Ел по наущенью змия.

Гроздья спелые сорви,
Выжми ягоды хмельные,
Лей в бокал вино любви,
Восхваляй дары святыя!

Вино

Вино веселить тебя будет,
В тебе веселье пробудит.
Коль выпьешь, чем-то заев,
Забудешь ты горе и гнев
И будешь бесстрашен, как лев.

Прими совет ненапрасный:
Вино в стеклянный бокал
Налей, чтоб тот запылал.
Он станет розою красной,
Наполнясь живым огнем,
И ты отразишься в нем.

Но пусть, ради господя бога,
Не льется вино через край.
Ты пей, но хотя бы немного
Водою вино разбавляй.

Иерей Симеон

На понтийском бреге славном
Вырос град во время оно.
Там я повстречал недавно
Иерея Симеона.

С виду он смиренен очень,
Но обман смирение это.
Мудрецом считаться хочет
Симеон — дурак отпетый.

Он с его бездушьем черствым
Чуждый всем, кто горем ранен,
И его причислить к мертвым
Вправе каждый прихожанин.

Рано храм свой покидает
Этот пастырь неусердный,
И, уйдя, пренебрегает
Он обеднею вечерней.

Редко он творит молитвы,
Богомольцев он поносит.
Голоден пришелец, сыт ли,
Ел ли, пил — вовек не спросит.

Самому ж ему охота
Есть всегда, и в час застолья
У него одна забота:
В глотку сунуть кус поболе.

Он сидит обычно с краю,
Не вступает в разговоры,
Мысля: чаша круговая
До меня дойдет ли скоро?

Не ходи к нему, проситель,
Ничего тебе не даст он.
Но при этом он любитель
На пирах быть гостем частым.

Коль пирушка где случится,
Весел иерей бывает.
Подавиться не боится,
Ест — жевать не успевает.

Он, наевшись честь по чести,
Счастлив, хоть вздыхает тяжело,
И вином с водою вместе
Заливает жир барашка.

Потчуй пастыря на славу,
Прежде чем просить что-либо,

Наготовь ему пилаву,
Суп свари из красной рыбы.

Гость чтоб сытый был и пьяный,
Съел бы все, что съесть по силам,
Не желей приправы пряной,
Чтоб еду переварил он.

НАГАШ ОВНАТАН

* * *

Я нарядною тебя видел на заре,
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!
Вся ты в золоте была, в перлах, в янтаре,
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Лоб твой бел, твое лицо — розы лепесток,
Левой ручкой протяни, подари цветок,
Сахар я тебе припас и медовый сок.
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Зеркала — твои глаза, золото-мечи.
Сумрак шелковых ресниц — стрелы и лучи.
Горн — душа моя, огни страсти — горячи.
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Полумесяц — бровь твоя, косы — черный мак,
От любви я не рыдать не могу никак.
Да погибнет, пропадет наш разлучник — враг!
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Сладкозвучный твой язык — соловей ночной,
Гиацинт в руке твоей и вино в другой!
С родинкой твое лицо — роза под росой.
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Сядем здесь под деревцом, будем рвать миндаль.
Грудь у тебя — шамам, не вкусить их жаль.
На тебя гляжу — душа улетает вдаль.
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Кипарис — твой стан, в кудрях золото при дне,
Дай на стройный стан упасть золотой волне,

Долго ль осужден Нагаш изнывать в огне?
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

* * *

Ты мне сказала: «Настала весна».
Милая, сжался!
«В час, когда розу осветит луна,
Выйду я в сад, грудь открыв и одна».
Милая, сжался!
Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

Розу тебе с письмецом я пошлю.
Милая, сжался!
В нем расскажу, как тебя я люблю.
Выйди с мазой¹ и с араком², молю!
Милая, сжался!
Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

Лик твой прекрасней, чем тысяча роз.
Милая, сжался!
Лик твой прекрасен в уборе волос.
Ветер весны благовонья принес.
Милая, сжался!
Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

Лик твой прекрасней, чем розы весной.
Милая, сжался!
Как соловей, я пою под луной:
Милая, сжался хоть раз надо мной.
Милая, сжался!
Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат!

В косы вплети украшения роз.
Милая, сжался!
Выйди исполнить желания грез,
Вылечить муки, что я перенес!
Милая, сжался!
Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

1. Мазз – закуски олива, сыр и пр.

2. Арак – восточная пряность.

* * *

Приди ко мне в цветущий сад вечернею порой.
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.
Шамамы зрелые свои украдкой мне открой,
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

Как звезды, родинки твои, язык твой — соловей.
Я умираю от тоски, печаль мою развей.
Ужель не стоит жизнь моя стыдливости твоей?
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

Как жемчуг, зубы у тебя, глаза твои горят,
И косы черные твои едва ли не до пят.
В соблазнах я тону твоих грехов и выплыву навряд,
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

Твой взгляд — палач, всем, кто не мил, он головы сечет.
Блажен, кто на твоей груди покой свой обретет,
Кому не пожалеешь ты божественных щедрот.
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

Во имя господи-творца не будь со мною зла.
Ты двери дома своего открой мне, будь мила,
И сердце оживи мое, сожженное дотла,
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

Я осажден, я обречен, мне нет пути назад,
Перед тобой твой раб Нагаш ни в чем не виноват.
За что ж караешь ты меня, мир превращаешь в ад?
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

Ты откуда прилетела, птица?

Ты откуда прилетела, птица?
Как шараб, твой голос с уст струится.
Я — невольник твой, дай мне напиться
И сама со мной шараб испей!

Мне с моим мечтаньем не расстаться,
О другой помыслить — святотатство.
Для чего мне все мои богатства,
Коль не станешь милою моей?

Лик твой светлый, глаз твоих горенье
Смертных повергают в изумление.

Что ж бросаешь ты в меня камень?
Снизойди ко мне и пожалей!

Одеянье черно или бело —
Все красиво, что б ты ни надела.
Я страдаю, а тебе нет дела.
Смилуйся и кровь мою не лей.

Грудь твоя — два зрелых апельсина.
Стал я жалок, в этом ты повинна.
Ты одна — беды моей причина.
Знак подай, беду мою развей!

Я — Нагаш, влюбленный безнадежно, —
Знать хочу, что истинно, что ложно.
Кроме страсти, в мире все ничтожно.
Горе мне, спаси меня скорей!

Ты и лань моя, и газель

Сад расцвел, наступила весна.
Ты со мной, как зима, холодна.
В чем моя пред тобою вина?
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не встречал досель.

Дремлет сад, далеко до зари.
Ты свой рай предо мной отвори
И промолви: «Что хочешь, бери!»
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не встречал досель.

Мы, как всё, превратимся во прах.
Но куда желанье и страх
И в твоих полыхает глазах,
Ты и лань моя, и газель,
Я таких не встречал досель.

Я как рыба на сковороде,
Ты ведь тоже горишь, ты в беде.
Что же врозь мы всегда и везде?
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не встречал досель.

У меня нет любимой иной,
Погляди, что случилось со мной.

Ты виновна, что стал я больной.
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не встречал досель.

Чтоб заставить сильнее страдать,
Ты решилась мне грудь показать.
Приоткрыла, закрыла опять.
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не видал досель.

Ты атласом стянула свой стан,
И погиб я, твой раб Овнатан.
Я вином твоим сладостным пьян.
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не встречал досель.

Песня весны и радости

Пришла весна. Блестает солнца круг.
Растаял лед, теплом повеял юг.
Цветут сады, и зеленеет луг.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

В тени ветвей цветущих отдохнем;
Вино горит сверкающим огнем,
И лепестки, слетев, белеют в нем.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

Как знать, что нам пошлет навстречу рог.
Людская жизнь — что полевой цветок:
Сейчас в цвету, а завтра он поблек.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

Весна, и свет, и пасхи благодать...
Фиалкам цвести, и розам цвести опять,
Песнь соловья нам сладко услыхать.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

Подвинь сюда наполненный сосуд,
Барашка пусть на блюде принесут;
В котле пилав, миндаль, гвоздики тут...

Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

Журчит ручей, и зелень тешит взгляд.
Мы пьем вино, мы сели дружно в ряд,
И розы пусть подарит брату брат.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

Достойно пить — без выкриков и ссор.
Кто шумно пьет, тому, друзья, позор!
Мы мирно пьем, и только весел взор.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

Плачь, Овнатан, ты во грехах погряз.
Непрочно все, что в мире тешит глаз.
Так будем пить, — веселья краток час!
Творцу хвала, пусть он не взыщет с нас.

Свет моих очей

Свет моих очей, тебя люблю я.
Пленника, меня не позабуди.
В этот скорбный час тебя молю я:
Пленника, меня не позабуди.
Не забудь меня, влюбленного,
Не забудь поработенного.

О, моя голубка дорогая,
Я, в далекий отправляясь путь,
Покидая край твой, заклиная:
Пленника, меня не позабуди.
Не забудь меня, влюбленного,
Не забудь поработенного.

Розы лепесток благоуханный,
Свет, не убывающий ничуть,
Слышишь, говорю я непрестанно:
Пленника, меня не позабуди!
Не забудь меня, влюбленного,
Не забудь поработенного.

Жаворонок, рвался ты в тревоге,
Чтоб из рук влюбленных ускользнуть.
Милая, коль помнишь ты о боге,
Пленника, меня не позабуди.
Не забудь меня, влюбленного,
Не забудь поработенного.

Без тебя бреду я наудачу,
Злое горе мне сжигает грудь,
И во сне и наяву я плачу:
Пленника, меня не позабуди.

Не забудь меня, влюбленного,
Не забудь поработенного.

Книги жизни — лучшая страница,
Может быть, еще когда-нибудь
Будет суждено мне возвратиться,
Пленника, меня не позабудь.
Не забудь меня, влюбленного,
Не забудь поработенного.

* * *

Пришла весна, и меж ветвей — тиховой.
В тоске любви вчера в саду соловей
Близ милой розы рокотал, молвя ей:
Явись, прелестная, во всей красоте!
Проснись! Сравненья нет твоей красоте!

Минула ночь, и наконец рассвело,
С востока солнце, загорясь, подошло;
А сердце с вечера тоской истекло.
Явись, прелестная, во всей красоте!
Проснись! Сравненья нет твоей красоте!

Пленился каждым я твоим лепестком,
Не останавливал бы глаз ни на чем;
Мне без тебя — ночная тьма даже днем.
Явись прелестная, во всей красоте!
Проснись! Сравненья нет твоей красоте!

Пусть от шипов сто тысяч раз мне страдать,
В огне любви пусть песни петь и рыдать, —
Все за великую сочту благодать!
Явись, прелестная, во всей красоте!
Проснись! Сравненья нет твоей красоте!

ПЕТРОС КАПАНЦИ

Не осыпай, о роза, лепестки

Не осыпай, о роза, лепестки,
Не заставляй терзаться от тоски
И слезы лить того, кому нужна
Из всех цветов на свете ты одна.

О роза, свой не осыпай ты цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Не забывай, что я люблю впервые
С тех пор, как я пришел на этот свет.

Сулит нам сотни благ весна вокруг,
Пойми же, роза, кто твой враг, кто друг.
Не делай так, чтоб в сей счастливый миг
Главою твою возлюбленный поник.

О роза, ты не осыпай свой цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Не забывай, что я люблю впервые
С тех пор, как я пришел на этот свет.

Как хитрый вор, придет садовник в сад,
На розу бросит он недобрый взгляд,
Шипы оставив, розу он сорвет,
А гибель розы и меня убьет.

О роза, ты не осыпай свой цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Не забывай, что я люблю впервые
С тех пор, как я пришел на этот свет.

Неумолим садовник и суров,
Он все сорвет, ему не жаль цветов.

Так будь, любимая, ко мне добра,
Пока царит цветения пора.

О роза, ты не осыпай свой цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Не забывай, что я люблю впервые
С тех пор, как я пришел на этот свет.

На краткий срок, покуда не придет
По наши души грозный садовод,
Меня привет, с тобою быть позволь,
Дай мне излить перед тобою боль.

О роза, ты не осыпай свой цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Не забывай, что я люблю впервые
С тех пор, как я пришел на этот свет.

ГРИГОР ОШАКАНЦІ

Плач о городе Ани

Прославленный в былые дни
Приют царей, ты был твердыней,
А ныне на себя взгляни —
С вдовицей бедной схож ты ныне.
Ты погран, славный град Ани.
Ты стал безлюдною пустыней.
О горе, сыны твои, дочери
Из города изгнаны отчего!

Ты сыновей своих растил
Не для позора, но — проклятье! —
Чингис коварный подступил.
Несметные приблизил рати,
И в битве недостало сил
Твоим сынам, чтоб отогнать их.
О горе, сыны твои, дочери
Из города изгнаны отчего!

Подняв тяжелый каменет
На земляные укрепления,
Монголы двинулись вперед
В ожесточенное сражение —
И рухнули твои строенья
И стен твоих высокнй свод.
О горе, сыны твои, дочери
Из города изгнаны отчего!

Вознесся ~~ивысь~~, вселяя страх,
Клич воинов ~~мног~~оплеменных,
И ~~затаилась~~ скорбь в глазах
Твоих ~~гусанов~~ обреченных.

И пение святых канонов
В твоих умолкнуло церквах.
О горе, сыны твои, дочери
Из города изгнаны отчего!

Несчастный город, в этот год
Твои строения опустели,
И в храмах, как в глухом ущелье,
Пасется одичалый скот.
И нет уже былых красот
В твоих церквах, где хоры пели.
О горе, сыны твои, дочери
Из города изгнаны отчего!

Песня любви

Ты подобна розе алой,
Райской игице небывалой,
Милости прошу я малой:
Лик свой сладостный яви
Мне, невольнику любви!

Голос твой — ручей журчащий,
Гласа ангельского слаще.
Я молю тебя, скорбящий, —
Истощенному тоской,
Дай мне лик увидеть твой.

Дни скорбей моих настали,
По горам брожу в печали,
Тщетно вглядываюсь в дали.
Лик свой обрати ко мне,
Страннику в чужой стране.

Дан был мудрым Соломоном
Мне совет в пути бессонном:
«Жди у родника под склоном,
И настанет сладкий миг —
Милой ты увидишь лик».

Вот и жду я обреченный,
Я ищу тебя влюбленный.
Я молю изнеможенный:
Свет яви во мгле дорог,
Я от скорби изнемог.

Вслед спешил я за тобою.
Враг следил с ухмылкой злою,
Он пронзил меня стрелою.
Так явись в последнем сне
Умирающему мне!

АРУТИН СЯТ-НОВА

* * *

Как соловей, томилась ты,
Как роза, распустилась ты,
Водой из роз омылась ты,
Омылась ты.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Твоя краса лютей бича,
Ах, тоньше волос твой — луча,
К лицу — с павлинами парча,
К лицу парча.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Ты светишь солнцем и луной, —
Я по тебе томлюсь тоской, —
Ты носишь пояс золотой,
Ах, золотой!

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Парча румянцем зацвела,
С бюльбюлем слезы ты лила,
На щечке родинка мила,
Ах, как мила!

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

По мне заплачет и скала —
Какие ты творишь дела!
Саят-Нову с ума свела,
С ума свела.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!
Март 1752

* * *

Ты, безумное сердце! мне внемли:
Скромность возлюби, совесть возлюби.
Мир на что тебе? Бога возлюби,
Душу возлюби, деву возлюби!

Божий глас внемли и твори добро,
В житиях святых слово — серебро;
Святых целей три: возлюби перо,
Возлюби письмо, книги возлюби.

Сердце, пусть тебя скорби не гнетут!
Знай, что хлеб и соль люди чести чтут,
Но не будь смешным: возлюби свой труд,
Мудрость возлюби, правду возлюби.

Там, где господин, будь не горд, но тих;
Скромным будь всегда у господ своих;
Но у всех — душа: возлюби чужих,
Бедных возлюби, гостя возлюби.

Так, Саят-Нова, мудрость жить велит.
Что нам эта жизнь? Страшный суд грозит!
Душу берегай: возлюби и скит,
Келью возлюби, камни возлюби!
1 мая 1753

* * *

Твой силен ум: таким рожден, —
себя глупцу равнять зачем?

Меня за свой вчерашний сон презрительно считать зачем?
Я издавна горю, сожжен! Опять меня сжигать зачем?
Устала ты, поверю я, меня же обвинять зачем?

Привет! Ведь ты сильна, как тот Ростом, — сын Зала! —
дочь царя!
Старинный твой прославлен род, красы зеркало, дочь царя!
Коль грешен я, пусть меч не ждет меня нимало, дочь царя!
Но господу побойся ты: напрасно враждовать зачем?

Кто ранен, позовет врача: не повредит, поможет он;
Раба ругают сгоряча, судиться все ж не может он.
Кто сердцем светел, как свеча, молву людей отложит он.
Я богом истинным клянусь: меня нещадно гнать зачем?

Не всем мой ключ гремучий пить:
особый вкус ручьев моих!
Но всем мои писанья чтить: особый смысл у слов моих!
Не верь: меня легко свалить!
гранитна твердь основ моих!
Так наводненьем без конца их тщетно подрывать зачем?

Вьет ветер морской, песок гоня:
песка не меньше будет все ж!
Живу ль, не станет ли меня, —
толпу напев разбудит все ж!

Уйду, но в мире с того дня и волос не убудет все ж!
Абаш, к арабам, к индам
прах Саят-Новы ссылать зачем?
1753

* * *

Твой волос — смоченный рехан, иль шелка нить, или струна.
Обводит золото черты, а бровь пером проведена.
В устах — и жемчуг, и рубин.
Твоя завидна белизна. Пусть я умру, будь ты жива.
Мне страсть на гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

.....
На любившего сильнее пусть упадут напасти все.
Уже два года протекли, как я тоскую о красе.
Пусть я умру, будь ты жива.
Мне страсть на гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Увяла роза, соловей не прилетает больше в сад.
 Я ранен в сердце, я спален,
 нет больше для меня услад.
 От страсти занедужил я, лежу и жизни сам не рад.
 Пусть я умру, будь ты жива.
 Мне страсть на гибель суждена.
 О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Я в горы, как Меджнун, ушел,
 но от Лейлы ни слова нет.
 Горю, но жажду утолить напитка ледяного нет.
 Клянусь, одна ты яр моя, и друга мне иного нет.
 Пусть я умру, будь ты жива.
 Мне страсть на гибель суждена.
 О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Саят-Нова сказал: залум!¹ Кровь вытекает со слезой,
 Адама нечестивый сын, вовек проклятье над тобой!
 Где твой обет на тридцать лет? Обет ты нарушаешь свой.
 Пусть я умру, будь ты жива.
 Мне страсть на гибель суждена.
 О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!
1 марта 1754

* * *

Друг, ты попал в сети любви, — песенный дар я для тебя.
 Колких репьев не собирай, — мак, сусамбар я для тебя.
 Спрячу тебя в тень от жары, пышный чинар я для тебя.
 Смерти твоей я не хочу, персик, шакар² я для тебя.

К розе чужой ты не стремись, — розы своей не обездоль,
 Изредка к нам в сад загляни,
 дружбу храня, помня хлеб-соль.
 Мир обойдя, ты не найдешь розы такой, ласковой столь,
 Лишь бы другой не полюбил, верная яр я для тебя.

Лучше бы я не родилась, горе весне, сблизившей нас.
 О соловей, не говори: краток цветка розовый час,
 И в Индостан не улетай,
 что тебе ткань, бархат, атлас?
 Все, чего ждешь, здесь ты найдешь, —
 шелка пожар я для тебя.

1. Залум – безжалостная, злая.

2. Шакар – сахар.

Богом клянусь:
нежный мой цвет рад для тебя жертвою стать.
Будем с тобой весело жить,
нам с соловьем грусть не под стать.
Пусть говорят все, что хотят, стану тебе я угождать.
Хочешь, создам вечную жизнь силою чар я для тебя.

Старит беда, стала и я старше от мук, Саят-Нова,
Чашу любви не отдавай в руки из рук, Саят-Нова,
Я привозной редкий атлас, верный мой друг, Саят-Нова,
Песенник свой в ящике скрой, — сладостный тар я для тебя.
1 апреля 1754

* * *

Лишь знать, как много лет тебе! —
с тобою твой гуслар блажен.
Не хочет есть, не хочет пить, —
— с тобою сидя, яр блажен.
Алеешь розой, вокруг тебя обвившись, сусамбар блажен.
В слезах бюльбюль и день, и ночь.
Твоих шипов удар блажен.

Ты благовоньем наполнишь мир.
В индийских взросшая лесах,
Так не могла б благоухать гвоздика у тебя в устах.
Ты в украшеньях день и ночь,
и держишь ты цветок в руках,
К губам подносишь.
Глаз твоих под скромной бровью жар блажен.

Сколь многим смерть через тебя! Они томятся всякий час.
Вздыхает, кто не зрел тебя, —
вздохнет, узрев, сто тысяч раз.
В тебя рождается сын — готов пеленок золотых запас
Иль мать вторично дочь родит — в тебя.
Подобный дар блажен.

Один портрет твой в Арабстан,
другой же в Индостан попал,
Один портрет твой в Крым попал,
другой же в Дагестан попал,
Один портрет твой в Рим попал,
другой же в Прангистан попал.
Тебя увидя, скажет всяк:
твой образ, полный чар, блажен!

Давай садись, Саят-Нова,
и молви сладостно свой сказ.
Не предавайся звукам весь,
в томленье дум откинь свой саз,
Хрусталь в руках твоих. Налей!
Две чаши выпьем мы зараз.
Тобой на диво принят гость. С тобою сазандар блажен.
1755

* * *

Ах, не нужен мне лекарь, не нужен врач,
Дай иного, иного лекарства мне!
Жжешь, не лечишь ты рану, горит — хоть плачь,
Дай иного, иного лекарства мне!

А она: не тревожь, уходи скорей,
На другой, на другой ищи стороне!
Не бывает добра от таких затей,
На другой, на другой ищи стороне.
На другой, увы, стороне.

Говорю ей: покоя не знаю я,
Стал бездельником, прочь бегу из жилья,
Тело чахнет, сгорает душа моя,
Дай иного, иного лекарства мне!

Отвечает: тебя мне не исцелить,
Сам ты горе свое научись избыть,
А не то оборвешь краткой жизни нить.
На другой, на другой ищи стороне.

Соловей я, а розу сожрет червяк,
Ты вложила мне в рану палючий знак.
Ах, и в книгах, и в песнях грустят не так,
Дай иного, иного лекарства мне.

Говорит: благо ты превратил во вред,
Ни боязни, ни совести, видно, нет,
Не гаси своей жизни неяркий свет, —
На другой, на другой ищи стороне.

Я сказал: золотишь ты волосы хной,
Поглядел как-то раз я в тиши ночной,
Стал мне смертью любви ненасытный зной —
Дай иного, иного лекарства мне.

Пусть я царской короны аквамарин,
Пусть ты любишь меня, как Фархад — Ширин,
Пусть всегда мной любим был лишь ты один —
На другой, на другой ищи стороне.

Ах, не спорь, не кружи моей головы,
Захлестнуло мой челн волной синевы.
Коль умру — нет второго Саят-Новы,
Дай иного, иного лекарства мне.
Дай, увы, иного лекарства мне.
3 сентября 1756

* * *

От любви, как Меджнун, горю,
Думой вслед за Лейли парю,
Ты не засти, гора, зарю,
Прочь, гора, уйди, говорю, отсюда, отсюда!

За самшит милых рук и плеч
Пусть войдет в мое сердце меч,
Рад к порогу любимой лечь
Хоть на камень. Ты слышишь речь — отсюда, отсюда?

Стан твой в шелк и атлас одет,
Держишь чашу, а в ней шербет.
От любовных томлюсь бесед.
Дай лекарства! Услышь, мой свет, отсюда, отсюда.

Сад люблю — садовник не я,
Знаю, кто хозяин жилья,
Песнь моя — призыв соловья.
Уходи, колючка репья, отсюда, отсюда.

Саз — пиров упоенье — ты,
Монастырское пенье — ты,
Плод — садов украшение — ты.
Слышишь — Саят-Новы мечты — отсюда, отсюда?
5 апреля 1757

* * *

Жив доколь я, джан, — милой в жертву дан.
Как избыть дурман?
Слез я лью фонтан, пусть умру от ран. —

ты лишь здравствуй, джан!
Молвишь: «Я — джейран!» —
и, любовью пьян, вижу стройный стан.
Выйди в сад со мной!
Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

Косы милой — мед, что фисташка — рот, все любви игра!
Близко от ворот до озерных вод, — рог трубит с утра.
Роза к ветке льнет, соловей поет, — всем гулять пора.
Выйди в сад со мной!
Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

Свой оставим дом и уйдем вдвоем! В ветках капли рос,
В рифму запоем! С ярым лепестком мак цветы вознес,
А в саду немом — роза с соловьем; лилии — меж роз.
Выйди в сад со мной!
Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

Сроду ты была, милая, мила, словно та Лейла!
Я сожжен дотла! — прядь волос легла, где шипов игла.
Роза зацвела, и в дремоту мгла соловья ввела.
Выйди в сад со мной!
Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

На тебе богат дорогой наряд, шелк, парча горят.
Кубок твой подъят, лей вино услад! —
жертвы не щадят.
Только выйди в сад!
Режь, — Саят-Нова будет только рад.
Выйди в сад со мной!
Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.
2 мая 1757

* * *

Меджнун я, тоской палимый,
Лейли! Недуг исцели мой!
В печали неутомимой
Я плачу кровью, сгорая, сгорая.

Ночным соловьем рыдал я,
Ронял не слезы, а лал я,
В горячке, в бреде пылал я,
Пав к изголовью, сгорая, сгорая.

Безбожником стал я ныне,
В любовной истлел пустыне.

Безжалостна ты, в гордыне, —
Взываю вновь я, сгорая, сгорая.

Кричу, помогите, други,
Грудь — сад, а брови что дуги,
Нет краше во всей округе,
Любуюсь бровью, сгорая, сгорая.

Фиалка, цветок мимозы,
Дыханье карминной розы,
У тишь Саят-Новы слезы, —
Горю любовью, сгорая, сгорая.
1757

* * *

Ах, почему мой влажен глаз и кровь на сердце?
жжет она!
Болезнь — любовь и этот раз,
лекарство, в свой черед, — она!
Я слег,
но взор мой каждый час опять к себе влечет, — она!
Мне надо умереть,
ко мне, ах! лишь тогда придет она!

Весна настала,
и манят зазеленевшие края;
Фиалковые горы в сад давно послали соловья.
Но песни ночью не звучат. Чинара, это месть твоя?
Пусть ищет роза соловья: его, ах! не найдет она!

Мак, ярко-красный, дал совет:
«Скиталец-соловей влюблен
И, верно, вспомнит про букет, что базиликой оплетен.
Но ты солги, что розы нет и что цветок был унесен!»
Вот — изгородь, ах, соловей!
Твой бедный труп несет она.

Сладки, сладки — твои слова! Язык твой сахар и набат¹,
И твой шербет, гласит молва,
хорош, как спелый виноград.
Семь дней твердил я,
ты ж, резва, семь платьев мерила подряд,
Бязь и кумач, но где же ткань, что всех достойней?
Ждет она!

1. Набат — кристаллы топленого сахара, лакомство.

Язык ашуга — соловей:
он славит, не клянет сплеча!
Пред шахом он поет смелей, и для него нет палач,
Нет правил, судей и царей, он сам спасает всех, звуч;
Лишь ты, Саят-Нова, — в беде, пришла, не отойдет она!
Июнь 1758

* * *

Меня ты ранишь без ножа. Палач моих желаний ты.
О стыд души, не убивай меня тоской заране ты!
Изделье царских мастеров, халат из лучшей ткани ты.
Инд, и Абаш, и Арабстан, Калат, что в Хорасане, ты.

Как горна золотой огонь, твое лицо, сияя, жжет,
И всякий, видящий тебя, ума лишится в свой черед.
Кто не видал, к тебе спешит, а кто увидит, тот умрет.
Картина с фоном золотым, хранимая в сафьяне, ты.

Их много, кто, пленясь тобой,
тоскуя встретит смертный час.
А ты, как редкостный товар,
открыта взору в год лишь раз.
Твой господин сполна блажен,
есть пища у него для глаз.
Сад роз, и летом и зимой полна благоуханий ты.

Хвала художнику тому, кто нарисует твой портрет.
От лба до брови не дойдет,
каким он рвением ни согрет.
Твоей возжаждавший воды, не утолится ей, о нет!
В ширазском кувшине шербет сладчайший для гортани ты.

Блажен сидящий близ тебя, яр, чья подруга такова,
Кто не встречал коварный яр, кто верить мог в твои слова.
Скажи: владеющий тобой, боится ль бед Саят-Нова?
Ты с костяным узором сень, дворец меж прочих зданий ты.
6 сентября 1758

* * *

Яр, никогда не знай беды, беда вовек — врагам твоим.
Благоуханьем залит мир нежнее, чем бальзам, — твоим,
Позолоченный Асмавур¹ не предпочту словам твоим.
Сияешь ясною луной, — и где предел лучам твоим?

1. Асмавур — название армянской церковной книги: «Святцы», «Жития святых».

В поток любви твоей войдет не всякий,
он — глубокий, залум.
Он тридцать перейдет мостов,
а все пред ним поток, залум.
От стрел-бровей, от стрел-ресниц
я вовсе изнемог, залум.
Пловцу открыта смерти дверь, он обречен волнам твоим.

Твой стан — поднявшийся тростник,
а лик твой на букет — похож
Из всех цветов,
но цвета нет, что б был на вдовый цвет похож.
Горит алмаз во рту змеи, — он на тебя, мой свет, похож.
Ты освещаешь бед огня, покорна ночь огням твоим.

Едва приветить, —
твой привет — приветствие владык, точь-в-точь.
Пергамент — руки у тебя,
и жар-перо — язык, точь-в-точь.
Как знамя золотой парчи,
ты вьешься каждый миг, точь-в-точь.
И всякий думает: ты шах, предшествуешь войскам твоим.

Яр, отдалиться от тебя тяжелее смерти для меня.
Язык твой сладок, речь сладка,
в устах — каменья ярче дня.
И семь десятков на лице чернеет родинок, маня,
Как семь десятков слов несет Саят-Нова к ушам твоим.
9 октября 1758

* * *

Чужбина — мука соловья: год — сада он родного ждет!
Чтоб подала рука твоя вина мне, сердце снова ждет!
С другими ты, и мучусь я: как раб царя земного ждет!
Созрел грудей твоих шамам, — сосуда золотого ждет!

Слова бессильны пред тобой! Как алый лик твой описать?
Как бровь изобразить сурьмой? И золота тут мало взять!
И только стан прекрасный твой
овалу плеч твоих под стать!
А золото твоих волос давно луча дневного ждет!

Ты с детства слышишь голос хвал:
но славить красоту я рад.
Ковчег—твоих грудей овал, чтоб ставить амбру и мускат!
Не может, кто тебя встречал,

представить лучший миг услад!
 Рука — самшит, а пальцы — воск:
 хрустальных спиц он снова ждет.

Нет, я не люблю другой!
 Сдается: ты мне суждена!
 Лишь я неделю не с тобой, как рвется каманчи струна!
 Сам царь иль врач Лохман¹ со мной,
 а мне поется: «Где она?»
 Им рамы не понять моей: она клинка стального ждет!
 Красавица! В тоске души один брожу, сожжен тобой!
 Красавица! О, не спеши! дай погляжу, пленен тобой!
 Красавица! мир чей, реши: сужу, что отнят он — тобой!
 Доколе жив Саят-Нова, тебе ль певца иного ждать!
 1758

* * *

Внемли: проникнуты слова мои мольбой, о свет очей.
 Привет мой взору твоему. Живу с тоской, о свет очей!
 Ты отвернулась, но я чист перед тобой, о свет очей!
 Весь мир насыщен, я один томлюсь алчбой, о свет очей!

Иль раньше не любил никто? Какая на меня напасть?
 От чар твоих я без ума, меня испепеляет страсть.
 Всех да минует мой удел, его не вынести и части!
 Как перепел, я опален твоей красой, о свет очей!

Друзьями ль объявлю врагов,
 Когда врагом стал каждый друг?
 Не вижу, как проходит день,
 наполнить нечем мне досуг!..
 Господь свидетель, — тяжело мне,
 и вон все валится из рук.
 Ты море чар, а я, как чели, в пучине той, о свет очей!

Уста раскрою, но они как описать тебя могли б?
 Уже я десять лет брожу, как падишахов тот шахиб²,
 Семь лет я с сазом проброжу,
 как некогда бродил Кариб³,
 Ты мой кумир, ты Шахсанам⁴, и нет другой, о свет очей!

1. Лохман — придворный врач.

2. Шахиб — высший чиновник при дворе.

3. Кариб — скиталец-ашут, преданно любивший свою возлюбленную.

4. Шахсанам — возлюбленная Кариба.

Будь у меня сто тысяч бед,
 не дрогнет сердце им в ответ.
 Ты -- повелительница, ты, и мне иного шаха — нет,
 Саят-Нова сказал: «Увы, не страшно мне покинуть свет,
 Но ты, ты, косы распустив,
 плачь надо мной, о свет очей!»
 1758

* * *

Ты ярче сбрун золотой в своих камнях, красавица.
 Хранимы ты и милый твой на небесах, красавица.
 Ты соловью дала язык, ты рай в цветах, красавица,
 Но розе — месяц жить, а ты живешь в веках, красавица.

Хвалить тебя — конца не знать,
 всего не перечесть добра:
 Убранство стен твоих — парча, ковер чудеснее ковра,
 И каждый гвоздик — золотой, и доски сплошь из серебра,
 Ты — трон павлиний, что воздвиг великий шах, красавица.

Ты — Искандеров царский лал, жемчужин вереница ты,
 Саморедчайшего зерна чистейшая частица ты;
 Когда выходишь ты гулять, не различаешь лица ты,
 Тебе пред сильными земли неведом страх, красавица.

Возможно Соломонов ум ума превысит глубиной,
 Возможно дорогой наряд заткать жемчужного волной,
 Быть можно гурией в раю, быть можно солнцем и луной, —
 Ты превосходишь все, что есть в земных краях, красавица.

Тебя одел небесный снег,
 ты пахнешь, как весна, мой друг,
 Кто сядет рядом, — опален, ты так чудес полна, мой друг.
 Саят-Нова еще живет, зачем же ты грустна, мой друг?
 Пусть я умру, а ты живи, оплачь мой прах, красавица.
 1758

* * *

Я был в Абаше¹, я весь мир прошел до края, нежная.
 Тебе подобной нет нигде, ты отблеск рая, нежная,
 Ведь на тебе и холст простой — ткань парчовая, нежная,
 Недаром все творят хвалу, тебя встречал, нежная.

1. Абаш — Эфиопия

Ты — дивный жемчуг.

Счастлив тот, кому судьба купить тебя.

Не пожалеет, кто найдет, но горе — обронить тебя.

Увы, в блаженном свете та,

чей жребий был родить тебя;

Живи она, была б у ней, как ты, — вторая, нежная.

Ты драгоценна вся насквозь, твоя сверкает красота,

Волна твоих густых волос янтарной нитью повита.

Глаза — два кубка золотых, граненых чашечек чета,

Ресницы — строем острых стрел разят, пронзая, нежная.

Лицо твое, сказал бы перс, второе солнце и луна.

Окутав шалью тонкий стан, ты золотом оплетена.

Художник выронил перо, рука виденьем сражена.

Встав, ты — как Раш,

а сев, — затмишь блеск попугая, нежная.

Но не таков Саят-Нова, чтоб на песке воздвигнуть дом.

Чего ты хочешь от меня, — как в сердце вычитать твоим?

Ты вся — огонь, твой плащ — огонь, — как воевать
с таким огнем?

На ткань индийскую твою легла другая, нежная.

1758

* * *

Я болен от любви к тебе, — о злом недуге плачу.

От горя я совсем зачах и вот в испуге плачу.

Как озабоченный векил¹, о всей округе плачу,

Изгнанник, потерявший дом, я по лачуге плачу.

Куда пойти, к кому воззвать, какой поможет властелин!

Когда бы врач Лохман воскрес,

помог бы мне лишь он один.

На мой рассудок посмотри, я сам над ним не господин.

Разлив унес мое бревно — по легком струге плачу.

Сгорело сердце от любви, его не исцелить теперь.

Ограды нет, и нет плетня, на что мне этот сад теперь!

Остался лук без тетивы, на что такой снаряд теперь!

Стрелу о камень я разбил и по кольчуге плачу.

Напрасно я вожу пером, в чернилах словно влаги нет.

Всех слов не высказать зараз, как вечной мудрости завет.

1. Векил — представитель власти, сановник.

Как в затонувший монастырь, к моей душе потерян след.
Ушел мой пастырь, о грехе в сердечной туге плачу.

В селе ты первый старшина, в столице ты султан и хан.
В саду ты роза и жасмин, в горах ты молодой шушан¹.
Сама убей Саят-Нову, он будет счастлив, бездыхан,
Себя не жаль мне, жаль народ: о нем, о друге, плачу.
1758

* * *

Угодливо, народный раб! служить ступай, Саят-Нова!
Стяжать отличие царя не всяк мечтай, Саят-Нова!
И пусть подносят желчь тебе, ты сахар дай, Саят-Нова!
Но от камней свое стекло оберегай, Саят-Нова!

Тупицу в школу помести, — от розг не поумнеет он,
Покуда из него злой дух покорно не ответит вон;
Кто черен, будет век таким, от мыла не белеет он;
Безродный в знать не лезь,
кривуль не выпрямляй, Саят-Нова!

Когда б ты звезды сосчитал и знал число очей ночных,
Погубит злое дело — все: чти жития людей святых!
Слова спасителя — жемчуг, прекраснее лилей лесных,
И свиньям лал и жемчуга ты не бросай, Саят-Нова!

Там — радость свадьбы,
там — печаль, там — пир и песнопенье — там,
Там — двое любящих в саду,
в церквах богослуженье — там;
Коль волю духа ты творишь,
не может быть и тленья — там.
Водой шумящей унесен, не унывай, Саят-Нова!
1758

* * *

Кто рядом сел — он пьян уже,
в его глазах двоишься ты,
Кто раз взглянул — безумным стал,
к безумцу не склонишься ты,

1 Шушан — ладия.

Источник мук и красота и лакомство меджлиса¹ ты,
Оно — на час, ты — навсегда,
зачем напрасно злишься ты?

У слов твоих шербета вкус,
но жгут, как будто зной в тебе,
Как конь-огонь, ты вся в лучах,
и все же блеск иной в тебе,
Жемчужный ток и перламутр!
Небесный свет весной — в тебе!
Златая дверь! Двойным замком из серебра хранишься ты.

Пусть солнце озаряет мир, пусть звезды день задул уже,
Твой свет сильней, не побороть твоих лучей разгул уже.
В руке — вода, в руке — и кровь,
палач свой горн раздул уже,
Виновен я — убей меня, не виноват — приблизься ты.

Что мне павлин, его наряд! Убранством беспорочна яр,
Пригретый солнцем гиацинт глядит из снега, точно яр,
Влекомый розой соловей, к тебе прикован прочно, яр,
Меня так скоро не гони, хоть соколом кружишься ты.

Любовь света меня в постель, ни музыки, ни пенья нет,
Врачи все охают подряд: «Саят-Нове спасенья нет»,
Кто приглашал — ушел ни с чем.
Душе — отдохновенья нет,
Но встану я, коль ты придешь,
коль с каманчой сдружишься ты.
1755

* * *

Рисунок лучших мастеров — в малейшей чести у тебя.
Прелестна родинка.
Не прядь — силок для страсти у тебя.
Ты — роза, ты — и соловей, обоих сласть и у тебя.
И — проба золота — уста, душистей масти у тебя.

Лицо круглее что ни день — подобье молодой луны.
Без влаги выются волоса, не скручены, не сплетены,
И все, кто раз увидит их, с прямой дороги сведены.
В меджлис войдешь ли, — шорох, шум, —
и все во власти у тебя.
Приходят лик твой увидеть за городами города.

1. Меджлис — государственный совет.

Спасенье тем, кто чует смерть,
в твоём бальзаме навсегда.
Как пери, с места привстаешь,
скользишь стопами без следа.

Что каманча, когда звончей громки запястий у тебя?
Фиалок, лилий, роз цветник у нежной на груди возрос.
Что твоему владыке сад, когда ты вся — дыханье роз?
Гуляет ветер меж цветов, он полнит парус из волос.
Мир — море, ты на нем — корабль,
трепещут снасти у тебя.

Кто мог бы восхвалить тебя, — ни одного не назову.
По глади моря голубой плывешь фиалкой наяву.
Нет сил бороться мне. Волна пусть унесет Саят-Нову!
Кто зрел тебя, с ума сойдет: для всех напасти у тебя.
Март 1759

* * *

Наш мир — окно,
но улиц вид меня гнетет, мне стал не мил.
Кто взглянет, ранен.
Язвы жар, что душу жжет, мне стал не мил.
Сегодня хуже, чем вчера; зари приход мне стал не мил.
Нельзя резвиться каждый день.
Забав черед мне стал не мил.

Что достоянья редкий клад, когда от нас он утечет?
Тот человек хорош, кого сопровождал всегда почет.
Мир не останется для нас, как слово мудрых нам речет.
Хочу бюльбюлем улететь,
мой сад — и тот мне стал не мил.

Ты не поручишься, что день с утра до ночи проживешь.
В руках господних, человек, легко придешь ты и уйдешь.
Но эта правда не для всех, людьми овладевает ложь.
Им — двадцати — не взять раба!
Весь рой господ мне стал не мил.

Мир не останется для нас, — пусть жизнь порой и весела.
Адама нечестивый сын, проклятье на твои дела!
Нет сил терпеть насмешек злых, душа моя изнемогла.
Врагами стали мне друзья, чужой народ мне стал не мил.

Саят-Нова сказал: дни бед меня гнетут превыше мер.
Бывалой сладкой славы нет, и горек труд превыше мер.

Над розой плачу, как бюльбюль, —
шипы растут превыше мер.
Раскрыться розам не дают, —
их сбор и счет мне стал не мил.
Апрель 1759

Каманча

Из всех людьми хваленных лир
полней звучишь ты, каманча!
Кто низок, не иди на пир:
пред ним молчишь ты, каманча!
Но к высшему стремись:
весь мир, всех покоришь ты, каманча!
Тебя не уступлю я: мне — принадлежишь ты, каманча!

Ушко — серебряное будь, сверкай на голове — алмаз;
Рука — слоновой кости будь,
на чреве — перламутр, что глаз;
Струна — из злата свита будь,
резьбой пленяй, железо, нас;
Ты — бриллиант и лал!
И суд — всех посрамишь ты, каманча;

Смычок быть должен золочен,
чтоб пышно он блистал, звеня;
Певучий волос — быть сплетен из косм крылатого коня.
Тем, как бальзам, даришь ты сон,
тех ты бодришь всю ночь, до дня;
Ты — золотой сосуд с вином,
и всех пьянишь ты, каманча.

В ашуге две души с тобой: ему и чай, и кофе есть;
Когда он утомлен игрой, на полке ты находишь честь,
Когда ж поет, — вновь пир горой,
ты — празднеств и гуляний весть!
Собрав красавиц вокруг себя,
их всех манишь ты, каманча!

Ты всем даешь веселый вид,
с тобой опять здоров больной;
Чуть сладкий зов твой зазвучит,
блажен, кто говорит с тобой.
Проси, да скажут:
«Бог продлит — дни нас пленявшего игрой!»
Доколе жив Саят-Нова, что не узришь ты, каманча!
1759

* * *

Меня и милую мою година та ж родила, знай,
И потому я вздох таю, а в сердце кровь застыла, знай,
Я днем и ночью слезы лью, а в грезах много пыла, знай,
Мой влажен глаз, язык сожжен,
уста любовь спалила, знай.

Ах, сердце замерло в груди, утомлено борьбой оно,
И око тускло, погляди, томится по одной оно,
Тьма перед мыслью впереди, лишь пение — со мной оно,
Но мне надежды в жизни нет, близка моя могила, знай.

Сожжен, изранен, я брожу, приюта нет родного мне,
Я острых слов не нахожу, но для чего и слово мне!
Тысячекратно я тужу: дано так много злого мне,
И мысль, и память как в цепях,
меня пучина скрыла, знай.

Но сердца траурен наряд,
и кровь из глаз струится вновь,
Как тучи на море лежат,
так жаждет грудь упиться вновь.
Лечить я рану сердца рад,
но можно ль исцелиться вновь?
Так истекаю кровью я, ах!
Я отвергнут милой, знай!

Кто видит, говорит сейчас:
«Ты гибнешь, ах! Саят-Нова!
Тебя встречать ли нам не раз, кровь на очах,
Саят-Нова!
Иль лучшей девы, лучших глаз нет на пирах,
Саят-Нова!
Вся жизнь прошла, как сон,
плодов лоза не подарила, — знай!
1759

* * *

Скажу я сердцу твоему — зачем со мной ты не в ладах?
И пьяницу спрошу потом: ужель с лозой ты не в ладах?
Вины моей нет никакой, гляжу с тоской — ты не в ладах.
Все беды мне, я терпелив всегда с тобой, — ты не в ладах.

Разлуку трудно перенести. Идут лета? — не знаю сам,
Подавлен ум, заморожен. Где красота? — не знаю сам.

Путь караванам к нам закрыт. Давно ли так? — не знаю сам,
Как сборщик пошлин, говорю: с пустой сумой ты не в ладах.

Любовь уже совсем слаба, порвать ту нить все хочет яр,
Как мальчиком руководить, меня учить все хочет яр,
Зла не поняв, ножом, шутя,
сердце пронзить все хочет яр,
Мне жизнь не в жизнь, красавица,
коль с прямою ты не в ладах.

Немало мудрых книг прочел и притчи изучил сполна.
Но сердцу вновь услады нет: меня несет любви волна.
Свидетель бог, пусть и врагу такая участь не дана.
Убита лань.
Я говорю: знать, с той стрелой ты не в ладах.

.....

Пришла весна во всей красе, петь соловью пора уже.
Саят-Нова один в слезах, его тоска стара уже:
Коль ты теперь без свиты хан —
с своей судьбой ты не в ладах.
1759

* * *

Коль неучу слово дано. ему внимать к чему теперь?
Коль все кругом черным-черно,
нам маков ждать к чему теперь?
Коль смерти ты ему желал,
плач соблюдать к чему теперь?
Для савана лишь цвет один,
зря украшать к чему теперь?

Платить за слово мастеров добра и денег не жалею.
Цвет цвету рознь, числа им нет,
один богаче, тот бедней.
Иного наряди в атлас,
ничуть не станет он видней.
Коль черен ты, уж родинки тебе желать к чему теперь?

Кто справедлив и чист в делах,
я лишь того готов ценить.
И мудрецам не удалось нам до конца мир объяснить.
Вот скачет рок — крылатый конь четвероглав!—
его ль пронзить? Нам ничего не взять с собой,
тлен собирать к чему теперь?

Разлука с матерью горька, заплачь, дитя, тоску залей.
Силки расставил Сатана, соблазнами он всех сильней, —
Сынов Адама ждет беда, — его улов, что день — мощней,
Когда б не так, то Орну нам благословлять к чему теперь?

Судьбы кружится колесо — достатком ты не наделен,
Увидят стар, помят армяк, не спросят: гость? откуда он?
Саят-Нова для ран своих целебных трав, корней лишен,
Врачи не могут врачевать, колдунью звать к чему теперь?
1759

* * *

Красива очень шахатан, — певца не опорочишь ты.
Ты еле разжигашь страсть, напрасно сердце точишь ты.

У страсти пламя таково: не догорит и не пройдет.
Бросаться в море проку нет, —
пускай, прохлады хочешь ты!

Так как же молнию, скажи, ашугу выносить твою?
Ты самодержец, назначай и цену, стало быть, твою.

Когда с горой столкнешься в лоб,
она растает, как свеча.

А в городе, там знают все к уничтоженью прыть твою.

Кто шахатан не пел, у тех не торговаться все права,
Поэтому не очень льсти, не кланяйся, Саят-Нова.

* * *

Не плачь, о джан,
пусть разум твой ни в чем плохого не узрит.
Пусть взор ничей, что так судьба твоя сурова, не узрит.

Пусть луч зари,
пусть лунный свет над миром вовсе не горит!
Пусть друг умрет,
да лишь твой лоб он без покрова не узрит.

В потоке слез исходишь ты —
в печали смерть и мне грозит.
Пусть после нас подлунный мир воды и крова не узрит.

Коль я к тебе не загляну, — снесу немало я обид.
Но не придѹ, пусть взор тоски и зла такого не узрит.

Пусть утешением тебя небесный голос одарит.
Пусть скорбь твою Саят-Нова, на смерть готовый, не узрит.

* * *

Склони свой слух, баритавур¹,
Но с яр моей играть не смей,
Ей сердце поражать не смей,
В ней пламя раздувать не смей.
С весельем спет
На тридцать лет,
Ее ты обижать не смей.

Обидеть бойся пустяком,
Чтоб не ушла от нас тайком.
Со мной играешь ты глазком.
Я — сушь ветвей
В жару страстей, —
Султан и хан мне нипочем!

Как хан, свой суд свершаешь ты,
Как царский сын, считаешь ты.
Скажи, что затеваешь ты?
То вязь тенет.
Твой рот что мед.
Мне душу речью маешь ты.

Остался только вид меня.
Любовь к тебе язвит меня.
Гранат твой исцелит меня, —
Гранат грудей
И сласть речей;
Дыханье уст палит меня.

Уста твои что лал, краса.
Наряд твой злато-ал, краса.
Я мысль твою узнал, краса?
Прельстить, увлечь? — напасть моя!

Прельщать ты вправе, яр, сполна.
В тебе земной весь шар сполна.

1. Баритавур — форма длинного стихотворения.

Ты с Инда каламкар сполна,
Насурьмлена, —
А я без сна,
Томишь, колдунья, плоть мою.

Кругом, колдунья, сеешь зло.
Ты — как ширазское стекло, —
Узор искусство навело.
Ты — блеск зеркал,
Алмаз и лал.
Меня лукавство извело.

Лукавства не таишь свои,
Ты волосы кропишь свои.
Права осуществишь свои?
Китай дарит
Грудей нефрит, —
Ты перси веселишь свои.

Ты весела и горяча.
Обильны косы вдоль плеча.
Наряд твой — золото, парча.
Как нить сучить,
Так слезы лить
Всем, кто увидит палача.

Ты нежный розовый цветок,
Ты бывший в море оселок,
Ты каманча, сантур, гремок,
Хитро поешь, напасть моя.

Ты всех пленишь, когда идешь.
Ты, как в саду вода, идешь.
Фиалкой без следа идешь.
Все петь готов,
Хоть нет уж слов!
Ты роза, всем всегда идешь.

Поешь ты соловья нежней,
Сунбула плоть твоя нежней.
Ты, нам вино лия, нежней,
Чем наш букет,
Рехана цвет,
Ты розы, яр моя, нежней.

Ты роза в холодке ветвей,
Ты не увянешь от лучей,

Ты царь, приветней всех царей.
Приветом глаз
Ответь — не раз,
Не в месяц раз, — по счету дней!

День каждый возрастаешь ты,
Все больше страсти знаешь ты,
Нить горя распускаешь ты.
Ты врач, так вот:
Взгляни, где жжет.
Мой разум изгоняешь ты.

Я поражен, я пьян, мой свет.
Я вижу тонкий стан, мой свет.
Меня страшит обман, мой свет, —
Ну что ж, губи, напасть моя!

Я не люблю неверной яр.
Ты — лал цены безмерной, яр.
Ты в клятве будь примерной, яр.
На клятве стой —
Пусть жизнь ценой.
Исчезнет сон мой скверный, яр.

Мне страх и плач, напасть моя!
Иных надежд не знаю я, —
Лужок зеленый — грудь твоя.
Скажу: лужок,
Я стал далек, —
На сердце клятву затая.

Для верных лишь наградам быть.
Как день один не рядом быть?
Пора в узде усладам быть.
Узду навлечь,
А сердце сжечь
И вечно юным кладом быть.

Ты — клад любви, желаний пир,
Бесценной ценности кумир.
Ты — лал и славный джаванр.
Воспеть спешу,
Пока дышу, —
Затем, что мимолетен мир.

Коль ты честна, оставь меня.
Зовешь ты братом въявь меня.

Согласен я, — расплавь меня,
Раз молишь ты, напасть то я.

Вот я пришел с мольбой, джанум¹.
День — пополам с тобой, джанум.
Вот в страсти я какой, джанум.
Джанум, о джан,
Краса всех стран,
Мир, знание, опыт мой, джанум!

Учись, пытайся, познавай!
Хлеб-солью не пренебрегай!..
Лишь верно клятву соблюдай, —
Мудра в ней суть,
Ей верен будь.
Когда умру я, зарыдай.

Вот ты глаза багришь свои,
Ты всем цветы даришь свои,
Рекой ты слезы мчишь свои.
Ты — ток реки,
Полна тоски, —
Решенья, шах, твори ж свои!

Зарубит шаха ятаган,
И перевязки нет для ран
Боюсь, умолкнешь завтра, джан.
Мне быть в слезах,
В слезах, мой шах, —
Баритавур мне в скорби дан.

Ты песней стал, Саят-Нова,
Ты раной стал, Саят-Нова;
Ты садом стал, Саят-Нова,
Ковром царей, — напасть моя!

* * *

Ты — узоры парчи, ты как золото ткани, о джан!
Каламкар ты, что с Инда везли в караване, о джан!
Вожделенный алмаз, чьи бесчисленны грани, о джан!
Многоводных глубин жемчужовые дани, о джан!

Выйдешь в сад, — и волну вижу в плавности шага, джан!

1. Джанум — ласкательное обращение, душа, дорогая.

Скрой ты родинки щек, да не тронет их влага, о джан!
Удивляются все лику, полному блага, о джан!

Ты — украсивший мир новый плод в гюлистане¹, о джан!
Милосердною будь, пребывая со мною в ладу.
Джан милей не найду, пусть я многие земли пройду
Ни в индийских краях, ни на прангских коврах не найду.
Ты иной соткана для людских любований, о джан!

Славословий моих только слон мог бы книгу нести.
Мысли горькие ты от себя отгони. не грусти.
Тонок стан твой, как нить,
что могли бы сквозь жемчуг вести.
В зной грустим о тебе, как о темном платане, о джан!

От тебя я уйду, лишь когда минет срок моих дней.
Осени, как умру, ты меня покрывалом кудрей.
На Саят-Нову, джан, ты сложи груз печали своей.
Ты не схожа ни с кем, ты одна меж созданий, о джан!

* * *

Я — на чужбине соловей,
а клетка золотая — ты!
Пройдешь, как по ковру царей, лицо мне попирая, ты!
Твои ланиты — роз алей, как образ дивный рая — ты!
Как шаха, я тебя молю; молчишь, не отвечая, ты!

О милая! Вошла ты в сад и взорами цветы палишь:
Твои глаза огонь струят, ты силой красоты палишь,
А я своим мученьям рад: сгораю я, а ты палишь...
Никто так стройно не ступал,
как ходишь, всех сжигая, ты!

Причти меня к своим рабам!
Что я твой раб, не скрою я!
Поставь меня к своим вратам:
страдать в темнице стою я!
Я жив иль мертв, не знаю сам, но болен лишь тобою я!
Как море, как Араз², мечусь: причина — дорогая, ты!

Ты, с пятнышком лица, мила;
кто видел, тот пленен тобой,

1. Гюлистан — сад, цветник.

2. Араз — старое название реки Аракс.

Хотя ты мной пренебрегла, но суд произнесен тобой.
Ты отвернулась, отошла, не выслушан мой стон тобой,
Хотя жизнь можешь даровать, как царь повелевая, ты.

Саят-Нова сказал в слезах: «Я слез не лью, пока могу,
Но буду выносить я страх и скорбь свою, пока могу,
Хочу быть славным на пирах, тебя пою, пока могу...
Когда б со мной, саз золотой, вошла на пир, сверкая, ты!»

К соловью

Откуда ты? (Я соловью.)
Не плачь! не плачь! я слезы лью,
Ты розу ждешь, я — милую...
Не плачь! не плачь! я слезы лью.

Пой, соловей, песнь соловья!
Счастливой будь тропа твоя!
Тебе — цветок, мне — милая...
Но ты не плачь! я слезы лью.

В душе моей — тоска по ней,
Как острый шип в груди твоей.
Цветок иль яр? что сладостней?
Не плачь! не плачь! я слезы лью.

Как кипарис, один стою.
Пой, соловей! и я пою.
Ты розу ждешь, я — милую...
Но ты не плачь! я слезы лью.

Певец! мила мне песнь твоя!
Пылаем мы, и ты, и я...
Саят сказал: «О милая!
Не плачь! не плачь! я слезы лью».

* * *

С бесценным камнем джаваир своей красою сходна ты.
Ты всех в Меджнунов обратишь, сама с Лейлою сходна ты.

Моя на целом свете ты,
Нет у жестокой доброты.
Набатов губы залиты.
Как сахар, вся собою ты.

Тут нужен мастер, нужен саз,
Чтобы воспеть зубов алмаз.
Твой цвет лица — пранги атлас,
И вся с парчою сходна ты.

Рехана волос твой нежней.
Ты о другом вздыхать не смей.
О, не терзай души моей, —
Иль с девою злою сходна ты?

Беда для горькой головы.
Струится кровь из глаз, увы!
Увы, судьба Саят-Новы,
Теперь с рабою сходна ты.

* * *

Нынче милую мою видел я в саду;
След подковки золотой освятил гряду;
Словно розу соловей, я воспел звезду,
Взор затмился мой слезой, разум был в бреду.
Ах, пусть враг мой попадет, как и я, в беду!

Яр моя! твой нежный вид душу тайно жжет,
Образ твой — шербет любви, губы — сладкий мед.
Словом, взглядом многих ты мучишь в свой черед.
Что ж, убей, но не скажи, что и я — не тот!
Пусть умру, вверяю жизнь — твоему суду.

Пряди кос твоих весь год туго сплетены,
Мед в устах, могли б им быть груди смочены,
Расцветает алый рот между роз весны...
Но садовника глаза влагою полны:
Посмотри, как соловей, я пою и жду.

Ты прекраснее стократ, чем и твой портрет;
Если в комнату войдешь, тьмы без лампы нет;
Как вином мускатным дом, дух тобой согрет;
И в садах перед тобой блекнет каждый цвет;
Ветер льнет к тебе, вокруг воздух как в меду!

Знай: другой не воспою, ты доколь жива!
Выслушай, матах тебе: искренни слова!
Хлеб и соль не забывай, волю божества!
От любви к тебе — в тюрьме я, Саят-Нова!
Я теряю разум, я — вовсе пропаду!

* * *

Так жить хочу, чтоб каждым днем
обязан был я лишь себе.
Чтоб сотней бед, входящих в дом,
обязан был я лишь себе.
Чтоб всем сказать: своим добром
обязан был я лишь себе.
Бегу от зла, познав, что злом обязан был я лишь себе.
Я скромным стал; своим стыдом обязан был я лишь себе.

Из дальних стран — безумец я! —
Для всех свой клад сюда принес.
Рубинов рой — пусть ювелир свой косит взгляд —
сюда принес.
Товар индийский, что милей нам всех услад,
сюда принес.
С каких станков, каких шелков, какой наряд
сюда принес!
Торгую сам,
в труде своем обязан был я лишь себе.

Один мой тюк из прангских стран;
атлас горит в нем, как пожар.
Другой мой воз, — бесценный в нем,
как бы пергамент, каламкар.
Еще мой воз, — да весь Китай куплю за этот я товар!
Тут — блеск парчи, халаты там.
Для женских плеч все это дар.
Я все скроил, и вот во всем обязан был я лишь себе.

Индиго — здесь, а пурпур — там;
сюда глядите — тут шафран.
Корицы воз, гвоздики воз, —
добыча все далеких стран
Не мог стянуть края тюков:
чрезмерный груз тюкам был дан.
Со дна морей камня есть, — их мой привез вам караван.
Жемчужин набранных зерном обязан был я лишь себе.

Прослыша то, промолвил люд:
«Саят-Нова-то наш — богач»,
Забыв, что мне милей лады,
что мне не надо к ним придач.
Что песен звук ценней всего,
что мне ценней он всех удач,
Что держит смерть затылок мой,
об этом лишь мой горький плач,
Спаси, чтоб, песней теша яр,
обязан был я лишь себе!

* * *

Ты — как сирена, что губит плывущих.
Мне на погибель дана дорогая.
К северу, к югу, к востоку, к закату
Так ни одна не стройна, дорогая.

Дьяволу служит тобою плененный.
Будь хоть однажды ко мне благосклонной.
Пусть веселят нас за чашей бессонной
Бубен, сантур и зурна, дорогая.

Сердцем сказать мои беды я жажду,
Плачем излить мои бреды я жажду,
Вечной с тобою беседы я жажду,
Шуток, хмельнее вина, дорогая.

Скромен твой облик, и речи приятны,
В пальцах твоих сусамбар ароматный.
Жизнь отдаю тебе в дар безвозвратный,
Будь мне навеки верна, дорогая.

Скажет Саят: «Я не ведаю страха.
Хан, ради милой отрадна и плаха,
Лишь бы на прах мой могильного праха
Бросила горстью она, дорогая».

* * *

Страсть — огонь горящий, — приходя, пылает!
Знак призывный — скажут — яру дан: иду.
Бди той не знавший, пусть не испытает,
Полюбив, не скажет снова: «Джан, иду».

Многим от рожденья въелась в сердце рана;
Редких не любивших поздно или рано
Страсть страдать понудит — силой, невозбранна:
Извелся, истаял, — где там: «Джан, иду»!

Тысячу обличий страсть принять умеет,
Ум, живые мысли усыплять умеет,
Чуть поймала, когти показать умеет:
Так — то отступаю, то, как пьян, иду.

Если ты о страсти прихотливой спросишь:
«Ростом-Зал достался ль ей поживой?» —спросишь,

Или, как живется яр игривой, спросишь, —
Скажет: «Как султан я и как хан иду».

У Саят-Новы ли сил взяла ты мало?
Кто ж, неблагодарна, верности не знала
И меня не любит, — к той любовь пропала:
К любящей — любовью осиян, приду.

* * *

Отраден голос твой и речь приятна.
Бог — светоч твой в земном просторе, прелесть.
Ты станом — лань, ты — белый сахар цветом,
Ты — золото в цветном узоре, прелесть.

Скажу — ты шелк, но ткань года погубят;
Скажу — ты тополь, — тополь люди срубят;
Скажу — ты лань, — про лань все песни трубят.
Как петь? Слова со мной в раздоре, прелесть.

Скажу — цветок, — гора взрастила, скажут;
Скажу — алмаз, — земная жила, скажут;
Скажу — луна, — ночей светило, скажут.
Ты солнца свет таишь во взоре, прелесть.

Мой храм молитв — твои дверные плиты.
Твои глаза — как розы цвет раскрытый,
Язык — звучней пера, как снег — ланиты,
Ты дивный перл, возникший в море, прелесть.

Зерно любви ты в сердце мне вложила;
Томясь тобой, душа во мне изныла;
Ты своего Саят-Нову убила.
Не ведай слез, пусть мне все горе, прелесть.

* * *

Мне люди скажут: я по красе томлюсь.
Меджнун с Лейлой отрадней жизнь вели.
Тебе всечасно люди глядят в уста.
Всегда, как притчи, речи твои текли.

Язык твой — сахар или медовый сот.
Твой волос — нить рехана, что к розе льнет.

Побудь со мной, как день Цахказард¹
придет, Парчай золото-алой мне взор спали!

О, как-нибудь сгубите меня, прошу!
Вот я — мишень, пронзите меня, прошу!
Камнями поразите меня, прошу!
Забыл, тебе внимая, как дни прошли.

Я сам себя такую тоской убью,
Из глаз я слезы с кровью всечасно лью,
За днями дни питаю тоску свою,
Как соловей над розой, томясь вдали.
Безумен я. Колдуньи надменной нет.
Той, что не может быть неизменной, нет.
Саят-Нова сказал: драгоценной нет.
Я, проливая слезы, бреду в пыли.

* * *

Что без тебя сойбат² мне и что мне саз?
Гремки из рук роняю — раз, два — подряд.
Смутила так ты мысли мои, мой ум,
Что все забуду песен слова подряд.

Бинтом одним ли помощь двум ранам дам? —
Один слуга годится ль двум господам?
Один садовник в пользу ли двум садам?
Ведь ждут прививки все деревья подряд.

Старинных мастеров изречение вот:
«Насеял роз — а их недостойный рвет».
Тружусь, а все веселье — чужим пойдет.
Увы, рахипу — дни торжества подряд.

Что без тебя мне счастье, земной удел?
Не знать коварства, подлых не ведать дел.
Надел я власяницу, я шерсть надел,
Пойду в места святые сперва подряд.

Быть может, добрый кто-нибудь даст совет,
Меня от страсти освободит, мой свет.
И у семи мудрецов слов лучших нет,
Чем у тебя здесь, Саят-Нова, — подряд.

1. Цахказард — вербное воскресенье, праздник весны.

2. Сойбат — беседа.

* * *

Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня!
Наполненный живой водой златой пинджан¹ ты для меня!
Я сяду, ты мне бросишь тень,
в пустыне — стан ты для меня!
Узнав мой грех, меня убей: султан и хан ты для меня!
Ты вся — чинарный кипарис; твоё лицо — пранги-атлас;
Язык твой — сахар, мед — уста,
а зубы — жемчуг и алмаз;
Твой взор — эмалевый сосуд,
где жемчуг, изумруд, топаз.
Ты — бриллиант!
Бесценный лал индийских стран ты для меня!

Как мне печаль перенести? иль сердце стало как утес?
Ах, я рассудок потерял! в кровь обратились токи слез!
Ты — новый сад,
и в том саду, за тыном из роскошных роз,
Позволь мне над тобой порхать:
краса полян ты для меня!

Любовью опьянен, не сплю,
но сердце спит, тобой полно:
Всем миром пусть пресыщен мир,
но алчет лишь тебя оно!
С чем, милая, сравню тебя? — Все, все исчерпано давно.
Конь-Раш² из огненных зыбей, степная лань ты для меня!

Поговори со мной хоть миг, будь — милая Саят-Новы!
Ты блеском озаряешь мир, ты солнцу—щит средь синевы!
Ты — лилия долин, и ты — цветок багряный средь травы:
Гвоздика, роза, сусамбар и майоран ты для меня!

* * *

Я ждал, я пролил столько слез, —
Я в добрый час увидел яр!
Меня встречаешь, роза роз,
Шипами,
Шипами, —
Я в добрый час увидел яр!

1. Пинджан — особый сосуд, фиал.

2. Конь-Раш — конь Рустама из персидского эпоса.

Приди, пойми печаль мою:
Мученья смертные таю,
Горю любовью, слезы лью
Ночами,
Ночами, —
Я в добрый час увидел яр!

Наденешь пурпурный атлас,
Погубишь мир, отрада глаз.
Тебе к лицу — рубин, алмаз —
Я в добрый час увидел яр!

У саза нет иных забот,
Твои шамамы он поет.
В саду ты водишь хоровод
С друзьями,
С друзьями, —
Я в добрый час увидел яр!

Саят-Нова забыл покой:
Твои глаза — пинджан златой.
Да не глумится недруг злой
Над нами,
Над нами, —
Я в добрый час увидел яр!

* * *

Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти,
На весах пусть блещут лалов горсти, горсти,
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, равным другом!

Пусть я стану горсткой праха,
Яду я приму без страха,
Пусть придет указ от шаха, —
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, равным другом.

Пусть сверкают дивных лалов горсти, горсти,
Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти,
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, равным другом.

* * *

Не убивай, не утолив! Намек твой был иной, краса.
Коль я другую люблю, я человек пустой, краса.

На свете мне одна ты джан,
Лишь ты мне шах, султан и хан.
Взгляни хоть раз, избавь от ран,
Лишь взором удостой, краса.

Паломник, но без знака, я,
Царь, без венца, однако, я,
На свет гляжу из мрака я, —
Ты будь мне госпожой, краса.

В меня глубоко жар вошел.
Кремень в руке твоей тяжел.
Другую в мире кто б нашел,
Сравнимую с тобой, краса?

Саят-Нова пропал один,
Неколкой розой стал, один.
Скажи: «Ты сердце взял один!» —
Обет исполнишь свой, краса.

* * *

Ты — джаваир индийских стран,
бесценный дал пленительный.
Коснешься — дашь всему красу,
златой паргал пленительный.
Богач не каждый клад такой себе сыскал пленительны.
С тобой ли людям говорить, Ростома-Зал пленительный.

Самшит лесов, созрела ты, —
твой стройный стан стругать — зачем?
Тобой блажен твой господин,
так на других взирать — зачем?
Твой лик — золототканый плат;
пером его пятнать — зачем?
Бел, зелен, красен сарисар, —
тобою ал, пленительный.

Легко ль отречься от тебя,
тебя найдя с трудом, с огнем?
Увидит кто лицо твое — и помрачится умом.
Бесценный яхонт и алмаз, что в джаваирах весь кругом
Скандар-Зулхар¹ как талисман нам завещал —
пленительный.

1. Скандар-Зулхар — Александр Македонский.

Все время на прогулке ты и розы, и фиалки рвешь,
Из уст — хрустальный гулабдан —
вод розовых ты капли льешь,
Перо на царственном венце, нить золотую ты прядешь,
Ловца избегнувший джейран или марал пленительные.

Яр, отойти мне от тебя куда трудней, чем умирать,
От страсти обезумел я, а помощь как себе подать?
Саят-Нова тебе слуга, не больше. Все ж мне не понять,
Чтоб, отвернувшись от него, твой лик сиял, пленительный.

* * *

Нахмуря взор, насупя бровь,
глядишь, — твой врач стал пнем точь-в-точь,
Скажи: что сделал я тебе?
Но молвишь — вспыхнешь злом точь-в-точь.
Кто косо взглянет на тебя,
стань сердце камень в нем точь-в-точь.
О, смилуйся или убей,
расправься, как с рабом точь-в-точь.

Рабов не держишь у дверей,
царь, слуг разящий, не тая, —
Прими как притчу речь мою, — Венгра, мглу разящая;
Ты алой розой расцвела в саду, разящей соловья.
Руби, пока твой рубит меч, —
он схожий с сардаром точь-в-точь.

Яр, ты на путь меня наставь,
чтоб твердым стать я мог душой.
И день и ночь все плачу я,
глаза — как с гор поток весной.
Пусть пред тобой лежу и быюсь,
как пришлый о порог чужой.
Плох, — как Фархаду и Ширин,
мне смерть — пещерный дом точь-в-точь.

Весна дохнет — раскрыт цветок, и розы алой нет алей;
Садовнику что пользы в том, как нежно плачет соловей?
А с губ твоих стекает мед, промокнет ворот, — пожалей:
Сладкоречива ты своим, как сахар, языком точь-в-точь.

По слову виден человек, будь визир шаха пред тобой;
Не станет годным негодяй, будь он векил, назир судьбой;
Ты устоишь, твой ум везде останется самим собой:
Саят-Нова, вещай свое ты — лучника копьем точь-в-точь.

* * *

Ушел Фархад, Ширин, твой взгляд навек тоской опален!
Как выйду в сад? Шипы грозят, я розой злой опален.
Бюльбюль поет: взгляните вот, я камнем в зной опален.

Я столько месяцев молчу, одной весной опален.
Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

У падишаха нет в казне даров, достойных тебя,
Не ткали ни в одной стране платков, достойных тебя.
Рубинов жар на белизне перстов, достойных тебя.
Ты носишь платье из шелков, цветов достойных тебя.
Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

Ты сахар в середине сот, уста так чисты твои,
Ты середины марта злак, так хрупки черты твои,
Рехан волос укрыл от рос убор и цветы твои,
Чтоб в середине алых роз хранились мечты твои.
Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

Не потому ль Саят-Нова владелец всех горьких слез
Тесьмою золотой обвит рехан дорогих волос,
И золотое, к пояску, шитье хорошо пришло.

Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

* * *

Роза шлет весть соловью: мол, расцвела, — ожидает,
Чтоб над ветвями поржал, их подняла, — ожидает,
Чтобы звенели весны колокола, ожидает.
А соловей: нет, меня мак у села ожидает.

Молвила роза в слезах: «Маку вверяться не надо,
Помни, скиталец, тропу в гущу знакомого сада».
Пусть в забыти был Ростом — недругов тщетна засада,
Он победитель, его в мире хвала ожидает.

Сетует роза: «Тебя я прокляну, вероломный,
Минул апрель, минул май, розы не видишь ты скромной»;
Это все козни судьбы, старой карги неумной.
Умер Фархад, и Ширин смертная мгла ожидает.

Исстари все ж соловьи розу зовут своей милой,
Равную ж розе, молю, боже, спаси и помилуй,
Преданный Саят-Нова ждать будет и за могилой,
Так, как могила слуги шаха ждала, ожидает.

* * *

О царь, люби закон и суд, не будь жесток,
коль жизнь мила,
Виновен я — повелевай, швырни в поток,
коль жизнь мила,
Но не губи, не истребляй надежд исток,
коль жизнь мила,
Уедешь ли — бери с собой на юг, восток,
коль жизнь мила.

Ютится роза близ воды, прохладой веет сад для ней,
Зеленый лист и алый цвет —
созвучный песне лад для ней,
И все цветы ковром царей вокруг стелются,
горят для ней.
От глаз ворон убереги, о дуб, цветок,
коль жизнь мила.

Не быть вороне соловьем — я в этом заверенье дам,
Средь всех красивейших цветков
лишь розе предпочтенье дам,
И кто с серпом срезать придет,
тому свое презренье дам,
На страже будь, храни, о шип, родной росток,
коль жизнь мила.

Из дальних стран к нам соловей свой звон несет
по всем садам.
Саят-Нова, пронзив сердца,
нам песнь поет по городам.
О, джаваир, небесный лал —
мой лепесток, коль жизнь мила.

* * *

Серебрится серебром,
Золотом она горит,
Огненна моя любовь —
Так влюбленный говорит.

Поцелую нежно яр,
Поцелую честно я.
Если косо посмотрю,
Пусть тогда ослепну я.

Помни, знай мои слова,
Будь любимому верна.
Говоришь ты мне: терпи, —
Иссушила, испекла.

Гость любим, ему почет,
Гостю издавно дано
Много-много разных блюд
И без примеси вино.

В городе сегодня хан,
Сердце скуке не вверяй,
Жалобы неси ему,
Соловью ты доверяй.

Жалуешься соловью
На любимую свою.
Сердце ранила она,
Горе выплакать кому?

Соловью пусть — соловей,
А любви — любовь дана.
Кто безумен от любви
Милая тому нужна.

Волосы твои — ковыль,
Язычок твой — соловей,
А Саят — всегда в слезах,
Нет его судьбины злей.

* * *

Яр, тебе подходит алая тафта,
Обвяжися лентой красно-золотой,
Ножницы злачены в руки ты возьми,
Подровняй нависший локон над щекой.

Ты в саду на радость розой расцвела,
Соловью та роза сердце обожгла.
Над глазами брови — словно два крыла,
Стрел-ресниц лучится вытянутый строй.

Благовоньем сладким мир вокруг залит,
Шелк волос струится, пламенем горит,
Пальцы-свечи длинны, бел локтей самшит,
Ты — камыш и тополь статной красотой.

Нет в тебе души, знать, к лиху ты ведешь,
Жар моих страданий лаской не уймешь,
Не приветишь словом, равным не сочтешь,
Знаю, ты — царица, странник я простой.

На плечах ковыль колыхается, зовет...
Та любовь, боюсь, что сердце рассечет,
Я умру — к тебе такой уж не придет,
Я — Саят-Нома твой, брошенный судьбой.

ПОЭЗИЯ
НОВОГО ВРЕМЕНИ

МИКАЭЛ НАЛБАНДЯН

Микаэл Лазаревич Налбандян родился в семье ремесленника 2 ноября 1829 года в г. Нор-Нахичевань (ныне один из районов Ростова-на-Дону). Учился в Нахичеванской школе Габриела Патканяна. В 1853 году экстерном сдал экзамен при восточном факультете Петербургского университета. В 1854–1858 годах был вольнослушателем медицинского факультета Московского университета. Сотрудничал в издаваемом в Москве армянском журнале «Юсисапайл» («Северное сияние»). В 1859-м и в 1860–1862 годах жил за рубежом (Париж, Индия, Лондон, Италия). В начале 1860-х годов сблизился с А. Герценом и Н. Огаревым. В июне 1862 года Налбандян возвращается в Нор-Нахичевань. Здесь его арестовали по делу «лондонских пропагандистов», отвезли в Петербург и заключили в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. В ноябре 1865 года тяжело больного Налбандяна сослали в г. Камышин Саратовской губернии. Умер Налбандян в ссылке 31 марта 1866 года.

Велико было значение Микаэла Налбандяна как соратника и единомышленника русских революционных демократов, писателя, публициста и философа для развития армянской культуры, общественной мысли и демократического движения.

В 1940–1946 годах вышло в свет на армянском языке полное собрание сочинений М. Налбандяна в четырех томах. На русском языке: Избранные философские и общественно-политические произведения, М., 1954; Стихотворения, М., 1967.

Свобода

Когда свободный бог в меня
Вдохнул дыханье человека
И бренному созданью дал
Дар кратковременного века, —
Я, бессловесное дитя,
Не зная горя и невзгоды,

Ручонки слабые простер
К видению свободы.

Когда не спал я по ночам,
Спеленут, связан в колыбели,
И заливался, и кричал,
Пока не встанет мать с постели
И не развяжет детских рук
Ребенку малому в угоду, —
Наверное, тогда я дал
Обет любить свободу.

Когда от первой немоты
Освободил я голос звонкий
И радовались все кругом
Живому лепету ребенка,
Не «мать» и не «отец» тогда
Сказал я, как велит природа.

Нет, детские мои уста
Произнесли: «Свобода!»
«Свобода? — эхом прозвучав,
Судьба сурово спросила. —
Свободы воином навек
Ты хочешь стать, а хватит силы?
Тернист и тяжек будет путь
Отдавшего себя народу.
Мир узок, тесен для того,
Кто полюбил свободу».

«Свобода!» — восклицаю я.
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь.
Пусть враг меня смертельно ранит.
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!»
1845–1847(?)

Аполлону

Зачем ты дал мне, Аполлон,
Терзающую душу лиру?
Я недоволен, я смущен,
Я слышу горький ропот мира.

Ее ты в наказание дал,
Иль чтоб утешить скорбь глухую,
Иль чтоб сильнее я страдал
И чувства расточал впустую?

Возьми же лиру. Может быть,
Она нужней другим поэтам.
Ужели мог ты позабыть:
Однажды я просил об этом.

Приму я с твердостью в душе
Всё мне сужденное судьбою:
И желчь, и яд в ее ковше,
Мне поднесенном злой рукою.

Но никогда у ног твоих
Не стану ползать я бесплодно,
Как те, чей разум не постиг,
Что люди на земле — свободны!
1859

Песня итальянской девушки

♦Растоптана лихим врагом,
Глумящимся над честью,
Шлет родина сынов на бой,
Во имя гневной мести.

Бездольная! Немало лет
В оковах, как в темнице,
Но волей смелых сыновей
Она освободится.

Вот это знамя, милый брат.
Сама я вышивала.
Над ним я ночи не спала,
Слезами омывала.

На нем три цвета — посмотри, —
Цвета отчизны нашей,
Чтоб сгинуть Австрии навек.
Пусть блещет знамя краше!

Чем может женщина в боях
Помочь своим любимым?
Тебе я отдаю свой труд,
Он был неутомимым.

Скорее на коня, храбрец,
Держи высоко знамя!
На помощь родине своей
Иди вперед с друзьями!

Смерть всё равно нам суждена.
Изменим ли природу?..
Блажен, кто пал за свой народ,
За родины свободу.

Любовь народа верный щит,
Спеши, господь с тобою.
Везде тебе я буду, брат,
Сопутствовать душою.

Борись отважно, чтоб врагу
Твоей спины не видеть,
Чтоб итальянца словом «трус»
Никто не мог обидеть».

И протянула брату стяг
Заветный итальянка:
В три цвета вышила его
Искусная смуглянка.

И поклонился брат сестре
За доблестное слово.
Взял саблю, верное ружье
И сел на вороного.

«Спасибо, — молвил он, — прощай,
Любимая сестрица,
Верь, будет знаменем твоим
Вся армия гордиться.

А если я паду, не плачь
Над тихою могилой —
В загробный мир со мной пойдет
Враг — не один — постылый!»

Навстречу австриякам брат
Помчался в непогоду —
Ценою крови купит он
Италии свободу.

О, как болит моя душа,
Когда я вижу ныне

Такую жаркую любовь
К родной земле в кручине.

Хоть вполонину б так любил
Народ мой униженный!
Но где же, Егише, тобой
Прославленные жены?!

Рыдания теснят мне грудь,
Невмочь писать мне далее,
Раз итальянки таковы —
Ты не жалка, Италия!

Ответ великого Вагана Мамиконяна

Мы вновь — говорим? Говорим и теперь,
Когда единенья меж братьями нет,
И каждый на каждого смотрит, как зверь,
Когда попираем мы предков завет,
Когда раздружились с народом своим?
Мы вновь — говорим?

Мы вновь говорим? Но не с тысячью ль пал
Вардан наш из тысяч шестидесяти,
А персов остался лишь полк и бежал
От наших, от тысяч шестидесяти?
Мы стали небрежны, добра не храним,
Мы вновь — говорим?

Мы вновь говорим? А не видите: брат
Кровь братскую пьет; хуже пришлого свой,
Вновь идолов чествуют Двин, Арташат
И дымом задернулся крест храмовой?
Когда мы себе же худое творим,
Мы вновь — говорим?

* * *

Мы вновь говорим? А на родине власть
У гнусных ласкателей в грязных руках?
Сидит раболепник на шее у нас,
Что мы перед сильным? Ничтожество, прах!
Лижи ему ногу, склоняйся пред ним...
Мы вновь — говорим?

Мы вновь говорим? А презренный пришлец,
Сынам Просветителя крылья связав,
Сам пастырей ставит для наших овец,
Как хочет его зложелательный нрав,
И мы «Многи лета пришельцу!» кричим...
Мы вновь — говорим?

Мы вновь говорим? Подойдя, поклонясь,
Любому ничтожеству руку мы ждем, —
Собакам дворовым! Они же при нас
Не смеют явиться с открытым лицом,
Под масками прячутся... Мы же их чтим!
Мы вновь — говорим!

Иль совести нашей святая вода
На лбу не оставила капли стыда?
Нет! Пропадом мы не хотим пропадать!
Пора нам мечи вражьей кровью обдать!
Народ свой и веру спасем! Победим!
И — заговорим!
1862–1861 (?), (1868)

МКРТИЧ ПЕШИКТАШЛЯН

Мкртич Пешикташлян родился в семье ремесленника 18 августа 1828 года в Константинополе. Окончил в 1845 году школу конгрегации мхитаристов в Падуе. (В 1717 году Мхитар Себастиани организовал в Венеции центр по изучению армянской культуры.) Вернувшись в Константинополь, занимался педагогической и общественной деятельностью. Пешикташлян — один из основоположников армянского театра в Константинополе, он — автор исторических трагедий «Аршак II», «Ваган Мамиконян» и др. В своей лирике, а также в трагедиях Пешикташлян выразил идеи национально-освободительной борьбы.

Умер Пешикташлян 29 ноября 1868 года в Константинополе.

Сочинения на армянском языке: Стихотворения, Ереван, 1961; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

Мы — братья

Пусть как один святой напев
Природы голоса поют;
Иль пусть — прекраснейшей из дев
Персты по струнам пробегут;
Все эти песни не звучат
Милее звуков слова: «брат»!

Мы — братья! Руку мне подай:
Лишь буря разлучала нас!
В лобзанья братском исчезай
Всё зло, что создал Рок на час.
Везде, где очи звезд блещут,
Что есть желанней слова: «брат»!

Пусть мать седая Айастан
Друг с другом видит сыновей
И боль целит глубоких ран
Слезам сладкими очей!

Везде, где звезд огни горят,
Что есть прекрасней слова: «брат»!

Мы прежде шли путем одним..
Мечты — вновь вместе быть — зовут!
Печаль и радость соединим,
И плодотворен будет труд!
Везде, где звезд нетленен ряд,
Что есть священной слова: «брат»!

Ах! Вместе сеять, вместе жать,
И вместе лить на нивах пот,
И жатву блага собирать, —
Твой, твой расцвет, родной народ!
Какие ж звуки прозвучат
Милей желанных звуков: «брат»!
1862

Зейтунский армянин

Навис утес над кручей гор...
Там бледный юноша сидит.
По скалам вдумчиво скользит
Его угрюмый, мрачный взор.
«О чем скорбишь, печальный сын
Скалистых гор, дитя долин?

Иль хочешь ты, чтоб синий вал
Тебе на сумрачных волнах,
Как на грохочущих струнах,
Свою мелодию сыграл?
О чем скорбишь, печальный сын
Скалистых гор, дитя долин?

Иль, может быть, хотел бы ты,
Чтоб небосвод тебе дарил
Улыбку ласковых светил
И улыбались бы цветы?..
О чем скорбишь, печальный сын
Скалистых гор, дитя долин?

Иль, может быть, ты ждешь, что мать
И та, которой предан ты,
Придут в печали утешать,
Рассеют мрачные мечты?»
— «Я жажду пуль, кровавых встреч.
Хочу в руках держать я меч!»

Рафаел Габриелович Патканян родился в семье священника-педагога 8 ноября 1830 года в Нор-Нахичевани (ныне один из районов Ростова-на-Дону). Учился в Москве в Лазаревском институте восточных языков (1843–1849). Окончил также восточное отделение Петербургского университета (1866). В 1855–1857 годах издавал в Москве литературные сборники «Гамар-Катипа». В 1863–1864 годах издавал в Петербурге и редактировал журнал «Юсис» («Север»). С 1866 года жил в Нор-Нахичевани.

Творчество Патканяна, его стихи, его рассказы, пронизано идеями патриотизма и национально-освободительной борьбы. В 1877–1879 годах, во время русско-турецкой войны, когда со всей остротой встал вопрос об освобождении западных армян, Патканян создал высокие образцы гражданской поэзии.

Умер Патканян 22 августа 1892 года в Нор-Нахичевани.

В 1963–1974 годах вышло в свет на армянском языке собрание сочинений Патканяна в восьми томах; на русском языке: Певец гражданской скорби. Избранные стихотворения Рафаэля Патканяна, М., 1904; Антология армянской поэзии, М., 1940.

Слезы Аракса

По берегам твоим заснувшим
Брожу, Аракс, в тоске моей.
Я уношусь к векам минувшим,
Взываю к теням славных дней!..

Но волны бурные несутся,
Не внемля, пенясь и шумя;
О берег с плачем горьким бьются
И мчатся в дальние края..

Поведай мне, Аракс могучий,
По ком рыдаешь ты порой?

Зачем объят тоскою жгучей
Ты даже чудною весной?

И слезы горькие струятся,
Из гордых падают очей,
И волны к морю вдаль стремятся
От грустной родины моей?..

О, не мутит же в гневе воды!
Забудь волнение и печаль!
О, вспомни вновь былые годы!..
Зачем спешишь ты к морю вдаль?..

Пусть снова розы украшают
Сады прибрежные твои,
А ночью песней оглашают
Заснувший берег соловьи!

Пусть ивы свежестью отрадной,
Сгибаясь, дышат у воды —
И в жаркий день в струе прохладной
Купают нежные листья.

Пускай пастух с свирелью бродит
По берегам твоим порой,
И стадо мирное приходит
К тебе в жару на водопой!..

Аракс запенил гневно воды
И влагу бурей всколыхал, —
И в шуме диком непогоды
Я голос грозный услышал:

«Зачем с желаньем безрассудным
Пришел, безумец, ты ко мне, —
Тревожить вновь виденьем чудным
Меня в тяжелом полусне?»

В тоске по муже, в тяжком горе.
Ужель вдову, средь грустных слез,
Ты встретишь в праздничном уборе,
Как в годы счастья, годы грез?

И мне... зачем мне украшаться?
Красою чей мне тешить взгляд?
Мои сыны в плену томятся,
Мои враги везде царят...

А были дни, в краю свободном
Я в чудном блеске протекал,
И к морю вдаль в просторе водном
Спокойно шел за валом вал.

В те дни я гордо украшался,
Сверкали, искрились струи...
А утром ранним отражался
В них отблеск пламенной зари.

Но что же случилось с древней славой
Моих роскошных берегов?
Где храм иль замок величавый?
Где блеск старинных городов?..

Лишь Арарат не забывает
О славе скрывшейся моей,
И влагой нежно он питает
Мое русло, как мать — детей...

Но влаги вечной и священной
Достойны ль мертвые поля,
Где турок властвует презренный
И стонет древняя земля?

Мои сыны... Их нет со мною!
Но сколько их в стране чужой,
В борьбе с гнетущею нуждою,
В борьбе за хлеб насущный свой!

Моих сынов враги изгнали,
Отчизну душит низкий плен,
И в древний край они прислали
Толпы неверных мне взамен!

Для них ли пышными цветами
Теперь украшу берег свой,
И мне ль пред дикими очами
Блистать чарующей красой?

Пока сыны мои томятся,
Пока для них отчизны нет,
Я буду скорби предаваться. —
И свят да будет мой обет!►

И, белой пеной одеваясь,
В ней скрыл Аракс свою печаль. —

И, точно змейка извиваясь,
Понес он волны к морю вдаль.
1855

Из поэмы

«Смерть храброго Вардана Мамиконяна»

И теперь нам молчать, о друзья, и теперь,
Когда враг нас терзает, как яростный зверь,
Прямо в грудь направляет свой меч роковой,
Не смущаясь рыданием и скорбной мольбой?
О братья армяне! пора отвечать:
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг
Захватил ухищреньем наш отчий очаг,
Имя Гайка низверг, что блистало в былом,
И, великий в веках, обещен Торгом,
Лишил языка, отнял скипетр и рать?
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг
Отнял меч-оборону, унизив наш стяг,
У работников плуг вырвал дерзко из рук,
Переделал на цепи тот меч и тот плуг?
О горе! в плену мы должны изнывать!
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг,
Поднимая оружие, как гибельный знак,
Нас таить заставляет рыдания невзгод,
То, что душу гнетет, нам сказать не дает?
Чтобы плакать, где свой нам Евфрат отыскать?
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг,
Совершая с надменностью каждый свой шаг,
Голос правды в душе у себя заглушив,
Гонит нас из страны, от родных наших нив?
Скитальцам, нам некуда, братья, бежать.
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг,
Равнодушно взирая па толпы бродяг,
Нагло руку простер и, преступно глумясь,
Оборвал между братьев последнюю связь?

Так близко гибель армян! Что начать?
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг
Нас лишает последних, божественных благ?
Нашу церковь гнетет, чтоб сломить нас верней,
Волка в шкуре овечьей поставив над ней.
Нет храмов, где б нам принимать благодать.
И ныне молчать?

И теперь нам молчать? Что же скажет весь свет,
Если камни и скалы застонут в ответ?
Скажут все, что армяне достойны судьбы,
Что они по заслугам в плену и рабы!
Умели отцы край родной защищать!
Доколе ж молчать?

Пусть молчит тот, кто нем, чей недвижим язык,
Или тот, кто в ярме видеть сладость привык!
Но в ком сердце мужчин, кому честь дорога,
Пусть бесстрашно идет против злого врага!
Кто славой сумел свою смерть увенчать,
Тот вправе молчать!
1856

Новое поколение мушцев

Когда для жизни трудовой
Средь мук рождает сына мать —
Ему точеный, острый меч
Отец в подарок должен дать!

Когда ребенок подрастет,
К игрушкам вкус проснется в нем, —
Пусть привыкает он играть
Бесстрашно гибельным ружьем!

И пусть, когда пора придет
В ученье мальчика отдать,
Он прежде учится мечом
Владеть, — а после уж читать!

Читать, писать — полезно всем...
Но мало грамоты одной!
Пролить готов ли ученик
Всю кровь за честь страны родной?..

И лишь тогда иной удел
Придет для нас в краю родном...
Кто сердцем горд и духом смел, —
Не будет нищим и рабом!
(1879)

Великий человек

«Ступай, мой сынок, и весь мир обойди,
И, признан великим, назад приходи».

Отправился сын, много поту пролил
И деньги большие, богатство скопил.
Вернулся к отцу, говорит с похвальбой:
«Не стал ли великим твой сын дорогой?»
— «Нет, нет! Ты большое богатство снискал,
Но всё же великим доныне не стал».

И снова пошел он — к земным мудрецам.
Ученым и гением сделался сам.
Вернулся к отцу, говорит с похвальбой:
«Не стал ли великим твой сын дорогой?»
— «Нет, нет! Ты великую мудрость снискал,
Но всё же великим доныне не стал».

Пошел в монастырь он, укрылся в леса,
Вериги надел и творил чудеса.
Вернулся к отцу, говорит с похвальбой:
«Не стал ли великим твой сын дорогой?»
— «Нет, нет! Ты великую святость снискал.
Но всё же великим доныне не стал».

Он стал полководцем, был ловок и смел,
И много земель покорить он сумел.
Вернулся к отцу, говорит с похвальбой:
«Не стал ли великим твой сын дорогой?»
— «Нет, нет! Ты великую славу снискал,
Но всё же великим доныне не стал».

Пошел он в страну, где гнезился дракон;
Дракона убил исполинского он.
Вернулся к отцу, говорит с похвальбой:
«Не стал ли великим твой сын дорогой?»
— «Нет, нет! Ты великую доблесть снискал.
Но всё же великим доныне не стал».

Он вспомнил тогда, что в плену его брат,
 Что братскую руку оковы тягчат,
 И вновь он на подвиг тяжелый пошел
 И, выручив, брата свободным привел.
 Вдруг горы, и доли, и море кругом,
 И люди, все люди, вскричали о нем:

«Себя позабыв, ты о брате взыскал!
 Великим, великим отныне ты стал!»
 1880

Жаворонок

«Жаворонок, в небо ты зачем летишь.
 Песней серебристой в облаках звенишь?

Отчего не хочешь петь среди цветов,
 Там, где ты выводишь маленьких птенцов?»

«Ах, есть много, много горя у меня!
 Друг меня покинул, жизнь свою кляня;
 Земледелец мирный этим другом был:
 Страх перед врагами мир его смутил.

Стал наш край родимый пуст и молчалив,
 И растет репейник вдоль армянских нив.

На земле отныне нет покоя мне,
 Оттого стремлюсь я к ясной вышине.
 Целый день и вечер в небесах я вьюсь,
 Целый день я песней господу молюсь,

Чтоб благой десницей нас он защитил,
 Чтоб армянский пахарь снова мирно жил.

Чтоб светило счастье нам в родном краю;
 Вот о чем под небом грустно я пою».
 1880

ГЕВОРГ ДОДОХЯН

Геворг Додохян родился в 1830 году в селе Годенлу близ Симферополя. Окончил в 1859 году Дерптский университет. В период учебы в университете написал свое знаменитое стихотворение «Цицернак» («Ласточка»), ставшее популярной народной песней. После окончания Дерптского университета учительствовал на Северном Кавказе. С 1867 года жил в Симферополе. Долгие годы преподавал здесь в семинарии.

Умер Геворг Додохян в 1908 году.

Додохян известен как автор одной-единственной песни «Цицернак», хотя в 1930-х годах были обнаружены и изданы на армянском языке многие его стихотворения (Тбилиси, 1939).

Цицернак

Цицернак, цицернак,
Гость пернатых ватаг.
Ты куда же летишь,
За зигзагом зигзаг?

Чрез поля, чрез овраг
Мчись в родной Аштарак
И под кровлей родной
Свей гнездо, цицернак!

Там, далеко, с тоской,
Мой отец, весь седой,
Сына милого ждет
С каждой новой зарей.

Мой привет в этот дом
Передай перед сном
И скажи: «Ах, старик,
Плачь о сыне своем!»

Расскажи, сколько бед
Я терплю много лет;
Что все дни я в слезах,
Что полжизни уж нет.

Для меня небосклон
От зари затемнен,
На глаза мои в ночь
Не спускается сон.

Ах, без пользы вдали
Силы сердца ушли.
Я — красивый цветок
Без родимой земли.

Улетай, цицернак!
За зигзагом зигзаг,
Мчись к армянской земле,
В мой родной Аштарак!

Газарос Агаян родился в крестьянской семье 4 апреля 1840 года в селе Болнис-Хачен, близ Тифлиса. В 1853 году поступил в Нерсисяновскую семинарию, которую из-за нехватки средств не окончил. Работал наборщиком в Тифлисской типографии. В 1862–1867 годах работал наборщиком в Москве (типография Лазаревского института восточных языков) и в Петербурге (типография Академии наук). Занимался самообразованием, изучал русскую и европейскую литературу. Вернувшись на родину, всецело отдается литературной педагогической деятельности. Агаян — автор учебника «Родной язык», мемуарной книги «Главные события моей жизни». Написал роман «Две сестры», стихотворения и сказки для детей. Из лирики широко известно стихотворение «Прялка». Умер Газарос Агаян 20 июня 1911 года. В 1939 — 1950 годах были изданы на армянском языке сочинения Г. Агаяна в четырех томах; на русском языке: Избранное, Ереван, 1941.

Прялка

Прялка, ты вертись, вертись,
Белую кудель пряди,
Нитка толстая, тянись:
Нужд немало впереди!

Масла я влила в ушки,
Прикрепила рукоять;
Ну, пряди, пряди мотки,
Двигай крыльями опять!

Прялка, ты вертись, вертись,
Колесо свое вращай,
Нитка толстая, тянись,
Веретена оплетай!

Тиграник мой к пастуху
Ходит в поле босиком.
Габриэл продал чуху,
Плачет ночью, плачет днем.

Прялка, ты вертись, вертись,
Белую кудель пряди,
Нитка толстая, тянись:
Нужд немало впереди!

Ни мешка нет, ни ремня,
Ни веревки, ни сумы;
Не бывало прежде дня,
Чтобы так нищали мы!

Ах, невестой я ткала
И паласы, и ковры;
Замуж вышла — продала
Даже войлок с той поры!

Красный день мой почернел,
Тот пришел, кто в долг давал;
С черным сердцем, что хотел.
Всё унес, всё отобрал.

Прялка, ты вертись, вертись,
Белую кудель пряди,
Нитка толстая, тянись:
Нужд немало впереди!
1882

Смбат Симонович Шахазиз родился в семье священника 5 сентября 1841 года в селе Аштарак, близ Еревана. Окончил в Москве Лазаревский институт восточных языков (1860), получил в Петербургском университете степень кандидата восточных языков (1867). Первый сборник стихов «Часы досуга» (1860) отмечен романтическими настроениями. Испытал воздействие Микаэла Налбандяна, что отразилось в новом стихотворном сборнике «Скорбь Левона и различные стихотворения» (1865). Лирика зрелого Шахазиза гражданственна и социально значительна. В последний период жизни занимался преимущественно публицистикой: «Голос публициста» (1881), «Летние письма» (1897), «Воспоминания о празднике Варданидов» (1901), «Несколько слов моим читателям» (1903).

Умер Смбат Шахазиз 24 декабря 1907 года в Москве.

Литература на армянском языке: Сочинения, Ереван, 1961; на русском языке: Юрий Веселовский. Армянский поэт Смбат Шахазиз. Критический этюд и избранные произведения Шахазиза, М., 1905.

Сон

Я услышал нежный голос,
К старой матери склонен,
Сердце с радостью боролось...
Горе! Это был лишь сон.

Там журчал ручей струистый,
Жемчугами опенен,
Как хрусталь прозрачно чистый...
Горе! Это был лишь сон!

Грустной песнею волнуем,
Был я детству возвращен.
Мать приникла поцелуем...
Горе! Это был лишь сон.

Мать отерла мне в печали
Взор мой — был он затенен.
Ах, но слезы всё бежали:
Почему то был лишь сон?
2 января 1864

Да здравствует святой труд!

Была пора любви беспечной...
На струнах лиры молодой
Я пел о страсти бесконечной,
Объятый пламенной мечтой...

И муза неги самовластно
Внушала песни мне свои,
О чудных снах шептала страстно,
О сладких грезах, о любви...

Я возмужал — и сбросил смело
Ревнивой музыки власть и гнет...
И честный труд, святое дело
К себе мечты мои влечет!

Я услышал рыданий звуки
И вздохов тяжких в грустный миг.
Я горечь слез познал и муки,
Мольбы народа я постиг...

И дал обет служить всецело
Я ближним песнею своей...
И честный путь прославит смело
Певец трудящихся людей!
1 июня 1864

Аштарак

Листвой деревьев осенен
Мой Аштарак родной...
Там воздух чист и небосклон
Сияет голубой...

Кругом поля, как изумруд,
Душистые цветы...
И травы пышные растут
Там редкой красоты.

Село родимое лежит
Над быстрою рекой.
Форель резвится и шалит
В волнах ее порой...

Разлит волшебный аромат
В приветливых садах,
И воды ласково журчат,
Что вдаль несет Касах.

Но мрак невежества гнетет
Там робкие умы.
И задыхается народ
Под игом вечной тьмы!

Грущу я часто в тишине,
Красу твою любя...
О Аштарак! Подобно мне
Любил ли кто тебя?

Когда весь мир в объятьях сна, —
Как прежде, я томлюсь...
В полночный час душа грустна,
Я за тебя молюсь.
2 июня 1864. Богородск

Дживани — псевдоним Сероба Бинголяна-Левоняна. Родился в крестьянской семье в 1846 году в селе Карцах (Ахалкалакский район Грузии). Начальное образование получил в родной деревне. Зарабатывал себе на хлеб тем, что сам исполнял свои песни в Александрополе (ныне Ленинакан), Тифлисе... Песни Дживани в его собственном исполнении пользовались огромной популярностью. Его лирика пронизана народным мироощущением и близка к песенному фольклору. Лучшие стихотворения Дживани стали народными песнями и по сей день любимы в народе. Дживани был крупнейшим представителем так называемой, ашугской поэзии.

Умер Дживани 20 февраля 1909 года в Тифлисе.

Сочинения на армянском языке: Лира Дживани, Ереван, 1959; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

В эту ночь

Виночерпица! дай мне вина в эту ночь.
Я томлюсь, и душа так мрачна в эту ночь.
Чем-нибудь пусть замлеет она в эту ночь,
Чтоб не даром страдать мне без сна в эту ночь!

Сделай милость, красавица, сядь, отдыхай!
О хвалимая, боли моей сострадай!
Что в седых погребях, то вино мне подай,
На огонь мой лей воду до дна в эту ночь!

Дай мне, милая, руку: тобой — я пленен;
Мы в одно соединим нежный звук двух имен:
Ведь ты видишь: ко мне не придет уже сон,
Выйдем в сад, даль — чиста, даль — ясна в эту ночь.

Сколько раз, милый друг, я делил твою боль.
Покориться тебе, быть рабом мне позволь.

Любишь, нет ли, скажи! ах, солгать — хорошо ль?!
Доскажи до конца, всё сполна — в эту ночь.

Ах, внемли! в эту ночь можешь ты мне помочь!
Постарайся смущенье свое превозмочь;
Если нам друг для друга цвести, — цепи прочь!
Будет данная клятва прочна — в эту ночь.
1882

* * *

Как дни зимы, дни неудач недолго тут:
придут — уйдут.
Всему есть свой конец, не плачь! Что бег минут:
придут — уйдут...
Тоска потерь пусть мучит нас; но верь, что беды
лишь на час;
Как сонм гостей, за рядом ряд, они снуют:
придут — уйдут.

Обман, гонение, борьба и притеснение племен,
Как караваны, что под звон в степи идут:
придут — уйдут.
Мир — сад, и люди в нем — цветы! но много
в нем увидишь ты
Фиалок, бальзаминов, роз, что день цветут:
придут — уйдут.

Итак, ты, сильный, не гордись! итак, ты, слабый,
не грусти!
События должны идти, творя свой суд:
придут — уйдут.
Смотри: для солнца страха нет скрыть в тучах
свой палящий свет,
И тучи, на восток спеша, плывут, бегут:
придут — уйдут.

Земля ласкает, словно мать, ученого, добра, нежна;
Но диких бродят племена, они живут:
придут — уйдут...
Весь мир — гостиница, Дживан! А люди —
зыбкий караван!
И всё идет своей чредой: любовь и труд, —
придут — уйдут.

1892

Люди

Славнее тварей всех земных, — кто выше нас, людей?
 Но сотни тысяч раз, увы! — как низок нрав людей!
 Ни бодрости, ни верных дружб, ни дней веселых нет.
 Как разгадать причину бед, откуда грусть людей?

От них самих такая боль, и муки, и тоска.
 Изнашивает их юдоль, и жизнь их коротка.
 Умы людские — черных туч бездомные пути.
 Они не знают, что творят, куда, зачем идти.

Хозяева зверей и птиц, ремесел господа,
 Властители вещей и сил, — крепка людская власть.
 Навек закреплена их связь, порука их тверда,
 Не распадется никогда, да и не в силах пасть.

Да, человеческий облик юн, о Дживани-ашуг!
 Не ярок свет людских лампад и вверх не вознесен.
 Мы как подростки. Долог наш младенческий досуг.
 Мы будто в колыбели спим, и сладок ранний сон.
 1899

Ашуг

Хоть не крылат певец-ашуг, —
 Сегодня тут, а завтра там,
 Пернатый брат певец-ашуг, —
 Сегодня тут, а завтра там.

То хочет пить, то хочет есть,
 То слышит брань, то слышит лесть,
 И так весь век ему провесть, —
 Сегодня тут, а завтра там.

Ашуг родился светляком,
 Разносит вести, всем знаком,
 Он облако под ветерком, —
 Сегодня тут, а завтра там.

В надежде тщетной он бредет,
 То в город, то в село пойдет;
 Он вдруг, как молния, падет, —
 Сегодня тут, а завтра там.

Дживан! Ему покоя нет,
Пчелой летает много лет;
Так и покинет белый свет, —
Быть может, тут, быть может, там.
1902

Народный гнев

Гнев народа — как поток ужасный,
Спорить с ним, бороться — труд напрасный.
Коль восстанет, беспощадный, страстный,
Он утес-громаду разнесет!

От огня, гордец, ты станешь черен,
Коль умен — будь пламени покорен.
Рой пчелиный в ярости упорен —
И вишапа страшного убьет.

Человек комочком теста мнится,
Но могучий порох в нем таится.
Не шути с народом: коль сплотится —
Горы сдвинет, в море их сметет.

Тяжела пощечина народа,
Гнев его страшнее год от года.
Будет день, и сокрушит свобода
Всех — кто ныне прахом нас зовет.
1905

Петрос Дурян родился в семье бедного кузнеца 20 мая 1852 года в Константинополе. После окончания школы (учился с перерывами — надо было зарабатывать на жизнь) перепробовал ряд профессий: ученик аптекаря, приказчик, актер.

Жизнь Петроса Дуряна была недолгой, он заболел туберкулезом и умер 21 января 1872 года, не прожив и полных 20 лет.

Дурян оставил после себя исторические пьесы («Арташес I», «Падение династии Аршакидов», «Взятие Ани, столицы Армении», «Тигран Второй» и др.), проникнутые духом патриотизма. Славу поэта составили, однако, его лирические стихотворения.

В 1971–1972 годах издан двухтомник сочинений Петроса Дуряна на армянском языке. На русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

Моя смерть

Если смерти ангел бледный
Мне предстанет, взор склонив,
Свеет скорбь рукой победной, —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если светом бледным свечи,
Ложе смерти озарив,
Мне зальют лицо и плечи, —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если друг, в слезах, быть может,
Льдистым саваном обвив,
В черный гроб меня положит, —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если колокол застонет —
Смерти смех, ее призыв,

И мой гроб в толпе потонет, —
Знайτε: я, как прежде, жив!

Если близкие, с рыданьем
Гроб в могилу опустив,
Не промедлят с расставаньем, —
Знайτε: я, как прежде, жив!

Если ж та могила станет
Всем чужой и навсегда
Память обо мне увянет, —
Знайτε, что я мертв тогда!
1871

Моя скорбь

Я не о том скорблю, что в жажде сновидений
Источник дум святых иссякшим я нашел,
Что прежде времени мой нерасцветший гений
Сломился и поблек под гнетом тяжких зол;

И не согрел никто горячим поцелуем
Ни бледных уст моих, ни бледного чела;
И, счастья не познав, любовью не волнуем,
Смотри: уж предо мной зияет смерти мгла. .

И не о том скорблю, что нежное созданье,
Букет из красоты, улыбки и огня,
Не усладит мое последнее страданье,
Лучом своей любви не озарит меня...

Я не о том скорблю... Нет, родине несчастной —
Все помыслы мои... О ней моя печаль!
Не в силах ей помочь, томясь тоской напрасной,
Безвестно умереть, — о, как мне жаль, как жаль!
1871

Ропоты

Прощайте, бог и солнце, — мир лучей,
Горящий знойно над душой моей!
Собой умножу в небесах огни.
Что звезды? Не проклятье ли они
Несчастных, неповинных душ, чело
Браздящих неба горько и светло?

О, ружья огненные бога, вы —
Основы молний, перлы синевы!

Что я сказал? Испепели меня,
Разбей, о боже! Атом жалкий, я
Осмелился стремиться к небесам!
Желал взнестись к божественным огням!
Молюсь тебе, о боже, в дрожи мук,
Цветение и луч, волна и звук,
О, снявший розу с моего чела,
Огонь — с очей, с уст — трепет, блеск — с крыла?
Ты сердцу вздохи дал и взорам — тьму!
Сказал, что в смерти я тебя пойму.
За гробом жизнь, я верю, для меня
Ты сохранил: молитв, цветов, огня!
А если мне исчезнуть суждено,
Беззвучно, безответно пасть на дно, —
Дай бледной молнией теперь же стать,
Над именем твоим, восстав, кричать.
Что ты — «бог мести», впиться в грудь твою
Проклятием, подобно острию!

Ах, я дрожу, я бледен, я заклят,
Во мне вся внутренность кипит, как ад...

Меж стонов кипарисов черный вздох,
Я — лист осенний, что поблек, иссох.
Мне искру дайте, искру, чтобы жить!
Как после грез холодный гроб взлюбить?
О боже, как судьба моя черна!
Могильной сажеей вписана она.
О, влей хоть каплю пламени в нее!
Я жить хочу, хочу любить еще...
Мне в душу падайте, огни небес,
Чтоб ваш любовник горестный воскрес!

Весна челу ни розы не дает.
Ни луч с небес улыбкой не скользнет:
Ночь — гроб мой; звезды — факелы; уныл,
Блуждает месяц, плача, среди могил.
Для тех, над кем никто не сронит слез,
Ты этот месяц в небеса вознес.
Кто к смерти близки, всё же нужны тем
Сначала — жизнь, и плакальщик затем.
Писали тщетно звезды мне: «Любовь!»,
Пел тщетно соловей: «Люби же вновь!»

Твердили тщетно ветры о любви,
И отражали ясный лик ручьи!
Напрасно лес при мне был молчалив.
Молчали листья, тайну затаив,
Чтоб не смутить мечты святой моей.
Напрасно я всегда мечтал о ней,
Напрасно вы, весенние цветы,
Струили ладан на мои мечты!
Нет, всё смеялось в злобе торжества,
И этот мир — насмешка божества!
1871

ИОАННЕС ИОАННИСИАН

Иоаннес Мкртичевич Иоаннисиан родился 26 апреля 1864 года в Вагаршапате (ныне — район Эчмиадзина). С 1877 года учился в Москве, вначале в гимназических классах Лазаревского института, а затем на историко-филологическом факультете университета (окончил в 1888 году). Долгие годы учительствовал (Эчмиадзин, Тифлис, Баку), преподавал русскую литературу, а также историю всеобщей литературы. С 1912 года по май 1918 года был председателем училищной комиссии при Бакинской городской управе. В дни Бакинской коммуны продолжал работать в качестве члена Городского совета и заведующего Отделом народного образования.

Иоаннес Иоаннисиан приветствовал Октябрьскую революцию и установление советской власти в Армении. С 1922 года работал в Законодательной комиссии при Совнаркоме Армянской ССР.

Умер И. Иоаннисиан 29 сентября 1929 года на даче под Ереваном.

Три стихотворных сборника Иоаннисиана (1887, 1908, 1912) имели большое значение для новоармянской поэзии.

Сочинения на армянском языке: Собрание сочинений в четырех томах, Ереван, 1964–1966; на русском языке: Лирика, М., 1963.

Певец

Когда в родной стране моей
Места украсятся святые,
И небо хмурое над ней
Очистят звезды золотые,
И солнце светом и теплом
Народное развеет горе,
И из руин восстанет дом,
И тишиной заблещет море, —
Тогда настрою я свою
Давно заброшенную лиру
И то, что я в душе таю,
Отдам воспрянувшему миру.
Я воспою отчизну вновь,
Меня цветами доли встретят.

Восславлю к родине любовь —
И звезды радостней засветят...
Но время трудное идет,
А вы в сетях молитв живете,
Певца не слушает народ.
Вы только чуда с неба ждете.
Я тоже верю небесам,
И с вами я готов молиться,
Но если бог откажет нам —
Я буду сам за счастье биться.
1879

Узник

Меня оставил солнца свет.
И мрак всё небо заволок...
Надежда лжет — возврата нет,
А вольный мир далек, далек.

В углу, покрытом темнотой,
Влачу я дней моих беду,
Печаль и скорбь всегда со мной,
Нет радости, кого я жду?

Свобода светлая, когда ж
Мои мечты тебя найдут, —
Когда же ты, свобода, дашь
Опустошенному приют?
1880

Путник

Студеный ветер мечется, гудит
По тополям и по кустам безлистым
И хлопья снега в воздухе кружит,
Окутав горы покрывалом мглистым.
Шатает путника и хлещет по глазам,
И не видать дороги преходящей, —
Он подымает взоры к небесам,
А небо смотрит женщиной скорбящей.
Но скоро солнце радостно взойдет,
Подыметсся с улыбкой золотою.
Природа, как ребенок, ласки ждет,
Чтоб заиграть весеннею листвою.
1883

* * *

Пусть солнце сегодня закрыто тьмой,
Пусть раны души без конца горят,
И, словно мачеха, перед тобой
Судьба ставит кубок, где только яд, —

Придет когда-нибудь твой рассвет,
Забудешь ты горечь годов былых,
В душе засияет надежды свет,
Сверкнет вдохновение слез живых.
1886

Два поцелуя

Когда по жилам кровь бежит, бурля,
И силам юным нет конца и края,
И вся в цветах нам видится земля,
И жизнь чарует нас блаженством рая, —
Тогда любовь нам поцелуй дарит.
Ее уста смеющиеся яркие.
Но поцелуй коварен — он горит,
И жжет, и лжет, как бред безумца жаркий.

Но в грозный час, когда сказать «прости»
Ты должен всем мечтам неуголенным,
Всему, всему, что встретилось в пути,
И даже скорби, даже горьким стонам, —
К немym устам приникнет в этот час
Немая смерть холодным поцелуем.
Тот поцелуй уж не обманет нас,
Он верен, бесконечен, неминуем.
1886

Царь Артавазд (Легенда)

Бей молотом по наковальне, кузнец!
Бей молотом: звенья да крепнут цепей!
Врага ненавистного звенья цепей!
Бей молотом по наковальне, кузнец!

Угрюмые тучи пришли, собрались.
Седого Масиса чело облекли.
И буря ревет, словно звери сошлись,
Свистит, стонет, буйствует ветер вдали.

Бей молотом! Ну! Дикий рев повторя,
Ужасные вопли из бездны звучат,
И молния блещет со взоров царя,
И искры от гнева высоко летят!

Он, мстительный, хочет вернуться опять,
Чтоб яд смертоносный страданий своих
По лону земли без конца разливать, —
Но крепко он стиснут в цепях роковых.

Пусть верные псы те оковы грызут,
Грызут беспрестанно оковы царя, —
Страдания твои, Артавазд, не пройдут, —
Последняя в мире — далеко заря!

Твоей обессиленной злобы порыв
Под молотом нашим опять упадет!
Мы верим: наш край еще будет счастлив,
И грешный народ еще благо найдет!

Но если будем подобны камням.
Расслышать не сможем призывов души, —
Спасенья купель не откроется нам:
Наш молот тогда, Артавазд, сокруши!

Когда перестанем мы молотом бить,
Вы, псы, разгрызите железо оков:
Пора наступила — царя отпустить,
Он ринется в мир, и жесток, и суров...

Но нет! Не пришла роковая пора!
Нам с нового неба затеплился свет!
То — радуги в семь переливов игра:
Свободной и светлой судьбины завет!

Бей молотом, бей неустанно, кузнец!
Бей молотом: звенья да крепнут цепей!
Царя ненавистного тяжесть цепей!
Бей молотом по наковальне, кузнец!
1887

Певцу

Пусть прелесть песенных созвучий,
Родившись в глубине сердечной,
Своей гармонией певучей
Разбудит дремлющих беспечно.

Зажги в нас пламень благородный
 Больших страстей, большого чувства —
 И мы поклонимся свободной,
 Бессмертной правоте искусства.
 1887

* * *

Я знаю: горе найдет меня,
 Куда бы я ни посмел уйти,
 И жизнь, за собою всегда маня,
 Жестоко обманет на полпути.
 Я знаю: призраки злых надежд
 Душе приносят одну печаль.
 Не разомкну я усталых вежд,
 Чтобы взглядеться в пустую даль.

Я знаю... Но ты об этом забудь
 И снова мне прежнюю дай мечту.
 Пусть в ней заблещет утраченный путь.
 И солнце, зовущее в высоту.
 Скажи, что застенчивая луна
 Улыбкой своей ко мне снизойдет,
 Что будут глаза — как море, без дна,
 Чтоб думать о них всю ночь напролет..
 1887

Араз

Бежит Араз, плеща волной,
 О скалы бьет седой волной.
 Где утопить тоску мою, —
 О камни биться головой?

Ты быстро воды мчишь, Араз,
 Видал ли милую хоть раз?
 Я отыскать ее не мог,
 Быть может, ты нашел, Араз?

Ах, ветер стонет, как живой,
 Брожу от страсти сам не свой.
 Хотя бы весточку подай,
 Река моя, не будь немой!

Покою ночью не найду,
 Пишу любимой, как в бреду;

Араз, едва блеснет заря,
К тебе с тоской своей приду!

На голый камень луч упал,
Огнем убит я наповал.
Огнем бровей и темных глаз
Испепеленный, я пропал!

Бежит Араз, плеща волной,
О скалы бьет седой волной,
Где утопить тоску мою, —
О камни биться головой?
1887

* * *

Умолкли навсегда времен былых народы,
Родились новые народы в смену им;
И с пальмой нежною зиждительной свободы
Склонилось счастье к народам молодым.

И слава прадедов, забрезживши звездою,
Роняет им свой луч и светом гонит зло;
И, добытый трудом, печалью и борьбою.
Венок бессмертия венчает их чело.

Лишь только ты одна, Армения родная,
Лежишь как труп живой; мне горестно взглянуть:
В цепях тоскуешь ты, прекрасный лик склоняя,
Разметана твоя истерзанная грудь.

Из-под твоих руин не глянет ветвью новой
Зеленый мирт любви — спасения символ;
Возложен на тебя тоски венец терновый,
Венец немых скорбей и вековых зол!

Но нет, ты не умрешь! Я верю в обновление;
Оно должно прийти, — оно к тебе придет!
Во мраке вековом горит звезда спасенья!
Проснися, близок час, о родина, — он ждет!

Всё то, что некогда в душе твоей боролось,
Пусть вспыхнет вновь! Воспрянь во прахе и пыли!
Хоть полумертвая, услышь, подай свой голос, —
Твои сыны придут со всех концов земли!..
1887

* * *

Дорогая, усни! Сладкий сон призови,
Чтобы очи сомкнуть у меня на груди.
Полнозвучной волной песнопений любви
Очарованный слух до зари услади.

Благовонными розами я убери
Твои кудри и грудь, колыбель всех отрад.
Спи, царица моя, спи, пока поутру
Стаи радостных птиц в небеса не взлетят.

И едва только золото первых лучей
Заиграет, горя, над твоей головой,
Пусть разбудит тебя голос страсти моей —
На багряных губах поцелуй огневой.
1891

* * *

Всё вперед, всё наверх! Бесконечен мой путь,
Истомилися руки, о где же конец?
Где удастся коленам моим отдохнуть?
Всё вперед, всё наверх, непреклонный боец!

Пусть твердеют уступы нахмуренных гор,
Пусть грозней предвещают стремнины конец,
Есть дыханье в груди, и ногам есть упор.
Всё вперед, всё наверх, неустанный боец!

Пусть далеко вершина, светла и чиста,
Пусть еще не сегодня страданьям конец,
Завтра будет, наверно, победа взята.
Всё вперед, всё наверх, вдохновенный боец!
1896

* * *

Не тоскуй, мой брат, не страшись, мой брат,
Этой черной тьмы, полонившей взгляд.
Это — света весть, это — клич добра,
Эта тьма — зари молодой сестра!

Иль не видел ты, как за бурей вслед
В небесах горит победивший свет

И сияет вновь солнце над землей,
Обнимая мир, расточая зной?

Ты еще несешь крест нелегкий свой,
Но спасенья час — он не за горой.
На Голгофу кровь щедро пролилась —
Лишь тогда настал воскресенья час.
1896

Новая весна

Некому ждать тебя,
Зачем ты идешь, весна?
Некому петь тебя, —
Напрасно идешь, весна!

Над миром — полночи гнет,
Кровь по горам течет,
Горе принес нам год, —
Зачем ты идешь, весна?

Соловей прилетит — но что ж?
На радость ли ты придешь?
Чье сердце почует дрожь?
Напрасно идешь, весна!

Да и розы на свете нет,
Украшенья юдоли нет.
Нет сердца без боли, нет!
Зачем ты идешь, весна?

Вот ты возвратила птах.
Как жить им в своих домах?
Вся моя родина — прах...
Напрасно идешь, весна!

Сомкнулись ашуга уста,
Саз-кяманча заперта,
Душа огнем залита, —
Зачем ты идешь, весна?

Некому ждать тебя, —
Напрасно идешь, весна!
Некому петь тебя, —
Зачем ты идешь, весна?
1897

* * *

Он лежал на холодной постели,
И вздыхал, и внимал он, как звонко
Буря выла и вихри шумели
И стонали стенаньем ребенка.

Мрак чернел в одиноком оконце...
Он, простерт на холодной постели,
Воздыхал о пылающем солнце,
И стонал он, и вихри шумели.
1908

* * *

Лучами растопило снег,
И зеленеет на приволье
Под солнцем пламенным весны
Пшеницы молодое поле.

Ручей струится, и журчит,
И убегает торопливо.
В струю прозрачную его
Глядит безлиственная ива.
1911

В. Брюсову

Где раньше — глыбы руин
Видали люди в ночи
Да между голых вершин
Слыхали — плачут сычи, —

Обрел ты, скорбный поэт,
Поющий в дальнем краю,
Седого прошлого свет —
В слезах отчизну мою.

И понял — можем мы петь.
Хотя пока мы рабы.
Хоть суждено нам терпеть,
Но жребий нашей судьбы —
От древних кладбищ найти
К свободе светлой пути.
1916

На берегу моря

На берегу стою один,
Тоски не в силах побороть я...
А море рвется из глубин.
Над головою туч лохмотья.

Поднялись волны, как холмы.
И с ревом рушатся на скалы,
А я с утеса, как с кормы,
Гляжу, смятенный и усталый.

Валы спешат к моим ногам,
Им скользкий камень не помеха,
И далеко по берегам
Победный рев разносит эхо.

О чем поете вы, о чем —
Сурово, ласково и грозно?
Кого разите, как мечом,
Кого жалеете так слезно?..

Моя смятенная душа
В том море, буйном и суровом, —
Своей печали не глуша,
Свой плач с его сливает ревом.
1916

АЛЕКСАНДР ЦАТУРЯН

Александр Овсепович Цатурян родился в бедной семье 11 апреля 1865 года в г. Закаталы (Азербайджан). Учился в местном церковно-приходском училище, а затем — в трехклассном уездном училище. В начале 1890-х годов переехал в Москву, где и прожил большую часть своей жизни. Начал писать в юношеские годы. Первый сборник «Стихотворения» вышел в свет в 1891 году. Поэзия Цатуряна глубоко демократична. Лучшие свои стихотворения поэт посвятил жизни трудящихся людей, их чаяниям и их борьбе. Известен Цатурян и как переводчик русских и европейских поэтов. Он издал два тома стихотворных переводов «Русские поэты» (М., 1905).

Умер Александр Цатурян 18 марта 1917 года в Тифлисе.

Сочинения на армянском языке: Стихотворения, Ереван, 1958; на русском языке: Стихотворения, Л., 1958.

К черни

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?..»
А. С. Пушкин

Чего ты хочешь, чернь тупая,
От лиры вольного певца?
Зачем, камнями осыпая,
Его ты травишь без конца?

Чего ты требуешь? Того ли,
Чтоб, душу пылкую смирив,
Он от своей отрекся воли,
Колена пред тобой склонив?

Того ль, чтоб чистую, святую
Он песню вынес на базар

И пел смиренно аллилуйю
Тому, кто платит за товар?

Иль, словно раб, лишенный чести,
Чтоб он простерся ниц в пыли,
В твоих рядах, с тобою вместе
У ног властителей земли?

О злая чернь, ты мне презренна!
Твои страдания — жалкий бред!
Сияет солнце неизменно,
И тьме не пересилить свет!

Знай, если к небу рвется пламя
Из самых недр земной груди, —
Его не угасят струями
Унылой осени дожди!

Знай, если высоко в лазури
Орел могучий держит путь, —
Его не остановят бури,
Его на землю не вернуть!

Так дай мне руку, чернь слепая,
Дели с певцом его мечту,
И ты прозреешь, познавая
Добро, и свет, и красоту!
Июнь 1889

* * *

Довольно призраки блаженства обещали
Усыпать розами мой скромный, грустный путь!
Довольно сны любви покой души смущали,
Несбыточной мечтой мою тревожа грудь!..

Цветущей юности беспечным наслаждениям
Я говорю теперь последнее прости!
Я песни в дар принес невзгодам и мученьям,
И новому, тернистому пути!..
1890

Тебе мое страданье

О правда, идеал святой,
Тебе мое страданье!

Я посвятил тебе одной
Мое существованье!

В борьбе житейской сколько раз
Я был твой верный воин!
Зато каких бывал подчас
Насмешек удостоен!

Меня хотели затравить,
Ничтожества старались
Мой честный голос заглушить,
Но, злые, просчитались!

Когда же черных их сердец
Коснулся меч мой правый,
Пытался не один подлец
Мой хлеб смешать с отравой!

Но ты зови, зови меня,
О правда, в гущу боя!
Ты щит мой, ты душа моя!
Я не хочу покоя!
1893

Продажная печать

В газете читаю
Хвалу негодяю,
Который народные деньги сосет.
Я всё понимаю
И только не знаю:
А сколько ж газета за строчку берет?
1896

* * *

Мрачна, темна душа моя!..
Измучен безнадежным горем,
На берег моря вышел я —
Тоскою поделиться с морем.

О беспредельной зыби даль!
Ты тоже мечешься, бушуя,
Тебе сродни моя печаль,
Ты ропщешь, как и я, тоскуя.

Внемли же мне, поплачь со мной
И отзовись на голос друга!
Быть может, сблизившись душой,
Мы позабудем боль недуга.

Иль пусть, как сестры, навсегда
Печали наши и томленья
В волнах исчезнут без следа
И там найдут покой забвенья.

Мрачна, темна душа моя!
Измучен безнадежным горем,
На берег моря вышел я —
Тоскою поделиться с морем!..
1896

Новое поколение

Окована цепями ледяными,
Лежит земля безмолвствуя и ждет.
Что день весенний чарами своими
Былую жизнь и радость ей вернет.

Вот так и мой народ, — терпя гоненье,
Ты ждешь, надеясь долгие года,
Что новое восстанет поколение
И цепи рабства сбросит навсегда!
1898

Волны и думы

Волнуется море. Взбегают горами
Мятежные волны — гиганты седые,
И стонут, и бьются о берег валами,
И рвутся вперед боевыми рядами,
И падают снова в объятья стихии.

Безумны вы, с вечной судьбиною споря:
Нет жизни у вас за пределами моря!

Волнуется сердце. За думою дума
Вздымаются в нем, рвутся к свету свободы,
Кипят, словно волны, и снова угрюмо,
Под говор зловещий житейского шума,
В груди замирают, не видя исхода...

Безумны вы, думы о вольной отчизне:
За гранями сердца нигде нет вам жизни!
1898

Песня воина

Лети, мой конь, лети скорей
В разгар давно желанной битвы, —
Падем в бою — так помянут
Нас бедной родины молитвы!
Неси меня в тот славный край,
Где бились прадеды и деды,
Где мой народ и день и ночь
Свои оплакивает беды!

Прошли года, века прошли, —
Он жил лишь светлыми мечтами,
Не видя проблеска надежд
И под родными небесами.
Клонясь покорно пред судьбой,
Он долго ждал расцвета силы,
А лютый враг его сынам
Копал кровавые могилы.
Ценою смерти я готов
Купить хоть день свободной жизни
Стране, томящейся в плену,
В цепях страдающей отчизне!

Лети ж стрелой, лети, мой конь,
В последний бой, на поле брани —
Туда, где смерть в рядах бойцов
Сбирает дерзостные дани!..
1898

Молитва армянского писателя

Не прошу у тебя я, о боже, венков,
Телеграмм, адресов, юбилеев, речей;
Ни посмертной любви, ни надгробных цветов.
Всё я буду иметь от отчизны моей.

Одного лишь прошу я, о щедрый господь, —
Что от родины мне не дается в удел:
Иль пошли мне насущного хлеба ломоть,
Или дар, чтобы воздухом жить я умел.
1901

Бедный вор

Ко мне проник однажды вор...
С какой надеждой он, несчастный,
Перелезал через забор,
Не знаю... (не совсем мне ясны
Воров расчеты). Но, гляжу,
Он в комнате тихонько бродит
(А я, уже раздет, лежу)
И медленно ко мне подходит.
Я притворился, будто сплю,
Но не свожу с пришельца взора
И каждый шаг его ловлю.
Что, думаю, приманит вора?..

Подробно рассмотрел он всё,
Вплоть даже до пустых бутылок,
И, видя лишь старье, тряпье,
С досадой почесал затылок.
Увидел: нет нигде монет,
Всё скромно, бедно и убого,
И даже ценных стульев нет.
Вот только книг уж очень много.
Сообразив, что делать, вмиг
Он ряд забрал, подкравшись к полкам,
Моих покрытых пылью книг
И, грустный, вышел тихомолком,
А я, в раздумье погружен,
Подумал: «Право, жаль детину!
Армянских книжек связку он
Продаст навряд ли армянину!»
1901

Заседанье

Собрались армяне решать дела.
Царил в заседанье порядок особый:
Председателем Страсть у нас была,
Секретарем — Вражда, оратор — Злоба.

Всё сразу смешалось в общий рев,
И Драка взяла последнее слово.
Так мы разошлись в конце концов,
Но толку не было никакого.

И только при выходе, у дверей,
Мы встретили скрюченное создание,

И это была Справедливость — но ей
Не дали доступа на заседание.
1901

К Мамоне

Однажды Мамоне я задал вопрос:
«За стол твой обильный, меж лавров и роз,
И мне бы хотелось когда-нибудь сесть...
Какие пути для этого есть?»
Ответил Мамона: «В объятья мои
Тебя приведут лишь кривые пути.
На свете их много, и каждый хорош,
Как только с прямой дороги свернешь!»
1901

Я путник усталый

Я путник усталый. Я одинок.
Так много прошел я в жизни дорог.
Прошел я, сестра, по горам и долам,
И счета не знал я дням невеселым.

Я путник усталый. Я одинок...
И вот предо мной твой милый порог.
Сестра, я не ведал конца ненастью,
Ужель не откроешь мне двери к счастью!
1908

Завещание армянского писателя

Когда умру, — во имя неба,
Не воздвигайте мне гранитных глыб!
А положите корку хлеба
И напишите:
«С голоду погиб...»
1910

Мать

С весенних дней, отцветших навсегда,
Твою любовь, о мать, я вспоминаю.
В тумане жизни, через все года,
Ее печальный светоч сохраняю.

Как сказка с недосказанным концом,
Как песня недопетая, быть может,
Она о счастье говорит былом
И струны сердца горестно тревожит.

С весенних дней звучит мне голос твой,
О мать моя, в тоске воспоминанья,
Как свет зари — была мне жизнь с тобой,
Жизнь без тебя — холодный мрак страданья!
1912

Отчизна

Еще в младенчестве, мечтая безмятежно,
Отчизна грустная, тебя любил я нежно;
И тихо пела мать, склонившись надо мной,
На языке твоём, заветный край родной.

Когда же вырос я, с твоей судьбой печальной
Сроднился я навек, мой край многострадальный!
Гонимый с давних пор, священный твой язык
Мне в душу, как псалом торжественный, проник.

Твоих невзгод ашуг, я пел не умолкая
Про скорбный твой удел, отчизна дорогая,
Про тяжкий гнет оков, про море жгучих слез, —
И светлый рой надежд и прелесть тайных грез!

О край мой, вековым прославленный страданьем,
Твой образ окружен немеркнущим сияньем!
Пусть в наши дни кишит кровавый, грозный бой, —
Я верю, родина, что день уж близок твой!

Я верю... Как дитя счастливое, ликуя,
Из песен радостных борцам венок плету я,
И славит голос мой рассвет в родной стране,
Как жаворонка песнь — в лазурной вышине.
1916

ШУШАНИК КУРГИНЯН

Шушаник Кургинян родилась в семье ремесленника 18 августа 1876 года в г. Александрополе (ныне Ленинакан). Начальное образование получила в родном городе. Занималась самообразованием. Начала печататься в 1899 году. В 1903 году переехала в Ростов-на-Дону. Здесь исключительно благотворным было влияние революционных событий на формирование мировоззрения поэтессы, на ее творчество. Кургинян пишет стихи, проникнутые пафосом революционной борьбы. Ей вместе с Акопом Акопяном суждено было стать зачинателем армянской пролетарской поэзии.

В 1920 году Кургинян создала во Владикавказе армянский рабочий клуб им. Степана Шаумяна. С 1921 года жила в Ереване.

Умерла Шушаник Кургинян 24 ноября 1927 года в Ереване.

Литература на армянском языке: Сочинения, Ереван, 1947; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

Панихида

Ни креста, ни плиты: лишь земли бугорок
В беспредельной степи, молчалив, одинок,
Безмятежно стоит.
Кто-то спит под землей, и разбитую грудь
Вихри огненных дум неспособны взметнуть:
Беспробудно он спит!
Он прильнул головой к мать-родимой земле,
Но рыданий земных он не слышит во мгле.
Он уснул, он забыл.
Как лампы, горят сонмы звезд в вышине,
Фимиами струят волны трав в тишине, —
Миллионы кадил.
Над могилой шумит ветер с тихой тоской:
Как напев гробовой, говорит: «Упокой»,
Полон сумрачных грез.

Ни креста, ни плиты... В свой торжественный час
Он свой крест роковой, ради всех, ради нас,
На Голгофу понес.

2 октября 1906

Гасите люстры...

Ночь... Мрак... В зените, едва мерцая,
Льют звезды бледный, печальный свет,
Во мгле трепещут, изнемогая,
И вскоре гаснут — и вот их нет.

Земля вздыхает; с дыханьем тленья
Объемлет траур поля страны.
В полете ветра звучат моления,
Рыдания, вопли. И нет луны.

Но вы хотите с небес огнями
Сравняться блеском во мгле земли.
И вот мгновенно вдохнули пламя,
В несчетных люстрах вы жизнь зажгли.

Во мрак полночных, безлюдных улиц
Из ваших пышных дворцовых зал,
Из ваших окон лучи метнулись,
И сумрак ночи свет пронизал.

Вы веселитесь, вам вечный праздник
Средь муз, в богатстве, в игре мечты,
И ваших пиршеств любой участник
Исполнен ласки и доброты...

Вы веселитесь и дни и ночи,
Вам вечный праздник, вам невдомек,
Что о погибшем под ним рабочем
Здесь каждый камень сказать бы мог,

Что кровью каждый кирпич набухнул...
Вы веселитесь, — и смех, и визг
Взлетают в стенах, с которых рухнул,
Сломавши погу, голодный вниз.

И ярко в люстрах сверкает пламень.
Сильнее льется из ваших глаз,
Но ваша совесть черства, как камень,
И мрак извечный в сердцах у вас.

Гасите люстры!..

И пусть за стол ваш, в разгаре пира,
Сойдутся толпы со всех концов —
Бездомных, жалких, голодных сирот,
Лишенных вами своих отцов...

И пусть, босые, в грязи, в отребье,
Сойдутся толпы их матерей,
Что тянут руку с мольбой о хлебе,
Бродя с сумою вокруг дверей;

И пусть разыщут в дворцах могилы
Тех, что свалились без сил, мертвы,
Вздымая стены, кладя стропила
Дворцов, в которых замкнулись вы...

И пусть, в увечьях, в кровавых клочьях,
Ворвется в залы, за рядом ряд,
Гроба покинув, толпа рабочих,
Свой смертоносный вперяя взгляд,

Чтоб вместе с вами справлять здесь праздник:
И спеть о страшной судьбе своей
Вам песнь лишений, что горше казни,
Песнь черствой корки — под лязг костей...

И среди мрака твердить упорно
О мраке ваших преступных дел,
Бренча цепями неправды черной,
Чтоб приговором их звон гремел.

Гасите люстры!..

14 декабря 1906

Рабочие

Это идем мы, —
волосы грязны, шапки измяты,
куцый, засаленный пиджак,
то недовольны, то безразличны,
мрачен, безрадостен шаг;
голод запечатлелся привычно
в складках безмолвных морщин;
но пробуждают вдруг взгляд анемичный
гнев и презрения яд...
Старость — за наши мученья расплата,
жаждем мы света, надеждой простою

бедное сердце объято,
рана в груди и досада, —
это идем мы...

Люди труда — батраки богатеев,
жиром богатый оброс,
золота горы лежат перед ними,
ну, а трудящийся — бос,
дружит он с горем, слезами мочными,
с ссылкой, железной тюрьмой...
Дешево проданы мы со своими
силами рук и ума
здесь, на торгу кровопийцев и змеев,
страх нас за жизнь обуял.
Продали, очи нам мраком заклеив,
продали, головы страхом овеяв,
продали нас...

О душегубы, пиявки болота,
жизни высасывающие соки,
оцепенелыми кротами
ночи проводите в грязном пороке;
роющие могилу руками
дивной, святой и великой свободе
и припадающие губами
к кубку с густой человеческой кровью.
Лица измучены вечной работой,
им не ласкать ваши нежные нервы,
наша забота — не ваша забота,
вам лишь насытить пузо охота.

Каждою каплей крови рабочей,
каплею пота соленой,
горьким дождем слез бесконечных,
нашей судьбою согбенной,
злой угрозой смертей бессердечных,
силою рук работающих
и беспокойством тревог вековых
вы набиваете брюхо...
Вы до наживы страшно охочи,
нам же — грехи за работу,
трудимся дни мы, трудимся ночи,
труд наш тяжел и бессрочен.
Мы, словно пасынки, чахнем от боли.
Вы же — избранники дьявольской доли.
Да, мы идем, —
слышен наш шаг из глубокого ада.

рабства далеких веков,
слышен наш шаг из бескрайнего гнета
в звоне оков;
вышли мы, чтобы разрушить с налета
зла и насилия трон.
В жизни продолжит дорогу свобода
нам и собратьям навек.
Равенство, — вот, что сегодня нам надо,
тем, кто достоин его.
Так мы идем, рабочей громадой!..
Так мы идем, — и зреет расплата!
Так мы идем!
1907

Сиаманто — псевдоним Атома Ярджаняна. Родился в семье менялы 1 января 1878 года в Западной Армении в г. Акн (Турция). В 1892 году переехал в Константинополь, а в 1896-м — в Каир. С 1897 года учился в Женевском колледже, а затем в Сорбонне. Изучал естественные науки, глубоко интересовался различными литературными течениями, творчеством Э. Верхарна и М. Метерлинка, а также поэзией армянского средневековья.

Поэзия Сиаманто полна тревог за судьбы народные. Он стал очевидцем трагедии родного народа — турецкая реакция осуществляла свой чудовищный замысел физического истребления армян. В 1908 году Сиаманто возвращается из Европы в Константинополь. 24 апреля 1915 года он был арестован турецкими властями и в августе того же года — убит.

Литература на армянском языке: Избранные сочинения, Ереван, 1957; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

Горсть пепла — родной дом

Увы! Ты, как дворец, велик был и богат,
И с плоской высоты твоих беленых крыш,
Звездоточивой лишь настанет ночи тишь,
Внимал я, как внизу, шумя, бежит Евфрат...

Я плакал, плакал я, узнав, что ныне ты —
Развалина, лежат обломки лишь одни...
То был день ужаса, и крови, и резни...
А около тебя цвели в саду цветы.

Теперь спаленная, там комната была
Вся голубая. В ней я ползал на ковре.
Там детство проводил в веселье и в игре,
И за спиной росли два радостных крыла.

Увы, то зеркало разбито, чей кристалл,
Сиявший золотом, в своих лучах таил
Мои мечты, любовь, и чаянья, и пыл,
Где воля красная, где разум мой блистал.

Ах, умер ли родник, поющий во дворе?
Ах, ива сломлена ль и мой зеленый тут?
И под деревьями ужели не текут
Источника струи, стекая по горе?

И клетку помню я, и куропатку в ней...
Напротив — розы куст... Когда горел восток,
На утренней заре журчащий голосок
Дремоту с глаз сгонял мне песенкой своей.

О дом мой, верь! Едва засну я вечным сном,
Душа свободная к развалинам родным,
Как голубь, прилетит, чтоб волю дать своим
И песням, и слезам. О, верь, родимый дом!

Но кто, когда умру, кто принесет с собой
Святого пепла горсть от пепелищ твоих
И бросит на парчу покровов гробовых
И с ним смешает прах певца земли родной?

Горсть пепла, отчий дом! О, с прахом горсть твоим,
Горсть пепла из немой развалины твоей,
Из прошлых дней твоих, от горя и скорбей
Горсть пепла, чтоб мое осыпать сердце им!..

Мои слезы

Я с грезой один меж родимых долин проводил свой
младенческий день..
Был легок мой шаг, как на горных лугах
белокурый прекрасный олень.
Я, радостный, бегал, была моя грудь от лазурного
неба пьяна.
В глазах было золото, в сердце — надежда, душа
была богом полна.
Пришел и роскошный, дарующий блага румяного
лета, закат,
И мне, и земле за корзиной корзину дарил
плодородный наш сад.
И молча я срезал со стройного стана ветлы
из прекрасных ветвей,

Одну — для свирели, для тайной свирели,
для будущей песни моей.
Я пел, и ручей, адаманта светлей, и знакомые
птиц голоса,
И ропот источников с чистой волной, и шумящие
вечно леса,
И утренний ветер, зефир легковейный, нежнее,
чем ласка сестры, —
Мне всё отвечало на лепет певучий, на звуки
свирельной игры.
Сегодня во сне я коснулся рукой сладкозвучной
свирели моей.
К губам трепетавшим прильнула она поцелуем
утраченных дней, —
Но память проснулась, прервалось дыхание, и,
скрытая тьмою ночной.
Не песня лилась, а катилась слеза, а катилась
слеза за слезой.

Чаяния невестки

Годами одна у окошка сижу я.
Смогрю на дорогу твою, мой далекий.
А в этом письме — тихий трепет души,
И тела, и дум; мой и больше ничей он.
Не помнишь ты солнце в день нашей разлуки?
Оно было щедрым, как слезы мои,
И было горячим, как мой поцелуй,
И добрым, родной, как твои обещанья,
И светлым, родной, как твое возвращенье.
Молитву мою ты не помнишь, не помнишь?
Кувшин синеокой воды — ты не помнишь? —
Пролила на тень я коня твоего.
Чтоб даже моря пред тобой расступались
И суша легко под ногами цвела...
Ах, солнце разлуки давно закатилось
И черною ночью сменилось, родной...
Я плакала, сшиблена лавою лет,
И слезы катились на щеки, как звезды.
И розы сжигали, сжигали, родной...
Я жажду тебя — ну хоть волосы рви.
Еще так хмельна от вина твоего я.
И траурна — нету и нету тебя...
И памяти вслед я вздыхаю, как ветер.
И возле церковных дверей на колени
Встаю, обративши на запад глаза.
И раню колени, и тихо молю...

Пусть высохнут сразу моря-океаны,
 И хоть на мгновенье два мира сомкнутся.
 А после — не нужно ни царства, ни солнца!..
 К родному порогу вернись, мой далекий!
 Рука моя долго пуста без твоей.
 Я в черном — я жду твоего возвращения.
 Вернись! Словно плод, переспела любовь.
 Хранит поцелуй для тебя она сладкий.
 А чресла мои материнства не знают.
 Я свадебной, золотом тканной фатой
 Украсить еще колыбель не сумела,
 Не пела над люлькой — не пела, не пела
 Небесную песнь матерей я армянских.
 Вернись! Нету сил у тоски у моей.
 И черная ночь расстилает свой саван.
 И совы, родной, во дворе причитают.
 И горькие слезы мешаются с кровью.
 Невестке покинутой неважноту.
 Руками своими уже начинаю
 На голову сыпать холодную землю —
 Холодную землю могилы моей...

Я с песней умереть хочу

1

Со сладостью Надежды, Ожиданья
 я был наедине в тот вечер.
 И взвешивал весами Спасенья и Странья
 я Родины судьбу..
 Но в дверь мою в полночный страшный час
 вдруг сильный стук раздался.
 Вошел с улыбкой друг — красив, как жизнь,
 и добр, как брат, и грозен...

2

Он молод был. А искра глаз его
 была опавшей искрою звезды.
 И выточен был стан его из мышц
 прекрасных мраморов.
 А мысль рвалась из пламенных страниц
 великой справедливости людской..
 А на челе цвели цветы
 и доброты его, и боли.

3

И, сидя рядом, мы, близкие друг другу, говорили
 о муках Родины.

И голова его под грузом дум всё больше походила
на сердце траурного полубога...
А взгляд его в моем всё больше находил
предначертаний родственной судьбы...
Улыбки мягко освещали души.

4

Он длительно молчал. И я молчал.
Воспоминанья увлажняли очи...
Свет лампы голубой, стоявшей на моем столе,
струился вниз очищенной кровью.
Я побледнел.
Исчезла греза с появлением утра...
Но он вдруг встал с осанкою героя,
ладонь мою в свою вобрал и так сказал:

5

«Знай, этот вечер, друг,
был вечером прощания и веры.
Конь мой оседлан. У ворот твоих
он ржет в упругой лихорадке боя.
Ты видишь: меч мой обнажен.
В нем нагота сверхчеловеческих решений.
Приблизь свое чело к моим устам...
Час нашего прощания и веры!..

6

А ты воспой и боль, и мощь народа
на этих чистых трепетных страницах
В дар будущим счастливым поколениям,
в дар нашей прошлой золотой печали.
Я сир, мятежен. Мне — потерянных искать...
Прощай, мой друг...
Дай песнь одну мне, песнь одну мне дай —
я с песней умереть хочу!..»

Ваан Мигранович Текеян родился 21 января 1878 года в Константинополе, там же получил образование. С 1906 года жил за рубежом (Ливерпуль, Марсель, Гамбург). Подолгу жил в Египте. Первый стихотворный сборник вышел в свет в Париже в 1901 году. Текеян занимался общественной, издательской деятельностью. Издавал в Каире и Константинополе армянские журналы и газеты. Текеян — автор повестей, рассказов и критических статей. С неизменной любовью писал он о Советской Армении как о родине всех армян.

Умер Ваан Текеян 4 апреля 1945 года в Каире.

Литература на армянском языке: Сочинения, Ереван, 1958; на русском языке: Поэзия Армении, М., 1916.

Ханум

Ее скрыл тусклый черный шелк, всю с головы до ног,
И поступь оттого легка и шелково шуршит,
Что лиры бедер я сквозь шорох слышать мог,
Ханум идет, и вслед за ней плеск мускуса спешит.

Оставив пышных кружев плен, блеснет ее рука,
Ревниво полускрыт тот блеск перчатки чернотой,
И сквозь вуаль, с прямого лба что падает, мягка,
Сурьмой украшенных очей горит огонь густой.

И через мост, лишь облака закатом зацветут,
Из горизонта в горизонт проходит так ханум,
Рог Золотой затмив собой, чаруя вечер дум.
Великолепна и строга, ханум проходит тут,
То женщина иль дух на миг покинул свой дворец,
Дух города, что мил и горд, чудесен, наконец.

1906

Египтянка

Смутный ангел,
я ради красоты твоей без сожаленья
Белых ангелов гордо покинул,
стремясь
к тебе жадно.
Перед аспидным светом твоим
я стою в изумленье,
Словно путник,
в ночи разглядевший окрестность
нежданно.
Мне так сладостен зной
твоих взоров и гибкого
стана:
Голос твой не утратит
надо мной замечательной
власти.
Запах кожи твоей
я готов обонять неустанно
И погибнуть готов
под песками зыбучими страсти.
Как тростинку от берега,
оторву от земли я,
лелея,
Твое тело прекрасное —
унесу тебя вдаль,
как святыню.
И душа будет
в юном и жарком согласье с твоею.
Мне всё кажется:
жили когда-то великие
бог и богиня.
Был он бык — чернобок и упрям,
и была она трепетной ланью.
Сотворило тебя
сладострастное их сочетание...
Как священное чудо,
почитаю тебя я отныне.

1921

Мачты

Всё мачты, мачты, мачты на домах —
Дома плывут без паруса куда-то.

То рябь, а то девятый вал и крах.
А тонкий шест — награда и расплата.

Свой курс у дома, выбор свой и след.
И пассажиры, кажется, в порядке:
Сидят — меланхоличен в окнах свет —
Средь рева волн, средь их гремучей схватки.

Я вверх смотрю на эту суету,
Шестов прогнувшуюся пестроту, —
Их волны тупости и крови моют.

И к мачтам мудрости приник мой взор:
Людское око проколов в упор,
Пускай для высшего его раскроют.
1943

* * *

Тебя мы чтили, мщения клинок...
Ты был в земле, когда тебя подъяла
Рука бойца и сталь твоя сверкала...
Приникнуть к горлу деспота ты смог,
Но он дрожал лишь краткую минуту...
Ты разломился, ржавый и погнутый,
Осмеянный, ты лег у наших ног...
Тебя мы чтили, мщения клинок...

Мы любим вас, о цепи униженья,
Зовете вы, звенящие, восстать...
Вам велено нам шею обвивать.
При каждом шаге каждое мгновенье
Наш горбится от яркой муки стан...
Но мы следы полюбим наших ран.
Когда цветами станут ваши звенья...
Мы любим вас, о цепи униженья...

Падучие звезды *Сонет*

Мои глаза падучих звезд полны,
Я собирал их летними ночами,
Когда, скользя средь сонной тишины,
Они сверкали кроткими лучами.

Я их собрал в полночном летнем храме,
Пока они, в паденье с вышины,
Цвели еще над дальними холмами
И, взрыв любовь, не умерли, как сны.

Моя душа отсель всегда светла.
Мои глаза — ларцы с лучистым кладом.
И в день, когда мне слишком тяжела

Скорбь нищего и с горестным разладом
Тревога мрака входит в жизнь мою, —
Из этих звезд я солнце создаю.

Песня об армянском языке

Ты мне, язык армянский, мил, как пышный сад.
Средь древней чащи нашего былого,
Где — только мрак, твое любое слово —
Как сочный плод, что я срывать, блуждая, рад.

Как пышный сад, ты люб невцу, язык армян.
Честь наших храмин, рощею зеленой,
В борьбе столетий, цвел ты, полный звона,
И будешь цвести в веках, и сок твой будет прян.

В тени твоих деревьев я плетусь сам-друг,
Гляжу, в слезах, на ветви их и корни
И лишь дивлюсь, как жив твой шелест горний.
Там, где гроза не раз сметала всё вокруг.

Груз сочных пестрых гроздий — вот твои слова!
Твои слова, что в дивном зное зрели,
Слова, что здесь поют в моей свирели,
Звон сочных слов твоих, чьим медом грудь жива.

Караван

На горизонте караван в пути,
Я жду. Изгиб кривых горбов
Качается всё ближе меж холмов
И начинается серебром цвести
Своих уздечек. Жду я. Как недуг,
Пустынь неизъяснимый жажды зов
При звоне тех горбов и голосов
Встает в душе... Но гаснет солнца круг.

Во тьме бушует море предо мной,
Я то внимаю грустным бубенцам,
То женским и ребяческим сердцам.
Я плачу, что ушло всё, что ушло,
И след его ветрами замело,
А что ушло, то не придет назад,
Как этот отгорающий закат.

Баланс

Баланс! Что осталось, что от жизни осталось мне?
То, что давал я другим, странно, только оно!
Благословенья без смысла, умиленья во сне,
Истощение сердца, беззвучный плач заодно.

Но вернулось, как сладость, что роздал на стороне.
Чтоб окрепшим осесть на большие года.
Что любовь унесла, нет, то не погибло на дне,
Бог вернул мне всё, дав снять в моих днях навсегда.

И сейчас вот, о боже, страданиям моим вопреки,
Пусть счастья ручей пересох, наслаждаюсь вином..
Могу опьяняться обильно я старым вином,
Не ропщу: что осталось? В яму легли тростники.
Пали дубы. Что осталось, что истинно верно?
Лишь утешенье, что солнца испили безмерно.

Возвращение

Всё в прошлом: город, краски сада
И часа ласка золотая.
И то, как ты прошла куда-то,
Благословенно молодая.

Ты шла нарядна и надменна.
И не ступала — уплывала!
Как будто небо вдохновенно
Тебя для глаз наколдовало.

Иду с лицом отяжелевшим
Туда, где жил твой шаг и шепот.
Душа моя меня торопит!

Иду к шагам твоим ушедшим.
Где ты когда-то проходила,
Погребены навек светила...

Тридцатилетие

Тридцать мысов лежат предо мною.
Мой корабль, паруса напрягая,
К ним спешит. А под ловкой волною
Пасть акулы зияет, пугая.

Старый парус в нелепых заплатах.
Руль кривой — повернуть его трудно.
Ради мысов, зеленых, покатых,
Подновил я усталое судно.

Нас не тронули бури лихие —
Зыбь незримое делала дело
И проворнее грозной стихии
Разрушала мне душу и тело.

Я порою надежды лишался —
Несмотря на небесную ясность —
Тридцать мысов достичь... И решался
Мне предсказывать некто опасность.

Огибал я коварные рифы,
Но пришлось мне изведать и горе:
Растащили желанья грифы,
Вера канула в темное море.

За любовью любовь умирала
На руках моих, медленно тая.
Грез попадало за борт немало —
Я над ними молитву читаю.

Лишь надежду растил я прилежно —
Я вскормил ее сердцем певучим.
И росла, и мужала надежда,
Разгоняя внезапные тучи.

С нею сам я царил над собою.
Только билась она безуспешно
С изнурительной странной судьбою...
Злые души сгубили надежду.

Она маялась в тягостной муке.
Уложил ее с горькой любовью
И сложил я бессильные руки,
И стою у ее изголовья.

Тридцать мысов лежат предо мною.
Беспокойна стихия живая.
И акулы плывут под волною,
Труп надежды моей ожидая.

Мне кажется, я жил давно

Мне кажется, я жил давно в Элладе,
Имел Сократа разум и обличье.
И тайну бога самого постичь я
Умел, разгадки сокровенной ради.

Вот лучшие ученики под сенью
Акрополя мне преданно внимают,
Вникают в речь мою и увлекают
Меня навстречу саду и цветенью.

Владею речью мудрою и краткой.
Душа моя в их взорах отразится!
Лиричны эти трепетные лица,
Как островки, омытые загадкой.

О мудрость! Ты прекрасной и нетленной
Являешься в холмах мне сиротливых,
Ты в небе нежном, в юношах пытливых.
Они же — обновление вселенной!

Неважно, что камнями и хулою
Толпа меня встречает. Обреченный,
Испить я должен чашу смерти черной...
Ученики отторгнуты толпою.

О мудрость! Преклоняю седину я
Перед твоей всезнающей улыбкой.
Она на горных склонах, в дымке зыбкой
И на земле живет, меня волнуя...

Башня

Чтоб душу защитить от злых ветров,
Чтоб волны лет ее не источили,
Пока был в силе я, пока был в силе,
Построил башню — гордый, прочный кров

Над морем, под жестоким небом... В этом
Укрытии живет моя душа.
Не спит мой разум, душу сторожа,
И дверь закрыта перед белым светом.

Пусть волнами стучится белый свет.
Но с моря путника давно не жду я —
Ни для кого здесь места больше нет...

А если буря, с башнею враждуя,
Хлестнет волной и кинет мне предмет,
Обломок прошлого в нем разгляжу я...

* * *

Зима и злая стынь кругом.
И жизнь в ладу с календарем:
Короткий день и долгий холод.

Дороги голые. И голод.
Следов весны мы не найдем
При всем усердии своем.

Но, вопреки календарю,
Вчера была весна и лето.
Душа и тело помнят это...

А впрочем, что я говорю!
Густые сумерки. Зима.
И на пороге — только тьма.

ДАНИЕЛ ВАРУЖАН

Даниел Варужан родился в крестьянской семье 24 апреля 1884 года в Западной Армении в селе Багрник. В 1896 году семья переехала в Константинополь. Учился в Венеции (с 1902 года). В 1906 году поступил в Каннский университет. Писать начал с 13-ти лет. В поэзии Варужана отразилась трагедия армянского народа Западной Армении. Даниел Варужан также автор стихов, воспевающих крестьянский труд и жизнь рабочих. Он одним из первых в армянской поэзии писал о трудной жизни рабочих людей. О своем сборнике «Песни хлеба» (начал писать в 1912 году, книга вышла в свет в 1921 году) Варужан говорил: «В этом сборнике будет воспета родная земля, труд пахаря и спокойное величие сельской жизни».

Даниел Варужан был арестован турецкими властями 11 апреля 1915 года; убит 13 августа 1915 года.

Сочинения на армянском языке: Стихотворения, Ереван, 1955; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

Колыбель армян

Есть хата; в ней — колыбель;
Из кипариса она.
Вкруг дико воет метель
И сов насмешка слышна.

Со сводов виснет седых
Бус синих, синих овал.
То слезы неба, но их
Жестокый холод сковал.

Там копоть, сырость, капель...
И там безмолвно в тиши
Качается колыбель,
Как мось в глубинах души.

То — место, где армянин
Мятежных кормит детей,
Где цвет лобзаний — один:
Кровавой розы алей.

Там нежных слов не слышать,
Под песнь любви не уснуть:
И мгла там — строгая мать,
А молний вспышка там — грудь.

В слезах, лишенный всего,
Ребенок должен там жить;
Там случай зыблет его
И друг приходит кормить.

Но там, под синью тех бус,
Герой, быть может, сокрыт,
Как в яслях спал Иисус,
Освободитель там спит!

Первый грех

Каждый день на горах и в ущельях пасла
Своего синеглазого козлика дева;
И на лилии ноги босые ее
Наступали в уверенном шаге...
И струились по белой открытой груди,
Как шафран, золотистые косы;
И ни мирт, ни жасмин на ее голове,
Как ланитные розы не вяли.
Дева пела всегда, и смеялась в душе
Ее песня. Из краешка неба
Было сшито лазурное платье ее.
И пастушечий посох в безгрешной руке —
Древний змей, превратившийся в камень, —
Веткой персика стал...
И когда на прохладный ручей ввечеру
Пригоняла козленка она,
Сквозь деревья украдкою месяц
Пробирался следом за ней.
Он, наверное, — глаз вожелений
Иеговы, любовника дев.

Но однажды услышала голос она,
К роднику ее звавший в долину.

Он, как звучная песня, ее чаровал,
И внимал ему белый козленок,
Шею вытянув, с длинной травинкой во рту.
Ибо песня та новою песней была:
«Вниз сойди, о невинная дева!
И под тенью смоковницы мне принеси
Синеглазого козлика в жертву!
Принеси его в жертву и ведай, что я —
Этих гор всемогущий владыка,
Что моим дунувеньем, по воле моей
Серебром заструятся потоки,
Чистым золотом станут ручьи;
Там, где я поцелую к земле прикоснусь.
Дрожь желанья по ней пробежит;
Станет лилия розой на персях моих
И царицею девушка станет.
Я цветами наполню луга, превратив
В них горячую кровь твоей жертвы.
И тогда не козленка ты будешь пасти,
А пастушкою бабочек станешь!»
Долго слушала дева, и эти слова
Будто в сердце ее говорили,
И под звездами молча вздохнула. Потом
Посох свой подняла, подчинясь волшебству,
И козленка по склону холма погнала
К вожделению полной долине.
Здесь ручей, здесь смоковница, чувствуешь ты
Дух Самца, что шафрана и тмина
Благовонием плотно окутал тебя?
Принеси твою жертву немедленно!
И на гладких и светлых камнях у ручья,
Там она положила козленка;
И рожек его в мокрый зарылся песок,
О, каким сладострастным и сладким был миг!
И казалось ей, белый козленок ее
Будет так же резвиться и прыгать
На покрытом цветами лугу.
Ведь она никогда не слыхала про смерть,
И запела она об одном
Наслаждении, что обещает
Принесение в жертву себя.
О весне своей юности пела она,
О своем гармоническом теле.
И ее миновал умоляющий взгляд
Синеглазого козлика. К шее,
Опьяненная страстью, приблизила нож
И воизила с веселою песней.

Так у ног Соблазнившего Духа она
Принесла свою первую жертву.

Но от жертвы ее не раскрылись цветы,
И не стала пасти мотыльков...
Замутилась от крови струя родника,
И козленок не мог уж в холодной воде
Выпить звезды блестящего неба.
В травах посох покрылся опять чешуей,
Став шипящей змеею, как прежде;
И за темными скалами скрылась луна.
А она, окруженная тьмою,
Над убитым козленком стояла одна
И, рыдая, омытою кровью рукой
К мокрым векам своим прикоснулась...
И пока на челе ее вянул жасмин,
О грехе своем плакала дева...

Мерцающая лампада

Ночь победы нынче, невестка моя, —
засвети лампаду скорей.
Сын вернется с войны в родные края, —
засвети лампаду светлей.

Кони ржут у ворот в предутренней мгле, —
поднеся лампаду к двери.
Сын приехал с лаврами на челе, —
поднеси лампаду, смотри!..

На телеге темный плат кровавой...
Посвети среди темноты...
Ранен прямо в сердце мой сын — герой, —
погаси же лампаду ты.

Первое мая

Мир от Востока до Запада! Нынче
я созываю лирой своей
людей
сырых, не знающих солнца
лучей.

Первого мая себя я увидел
в зарослях роз, распустивших бутоны...

Сок земли
жадно я выпил, песни гнездовой в душу
вошли.

Люди, приблизьтесь, — ведь я чародей,
пот превращу в россыпь ценных камней,
в росы полей.
Влить в ваши кости солнечный жар в
воле моей.

С мрачных заводов идите ко мне вы!
Мир трачен молью. Мира основы
новы, —
создали вы их. Ко мне, мукомолы,
седы от головы.

С верфей идите ко мне, корабелы!
Трюмы ведь вашими станут гробами.
Рядами
из чрева болот восстаньте и двиньтесь
полями.

Идите ко мне вы, ко мне все идите!
В сердце моем столько света без меры,
что я из серой
пыли слеблю Человечество внове,
полное веры.

Хватит томиться в подвалах безглазых,
воздух хватая жадными ртами,
жить кротами...
Голод, как ржа, липнет к людям
годами.

Пусть не стучит молот о наковальню,
пусть затупятся зубья пилы
о стволы,
и пусть ржавеет вонзенный топор
от смолы.

В день Первомая машины — сироты.
Надо ль сегодня стоять за станками,
руками
вертеть колесо и следить
за ремнями?

Скиньте рубахи, пропахшие потом,
бросьте шапчонки рваные следом, —

при этом
головы ваши окутаю солнечным
светом.

Братья, идите ко мне вы, идите!
Все мы сегодня с праздником Маем
славим,
землю творящую с кровью творящей
смыкаем.

Ветер овеет страждущих души.
Раны откройте его дуновенью,
как исцеленью.
А родниковое благословенье
словно свеченье.

С персиков цвет осыпается ливнем.
Руки в благоухающем цвете.
В эти
минуты кедр затоскует
обо всех нас на свете.

Солнце на небе. Смотрит на вас лишь,
к вашим лишь лбам прикоснулось
устами.
Правящих вами солнце обходит в презренье
лучами.

Поле и город — ваши владенья.
Улицею, непреклонны и яры,
юны и стары,
стяг поднимая, пойдете, и грянут
звонко фанфары.

Птица для вас запоеет над вершиной,
буду на лире я петь, не струну
я натяну,
крепкие нити жилы орлиной, —
гром на страну!

Пусть вам пороги усыплют цветами.
А лишь луна дивный лик свой покажет, —
ласку окажет
и ваши двери сладким бальзамом
помажет.

Ода

Славу я воспел тростниковым пером.
Посвящаю тебе, отчий край.
Средь платанов его вырезал я ножом.
Посвящаю тебе, древний край.
Я жрецов тростниковым пером воспел.
Свет из горла его заблестел.

Тростниковым пером я воспел тоску.
Посвящаю скитальцам родным.
Этот стебель растет на чужом берегу.
Посвящаю смиренным моим.
Я воспел тростниковым пером невест.
Плач из горла его плыл окрест.

Тростниковым пером воспел я кровь.
Посвящаю вам, жертвы резни.
Оно, словно феникс, возродилось вновь.
Посвящаю погибшим в те дни.
Тростниковым пером я воспел язвы ран.
В тростнике жило сердце армян.

Тростниковым пером я воспел свой дом.
Посвящаю тебе, отец.
Я его нашел над засохшим ручьем.
Мать свою воспел я, певец.
Тростниковым пером воспел свой порог,
Шел из горла пера дымок.

И воспел я борьбу за честь и добро.
Посвящаю армянам — бойцам.
Мех в горниле сердца — перо.
Посвящаю моим храбрецам.
Торжество тростниковым пером я воспел.
Огонь из горла пера летел.

После пиршества

Безмолвье в зале. Гости разошлись.
Светильники сияют утомленно.
Бесшумно и тягуче каплет вниз
Густая кровь из вен их воспаленных.

Струна замолкла. В обмороке стон
Тут бродит. Тяжкий сон нетрезво дышит.
Над ртами и глазами машет он
Крылами крупными летучей мыши.

Средь хаоса стола, среди безмолвья
В кувшине грезит капелька вина.
Зубами раненный, покинутый гранат
Под свечкой — с нею — истекает кровью.

Вдруг звон в тиши — и вдребезги стакан,
Убитый наповал недавней трещиной.
Накусан был он опьяненной женщиной —
В нее он страстью хмеля истекал.

А в вазе вянут голубые лилии.
Их духом был гусан и пьян, и сыт.
И мертвой бабочкою пышнокрылою
На стуле всеер кем-то позабыт.

А из двери, в ночи открытой настежь,
Вздых мускуса еще не отсверкал.
Сообщничество хохота и страсти
Мертвеет где-то в глубине зеркал.

Служанка и уродливый слуга
Тут убирают и пируют ныне.
Опивки вин глотнув, хмельной слегка.
Исподтишка целует раб рабыню.

Извращенно красоты

Я хочу, чтобы мрамор твой белый
Из нутра Олимпа был вырыт.
Мой резец явит зрячему миру
Хмеля полное женское тело...

В глубь очей твоих падая, истину
И бессмертье находят там люди.
Лик твой чист. Совершенные груди
Соком жизни томятся таинственно.

Будь нагой, как душа у поэта.
И языческой той нагой
Нам терзаться, не смыслом при этом

Прикоснуться к тебе. Пред тобой
Убиенным мне быть — быть мне жертвой.
Выжжет кровь мою мрамор твой щедрый.

О, Талита...

Красным светом горит и горит во тьме
Погребок твой, о Талита!
Пива мне! Пусть по пальцам твоим бежит
Пены пышная пустота.

И неважно, что я тебе князем кажусь —
Весь холеный и тонкий весь.
И неважно, что всякий простолюдин
Будет принят тобою здесь.

Ненавижу я женщин, что прячут лицо
Под назойливый липкий грим.
Будят похоть они в дряхлом теле вельмож —
Только золото любо им.

Ненавижу я женщин, что вырастил «свет», —
Только деньги в почете у них.
Услаждают себя они страстью собак
И любовников мучат своих.

Ты неси мне пива, неси, Талита!
Сядь ко мне на колени скорей!
Пусть покажутся икры в черных чулках
Под короткою юбкой твоей.

Пусть огонь ночников до утра догорит,
Пусть поет захмелевший ашуг
И слепые зрачки устремляет на нас,
И струны замирающий звук.

Распусти золотистые косы свои —
Отразит их хрустальный бокал.
Опустись — не спеши — на колени мон,
Чтоб желания миг созревал.

И неважно, что губы твои матросня
Искусала, — скорей забудь,
Что пролился пот вожделенья густой
На твою молодую грудь.

Я хочу захмелеть на твоей груди,
Как беспечный пьяный солдат.
Выжму кружку до капли последней, а ты
Выжми душу мою, как гранат.

Я хочу в этом доме, где красный свет,
Святотатствовать, чтоб не рыдать.
И плебейке принес я душу свою,
Чтоб за кружку пива продать!

Рубен Севак — псевдоним Рубена Чилинкаряна. Родился Севак 15 февраля 1885 года в селе Силиври близ Константинополя. Начальное образование получил в Константинополе. Окончил медицинский факультет Лозаннского университета. Работал до 1914 года врачом в одной из больниц Лозанны. Многие стихотворения Рубена Севака посвящены национальной трагедии армян Западной Армении, в лучших его стихах преобладают гражданские и социальные мотивы. Севак писал о жизни и борьбе европейских рабочих. Рубен Севак — автор дидактических рассказов «Страницы, вырванные из дневника врача» (1913–1914).

Рубен Севак был арестован турецкими властями в 1915 году и убит в Константинополе 26 августа 1915 года.

Сочинения на армянском языке; Сочинения, Ереван, 1955; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

Трубадуры

Взгляни на трубадуров — вот они!
Беспечны, ветру вольному сродни,
На площади теперь они играют,
И люди ставни полуоткрывают —
Послушать их. Невыносимый зной.
Но всё поют слова любви смешной
Трубадуры.

Необычайны лица у мужчин,
А спутницы в отрепьях. Им — один
Удел бродяжничества и лишений.
Брезливой улицей унижен гений.
Но вдохновенен их заветный труд.
От голода, но с песнями умрут
Трубадуры.

Ветра, невзгоды — жизнь горька, грустна,
Печалью черной до краев полна.
Познание жизни в их улыбке томной.
Но есть и радость в их судьбе бездомной.
Взъерошенных волос каскад седой
И смех бунтарский, вечно молодой
У трубадуров.

Ведет искусство их тропой одной
От лоз веселых, что возделал Ной,
До желтизны медлительного Нила
И до Урала, где их поманила
Гряда багряной Огненной земли,
Друзей похоронили там, где шли,
Трубадуры.

Железный и машинный этот век
Их радостного духа не рассек.
В столицах, там, где золото кумиром,
Свои сердца они вверяют лирам,
В труде возвышенном пылают дни.
Природы вольной сироты они,
Трубадуры.

Меня возьмите — из страны в страну.
Я жизнь иную, новую начну.
Рыдая, петь и равнодушие бычье
Осмеивать; познать земли величье,
Опасности стремнин и горных рек!
Мы — пилигримы скорбные навек —
Трубадуры.

Мы — пилигримы, мы — поэты, мы —
Свободные и гордые умы,
Владыки песни. Мы — в туниках рваных,
Нас душит голод, наше тело в ранах,
Мы непонятны, мы — трагедий весть,
Поэты и пииты! Мы и есть
Трубадуры.

Из раны сердца наша песнь взошла,
Судьба забывчива, коварна, зла.
Другим она сулила ликование,
Стол пиршества. Дорогою изгнания,
На три тысячелетия опоздав,
Идут, готовы к смерти у канав,
Трубадуры.

Но не скорби! Ужель ты не богат?
 Всѣ наше; вдохновение — твой сад.
 Всѣ наше — росный луг, закат безмолвный,
 Цветенье розы, и морские волны,
 И кладбище с могилою в тени.
 Похожи на былых богов — одни
 Трубадуры.

Мы едко осмеем с пером в руке
 Коварство мира в краденom венке.
 Мы смертники, но не умолкла лира:
 Мы — не рабы у властелинов мира.
 Свободу слова защищай, как лев!
 В нас яд, но мы бессмертны, умерев,
 Трубадуры.

Ужель необходимо нам на торг
 Нести сердца, чтоб вызывать восторг?
 Нет, служим цели мы одной, великой,
 Слагая наши песни для рамика.
 Кто «смерть однажды лишь» — изрек? День тьмы —
 Наш каждый день. Так умираем мы,
 Трубадуры.

Смех соглядатаев нам нипочем.
 Пусть подступает голод к нам с ножом.
 Как пастыри, живем высокой целью
 И человечество своей свирелью
 Ведем вперед, неся свободы весть.
 Искусства мертвого живая ветвь —
 Трубадуры.

Ах, дожили мы до худых времен!
 Кто благороден, — погран и казнен.
 Во гробе сердце схорони живое!
 Повсюду золота коварство злое.
 Лишь мы одни все те же. И сейчас
 Любить желаем... Кто же любит нас.
 Трубадуры?

Ты умерло, искусство славных дней,
 Когда сливались жизнь и песнь. О ней,
 О жизни, пело столько безымянных,
 Шагавших в их плащах багряных
 Из замка в замок, с лирою в руках.
 И эта песня не умрет в веках,
 Трубадуры!

Гомер, ты трубадуров всех — отец!
Хвала тебе, божественный слепец,
Восславивший героев громогласных.
Моя мечта о всех творцах прекрасных
В любом столетье и в любом краю.
В певцах гохтанских вас я узнаю,
Трубадуры!

Мне душно — сердце кто-то сжал в кулак, —
Когда смотрю сквозь ставню на бродяг.
Поют с натугой, вяло, как попало...
На плаху песню золото послало.
Свободное искусство — прах глухой.
Теперь поют с протянутой рукой
Трубадуры.

На площади, где беспощадный зной,
Канючит голос хриплый, жестяной.
Под эти звуки просит подаянья,
Проходим шляпу протянув в молчаньи,
Старик в морщинах резких, как рубцы.
Мы новой эры новые творцы —
Трубадуры.
1910

Мисак Мецаренц — псевдоним Мисака Мецатуряна. Родился в январе 1886 года в селе Бинкян (Западная Армения). В 1894 году семья будущего поэта обосновалась в городе Сваз. Здесь Мецаренц учился в местном училище. С 1896 года учился в Анатолийском колледже. В 1902 году на Мецаренца напали бандиты, избили его и нанесли ножевую рану. Вскоре у поэта началось кровохарканье и были обнаружены первые признаки туберкулеза.

Умер Мисак Мецаренц 22 июня 1908 года в Константинополе. За год до смерти поэта вышли в свет в Константинополе два стихотворных сборника Мецаренца «Радуга» и «Новые песни», принесшие ему известность как тончайшему лирику-гуманисту.

Сочинения на армянском языке: Стихотворения, Ереван, 1956; на русском языке: Антология армянской поэзии, М, 1940.

Трепет

Рой абрикосовых бликов
Жалит ночную вуаль.
С моря уходит печаль
В отблесках лунного лнка.

Чары неверно и зыбко
Прячутся под синеву.
Душу мою наяву
Вдруг озаряет улыбка.

Трепетны, неуловимы,
Воспоминанья любви
Быстро восходят в крови,
Если проходишь ты мимо.

Чувство кристальное это,
В радужной млея тиши,
Роет во тьме, близ души,
Теплые борозды света.
1903

На рассвете

Сонет

В горах, в монастыре песнь колокола плачет;
Газели на заре на водопой спешат;
Как дева, впившая мускатный аромат,
Пьян ветер над рекой и кружится, и скачет;

На тропке караван по склону гор маячит,
И стоны бубенцов, как ночи песнь, звучат;
Я слышу шорохи за кольями оград
И страстно солнца жду, что лик свой долго прячет.

Весь сумрачный ландшафт — ущелье и скала —
Похож на старого гигантского орла,
Что сталь когтей вонзил в глубины без названья.

Пьянящий запах мне бесстрастно шлет заря;
Мечтаю меж деревьев, томлюсь, мечтой горя,
Что пери явится — венчать мои желанья!
(1905)

Сонет с кодою

Цветы роняют робко лепестки.
Вечерний ветер полон ароматом,
И в сердце, грезой сладостной объят,
Так сумерки жемчужны и легки.

Акации, опьянены закатом,
Льют нежный дух, клоня свои листки,
К ним ветер льнет, и вихрем беловатым,
Как снег, летят пахучие цветки.

Как гурии неведомого рая,
Сребристых кудрей пряди распуская,
Их белый сонм струится в водомет;

Вода фонтана льется, бьется звонко,
Чиста, прозрачна, как слеза ребенка,
Но сладострастно песнь ее зовет...
Чу! осыпается коронка за коронкой...
1905

Сумерки

Деву заката
пурпурный красит наряд.
Но отчего я один
с грезой печальной своею?
И отчего я теряюсь
в объятьях ее и немею?
А над моей головою
благоухает гранат.
О лучезарный цветок!
Мимо прошла ты легко.
Что-то в душе моей
дрогнуло песней неспетой.
Ты улыбнись,
возвращаясь дорогою этой,
Мне —
света жажду я так глубоко.
Мгла опускается в душу мою,
где давно уже ночь.
И на заре ожиданий
снова тревожат сомненья.
Лишь пригубив
розовый запах забвенья,
Вновь обращаюсь к тебе,
чтоб себя превозмочь.
Стану под ясной луной
или, быть может, впотьмах
Слушать рубиновый пульс
грезы своей напрасной.
Где же улыбка и свет,
жизнью даримые страстной?
Как же мне сбросить тот груз,
что у меня на плечах?
Ты приходи!
Не дано изменить нам мечте.
Так я устал
колесить в одиночку тропой незаметной.
Дождь моросит в мою душу,
и дрожь стала смертной.

Праздно застыла рука
в траурной пустоте.
1905

Солнцу

Юг прохладен и мягок, как поцелуй,
а душа моя жаждет нежных дней,
сладострастный поток сияющих струй,
о, пролей в мою душу, солнце, пролей,
в горькой мгле сокрыты муки мои,
бродят думы среди лесов и камней.
Солнце, болен я, —
лаской меня согрей...
У окна, ощутив полуденный зной
пламенной вечнозеленой мечты,
я, раскинув руки,
жду встречи с тобой.
В своей огненной сети сожги меня ты.
Обжигают твои поцелуи меня,
и пронзают они мою душу насквозь.
Я пойду по дороге страстей в свете дня.
Солнце! Болен я, — жить нелегко мне пришлось.
А душа моя — птаха летает в тоске,
истомившись по смеху, по песне простой.
Из гнезда песня взмыла невдалеке, —
задохнувшись, полет окончила свой.
Солнце, доброе солнце, сияй, — я больной!
Пока в ясном и сладострастном тепле
вижу я сумасшедший танец шмелей
и пока цветы и кусты на земле
замирают от жажды, —
душою своей
ощущаю покой я безоблачных дней,
ощущаю покой,
опьяненный весной...
Солнце, доброе солнце, сияй, — я больной...
А колдун влажной ночи меня стережет,
только сумрак падет, — он меня уведет.
Так последний уж раз,
так последний уж раз
ты обвей меня, солнце, горячей волной,
исступленной и страстной,
в последний мой час.
Солнце, доброе солнце, сияй, — я больной...
1906

В каком опьяненье...

В каком опьяненье деревья и в зной,
И в холод, в тени, под дождем свежи.
Нацелившись ввысь листвою вырезной,
Молодые совсем еще деревца,
Стоящие вдоль пшеничной межи, —
Все деревья пьют лучи до конца.

В каком опьяненье трава на земле
Отражает свет росинками глаз.
В каком опьяненье цветы, замлев,
Сияя росой, от неожиданных ласк
В любимых руках тускнеют, спаясь.

В каком опьяненье украсить готов
И солнечный луч, и холм-исполин
Свой лоб золотой венцом из цветов.
В каком опьяненье с невест-долин
Красноногий журавль, взлетая, берет
Вечернюю грусть в обратный полет.

В каком опьяненье зяблики пьют
Без усталости свет, как солнечный мед,
Забравшись тайком в садовый уют.
В каком опьяненье, как снег беды,
Встречая восход среди розовой мглы,
Сои парят, золотясь в высоте.

В каком опьяненье, дрожа до конца,
На свою постель в кисейную тень
Невеста-горlinkа ждет самца.
В каком опьяненье бражник раскрыл
Над озером, где сиренева мгла.
Паруса своих млечно-белых крыл.

В каком опьяненье к макам полей
И к белым цветам стремится пчела,
Чтобы сосать сосцы медоносных фей.
В каком опьяненье синеют моря,
И реки текут, и бурлят ручьи,
Голубеет глубь озер, усмирись.

В каком опьяненье хотят уронить
Тяжелые тучи, сгрудясь вдали,
Молоко дождей, чудесную нить
В золотой урожай голодной земли.

В каком опьяненье пьют этот хмель,
От зноя изныв, в сухоте земли,
И каждый росток, и каждая щель.

В каком опьяненье душу томит —
С деревьев в цвету летучий настой
То базиликов диких, то мят, —
Как ладанный дым, аромат густой.

В каком опьяненье от торжества —
Все краски, цвета, все формы вокруг,
Элементы все и все существа,
Отражая в себе, как радуга дуг,
Неведомый свет и блеск божества.
1907

Дай мне, Господь

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
словно цветы, соберу среди ярких полей
радость во взорах женщин, детей и мужчин.

Дай мне, господь, к радости ясной прильнуть,
в бликах улыбок ощутить ее добрую суть, —
как разноцветные спички, блики горят.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
как колокольцы, она прозвенит от дверей
и, как венок, увенчает каждую дверь.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
тусклые окна домов во мраке ночей
я разукрашу созвездиями ее.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
но водопадом звонких и праздничных дней
не заглушу я плачи и скорби земли.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
в хладной обители души омраченной моей
да не сокроется песни торжественный звук.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
хлеб на столе, — приглашу я в застолье друзей,
и осенит скромную трапезу крест.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
посохом радости гряну, примерясь верней,
в камень души моей, — хлынет блаженства вода.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
радость, как сеть, я раскину над гладью морей
иль, как сохой, борозду проложу по земле.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
вылью ее на поля из кувшина дождей
или, как солнце, всем окоёмам отдам.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
я превращу ее в плот, — в океане страстей
буду я плыть, обретая в пути идеал.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей, —
каменщиков, землепашцев и косарей
в душу приму я свою, как братьев своих.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
долю, недолю, мглу и сиянье лучей —
всё, что в душе человеческой можно найти.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
что родились среди чащ, среди горных камней,
или в крестьянском жилье, или в дали дорог.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей.
1908

* * *

Ночь сладостна, ночь знойно-сладострастна,
Напоена гашишем и бальзамом;
Я в опьянении иду, как светлым храмом:
Ночь сладостна, ночь знойно-сладострастна.

Лобзания дарит мне ветер и море,
Лобзания дарит лучей сплетенье,
Сегодня — праздник, в сердце — воскресенье.
Лобзания дарит мне ветер и море...

Но свет души, за мигom миги, меркнет,
Уста иного жаждут поцелуя...
Ночь — в торжестве; луна горит, ликую.
Но свет души, за мигom миги, меркнет...

Рассветник

Над крышами туман постлал клочки шелков, свой убор,
По-над дорогами, весь в дымке золотой, солнца лик.
А у степы ведет свирель певучий свой перебор,
А на стене уже петух предутренний поднял крик,
За стеной девичья песнь плетет любви разговор.

Как разноцветные платки, порхает рой голубей,
Чуть развеваясь, прыг да прыг, о край дорог, стороной...
Вот луч косой, горя огнем, в лазоревый пал ручей...
И звонкий голос пастуха отдастся в глади водной...
И свежий утра помелуй прохладе дни для родник...

Перекрестись, в ладоши бей в огне зарн, в блеске хны!
Рожденный солнцем юный день смеется нам с вышины!
Среди ветвей, как звонкий дождь, заводит песнь птичий хор,
Как детский смех танцует свет, наменчивый ткот узор,
И аромат струит цветы, оттенков всех и всех форм...

Дороги

Дорога легкая
двинулась вдали,
покажется волна
Зыбкой берет мечты позад,
а на встречу им ветер
Окажется я болел
И пламя толку,
И мы в нем не вольны.
И беспрестанно дрожа души
в огнем
предросветы
Мракобоязнь красок рассветных
начинаю в ладку до слез.
Это утро меня арканом волшебным приветит.
Я и олед, и ревию,
перелетный искром грез.
О вышедшие духи
Верните мне ладан
что угнали

Бурей рыбой!

Душистые с утробой
Души верните,
что угнали
весь мирозданье

Пчелы

Мои желания — взлетающие пчелы.
Пронзая золотистую черту
И золотистой пылью морося,
Они взлетели светлым роем
И улетели за предел долины,
И, разрывая полумрак тумана,
Вдруг устремились к солнцу целым роем.
А солнце — золотой цветок тумана.

Так изумрудны, солнечны, рубиновы,
Впитавшие в себя все краски и оттенки,
Они взлетели из глухих ущелий,
С полей и ласковых полей пшеничных.
А я, отверженный, стою на берегу.
Мечта ленивая, но сладкая моя
Влечет меня к далеким цветникам.
Где в этот миг расселись беззаботно
Мои желаний золотые пчелы.

Ах, на заре
Мне снова колесить дорогой стража.
Я, переполненный до предела чувств
Вином чернейшим ночи.
Опять обязан исходить
Крутые тропы собственной бодрости.
И, занесшись над черепом моим,
Возникнет в плечах сытый валежник.
Мои желаний золотые пчелы...
Их возвращенья с нетерпеньем жду я
После полудня в неурочный час.
Только они в дороге потерялись.
Уже стемнело.
Для я, видно, жду
Их медоносного — с одышкой — возвращенья.

Я очень утомился, ожидая...
Сладчайший мед моих желаний смутных
Тошит меня — и неурочен этот час.
Да будет суждено мне ощутить
Еще одно страшенное жало
Заблужших пчел моих желаний.

Зимняя ясная ночь

Ночь, для ласк твоих распахнул окно:
я хочу, чтоб мне ощутить пришлось
чары матовых и прохладных рос,
полнолуныя сладкое молоко.

Светозарна ночь, в ясной тишине
прелесть ночи волнами течет,
от ее мечты брызжет пряный мед,
и прольется он прямо в душу мне.

Голос призрачный, ночь моя, отринь,
ненасытно пить жажду твой нектар,
пусть исчезнет день, как белесый пар,
голову склоню у своих святынь.

Голову склоню у святынь твоих,
я молитвенно к ним челом приник,
в пока твой луч мне ласкает лик,
убежит мой взор от сует земных.

Безмятежна ночь, ночь полна мечты;
о, прими меня: губ молящих стон,
поцелуй души, разогнавший сон...
Ночь, прими меня в лоне темноты.

Нынче горько мне в комнате моей,
в ней пылала страсть средь вчерашней мглы,
и оплакали скорбно все углы
величайшую из людских страстей.

Ночь, ворвись в окно, чудна и сильна,
и наполни скорбью мой приют,
чтобы святость сладостных минут
пробудила бы от давнего сна.

Ночь, для ласк твоих распахнул окно:
я хочу, чтоб мне ощутить пришлось
чары матовых и прохладных рос,
полнолуныя сладкое молоко.

СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Наири Зарьян — псевдоним Айастана Егиазаровича Егиазарьяна. Родился 31 декабря 1900 года в Западной Армении в селе Хараконис Ванского вилайета (Турция). В детстве батрачил. В 1915 году лишился родителей. Воспитывался (в 1915–1921 годах) в приютах Дилижана, Еревана, Ленинакана. Пробовал писать в раннем детстве. Окончил историко-филологический факультет Ереванского университета (1927). В начале 1930-х годов учился в Государственной академии искусствознания (в Москве, а затем в Ленинграде). В 1929–1934 годах в качестве уполномоченного ЦК республики бывал в колхозах Армении. В годы войны выезжал с писательскими бригадами на фронт в район Керченского перешейка и на Кубань. Избирался секретарем правления Союза писателей Армении, был председателем республиканского Комитета защиты мира.

Умер Наири Зарьян 11 июля 1969 года.

С середины 1920-х годов и до конца жизни издал около 60 книг стихов, прозы, драматургии. Наиболее значительные из них — «Рушанская скала» (1930), «Ацаван» (1937–1947), историческая трагедия в стихах «Ара Прекрасный» (1944–1946). В 1962–1965 годах вышло в свет на армянском языке собрание сочинений Н. Зарьяна в семи томах. Издавался в русских переводах: Избранное, М., 1954; Ацаван, М., 1960; Стихи, М., 1963.

Ленин

Нет! Ты живешь, ты рядом, вождь!
Ты — солнце в море синевы.
Твой гений, разум твой, и мощь,
И страсть не могут быть мертвы.

Ты рядом — всюду и всегда,
В труде, в походе боевом.
Ты строишь наши города,
Ты входишь счастьем в каждый дом.

Нет, ты не умер, не погас,
Ты — молодость у нас в крови,

Ты — пламя юношеских глаз,
Зов побеждающей любви.

Ты вновь торопишь молодежь
Встать за штурвал, сойти в рудник.
Колонны шествий ты ведешь,
Сверкаешь на страницах книг.

Твой огнекрылый стяг лонет
Твоих солдат в последний бой,
И каждый новый наш завод
И каждый цех сильны тобой.

Ты — наша родина, наш кров.
Ты — наше светлое жилье.
Вверху, в снопах прожекторов,
Читаем слово мы твоё.

Ты — в каждой песне детворы.
Ты — в каждом стебле наших нив,
Ты к нам приходишь на пиры,
Чуть набок голову склонив.

Ты — нескончаемая жизнь.
Ты — полноводная река,
Что с древних снеговых крутиз
Речет в долины стокать века.

Пока вода бурлит и бьет.
И есть огонь, и в нем есть мощь.
Пока история идет —
Ты будешь вместе с нами, вовек!
1938

• • •

Многих красавиц в пламенном сердце любил.
Множество ласковых слов говорил им, любя.
Я им ни разу не дал в них сердце дарил,
Но о тебе лишь мечтал и искал янтарь тебя.

Кажется мне, что тебя я искал. И, ваяя,
Вглядывая лучистым взглядом ты, божественный мой друг.
Самым драгоценным сокровищем вступил к тебе,
Весь мой мир давая — к тебе, основывая вокруг...
1940

Отчий дом

Я в сновиденье памятью ночною
Воссоздавал далекий отчий дом.
Большое небо детства надо мною
Раскинулось в сиянье молодом.

Со мною мать сидела, как бывало,
Мне по-армянски бормотал ручей,
И дерево мне песню напевало
Весенним легким шорохом ветвей.

А тонкий луч, проскальзывая в окна,
Жизнь открывал мне золотым ключом.
Смотрело солнце материнским окном.
Весь мир огромный был как отчий дом.
1940

Сон

Ты во сне жвилась, песнь моя,
И душа открылась миру —
Тихий плач камней услышал я
И слышал солнца лиру.
1943

Четвертый день, как я пою, не насыщаюсь пением!
Дыханье песне отдаю, не насыщаюсь пением,
И день-деньской, сожжен тоской, любовью одержимый.
Увидел красоту твою, не насыщаюсь пением!
Жасмин чужого сада ты, не для меня твои цветы,
И жажду я в родном краю, не насыщаюсь пением!
Я благодарен той тропе, что привела меня к тебе.
С тех пор как видел, не таю, не насыщаюсь пением!
1943

Я слышал: молчи ты с любимой.
Любви как гудит конец.
Огонь, охватывающий в неволе,
Меня наступит конец...

Неправда!.. Нам люди солгали:
В зеленую рощу любви
С тобою вступили мы вместе
И лжи положили конец.
1947

* * *

Ах, если бы чудо свершилось
И жизнь повернула бы вспять,
И дни потекли бы обратно,
Запахло б весною опять.
И вечер, невинный и тихий,
Помог бы тебя отыскать,
И — там, где Раздан серебрится, —
Любовь к нам пришла бы опять.
1947

* * *

Душа моя, всё, как есть, отдадим
Нашим ближним,
Сильным и слабым, добрым и злым
Нашим ближним.

Только нашу любовь для себя сохраним,
Как в лампаде масло,
Чтобы светлей и теплей было им,
Нашим ближним.
1947

* * *

Обманивали сотни раз меня —
Я верю снова.
Что б ни было — во мгле и в свете дня
Я верю снова.

Иные отняли мой хлеб, взамен
Мне дали камень...
Посулам всем, виновных не виня,
Я верю снова.

Разбойничали в сердце у меня,
Раскрытом настежь,

Но в возвращение любви своей
Я верю снова.

Мой путь поземка замела.
Заволокло ненастье,
Но в возрождение весны своей
Я верю снова.
1947

Севан после грозы

Клубясь, редют тучи. Небосвод
Уже налился светом алым.
Горы касаясь, облако плывет
Ихтиозавром запоздалым.

Гляжу вокруг, от счастья захмелев.
Утесы подступают ближе:
Вон тот — медведь, и по соседству — лев,
А там — спина косули рыжей.

Как передать мне эту красоту?
Запомнить как мгновение это?
Мелькнет, как сон, исчезнет на лету
Игра густых теней и света...

Продлись же, волшебство! Помедли, явь!
Запечатлись в душе навеки
И переливчатую нить оставь —
Чтоб счастье жило в человеке.
1948

Тиран и поэт

Поэма

1

Жил некогда царь, владыка владык,
Свирепый тиран, одетый в парчу,
Богат, и могуч, и славой велик.
Вдруг вздумал он: «Стать поэтом хочу».

Газели писал, вставая чуть свет.
Любовь прославлял двустигмьями он.
Тиран приказал, чтоб лучший поэт
Немедленно был к нему приведен.

«Вот, мастер, взгляни на эту газель, —
Сказал ему царь, собою гордясь, —

Искусством стиха владею вполне ль?
Раздумий моих понятна ли связь?»

Поэт прочитал творенья царя,
И кротко сказал тирану поэт:
«Пусть слава твоя, как солнце горя.
Сияет в лучах великих побед!

Завидуют, царь, подобной судьбе,
Всех недругов ты осилил давно.
Подмира — твои. Но, царь мой, тебе
Искусством стиха владеть не дано».

Тиран закричал: «Прощенья проси!
Завистник, ты мнишь, свое волшебство,
Свой дар лишь тебе открыл Фирдуси?!
Эй, слуги мои, в темницу его!»

2
Вот в башню Ануш поэт заточен,
О судьбах людских он мыслит в тиши.
В ответе своем не кается он —
Нет в мире темниц для вольной души.

И силится вновь жестокий тиран
Затмить Фирдуси в рубайях своих,
Он жаждет хвалы, тщеславием пьян,
Придворных зовет оценивать стих.

И каждому царь велит: «Подойди
И честный ответ владыке неси:
Кто первый из нас и кто позади —
Складнее ль меня писал Фирдуси?»

И падали ниц рабы суеты.
Нашелся у всех один лишь ответ:
«Владыка, велик в поэзии ты,
Ты Дарий стиха, ты лучший поэт!

Так бейты слагать не смог бы иной.
Ты в тайны стиха всех глубже проник.
Коль был Фирдуси для бейтов луной,
Ты солнце стиха, владыка владык!..»

Пьянили царя восторгом своим,
И каждый во прах перед ним распростерт,
И стелется лесть и вьется пред ним,
И грозный тиран удачею горд.

Но, слыша хвалы, он вспомнил о том,
Кто брошен во мрак дворцовых темниц.
И снова поэт стоит пред царем,
Стоит, не страшась, не падая ниц.

«Вот бейты. На них ты, мастер, взгляни, —
Сказал ему царь, насмешку тая, —
Ответь мне: вполне ль прекрасны они?
Строкой Фирдуси владею ли я?»

Над царским стихом склонился поэт.
Он долго стоял, печален и нем.,
И молвил: «С тобой сиянье побед,
Но хочешь ты стать поэтом... Зачем?!

Ты с войском своим отправься в бои
И верным путем к величью придешь...
Над миром развей знамена свои,
Врагов усмири, богатства умножь.

Прославься в веках, как славен Хосров,
Рустама затми бесстрашьем души.
Я правду сказал и к смерти готов...
О царь, никогда стихов не пиши!»

Тиран поднялся, отмщеньем горя.
«Страшись, клеветник, себя самого!
Завидуешь ты искусству царя!
Эй, слуги мои, в темницу его!»

З
В темнице поэт. Разгул палачу
Его истязать во мраке глухом.
А грозный тиран, одетый в парчу,
И ночи и дни сидит над стихом.

К притворству привык придворный язык,
Бесстыжая лесть звучит и теперь:
«Ты солнце стиха, владыка владык!
Завистнику ты, великий, не верь!»

На троне златом в безмолвии злом
Он внемлет хвале утративших стыд.
С угрюмой душой и мрачным челом,
Потупив глаза, он гневно молчит.

Восторги рабов не в радость ему,
Не их похвалы мерило удач.

Правдиво судить дано лишь тому,
Над кем день и ночь глумится палач.

И царь приказал, волнением томим,
Упрямца привести в покои дворца.
И снова поэт стоит перед ним,
Как призрак судьбы, как тень мертвеца.

«Бессмертный поэт, — промолвил тиран, —
Упрямей тебя не знал я людей.
В поэме моей найдешь ли изъян?
Прочти и скажи всю правду о ней».

Поэт прочитал и краткий лишь миг
В раздумье был душой погружен,
Где жизнь и где смерть он сердцем постиг,
И тотчас к дверям направился он.

В смятенье тиран воскликнул:
«Постой! Искусство мое признал или нет?
Куда ты?..» — «Мне нет дороги иной,
В темницу иду», — ответил поэт.
1953

* * *

Старой сказке я больше не верю,
Новым клятвам я больше не верю.
Много храмов святым я построил,
Но святым я уж больше не верю.
1953

Завещание

Меня на кладбище не хороните,
Когда я от вас навсегда уйду.
Сожгите мой прах и пепел сложите
Под топодем в пионерском саду.

Я стану любимой земли частицей
И новой жизнью там заживу,
Чтоб к вам однажды весной возвратиться,
Раскинув густую свою листву.

Подует теплом ереванский ветер,
Пушок с тополей понесет — лови!

В тени моей будут резвиться дети
И юноши клясться в вечной любви.

Им листья прошепчут порой весенней
Все песни, которые я не спел,
Стихи, которые в век потрясений,
Средь бурь и гроз сложить не успел.
1953

Утро

Сегодня рассвет голубой-голубой
На мирных полянах и в сердце моем.
Минувшая ночь увела за собой
Тяжелые тучи с холодным дождем.

На небе светло, и на сердце легко,
И только за далью зеленых полей
Два облачка бледных плывут высоко,
Как тени вчерашней печали моей.
1955

Я заблуждался много раз

Я заблуждался много раз,
Прости меня, родной народ!
За правду ложь приняв подчас,
Я заблуждался много раз.
Мне дорог был лишь твой наказ,
Твой путь манил меня вперед...
Я заблуждался много раз.
Прости меня, родной народ!
1955

Вода

Купаясь в жаркий день в волнах реки,
Подумал я — ошибся критик твой,
Когда сказал он, правде вопреки:
«Ты наполняешь свой роман водой».
Как много свежести таит вода!
Как много жизни, бодрости и сил!
В твоей же книге жизни нет следа.
Ты сам скучал, когда ее творил.
Как сына, обоймет тебя река,
Журчанье воды ласкает слух,

А твой роман — смертельная тоска.
Он, как пустыня выжженная, сух.
Читатель твой, как путник в летний зной.
Едва бредет, стирая пот с лица.
Читатель твой живет мечтой одной —
Скорее бы добраться до конца!
А кто захочет, чтоб умолк ручей,
Чтобы вода исчезла из пруда?
Иссякший ключ не радует очей...
О нет! Твои романы не вода!
1955

В мастерской у Мартироса Сарьяна

На свете есть священные места,
Что входят в нашу жизнь, причастны детству, —
И отчий дом, и школьный двор, и та
Тропинка в сад, что с нами по соседству.

И в этой светлой мастерской твоей
Мне хорошо, — здесь тоже всё родное.
Здесь сердцу легче, и душе светлей,
И вся Армения передо мною.

Здесь радость цвета, света и высот,
Севан, и солнце, и Масис двуглавый;
С улыбкой иронической Ашот
И Ачарян — спокойный, величавый.

Здесь наши девушки скромны, нежны;
И персики, и с красной розой ваза,
И этот ослик, что средь тишины
Мечтает у подножья Алагяза.

Как отчий дом, как стародавний сад,
Люблю всем сердцем эту мастерскую,
Где я, тенями синими объят,
Не мучусь, не мечусь и не тоскую.
1958

...Мой язык тому виной

Твердят, что зол я и жесток,
Что мой язык всему виной,
Что я сварлив, угрюм и строг —
И мой язык всему виной.

Утаивать я не хочу
Слов, что правдивы и просты,
Но дорого за них плачу —
И мой язык тому виной.

Произносить я не могу
Слов, что эффектны и пусты,
Я промолчу, но не солгу —
И мой язык тому виной.

Порой я жалил невпопад,
И сам потом бывал не рад.
Но труса — трусом называл, —
И мой язык тому виной.

Я к вам себя привел на суд,
Душа моя — любви сосуд;
Он накрепко сейчас закрыт —
И мой язык тому виной.
1967

* * *

О, бойся клеветы, когда она
В глаза — открыто — произнесена!
Она в таком обличии, признаться,
И чистой правдой может показаться...
1967

Грустный триолет

Поведать что-то миру жажду я,
Стараюсь объяснить явлений суть.
Мне тайна, как немому, жжет уста —
Поведать что-то миру жажду я.
Я ключ ищу к загадке бытия
И с верой в чудо продолжаю путь,
Стараюсь объяснить явлений суть,
Поведать что-то миру жажду я.
1967

* * *

Многое я написал с полной отдачей сил
И многие замыслы не воплотил.

Страждет моя душа — на исходе время земное, —
Жалеть ли о том, что написать не успел,
Или о том, что написано мною?
1967

Наша планета

Есть на всех языках мира
Сокровеннейшие слова —
«Наша отчизна»,
Во веки веков, ныне и присно
Произносимые с благоговеньем.
Но сегодня для всех, в ком душа жива,
Есть и другие слова, слова, полные света, —
«Наша планета».

Слова другие, но жар в них не меньше ничуть —
«Наша Земля»,
«Наше Солнце»,
«Наш Млечный Путь»...

На мгновенье о Солнце забудь,
Забудь необъятный Млечный Путь. —
Обойдутся без нас как-нибудь.
Забудем на миг высокие силы эти,
Наша помощь нужна
Только маленькой нашей планете.

В ворохе звезд она —
Цветочной пыльцы крупинка
И опасностью грозной окружена,
Может погибнуть в любое мгновенье
От ядерного наважденья.

Люди, люди, безумцы и гении,
Оснащенные знаньем и злом,
В дьявольской жажде уничтожения
Создали вы орудия гибели
Для нашей бесценной планеты.

Чудища атомные летают,
Грозя последней войной
Нашей Земле родной.
Из-за угрозы этих смертельных орудий
Она всё дороже нам и нужней,

И хочется в голос кричать о ней:
«Это наша планета,
Наш отчий дом,
Берегите ее, люди!...»
1967

* * *

Захотелось покончить с заклятым врагом
Сатирической танкой...
Но тщетно в те дни
Призывал я разящие, злые слова...
Уж такие кругом
Были горы!
По-горному невозмутимы
И возвышенны были они!
1968

Я жду тебя

Ты где-то есть наверняка,
Тебя я жду.
Желанная, ты — далека,
Тебя я жду.

Часам рассветным голубым
Сказала ты — приду —
И ранним сумеркам моим...
Тебя я жду.

Ты давней юности обет
Забыла на беду,
Но в тишине пустынных лет
Тебя я жду.

Роняет дуб надежды лист —
Падучую звезду.
Пускай закат осенний мглист —
Тебя я жду.

Уже подведена черта,
Я скоро сам уйду.
Но ты — бессмертная мечта,
Тебя я жду.
1968

Псалом прощания

Скажи «прощай»
Жизни своей.
Свой сад цветущий не вспоминай
И берег морской, где в тени аллея
Должна появиться та, что снилась тебе.
Даря цветам улыбку и благоуханье,
Где внуки твои резвились бы в гуще ветвей
И щебетали б как птицы ранней ранью.

Скажи «прощай»
Студеной пустыне своей,
Где конь твой упал, разодран волками,
Где лежат, хрипя, и тяжело поводит боками.
Где ветры стенают, где одиноко им,
Как правнукам осиротевшим твоим.

Скажи «прощай»
Еревану — любви своей,
Чуду, что, в глазах твоих отражаясь,
Красуется, устремляется ввысь;
Скажи «прощай»
И на корабль свой космический поднимись.

«Прощай» — скажи не спеша
Народу армянскому своему,
Что полон надежд к высокой цели прийти;
И бескрайнему Млечному Пути,
И планете любимейшей, наилучшей,
Над которой сгущаются ночью и днем
Атомной гибели тучи.

«Прощай» — скажи смиренно —
Любому из недругов и друзей
И всех людей,
Которым должно пройти этот путь
неизменный:
И болезни своей, и своей судьбе,
И себе самому, самому себе
Скажи — «прощай».
11 июля 1969, Больница

Азат Вштуни — псевдоним Азата Сетоевича Мамиконяна. Родился в семье учителя 17 июля 1894 года в Западной Армении в г. Ван (Турция). Окончил армянское училище в Константинополе (1911). В 1911–1914 годах жил во Франции, посещал в качестве вольнослушателя лекции в Сорбоннском университете. В 1914 году переехал в Тифлис. В 1920–1930-х годах принимал активное участие в литературной жизни, много сил отдавал работе в армянской периодической печати (Тбилиси, Ростов-на-Дону, Ереван), занимал руководящие посты в Союзе писателей Армении и в республиканских организациях, ведающих вопросами культуры. Вштуни хорошо знал зарубежный Восток и писал о революционном пробуждении, об антиколониальной борьбе трудящихся и о пролетарском интернационализме. Ряд своих восточных стихотворений и поэм печатал в периодике под псевдонимом Сеид-эль-Нур. В годы Великой Отечественной войны выезжал в составе писательских бригад на Крымский и Кавказский фронты.

Умер Азат Вштуни 26 марта 1958 года в г. Ереване.

Сочинения на армянском языке: Избранное, Ереван, 1971; на русском языке: Стихи и поэмы, М., 1973.

В пустыне

Сквозь ночь, пустыней без конца, без края
Шагает караван надежд моих,
Огни горят, в бездонной тьме мелькая
То тут, то там; бог знает сколько их...

И вижу я в песчаном океане
Оазис дальний, дивный, словно сон,
Под пологом мечты он, как в тумане,
Прекрасен он, необычаен он.

В объятьях тьмы, не ведавшей смятенья,
Чуть слышно колокольчики звенят...
Неясные, прекрасные виденья
Меня чаруют и к себе манят.

Певучий звон несется над пустыней,
Тревожа беспредельность тишины...
А в сердце небо — словно купол синий,
И сотни солнц в том небе зажжены.

Иду под перезвоны каравана
Пустыней, где живой росинки нет,
В жизнь, в даль, где пламенеет постоянно
Над капищем неугасимый свет.

Сквозь ночь, пустыней без конца, без края
Шагает караван надежд моих.
Огни горят, в бездонной тьме мелькая
То тут, то там; бог знает сколько их...
1915. Баку

Везде

Мой брат, ты — всюду, всюду, и я всегда с тобою.
Везде, где ты, я тоже в ярме труда с тобою.

Где ты исхлестан плетью, и я изодран тоже.
О брат, и сердце болью полно до края тоже.

Мое терзает тело тот бич багряный тоже,
И тело покрывают большие раны тоже!

Как будто задыхаюсь и крепну сам — с тобою,
Дрожу и поднимаюсь, могуч и упрям, — с тобою.

Когда же радость трубит и песня трубит тоже.
Труху дырявой жизни восстанье рубит тоже.

Моя душа как будто гремит громами тоже,
Я старый мир сжигаю, бросаю в пламя тоже.

Как будто это сам я, горящий, я — с тобою,
Я — миллионы, грозный, творящий, я — с тобою.

Мой брат, ты — всюду, всюду, и я всегда с тобою,
Везде, где ты, я тоже в ярме труда с тобою.
1921

Восток

Лег в ширину бездной цветов, точно ковер
вытканый, ты.
Солнца шафран, золота свет, ало-оранжевый
джан мой Восток!
В книге моей солнечных дней яркой бежишь
ниткою ты —
Песни дыханье, сердца привет, жизненный свет,
джан мой Восток!

В сердце твоём лава течет, множество солнц,
много огней!
Армией солнц ты окружен, солнечный сын,
джан мой Восток!
Пламенный дух, тайн океан, множество книг
в бездне твоей,
Вышедший в мир, грозный шаир, гений веков,
джан мой Восток!

Ярче светил люстра ночей, мой и ничей,
пламенен ты,
Ты, что с зарей в муках больших солнце родишь,
джан мой Восток!
Горя диван, крови поток, песен земли
знаменем — ты,
С тысячью игр, безднами рос, солнечно вырос,
джан мой Восток!

Сын твой родной, я — твой поэт — гордо спою
тебе хвалу,
Славы заря, солнцем горя, брызжет в тебе,
джан мой Восток!
Я возношу мощи твоей, славной твоей
борьбе хвалу;
Гривою льва взвита хвала; кладезь побед —
джан мой Восток!
1928

Я вернусь

Далеко ты, о мать моя!
Но в громе битвы голос твой.
Как шелест нивы, слышу я,
Твоя любовь и здесь со мной.

Свет материнской доброты
Сияет ласково вдали.
Печальнисься, наверно, ты,
Морщины лоб пересекли,
Но минет расставанья грусть, —
Верь, дорогая, я вернусь.

Я расскажу тебе в тиши,
Как падал враг с штыком в груди,
Ты верной памятью души
За сыном издали следи.
А доведется услышать
Те песни, что о нас поют, —
Послушай эти песни, мать,
И мой в них славят бранный труд.
Перед врагом я не склонюсь,
Верь, дорогая, я вернусь.

Но если в буре боевой
Коснется смерть сыновних губ
И будет на земле сырой
Лежать мой охладевший труп, —
Ты, чья судьба мне дорога.
Высоко голову держи.
Пусть носит траур мать врага,
Я бился против зла и лжи.
Я в двери сердца постучусь,
Воспоминанием вернусь.
1943. Ереван

Гегам Сарьян — псевдоним Гегамы Багдасаровича Багдасаряна. Родился в семье портного 25 декабря 1902 года в г. Тебриз (Иран). Окончил в 1920 году Тебризскую армянскую семинарию. До 1922 года учительствовал в армянских школах Ирана (г. Марага и село Винан). В 1922 году переехал в Советскую Армению. Жил до 1926 года в Ленинакане, а затем в Ереване. Принимал активное участие в общественной жизни республики, избирался в 1946-м, 1962-м, 1970-м годах депутатом Верховного Совета СССР.

Поэтический талант Сарьяна по-настоящему развился в Советской Армении. Он стал поэтом социалистической нови. Известны также его поэмы на иранские темы. В годы Великой Отечественной войны создал цикл патриотических стихотворений, написал поэмы об исторических судьбах армянского народа. Гегам Сарьян много переводил с украинского и был удостоен звания заслуженного деятеля культуры Украинской ССР (1972).

Умер Гегам Сарьян 15 ноября 1976 года в Ереване.

В 1969–1972 годах вышли в свет на армянском языке сочинения Сарьяна в пяти томах; на русском языке: Стихотворения и поэмы, Ереван, 1959.

* * *

Если б только ты да я
Вышли вечером к ручью,
Унесла бы песнь моя
Думу грустную твою.

Под покровом темноты
Разболтал бы плеск ручья
Всё, чего не знаешь ты,
Всё, о чем мечтаю я.
1920

Гюльнара

Нет, не ведал хан и таджир не знал,
Чтобы цвел цветок, как Гюльнара, цвел.
О гаремов край! Ты еще не знал,
Не видал цветка, что бы так расцвел.

Если к небу вдруг заструился дым
И до самых звезд задымил кальян, —
У Гюльнары взгляд — солнце рядом с ним!
Ах, таких очей не видал Иран!

Пусть миндаль цветет в глубине долин, —
Не с Гюльнарой — нет! — может спорить он.
Пусть, омыт дождем, зацветет жасмин, —
Не с Гюльнарой — нет! — может спорить он.

Нет, не ведал хан и таджир не знал.
Чтобы цвел цветок, как Гюльнара, цвел...
О гаремов край! Ты еще не знал,
Не видал цветка, что бы так расцвел.

1

Девушка в Иране проживала,
Всё ковры ткала, всё для базара,
Старика отца оберегала;
Звали эту девушку Гюльнара.

Красотой Гюльнара поражала,
Всё проворней бабочки порхала
И глаза не красила сурьмой,
Волосы не украшала хной.

Так она, беспечная, жила,
Баннй коврик для ханум ткала —
О, роскошней цветников Ширази! —
Для ханум всё, — для себя ни разу.

Бьет она ножовкой об основу,
Нитка разноцветная сплелась,
Этой удивительной основе
Мог бы позавидовать Шираз.

Соловей запел бы без умолку,
Розы настоящими сочтя...
Ах, Гюльнара, ты могла из шелка
Целый сад сплести шутя.

Девушка в Иране проживала,
 Всё ковры ткала, всё для базара,
 Старика отца оберегала;
 Звали эту девушку Гюльнара...

2

О моя красивая Гюльнара!
 Кто эти глаза твои состарил?
 В них легла глубокая тоска...
 О моя красивая Гюльнара!

Ты окутана цветистым ситцем.
 Но я чувствую, под ним недаром
 В бедном сердце жалоба стучится,
 О моя скорбящая Гюльнара!

Девушка, оставь свою печаль!
 Посмотри, как солнце полыхает,
 Зреют апельсины и миндаль,
 И поля кругом благоухают.

Ты, что, солнце вечное любя,
 Даже не глядишь на небосклон,
 Радость потеряла. Для тебя
 Выглядит пион, как скорпион.

3

Стонет стоном тихим тара,
 В сердце сега отдается,
 Сердце ноет у Гюльнары...
 Из гарема смех несется.

«Ты внимай словам Корана:
 Без чадры ужасна кара», —
 Будто слышит слово хана,
 Озирается Гюльнара.

Будто видит: хан пред нею, —
 Сердце стынет, цепenea,
 Но плетет, как на основе,
 Ропот сердца молодого.

Но Гюльнара ткет ковер свой,
 Ткет свой ропот, ткет недаром, —
 На основе из-под ворса
 Выткется портрет Гюльнары.

Образ мертвый оживляет
Нитей шелковых игра,
И глаза ее пылают,
Будто скинута чадра.

Стонет стоном тихим тара,
Сега плачет вместе с нею...
Сердце бьется у Гюльнары
Всё сильнее, всё сильнее.

4
Солнце поднимается всё выше,
Солнце улыбнулось горячо...
Из дому Гюльнара вышла,
Лег ковер на левое плечо...

Как роскошна комната у хана!
Вся в коврах и вся благоухание,
На красивой низкой табуретке —
Клокотание воды кальяна...

Сердце девушки сильнее забилось
И трепещет, как вода кальяна...
И Гюльнара будто поклонилась,
Нехотя приветствовала хана:

«Я подарок принесла на славу,
Я с подарком принесла и жалобы:
Дай мне, хан, такое право.
Чтоб чадра к ногам упала бы».

Разостлала перед ним ковер,
Что красивей, чем его ковры,
И на хана устремляет взор,
И стоит бесстрашно без чадры.

«Ты — джинда, собакою ты стала!» —
Ханский крик несется над дворцом...
Вскрикнула Гюльнара и упала
С красным от пощечины лицом.

Прибежали разом хана слуги,
Весь гарем затрепетал в испуге.
Распростертое Гюльнары тело
Несказанной болью заблело.

«Пусть ее зарубят тоиуры!
Пусть ее собаки загрызут!

По моим владеньям без чадры
Женщины вовеки не пройдут!»

О Гюльнара! Как прекрасна даль!
Посмотри, как солнце полыхает,
Зреют апельсины и миндаль,
И поля кругом благоухают.

Ты, что, солнце вечное любя,
Даже не глядишь на небосклон,
Ты лежишь недвижно. Для тебя
Выглядит пион, как скорпион...

Сумерки. Закат запылал.
Кровь течет, течет из каждой раны.
Умерла Гюльнара, — он увял,
Утренний цветок Ирана...

Нет, не ведал хан и таджир не знал,
Чтобы цвел цветок, как Гюльнара, цвел...
О гаремов край! Ты еще не знал,
Не видал цветка, что бы так расцвел!

Если б к небу вдруг заструился дым
И до самых звезд задымил кальян, —
У Гюльнары взгляд — солнце рядом с ним!
Ах, таких очей не видал Иран!
1929

Советская Армения

Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб.
Пусть барабаны и трубы гремят,
Тысячи труб.
Яркий, ликующий, праздничный свет
Хлынул с высот.
Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб.

Эта красавица с солнцем в очах
Кем рождена?
Тьму разогнавшая светом в ночах
Кем рождена?

В ярком сиянии, в ясных лучах
Блещет она.
Девушка эта с надеждой в очах
Кем рождена?

Взглянет — безмерную даль озарит
Луч огневой.
Словно цветущий миндаль, опалит
Всех красотой.
Волосы светлы, как будто горит
Сноп золотой.
Взор, словно небо, сияет, манит
Голубизной.

Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб,
Пусть барабаны и трубы гремят,
Тысячи труб.
Яркий, ликующий, праздничный свет
Хлынул с высот.
Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб.

В битвах, в труде создавали ее
С гордою песнею,
На наковальне ковали ее
Силу чудесную,
Бережно мы ограждали ее
Дали родимые,
Всюду врагов побеждали ее,
Непобедимые.

Тянется вдаль бесконечная сеть
Провода медного,
Чтобы стране по ночам не жалеть
Света победного.
Как же нам в песнях своих не воспеть
Славных строителей?
Как же нам лаской своей не согреть
Преобразителей?

К свету и к счастью мечты привели
Вольнолюбивые!
Вот как в трудах мы ее вознесли,
Наше творение!
Краем советским ее нарекли,
Землю счастливую!

Славится имя родимой земли,
Новой Армении!

Знала ты, прежде чем стала сильна,
Скорбь и мучения,
Верила ты, что настанет весна.
Минут страдания.
Нашим победным трудом создана
Слава Армении.
Край наш советский, родная страна,
Наше дыхание.

Людам зарей ослепительной будь.
Огненным знаменем,
Смело веди в предназначенный путь
Все поколения.
Чтобы грядущему веку сверкнуть
Ярче и пламенней,
Горя минувших веков не забудь.
Наша Армения!

Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб.
Пусть барабаны и трубы гремят,
Тысячи труб.
Яркий, ликующий, праздничный свет
Хлынул с высот.
Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб.
1930

* * *

С тех пор ста поколений нет. А ты живешь,
поэт,
Твоих могучих песен жар не угасает, нет!
Во тьме времен, во мгле веков, сколь
ни темна она.
Царь песен Фирдоуси, ты сияешь, как луна.

Года бегут, века пройдут, и сколько будет их!
Но не померкнет чистота бессмертных
слов твоих.
Вновь поколения придут и сгинут, говоря,
Что Фирдоуси вечно юн и светел, как заря.
1934

* * *

Вновь пришел домой я с далеких гор,
Наверху блуждал и в ущельях скал
Слушал диких вод со скалою спор,
И потоки вброд я пересекал.
Птичьи голоса слушал я в лесах,
Шелестом листвы лес ласкал меня,
И ковер травы в золотых цветах
Расстилался вокруг, отдохнуть маня.
Шли навстречу мне, словно волны вод,
Зрелые поля, колос шевеля.
И смотрел с высот старый небосвод
На вершины гор, на тебя, земля.
Таяла вверху облаков гряда.
Шел я мимо сел; в дымке голубой
Видел города, слушал гул труда.
Всё, что видел я, — всё принес с собой.
Всё, что мне в пути было кинуть жаль.
Горы и откос, травы — в каплях рос,
Радость и печаль, виденную даль —
Всё, придя домой, я с собой принес.
1935

Ребенку

Ты — нежный, свежий, шелестящий
На старом дереве листок.
Ты — щебет ласточки, стремящей
Полет свой к солнцу, на восток.

Ты — свежий лист, в зеленой чаще
На ветке старого ствола,
Ты — щебет ласточки, летящей.
Раскрыв стрельчатые крыла.
1937

* * *

Ты спичка. Вспыхнешь — дом согрет.
Зажжешь ты лампу — мрака нет.
Я — человек, и не секрет,
Что мне нужны огонь и свет.

Но сходство можно всё ж найти —
Горю, как спичка, я почти:

Боюсь сгореть на полпути
И огонька не донести...
1937

* * *

Курил я долго, до зари курил,
Как будто с кем-то близким говорил.
И душу мне отяжеляла грусть,
Как пепельницу — черных спичек груз.
Я всё курил, а пепел гас и рос
Над мертвой колоннадой папирос,
И как руины сердца, в сизой мгле
Стояла пепельница на столе.
1937

Прохожие

Я встретил юношу, чей взгляд
Направлен в небо был.
«Зачем всё вверх ты смотришь, брат?» —
Я юношу спросил.

И юноша ответил мне:
«Мне люб небесный свод
Затем, что в синей вышине
Мечта моя живет».

Я встретил мужа в блеске сил.
Чей взор вперед летел.
«Куда спешишь ты? — я спросил. —
Ты, что горяч и смел?»

И он ответил: «Жизнь вокруг
Бурлит, грустит, зовет,
Я всё хочу успеть, мой друг,
Я тороплюсь вперед!»

Согбенный старец под конец
Мне встретился в пути.
«Как можешь ты вот так, отец,
Уставясь вниз, идти?»

Сказал он: «Жизнь прошла моя,
Конца с тоскою жду,

И глаз поднять не в силах я
С земли, куда уйду».
1940

Дэлфрош и Эл-Нури

Погожий вечер был хорош.
Остановился Эл-Нури
Перед окном своей Дэлфрош,
И так взмолился Эл-Нури:

«Моя Дэлфрош, моя Дэлфрош,
Кинь на прохожего свой взгляд, —
Ты в сердце горестном найдешь
Опустошенный бурей сад.

Трава повяла,
Засохли лозы,
Любовь украла
И сон, и слезы.

О, выгляни в окно, Дэлфрош,
Не выглянешь — меня убьешь».

Глядит Дэлфрош на Эл-Нури
Из приоткрытого окна
(Ах, в сердце нож у Эл-Нури),
Глядит и говорит она:

«Ступай, прохожий,
Своей дорогой.
Лицом пригожий —
Меня не трогай.

Твоя хвала мне, что хула, —
Мне люб охотник Рухулла.

Не стой напрасно
Здесь, у порога.
Ступай, несчастный,
Своей дорогой».

Потупил долу взор, грустя,
И удалился Эл-Нури.
Но ровно семь недель спустя
Опять явился Эл-Нури.

«Моя Дэлфрош, моя Дэлфрош,
Пусть бог отнимет жизнь мою,
Тому, с кем счастье ты найдешь,
Свои надежды отдаю.

Да будет счастлив
Твой любимый,
От всех напастей
Судьбой хранимый.
Взгляни же на меня, Дэлфрош,
Подай мне сожаленья грош!»

Дэлфрош глядит на Эл-Нури
Из приоткрытого окна
(Печален вид у Эл-Нури),
Глядит и говорит она:

«Ты лжешь, прохожий,
При каждой встрече.
На что похожи
Такие речи?

Не лицемерь же, Эл-Нури,
И о любви не говори.

Любя — ревнуют,
Не уступая.
Не так тоскует
Любовь слепая».

Потупил долу взор, грустя,
И удалился Эл-Нури.
Но ровно семь недель спустя
Опять явился Эл-Нури.

«Моя Дэлфрош, моя Дэлфрош,
Давно я чашу скорби пью,
Поверь, любовь моя не ложь, —
Знай, я соперника убью.

Он тщетно хочет
Достигнуть цели,
За ним охочусь
Уж три недели.

Взгляни ж, голубка, на меня,
Лукавым взором взор пьяня!»

Дэлфрош глядит на Эл-Нури
Из приоткрытого окна
(Огнем горит взор Эл-Нури),
И говорит ему она:

«Уйди, убийца,
Тебе не верю.
Любви ль добиться
Такому зверю?

Свои желанья усмири,
Уйди, недобрый Эл-Нури.

Коль Рухулла ты
Убьешь, прохожий,
Знай, ни минуты
Не жить мне тоже».

Печалью с черной тучей схож,
Вновь удалился Эл-Нури.
И через семь недель Дэлфрош
Во сне явился Эл-Нури.

«Моя Дэлфрош, моя Дэлфрош,
Тебя зовет мой призрак вновь.
Я так любил тебя. И что ж,
Что сделала со мной любовь?

Что мне осталось
На этом свете?
Людская жалость...
Скала и ветер...

С горы отвесной
Упав на камни,
Лежу я... Песней
Шумит река мне.

Взгляни же на меня, Дэлфрош,
Верни мне радость дня, Дэлфрош»,

И облаком в ночную тьму
Он уплывал, печален, нем...
И крикнула Дэлфрош ему:
«Зачем, о юноша, зачем

Погиб ты от своей любви?
Как хороши твои черты,

Живи в душе моей, живи,
Бессмертным стань отныне ты.

Я так хотела
Мечтой безгрешной
Души — не тела
Любви нездешной!

Любовь земная
Так быстротечна:
В мечтах иная
Сияет вечно!

Ты жил любовью, Эл-Нури.
Нетленен свет ее зари».

Но, как падучая звезда,
Вдаль устремился Эл-Нури...
И никогда уж, никогда
Не возвратился Эл-Нури.
1941

Колыбельная

Спи, мой мальчик, мой птенец,
Песнь тебе спою я,
На войну ушел отец,
О тебе тоскуя.

Пожелай ему в пути
Мужества и силы,
Будет он в тоске идти
От тебя, мой милый.

Пусть он будет тверд и прям,
Храбр на поле боя,
Пусть придет с победой к нам,
К нам, сынок, с тобою.

Спи, мой мальчик, мой птенец,
Песнь тебе спою я,
На войну ушел отец,
О тебе тоскуя.
1944

* * *

Душа чиста, как снег, — храни ее от тленья.
 От прозябания, от суеты сует.
 Ты словом одарен и пылом вдохновенья.
 Бессмертен этот дар, так значит — смерти нет.
 1945

Рост

Деревцо страны моей, —
 Краше не найти.
 Год от года будь сильней,
 Крепни и расти,
 Чтобы с каждою весной
 Ты пышней цвело.
 Чтобы тенью в летний зной
 Ты людей влекло.
 Дай по осени плоды —
 Слаще не найти,
 Никогда не знай беды
 И цветы, цветы...
 1946

Украина

Материнскую ласку прекрасной земли
 Берегу я в признательной памяти сына,
 О тебе, ненаглядной, мечтаю вдали,
 Украина, родная душа Украина!

 Всё мне видятся синие воды Днепра,
 Древний Киев в предпраздничном радостном шуме,
 Здесь, как будто недавно, как будто вчера,
 Сам Тарас проходил, погруженный в раздумье...

Всё мне чудится Канев и праздник певца,
 Песнь Тараса исходит народной кручиной,
 Тихо дождь моросит... Жарко бьются сердца...
 Украина, родная душа Украина!

Всё мне видится... Но омрачается взор:
 Пожыдают пожары, и рушатся села,
 Черным дымом застлало цветущий простор,
 Тонут ноги врага дорогие мне доли.

Но сквозь бурю, как храбрый Богдан на коне,
Мчится воин бесстрашный, светлеют руины,
Отзывается гордою песней во мне
Украина, родная душа Украина!

Вновь цветешь ты спокойно, родная моя,
Вновь шумит и волнуется зрелое поле, —
Возвратились с победой твои сыновья,
Материнская слава — сыновняя доля.

Будь же благословенна, прекрасная мать.
Будь навеки светла, золотая равнина!
Как хотел бы я землю твою целовать,
Украина, родная душа Украина!
1947

* * *

Прошло. Не сетуй, друг. Таков закон Вселенной.
Проходят чередой за днями дни, как дым.
Любой костер сгорит, любая роза — тленна.
Никто не устоит пред временем седым.
Лови ж свой каждый день, — его тревогам внимли.
Дели с ним радость, гнев, борьбы упрямый пыл, —
Ведь сколько ни живи, возмешь с собою в землю
Мучительный вопрос: зачем так мало жил?

* * *

Говорят, это было давно — не вчера,
А когда — неизвестно,
На куски бирюзы раскололась гора
И заполнила бездну.
Стала таять под взорами солнца она
Постепенно, не сразу.
И — проснувшись, вздохнула Севана волна
На груди у Кавказа.
1952

* * *

Ни об одном из всех прошедших дней
Я не жалею —
И счастье и печаль

Они бесценный клад в душе моей,
Они, как звезды, светят мне сквозь дали,
Порой в них радость, а порой беда —
Я снова день за днем переживаю,
И, кажется, сквозь эти дни всегда
Печально смотрит мать моя живая.
1957

* * *

Ручей, если встретишься с ней в пути,
Ты ей прожурчи о моей любви.
Ты, ветер, следом за ней полети
И ей прошепчи о моей любви.
Леса, если сядет она в тени,
Шепните ей о моей любви.
Весенние птицы, ночи и дни
Свистите ей о моей любви.
Луга и сады, цветами звеня,
Вы с ней обо мне поведите речь!
Вы эту любовь вдохнули в меня —
И вы должны ее уберечь.

* * *

Памяти погибших воинов

Я устремляю вдаль усталый взор —
Не возвратились пахари домой.
Лучи угасли на вершинах гор —
Не возвратились пахари домой.

На землю вечер тенью синей лег —
Не возвратились пахари домой.
Мне мглой холодной душу обволок —
Не возвратились пахари домой.

В тумане вспыхнул дальний свет окна —
Не возвратились пахари домой.
Какая на дорогах тишина —
Не возвратились пахари домой...

Надгробная

Наземь он упал во время боя,
 Ночь мгновенным озарив огнем.
 Прах ушедшего от нас героя
 Мы земле сегодня предаем.
 Брат мой! Ты погиб, но поколения
 Будут помнить трудный подвиг твой.
 Спи спокойно, воин! Нет паденья
 С высоты, достигнутой тобой.

Хризантема

Хризантема, белый мой цветок!
 Светишь ты последней сединой.
 Как проститься нам? Приходит срок.
 Ты, моя печаль, передо мной.

Холод не проходит стороной,
 Не видать вдали других дорог;
 Мы с тобой белей зимы земной,
 Белый снег особенно глубок,

Белый снег особенно глубок,
 Без тебя я был бы одинок;
 Мы пойдем дорогою одной,
 Хризантема, белый мой цветок.

* * *

Тише сонных вод
 Лоно звездных волн.
 Там луна плывет,
 Как небесный челн.

И когда темно,
 На таком челне
 К матушке в окно
 Отплывать бы мне!

Ваграм Алазан — псевдоним Ваграма Мартиросовича Габузяна. Родился в семье ремесленника 6 мая 1903 года в г. Ван (Западная Армения). Начальное образование получил в приходской школе. В 1915 году, когда турецкая реакционная верхушка организовала истребление армянского населения, Алазан бежал в Ереван. Жил в приюте. Был чернорабочим, учеником в сапожной мастерской. С 1918 года работал в типографии наборщиком. Первое стихотворение опубликовал в 1921 году. Через год — первый стихотворный сборник «Иго лет». В 1923–1936 годах был одним из руководителей Ассоциации пролетарских писателей Армении, а затем — Союза советских писателей республики. В июне 1935 года Алазан принимал участие в работе первого Парижского конгресса в защиту культуры. Ваграм Алазан — автор ряда произведений в прозе: «Северная звезда» (1956), «Воспоминания» (1956).

Умер Ваграм Алазан 17 мая 1966 года в Ереване.

Сочинения на армянском языке: Сердце поэта, Ереван, 1954; на русском языке: Сердце поэта, М., 1958.

Три завета

Он три завета взял с собой,
Идя на фронт, в огонь войны.
Молитву матери седой,
Прощальный поцелуй жены

И плач ребенка... Там, в боях.
Солдат сражался как герой,
И три завета, словно стяг,
Вели его из боя в бой.

Он шел вперед изло смертям
И трижды ранен был врагом,

Но три завета, как бальзам,
Будили снова силы в нем.

И, возвратясь домой с войны,
Был матерью благословлен,
Нашел объятия жены,
Услышал смех ребенка он.
1946

Ангара

До чего хороши
На реке вечера!
Вроде русской души
Широка Ангара.

К ней на самое дно
С поредевших осин
Закатился давно
Золотой апельсин.

Небо сразу померкло.
Вздыхает волна.
А в нее,
Точно в зеркало,
Смотрит луна.

До чего вечера
На реке хороши!
Широка Ангара
Вроде русской души.

Сколько скрыто в ней сил!
Я и сам рядом с ней
Вроде — тверже, чем был,
Вроде — духом сильнеей...
1949

Медленно падает снег

Медленно падает снег,
Стынут леса оголенные.
Сколько мечтаний навек
Кануло в пронасть бездонную!

В песне той —
 родная сторона,
 С чем его душа
 навсегда связана.
 Жизнью
 продиктована она
 И любовью к родине подсказана.

Оттого она и не умрет,
 Что, по своему обыкновению,
 Просто —
 взял он в рамки
 небосвод,
 Горы
 и поля родной Армении.

1955

Моим врачам

Дорогому Айку Джалатяну

Нет, я не верю вам, не верю
 И потому лекарств не пью.
 Впадать в унынье не намерен,
 Но только вы не посягайте
 На жизнь мою.

Она для сердца шла не гладко,
 Волнений много позади.
 Не наводите в нем порядка.
 Пускай оно стучит, как хочет,
 В моей груди.

Оно с трудом меня терпело,
 Порою я его терпел.
 Но вы его хвалите смело:
 За ним, поверьте, есть немало
 Хороших дел.

И вы ему не говорите,
 Что вот, мол, надо отдыхать.
 Еще не все долги покрыты,
 Еще не раз ему придется
 Любить, мечтать.

Я уважаю вас, поверьте,
Но пить лекарства выше сил.
И, право, я далек от смерти,
А если жить, так жить на свете,
Как прежде жил.
1955

Твои глаза

Жизнь на меня не взглянет косо,
Не очаруют чьи-то косы,
Пока горят,
Даря любовь
Всё вновь и вновь,
Твои глаза.

И если буду в бурном море
Тревог, печалей, слез и горя,
Я буду знать:
Любовь храня,
Зовут меня
Твои глаза.

И если мир мне станет тесен,
Не будет сил, не будет песен,
Испепелюсь, истрачусь весь я.
То к жизни вновь
Меня вернут
И сберегут
Твои глаза.
1956

Неповторимое

Молчали мы...
Луна спустилась низко,
На рукаве твоём повисла нежно,
Растаяла в твоих глазах.

Молчали мы...
Уста коснулись уст,
И стали горы речью, песней,
И в трепет превратились звезды.

Молчали мы...
 Нож облачка луну разрезал пополам.
 Еще уста дрожали.
 Так сердце жжет лишь первая любовь.

Ты — мой венок! Ты увенчала жизнь.
 1956

Твой зонт

Твой зонт похож на абажур,
 На мак головкой вниз похож,
 Но он коварен чересчур,
 Он для меня как острый нож.

То птицей вверх взлетает он,
 То возвращается назад,
 И ускользает, словно сон.
 От глаз моих твой дивный взгляд

Несносный зонт при свете дня
 Тебя скрывает. От кого?
 От солнца? Или от меня,
 От зноя сердца моего?

Так знай: не спрячешься под ним.
 Я вспыхну злобой, как к врагу,
 И взором пламенным своим,
 Как абажур, его прожгу.
 1956

Гурген Маари — псевдоним Гургена Григорьевича Аджемяна. Родился 1 августа 1903 года в Западной Армении в г. Ван (Турция). «Я был совсем еще маленький, — писал Маари в автобиографических заметках, — когда потерял отца, чуть постарше, когда потерял родной город». Это случилось в 1915 году. Будущий писатель вместе с другими беженцами из Западной Армении добрался до Армении Восточной. Воспитывался здесь в приютах Эчмиадзина, Дилижана и Еревана. Окончил историко-филологический факультет Ереванского государственного университета (1927). Начал печататься в 1917 году. Первая стихотворная книга вышла в 1924 году. Принимал активное участие в литературной жизни республики. Широкую известность получили лирические стихотворения Маари и его повесть «Детство и юность». Много спорили о последнем ярком историческом романе Маари «Сады горят» (1966).

Умер Гурген Маари 17 июля 1969 года.

Сочинения на армянском языке: Давильня, Ереван, 1960; в русских переводах: История старого сада, М., 1959; Огни Нанри, М., 1962.

Снег

Сколько легкости в тихом снеге,
Невесомости... Нежно, млечно
Перья птицы, умершей в небе,
Вьются, падают — бесконечно.

И спокойное подступает
К сердцу чувство в денек ледовый.
Рано ль, поздно ль, зима растает,
Путь к весне уступая новой.

Солнце спустится с гор в низины,
Чтобы в край мой родной вернуться
Зазвенят, задышат долины,
Луговины нам улыбнутся.

Птицы умеряй в белом небе,
 Перья сеются бесконечно.
 Сколько легкости в этом снеге,
 Невесомости в снеге млечном.
 1920

Тоска о тоске

В ущелье вечерний изломанный ветер
 Упал. И туман луговиной поплыл.
 О, как бы я друга заветного встретил,
 Со мной разлученного, — если б он был.

Нет, я о любом не жалею поступке,
 Когда, расточая свой песенный пыл,
 Чужим раздавал я и вина, и кубки,
 Хоть собственный кубок наполнить забыл.

О, как бы я друга заветного встретил,
 Со мной разлученного, — если б он был.
 В ущелье вечерний изломанный ветер
 Упал. И туман луговиной поплыл.
 1920

Лето

Жара. Стоит уже утро.
 Плоды разомлели в душном
 Покое. Не дышит воздух.
 Дома стоят равнодушно.

Ах, сейчас на полях моей родины
 Веет ветер, вода шуршит.
 Голубеют колосья веселые,
 И зеленое море шумит.

Тышь. Удод за листвой
 Напевает с утра:
 «Жара!»
 1922

Сегодня

Сегодня в тебе словно стихло вдруг что-то,
 о сердце мое. Ты как будто дитя.

Ты видишь — на поле хлебов позолота
и ветер смеется, над миром шутя.

То стихнет дитя, то как будто проснется
и хочет комету вдруг сцапать за хвост.

Подайте ему это рыжее солнце
и в миску насыпьте сверкающих звезд.

Спокойно, дитя. Что нам звезды эфира,
настали иные теперь времена,
и нам не нужна эта старая лира,
и новые в мире взойдут семена.

Пусть юная роза из праха возрастала —
люби ее, властвуй, целуй не грустя.
Я рад, что печаль твоя словно устала.
О сердце мое, ты совсем как дитя...
1925

Идиллия

Дождь утихнет,
Приду я в долину пешком.
Там — по девушке грустной
Под каждым кустом.

Я их всех соберу,
Их негаданный друг.
Посмеемся,
Пока не стемнеет вокруг.

О тебе мы пошепчемся,
Глядя в туман,
Нам акация скажет:
«Пора по домам».

И исчезнут они,
Канут в сумерки, в дым.
Под акацией
Я лишь останусь один.

И возникнет луна,
Одевая ревниво
Светом желтым лужайки
И нивы, и нивы...
1925

Орор, орор, спокойной ночи

Дням юности моей, залитым солнцем,
И новым чувствам жизни смелой, чистой,
Надеждам и мечтам моим бессонным,
Орешине густой, широколистой —
Орор, орор, спокойной ночи.

Орор, орор ущелью и долине,
Тропинке узкой, тополю и птице.
Акации моей, лесной малине.
Пусть нивам, скалам, людям сладко спится, —
Орор, орор, спокойной ночи.

И камышам, и небесам лазурным,
Лесам, камням, и пастбищам, и лозам.
И сердцу, что побито ливнем бурным,
И всем сердцам — кроваво-красным розам —
Орор, орор, спокойной ночи.

Орор, орор поэтам солнцееким,
Чья мысль доныне над людьми витает,
Читателям и близким, и далеким
И тем, кто нас уж больше не читает, —
Орор, орор, спокойной ночи.
1926

Поэт

Ночь была прозрачной, лунной.
Ночь была светла,
Тоненькой тростинкой юной
Мать моя была.

Был отец мой сильным, статным.
Пели тополя,
Мир казался необъятным,
Доброю — земля.

Сердце волновала зовом
Песня у реки,
А на взгорье бирюзовом
Тренькали сверчки...

Эх, трещотки, лишь с рассветом
Смолкли вы, друзья!

Это из-за вас поэтом
Уродился я.
1926

Закат

В желтые апельсины
нивы оделись снова;
в поле зеленовато-синем
фата из шелка цветного
и желтые апельсины...

Стадо домой вернулось
с апельсинового поля рано,
сквозь облака всё гуще
просеивается вязь шафрана.
И стадо домой вернулось...

В пруду справляются свадьбы
рыб, звезд и капли.
Луна там сидит тамадою,
лягушки — опьянели...
В пруду справляются свадьбы.
1926

Баллада о Чало и о первой любви

1
Чало был пес мой, пес сероглазый.
Чудесным другом был Чало,
Он падал навзничь, он часто лазил
Под бабушкину шаль, в тепло...

Из корзинки старенькой я таскал
Разноцветные лоскуты
И хвост и шею Чало украшал,
Вел в поля, где цвели цветы.

Чало выступал весьма щегольски,
Шевелил игриво хвостом,
Порою рычал, но не от тоски,
А в собачьем счастье простом.

Обходили мы дворы стороной,
Чтоб не встретить чужих собак.

Вечер падал синею пеленой,
Обступал поля полумрак...

2

Чало был пес мой, пес сероглазый.
Чудесным другом был Чало.
Он падал навзничь, скакал, проказил...
Но судьба поступила зло.

Пропал он, пес мой, в годину бегства.
Под копытами чьих коней?
Грустила осень над бедным детством.
У меня не стало друзей.

3

Веселой девушкой светлолицей
Была вторая моя любовь.
От волос ее пахло корицей,
Золотились косы и бровь.

Стояла полночная тишина,
Когда мы с нею вошли в сад.
В легком сером платье была она
Поспевал в саду виноград.

Под густыми лозами сели мы,
Шелестела вокруг трава,
На мои колени легла средь тьмы
Ее милая голова.

О любовь, любовь моя! Ночь. Тепло.
Из туманных ее зрачков
Вдруг, грустя, выглядывает Чало,
Говорит со мною без слов...

Тихо нежится виноград вокруг,
Чу... шуршание началось, —
Дождик капает... О пропавший друг,
Я тебя не забыл, Чало!

Лай твой плачущий я вспомнил сразу,
Из давних дней его донесло.
Чало был пес мой, пес сероглазый.
Чудесным другом был Чало.
1926

Воспоминание

Дождь весенний бушует за ставней
Всё вольней и сильней.
Вспоминаю напев стародавний,
Вспоминаю о ней.

Да, в саду моих песен, как ливень,
Прошумел ее шаг.
И от роз распустившихся дивен
Стал мой вспыхнувший сад.

Полон мокрой полыни сомнений
И деревьев тоски,
Сквозь акации увеселений
Он смотрел колдовски.

В нем забился фонтан. Раззадорясь
От избытка — тогда
В нем запела вода-песнетворец.
Зазвенела вода.

И теперь под напев стародавний
Я припомнил о ней.
Той далекой... За старою ставней
Дождь шумит всё сильней.
1926

Первый

О, я не последний, поймите меня,
багровая боль — не последняя тоже.
Умрешь ты, печаль моя, вдруг отзвения,
но новая песня сердца потревожит!

Последний поэт!.. Еще нет тебя, всё ж —
придешь ты в веселом, густом оперенье,
и каждая песня поэта — как нож,
и каждая песня — сердец опыленье!

Последний поэт!..
Твоя песня как суд!
Будь гордым, смотри ты на мир синеоко!
И пусть изругают тебя и распнут —
но песнею вспашешь сердца ты глубоко.

Придешь ты из самой глубокой глуши,
и песни твои зазвучат от души!

О, я не последний, поймите меня,
багровая боль, что в душе у поэта,
она передастся, как эстафета,
она не последняя у меня.
1927

Умирующие колокола

Колокола старых церквей,
колокола старых церквей...
Приснился богу печальный сон —
над грустным миром угрюмый звон.
Над нищею страной моей
бездумный, хмурый, ржавый звон,
он слышен с четырех сторон.
Колокола старых церквей
над колыбелью звонили моей.
Их медный звон как долгий стон.
Колокола старых церквей
скоро умолкнут навсегда.
Сын мой, над колыбелью твоей
стройки грохочут, гремят города,
буден могучих большая страда,
звон наковален
и песни труда...
Всё тише звонят — их пора отошла —
умирующие колокола...
1929

Лунная любовь

Когда колышутся леса,
Леса тенистые, густые,
Опять тебя, моя краса,
Припоминаю. Прожитые
Припоминаю дни. Закат.
И клен высокий над забором.
И зрелой нивы аромат.
И дуновенья. Тем же взором,
Что был когда-то у тебя,
Луна сегодня поглядела...
И вновь, томительно скорбя,

Я вспомнил, горько, онемело,
Твой лик, твой шаг, моя краса,

И те часы недожитые...
Смотри, качаются леса,
Леса качаются густые.
1929

* * *

Твои глаза сегодня
Чисты, как детство.
Твои глаза сегодня
Так близко-близко.
Любуюсь прядью черной,
Не наглядеться.

Твои глаза сегодня
Чисты, как детство.
Сегодня стан твой юный,
Мой нежный деспот,
Пшеницы золотее.
Ликую взглядом:
Твои глаза сегодня
Чисты, как детство.
Твои глаза сегодня
Так рядом — рядом...
1929

В «Англетере»

Как будто слышу скрип дверей —
вошел он, встал...
Но всё кончается.
И вот он в комнате своей
в затянутой петле качается.

А жизнь ушла вперед, в простор.
И без него часы затикали.
Года души его костер
холодным пеплом весь засыпали..

Ночь. В «Англетере» тишина.
Но песня новая слышна
за окнами рассветными.

Зову поэтов молодых
и розами встречаю их —
весенними, бессмертными.
1935

Зима

Научить бы белый рой
прямо в сердце падать.
Снег, ты белизной покрой
выцветшую память:
лес, мой дом, очаг сырой....

Падай, медленно кружись,
как тогда, бывало, —
в сердце клокотала жизнь,
пламя бушевало.

Падай тихо с высоты,
с вечного простора,
будто бы в чертогах ты
древнего собора.

Белыми мечтами, снег,
сердце застели навек...
1949

Баллада о сибирских воробьях

В далекой деревне далекой Сибири,
В краю, где зима белой гривой трясет
И дрожь пробирает березы, в той ширь,
Где славный Ермак завершил свой поход, —

Жестокий мороз обжигает, как пламя,
Прямою колонной возносится дым,
Домишки с продутыми ветром углами
Напуганы насмерть бураном седым.

Сибирская стужа! Ты правишь не всеми,
Не всех укротили угрозы твои:
Под стрехами старых избенок всё время
Чирикают зябнущие воробьи.

Хотя от чириканья снег не растает,
Амбар не наполнится крупным зерном, —
Чирикают храбрые, шумно взлетают,
Зима не пугает их мертвенным сном.

Пусть голодно, холодно так, что нет мочи,
Один воробей уж замерз на лету,
И камушком падает жалкий комочек, —
Они всё чирикают, всё на посту.

О чем они свищут, с отчаяньем споря?
О мире на всей утомленной земле,
О старости, о человеческом горе,
О жизни безбольной, о летнем тепле?

О слове, а может, о равнодушии,
О суетных радостях, песнях, боях,
О тоненьких нитях, связующих души,
Забытых могилах в далеких краях?

О чем — не поймешь... Но чирикают птицы.
Попробуй-ка, буйную жизнь усмири!
Пусть ветер и стужа, пусть нет ни крупницы —
Чирикают знай от зари до зари!
1951

Красный мак

Утес похож на каменный кулак,
нависший грозно над глухою бездной.
А на его вершине красный мак
расцвел под тихой синевой небесной.

И этот пост, им занятый, высок.
И смотрит на бескрайний мир беспечно
веселый огнедышащий цветок,
которым любоваться можно вечно.

Его сюда случайный вихрь занес.
Но семя беззащитное сумело
сдружиться с камнем, полюбить утес,
наполнить соками худое тело,

стать молодым цветком, смеяться в зной,
играть с ветрами, пить весенний ливень,
и целоваться по ночам с луной,
и тени полюбить за четкость линий.

О, красный мак, он выиграл борьбу
там на утесе хмуром, в поднебесье.
Его судьба похожа на судьбу
моей веселой и беспечной песни.
1953

Почему опоздала ты

Почему опоздала ты, вешняя девушка,
Почему опоздала ты, вешняя грусть?
Я спускаюсь по склону и вижу: ты светочем
Поднимаешься. Я к тебе взглядом тянусь.

Почему опоздала ты, легкая бабочка,
Видишь — вечер. И ночи пора наступать.
Видишь, солнце уже за горою далекою, —
Ах, о чем забывать мне, о чем вспоминать?

Может, нежно обнять тебя, сладко заплакать?
Гладить волосы?.. Как необъятны года!
Неужели пораньше прийти не могла ты...
Чем так поздно, уж лучше бы и никогда.
1953

На волосах моих зима

На волосах моих зима, но в сердце зной.
Как лето, как палящий зной, приду я и уйду.
Я песню унесу с собой и унесу любовь,
Как пламя песни золотой. Приду я и уйду.

Прощайте, тополя мои! Прощай, прощай,
И Арарат священный мой! Приду я и уйду.

Как осень, принеся плоды, уходит прочь,
Отдав поклон земле родной, — приду я и уйду.
1956

Зеленое озеро

Э. Межелайтис

Озеро — зелено, лес — синеват.
Озеро в лад с ветерками колышется,
Явственно слышится голос высот,
Зелено, зелено небо поет.

Зеленокудрые стаи наяд
С озером в лад упоенно колышутся.
Ветви над зеленью вод привстают,
Зелено, зелено воды поют.
1958

Слово о Владимире Ильиче Ленине и Ваане Теряне

Много звонких певцов прославляли армян —
и Кучак, и Егише Чаренц,
и Дурян, и Мецаренц,
Даниэль Варужан, Ованес Туманян.

Этих — голод скосил, тех — кривой ятаган.
Поколения шли чередою.
Чья-то песня сияет звездой,
чья-то скрылась в холодный туман.

Был увенчан наирский Парнас
славой близких и дальних созвездий,
высочайшей вершиной на свете
он сиял и сияет сейчас.

Пусть певцам дар поэзии дан,
не завидовал я их таланту —
ни лучистым стихам Снамантон
и тебе, славный Исаакян.

О Терян, зависть знал я к тебе —
но не к женственной рифме глагольной,
не к слогам, словно звон колокольный,
а к твоей знаменитой судьбе,

а к тому, о любимый поэт,
что ты Ленину, мудрому другу,
жал рукой своей собственной руку
и Армении дальней привет

передал ему. Видел, как он —
будто проводом тоненьким этим
связан с будущим дальним столетьем —
отчеканил приказ в телефон,

как истории целину
днем и ночью он пашет упорно

и, бросая в грядущее зерна,
ждет народного счастья весну.

И ты знал, что теперь спасена
та земля, что слезами богата,
где в священной тени Арарата
в нищете умирает страна.

И ты знал — будут дали светлы,
встанут села, цветением пенясь,
и страна Наири, словно феникс,
вновь воскреснет из пепла и мглы.

Я завидую, слышишь, тебе,
но не ласковой рифме глагольной,
не слогам, словно звон колокольный,
а завидую редкой судьбе.

Мне хотелось бы больше всего
долго Ленину, мудрому другу,
жать рукой своей собственной руку,
быть с ним рядом и слушать его.

Колыбельная

Спи, мой тихий,
спи, упрямый,
в тихой зыбке.
Я спою тебе, как мама,
об улыбке,
я спою тебе о мире
о просторном...
Спи, мой тихий,
спи, покорный.
Я спою тебе о мире...
Я слова спою такие,
что сверкают,
от которых в колыбели
засыпают...
Над твоею колыбелью
я зажгу луну свою,
к твоим плечикам тихонько
звезды теплые пришью,
звезды,
чтобы над тобою
сроду не был день ненастный.

Спи, дитя моих мечтаний,
спи, мой славный...
спи, мой ясный.

Приди, дорогая

Приди, дорогая, в цветник моей песни.
Приди, в нем такая прохлада.
Приди и почувствуй дыхание жизни
Над лучшими розами сада.

Последний гранат за листвою умытой
Сберег для тебя я, отрада.
Светла изобильная полночь.
Открыта Калитка в безмолвие сада.

Возвращение

Ласточки вернулись из краев далеких
По дорогам длинным, по путям незримым.
Ласточки вернулись — стаи песен легких
С голубым рассветным розоватым дымом.

Ласточки вернулись, ласточки спустились
На родные крыши, всюду замелькали.
У одних от ветра гнезда развалились,
А другие — старых гнезд не отыскали.

Мечутся тревожно в воздухе просторном
И, не отдыхая даже ни минуты,
Прутья, ветки носят, вьют себе упорно
Гнезд нерукотворных верные уюты.

Так они свивают, полные веселья,
Гнезда из счастливых голосов и глины...
Ласточки вернулись, спутники апреля,
На родную землю с неродной чужбины.

Ашот Граши — псевдоним Ашота Багдасаровича Григоряна. Родился в семье рабочего-нефтяника 9 мая 1910 года в Баку. Среднее образование получил в Бакинской армянской школе. Окончил Ереванский педагогический институт (1931). Как поэт сформировался в Баку. Здесь вышла его первая книга «Вступление» (1934). В годы Великой Отечественной войны работал во фронтовой военной печати, создал книгу военной лирики. После войны жил в Ереване. Известны стихи Граши о братской дружбе народов нашей страны, о родном Карабахе. Переводил Граши на армянский язык азербайджанские народные песни, лирику Низами, Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Петефи, Самеда Вургуня, Георгия Леонидзе.

Умер Ашот Граши 28 февраля 1973 года в Ереване.

В 1965 году вышел на армянском языке двухтомник стихотворений и поэм Ашота Граши; на русском языке: Деревья меняют листву, Лирика, М., 1965.

* * *

Ты, небо — птица синекрылая,
Мне в клюве утро принесла,
В моих горах гнездо свила,
Ты, небо — птица синекрылая.

Меня ты в юность увела,
Как песенка свирели милая.
Ты, небо — птица синекрылая,
Мне в клюве утро принесла.

* * *

Уходишь? Уходи. Я остаюсь,
Как дикая сосна на склоне горном,

Как дикая река в ущелье черном,
Как этот жесткий мох, — я остаюсь.

Когда не вижу хоть единый день
Долины дивной с поднебесной кручи.
Нахмурится душа, подобно туче,
И плачет. и уходит глубже в тень.

Я с этой горсточкой земли сращен,
Как звезды с темной бездною небесной,
Как юный лес, который сросся тесно
С землей и только ею дышит он.

Гнездо навеки сердце свило здесь,
Как куропатка в травах луговины.
Вокруг меня ковыль звенит невинно,
Я этой чистой песне отдан весь.

Уходишь? Уходи. Я остаюсь,
Как дикая сосна на склоне горном,
Как дикая река в ущелье черном,
Как этот жесткий мох, — я остаюсь.

* * *

Скала — подобие крыльца.
Где стелет плющ свои ковры.
И кто сорвет его с горы —
С того огромного крыльца?

Внизу — извилины тропы,
Вверху — морозная пыльца.
И с исполинского крыльца
Летят зеленые ковры.

* * *

Армения — каменотес.
О, край кирки и молотка!
Люблю тебя, народ-колосс,
Когда ваятеля рука

Крушит базальтовый утес
И туфа огненного торс.

Ты строишь на века,
Армения — каменотес!

* * *

Где птицы, там армяне есть.
Хоть звезд распалась горсточка,
Зато приметна звездочка.
Где птицы, там армяне есть.

Вернись они, и камню цвести,
И персиковой косточке.
Где птицы, там армяне есть,
Хотя их в мире горсточка.

* * *

Ласточка играет на свирели,
У меня — улыбка на губах.
Песенкою славит Карабах
Ласточка, играя на свирели.

То мелькнет стрелою в небесах,
То в долине рассыпает трели,
Ласточка играет на свирели,
У меня — улыбка на губах.

Дорожная песня

Николаю Тихонову

Весна осталась в Армении,
Где аисты свили гнезда,
Где всё в цветенье и в пении.

Весна осталась в Армении,
Где плавают в Занге звезды
В лебяжьем оперении.

Весна осталась в Армении,
Где принимает пшеница
Солнечное облучение.

Весна осталась в Армении...
Но ты на север увозишь
В глазах ее отражение.

* * *

Туманы меня навестить пришли
Со снежных вершин Арарата,
Из сказок осенних, как брата,
Туманы меня навестить пришли.

Грустит Ереван в жемчужной пыли
И в розовых бликах заката.
Туманы меня навестить пришли
Со снежных вершин Арарата.

* * *

Сосна, как зеленая лира Гомера,
Укачивает золотого птенца.
А ветер весенний, как юная дева,
Прекрасным, капризным рисунком напева
Крадет безнаказанно наши сердца!

* * *

Когда меня придавит вдруг тоска,
Под дубом я зарою эту ношу
Иль в озеро глубокое заброшу.
Когда меня придавит вдруг тоска.

Пусть вихрь ее развеет, как порошу,
Пусть разнесут по небу облака.
Когда меня придавит вдруг тоска.
Под дубом я зарою эту ношу.

* * *

Эта девушка с лицом красивым —
Будто церковь с куполом синим.

На колени б упал, смирился
И молился б на нее, молился.

Чтобы девушка, мадонна, диво,
Вышла замуж за меня, счастливого;

Чтоб в саду, где виснут звезды спелые,
Обнимали меня руки белые.

Чтоб родился у меня с женою
Черноглазый мальчуган весною...

А иначе для чего, ответьте,
Расцветает всё весной на свете?

* * *

Армении белые тополя,
Армении стройные женщины.
Звездами вы увенчаны,
Армении белые тополя!

Поровну славу свою деля,
Вечности вы завещаны,
Армении белые тополя,
Армении стройные женщины.

* * *

В глазах грузинки Грузия живая.
Не зря они мне в спутники даны.
В подробностях природу раскрывая,
Глаза дарят мне облик всей страны.

В глазах грузинки полдень Алазани,
Гранаты, виноград, медовый зной.
И трепетные, трепетные лани
Над снежной и лиловой крутизной.

Всё вижу, всё объёмлю в этом взоре,
Соединяю в сердце и уме
Озера, реки и леса Коджори
С Казбеком, что стоит в седой чалме.

В глазах грузинки и огни Тбилиси,
И песни, и заоблачные выси.

Баллада павших солдат

Наша доля весны под снегами ослепла,
Наша доля весны не воскресла из пепла.
Мы остались лежать,
Где упали когда-то,
И осталась лишь память живой от солдата.
Наша доля весны, наше синее небо
Там, в окопах, остались, у мертвого снега.
Мы сгорели в огне?
Вёсны — прах? Сердце — прах?
И любовь умерла не на наших полях!
Нет, живущие, нет! Мы ведь живы впотьмах,
И весна наша стала весною в глазах
У ребенка, у всех... И любовь умерла?
Нет, живущие, нет! Она силы дала
Вам, чтоб помнили, иначе не было б нас.
Брызжет эта любовь, словно солнце, из глаз.
Вы жалеете нас? — Мертвым трудно жалеть.
Наша собственность только одна — наша смерть!
Мертвым — спать.
Жить живым. Это так, это есть.
Мы желаем всему на земле нашей цвести.
Наша доля весны — поля снеговые.
Вы ищите ее в ваших веснах, живые,
Вы ищите ее не на дальней версте,
А ищите, друзья, ее в вашей весне...

* * *

Я рос у ног хрустально-белых звезд,
В глухих горах, где снег и бездорожье.
Я, как ручей, родился у подножья
Хрустальных гор и белоснежных звезд.

Там песнь звучит и облака в предгрозы
Несутся, не задев орлиных гнезд.
Я рос у ног хрустально-белых звезд,
В глухих горах, где снег и бездорожье.

* * *

Я родился в седле
Конным рыцарем счастья.

Было солнце в селе
Жеребцом рыжей масти.

Солнце — конь боевой —
Мчалось вдоль по обрыву
И трясло головой
И косматою гривой.

Конь скакал по хребту
Без труда и без страха,
Превзойдя быстроту
Лошадей Карабаха.

Где ступала нога
Скакуна боевого,
Растопляли снега
Огневые подковы.

То он брал перевал
Через крайние-горы,
То он переплывал
Ледяные озера.

По утрам при звезде
И потом на заходе
Конь тащил по воде
Золотые поводья.

Конь легко в высоту
Поднимался с размаху.
Превзойдя быстроту
Скакунов Карабаха.

* * *

Мои глаза, из глубины долины
Любившие к горам и к небу льнуть,
Которыми с дней юности невинной
Я девушкам невольно ранил грудь,
Мои глаза степного бедуина, —
Вы прахом станете когда-нибудь.

И вы, о руки, ни на миг единый
Усталости не знавшие ничуть,
Вздымавшие стихов моих махины.

Вам тоже, тоже смерти не минуть.
Вы канете когда-нибудь в пучину,
Вы прахом станете когда-нибудь.

О ноги, вы, проделавшие длинный,
Извилистый, тернистый, трудный путь,
Вы, вброд переходившие стремнины,
Чтобы до высей снежных дотянуть,
Вы обратитесь в пыль, песок в глину, —
Вы прахом станете когда-нибудь.

Не надо унывать! Долой кручину!
Не в смерти дело, в превращенье суть.
Всему меняться в мире есть причина,
Растенья осенью хотят уснуть.
Ты, плоть моя, не избежишь кончины,
Ты прахом стать должна когда-нибудь.

Но я не сгину. Я надгробье сдвину
В стремленье встать и ветви разогнуть,
Я персиком цветущим тень раскину
И буду воздух листьями тянуть. Земля!
По зову песни соловьиной
Я оживу, очнусь когда-нибудь.

* * *

В детском краю возле дома
Жаворонок, звеня,
Совет гнездо из соломы,
Из усов ячменя,
Будет весна
В те времена,
В дни, как не станет меня.

Розы отцовского сада
Станут толпой у плетня,
Выбегут за ограду
Гулять в поля, в зелена,
Будет весна
В те времена,
В дни, как не станет меня.

Пережитые события,
Мыслям и сердцу родня,

Вечно, как звезды ночами, светите
До наступления дня!
Будет весна
В те времена,
В дни, как не станет меня.

* * *

Миндаль цветущий утром рано
Махнул ветвями мне в окно.
Он хочет, чтобы кисть Сарьяна
Его взяла на полотно,

Чтобы потом, расставшись с нами,
Зимой напомнить с полотна,
Какими ясными глазами
Глядит в Армении весна.

* * *

Луна двурога, как олень,
Которого вчера в лесу поранили,
Тем выстрелом мне сердце протаранили.
Олений стон в поэзии моей!

«Вива Ленин!»

(Итальянская баллада)

Где блеск воды заглядывал в палаццо,
Где путь канала к морю неизменен,
Где гондольеры бури не боятся,
Один сказал другому: «Вива Ленин!»
И рудники, и пажити, и верфи
Два эти слова в песню разрастили.
Гудки судов и башни островерхие
Два слова взяли — песней возвратили...
То имя, что солдат шептал в окопе,
В поту, в крови, под градом раскаленным, —
Не странно ль?! — зазвенело по Европе
Не только дерзким, но и нежным звоном!
Но, исключив жестокость, мне сдается,
И твердый тон, и мягкий голос — целен;

Во всех краях — по-разному поется,
С учетом тембров. Это помнил Ленин.
Он допускал — иначе быть не может! —
И сотни солнц, и сотни зодиаков;
Он знал: одну народы песню сложат,
Хоть голос их не будет одинаков.

Пробуждение

Я умер сегодня в дремучем лесу,
В зеленой дубовой тени.
Ручей уронил надо мною слезу,
Остались деревья одни.

Дубы на могучих плечах отнесли
Мой прах на берег речной,
Насыпали холм родимой земли
И молча простились со мной.

Но птицы так звонко запели вдали,
Что песней наполнился лес.
Рассыпались свежие комья земли,
И я встрепенулся — воскрес.

* * *

Прохладные руки твои
Нежнее весенних роз.
Коснулись моих волос
Прохладные руки твои.
Ах, тихая ласка любви —
Вздых ветра, шуршанье лоз.
Прохладные руки твои
Нежнее, весенних роз.

* * *

Юность, о юность, ты вновь отыскала меня.
Копь словно снег. Я по первому выйду морозу.
Брошу легко под копыта лихого коня
Старость свою, как последнюю белую розу.
Пусть пропадет под подковой! Топчи, не жалей!
Мчись, незабвенная, звездной дорогой своей!

* * *

Жаль снега мне. Падает, тает.
Не будет ни льда, ни метели.
Безропотные, умирают
Снежинки на серой панели.
Умрут — не на горных вершинах,
Умрут — не на крыльях орлиных,
Ни даже в ветвях тополиных...
Не так ли и жизнь моя тоже
Порхала, в мечтах о метели,
И, этим снежинкам подобно,
Исчезла на серой панели.

Гурген Михайлович Борян родился в семье учителя 20 июня 1915 года в г. Шуше в Азербайджане. В 1920 году семья переехала в Ереван. Начал печататься с 1930 года. В годы Великой Отечественной войны был корреспондентом фронтовой газеты. В 1950–1954 годах был секретарем правления Союза писателей Армении. В разные годы был главным редактором армянской литературной газеты «Гракан терт», журналов «Советакан граканутюн» («Советская литература»), «Литературная Армения». Окончил в середине 1950-х годов Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. Известен Гурген Борян и как драматург. Работал для кино. За сценарий фильма «Братья Сарояны» был удостоен в 1970 году Государственной премии Армянской ССР.

Умер Гурген Борян 15 апреля 1971 года.

Сочинения на армянском языке: Стихотворения, Ереван, 1957; на русском языке: Родная земля, М., 1975.

Мои стихи

Сплетаю вязь певучих строк,
Я ощущаю каждый раз,
Как будто чистый ручеек
В груди рокошет, серебрясь.

И каждый раз из берегов
Душа выходит у меня,
Когда врывается, звеня,
В строфу поток горячих слов.
1940

Сердце

Я песен не слагал, что сердцу не верны.
Всегда, всегда они лишь сердцем рождены.
Их вдохновенный путь простерт передо мной,
Надежды и мечты о сердце бьют волной.

Я сердца властелин, но пленник песен я...
Из сердца вновь и вновь рождайся, песнь моя!
1940

Ах, если бы дорога бежала без предела...

Ах, если бы дорога бежала без предела,
Как звездные пути!
Чтоб не было рассвета, чтоб сердце радость грела...
Чтоб нам идти, идти.
Мы шли бы в бесконечность, а я шептал несмело
Тебе слова любви.
Ах, если бы дорога бежала без предела,
Как и мечты твои.
Мы верст бы не считали... Ты вдаль бы лишь глядела...
Назад бы не ушла.
Ах, если бы дорога бежала без предела.
Вне меры и числа,
Чтоб ту любовь, что в жизни не гасла, не скудела,
В бессмертие нести.
Ах, если бы дороге тянуться без предела,
А нам — идти, идти!
1940

Родная земля

Тебе одной — всё, что у жизни есть.
Мы делим всё с твоей душой прекрасной:
И горечь слез, и огненную месть,
И остроту опасности всечасной.

Едиными устами вместе пьем
Единую великих бедствий чашу,
Не стоя на коленях, нет, — с мечом! —
И смерти не сломить решимость нашу.

И кровь, и дни, и мысли, и дела
Тебе мы жертвой праведной приносим, —
О, только бы ты, родина, цвела
В сиянии неугасимых весен!

Недаром звезды вечности твоей
Ни за каким не скроются туманом
И озаряют ярко жизнь людей —
Весь шар земной, объятый ураганом.
1942

Колыбельная

Укрылась облачком луна,
Дремотно плещется волна,
К траве склоняются цветы,
Не спишь, малышка, только ты.
Ты глазки ясные сомкни.
Чтоб сильной вырасти — усни.
Тебе пою,
Баю-баю.
Отцом оставленную дочь
Хранит отчизна день и ночь,
Прохладой — в зной, теплом — в мороз,
Чтоб не лила горючих слез.
Вся наша родина, как я,
С тобой, кровиночка моя!
Тебе пою,
Баю-баю.
Летят, курлыча, журавли
Над нивами родной земли;
Приносят радостную весть:
Отец твой скоро будет здесь.
Эй, журавли, сквозь тьму и свет
Ему несите наш привет!
Тебе пою,
Баю-баю.
Горит над нами та звезда,
Что не померкнет никогда,
Всегда светлы и горячи
Ее победные лучи.
Ясна звезда страны твоей,
И всё живое рвется к ней.
Тебе пою,
Баю-баю.
Укрывшись тучкой, спит луна,
В реке не плещется волна,
Спит ветерок в тиши полей,
И, чуть дыша, поет ручей,
Лепечет песенку мою:
Баю-баю, баю-баю...
1943

Ты ждешь меня

Над фронтом полночь. Мрак и тишина.
Спит мир, и даже ветер спит.
Всё сковано недолгой властью сна,
И артиллерия молчит.

Лежу в промокшем блиндаже.
В углу Фонарик спорит с темнотой.
Закрыв глаза, плыву в сырую мглу.
Не спится. Прочь бежит покой.

Ночь. Мнится мне, что вся земля сейчас
В оцепененье забытья,
Нет никого, кто не смыкает глаз,
Кого окликнуть мог бы я.

Но нет, есть кто-то на родной земле,
Кто в эту ночь не может спать,
Кто ждет меня в тяжелой этой мгле, —
Ты ждешь меня, тоскуя, мать!
1943

Деревья на улице Абовяна

Брожу ль в золотистые сумерки я,
Спешу ль, озабоченный, утром рано, —
Со мной разговаривают друзья —
Деревья на улице Абовяна.

Зеленые песни, знакомую речь
Я слышу сквозь бурю моих раздумий,
Хотят ли от грусти меня уберечь,
Звенит ли надежда в их чистом шуме?

Завесу прошедшего я отведу,
И детство вдруг выплывет из тумана, —
Вот здесь мы сажали, как будто в саду,
Деревья на улице Абовяна.

Мы все пионерами были тогда,
Мы шли из предместий, как на кочевье,
Немало вложили мы чувств и труда
В зеленую поросль — в эти деревья.

А после как часто по мостовой
Бродил я влюбленным, с думою жаркой.
Под этой сплошной тенистой листвой.
Что стала любви триумфальной аркой.

Когда уходил я далеко от вас, —
Под громом военного урагана
Я думал: как грустно шумят сейчас
Деревья на улице Абовяна!

Я с поля сраженья победу принес,
Я видел отчизну в боях непрестанно:
Зеленым костром меня грели в мороз
Деревья на улице Абовяна.

И снова я дома — солдат и певец,
Вот дочка моя, смугла и румяна.
Как рады мы оба — и дочь, и отец —
Деревьям на улице Абовяна,

Настанет пора поколениям иным
Шагать по земле, где брели караваны,
И новой листвою шуршать будут им
Деревья на улице Абовяна.

О, если б смогла моя песня доплыть
До берега будущих дней, не увянув!
Я сердце вложил в эту землю, чтоб жить
Деревьям на улице Абовяна.
1946

Ереванские рассветы

Тыходишь в дорогу, — в мечтаний пожар
Все дороги открыты — прими их привет,
Для тебя он сияет, как радостный дар,
Ереванский наш щедрый рассвет.

Ты стремишься, борясь ночи, дни и года,
И родится от прошлого — нового свет,
Пусть дорогу твою освещает всегда
Ереванский наш новый рассвет.

Пусть и песня моя будет рядом шагать
И получит от жизни желанный ответ,
Поколениям грядущим пусть будет сверкать
Ереванский наш вечно горящий рассвет!
1946

Моя и твоя любовь

Ты вновь ко мне пришла, любимая моя.
Вечерняя заря погасла вдалеке.
И снова мы сидим, дыханье затая.
Под шелест тополей... одни... рука в руке...

Томление души о вечном говорит.
 О, как прекрасен мир, наполненный тобой!
 Вечерняя заря погасла, но горит
 Весенняя любовь предутренней зарей.
 1946

С добрым утром, дорогая!

С добрым утром, дорогая!
 С добрым утром! Ты проснулась?
 К солнцу мягко потянулась,
 Настежь ясный взор открыла,
 Про меня спросить забыла...
 Всё равно. Не укоряю.

И, как вечно, повторяю:
 С добрым утром, с добрым утром,
 С добрым утром, дорогая!

Что-то сердце боль мне гложет —
 От твоих уколов, может?
 Всё равно, в сем мире утлом
 Я одну молитву знаю —
 С добрым утром, дорогая,
 С добрым утром, с добрым утром!

Трон — тебе, живи и царствуй,
 Горечь — мне, сполна, до края...
 Ты проснулась? Здравствуй, здравствуй!
 С добрым утром, дорогая!
 1950

Как может...

Обдав меня стужей глаз,
 Ты мимо прошла сейчас.
 А улица солнца полна —
 По городу бродит весна.
 Ответь мне, ответь, ответь;
 Как могут ручьи сиять,
 Как могут люди шуметь,
 Деревья в цвету стоять,
 И этот пустой простор
 Слепить густой синевой,
 И птиц сумасшедший хор

Носиться над головой,
Когда ты прошла сейчас,
Обдав меня стужей глаз?
1956

Ожидание

Снова ночь... Город смолк, без сил,
Черный дождик да тьма в окне,
Да беззвучный тополь застыл,
Будто памятник тишине...
Но в тиши этой звук растет, —
Кто идет в ней? Куда идет?

Кто зовет меня, кто зовет
В этой ночи, где эха нет?
Стук напрасный иль шорох вод,

Шаг вдоль каменных мокрых плит?
Кто зовет меня поздно так?
Стихло... Смолкло... Нет, снова шаг!

О, не твой ли то голос вдруг...
Никого. Только сердца стук.
1960

Может, и лучше, чтоб так...

Может, и лучше, чтоб так —
Снег за окошком да мрак,
Дым да туман без конца,
Чтоб затерялись пути
И не томились сердца,

Чтобы в густеющей мгле
Стыли ручьи на земле.
Может, и лучше, чтоб так —
Снег за окошком да мрак?

Что нам осталось теперь...
Снег расставания лег
На расстоянья дорог.
Что нам осталось теперь?
Память, и боль, и печаль,
Влажная, снежная даль.
Может, и лучше, чтоб так...
1961

* * *

Ты всё поешь ту песнь свою,
О прошлых днях печальных.
А я мечтаю и пою
О новых утрах дальних,
И даже в прошлом дыме дня
Ищу огня, ищу огня!
1962

Мне говорят...

«Поверь! — мне говорят. —
Нет больше новых слов,
Веками все подряд,
Кого ни назови,
Писали о любви,
Про вздох и жар крови —
Всё слышала любовь».

Мне говорят: «Смешно!»
«Наивный! — говорят. —
Исхожены давно
Любовные пути,
И некуда идти...
Все тропы и пути
Истоптаны подряд...»

Так люди говорят.
Неужто все пути,
Неужто все слова?
И новых не найти,
И жизнь еще жива?
И было, как сейчас,
Без наших губ и глаз.
До нас, до нас, до нас?
1965

Паруйр Севак — псевдоним Паруйра Рафаэловича Казаряна. Родился в крестьянской семье 26 января 1924 года в селе Чанахчи (ныне село Советашен Араратского района Армянской ССР). Окончил филологический факультет Ереванского университета (1945). Первая книга «Бессмертные повелевают» вышла в свет в 1948 году. Широкую известность принесли Севаку поэма о великом армянском композиторе Комитасе «Несмолкающая колокольня» (1959), сборники стихов «Человек на ладони» (1963), «Да будет свет» (1969). Написал монографию «Саят-Нова» (1969). За это исследование ему была присуждена степень доктора филологических наук. В 1966–1971 годах Паруйр Севак был секретарем правления Союза писателей Армении, в 1967 году был избран депутатом Верховного Совета СССР.

Погиб Паруйр Севак в автомобильной катастрофе 17 июня 1971 года.

В 1972–1975 годах вышло в свет на армянском языке собрание сочинений Паруйра Севака в шести томах; на русском языке: Избранное, М., 1975.

Руки матери

Руки, материнские руки,
Эти древние и юные руки!..

Чего они только не делали,
руки!
На свадьбе твоей взлетали, как лебеди,
руки!

Со страстью, с тоской
Изгибались дугой.

Всё выносили они,
эти руки!
Света всю ночь не гасили материнские руки,
Чтоб утешать крикуна малыша.

Всё одолеть были в силе
 руки!
 К небу столбами вносились
 скорбные руки,
 Чтоб сын не пропал
 И столб дома не пал...
 Сколько горя и мук
 приняли руки,
 Пока не взобрался внук
 на бабкины руки,
 И внукам под стать —
 Молодели опять...
 Ворочали камни, копали арыки в округе...
 Всех в мире наград достойны родимые руки!

Давайте поцелуем по-сыновьи
 Руки, обнимающие нас, —
 Что холят нас,
 И любят нас, и снова
 Стряхивают пыль, сметают грязь.
 Все в морщинах,
 В варежках дешевых,
 Трудятся и стряпают чуть свет...
 Этих рук, шершавых и тяжелых,
 Мягче и нежней на свете нет!
30 октября 1955
Москва

Вечер

Автомашины,
 Которые до сих пор были похожи
 На только что родившихся слепых котят,
 Одна за другой глаза открывают.
 И тишина
 Расталкивает всё,
 Чтобы для себя
 Должное место расчистить,
 И от этого горы кажутся
 Отдаленными.

Словно Хайям, пьянеет одиночество,
 Пьянеет и поносит... бога.
 И лай добрых бездомных собак сейчас
 Кажется не лаем,
 А молитвой обтрепанному и обруганному богу,

Чтобы он богохульника
Простил великодушно.

Темнота, сгущаясь, превращается в тряпку
Для вытирания классной доски,
И небо постепенно
Покрывается звездным инеем.

Люди же начинают говорить меньше,
Говорить тише,
Ибо лучше, чем люди,
Фонари и огни переговариваются.
И каждый дом
Посылает во вселенную
Свой сигнал:
Детский плач,
Зов матерей,
Автомобилей
И животных
Прерывистое мычание,
А больше всего вот этим огням,
Что мигают, гаснут, вспыхивают
Бесконечно,
И чудится, что это новая азбука Морзе,
Необъяснимая азбука.

А когда гаснут все абсолютно звуки
И эти огни также,
Видимо, наступает мгновение,
Когда отвечает вселенная
И люди принимают ее сигналы... в снах своих.
Сигналы эти похожи на спокойные сны или
Кошмары.

Добрые сны свои вам, любимые,
А ваши кошмары мне несите,
Вашему любимому.
Ноябрь 1955
Чанахчи

Бессонница

Повторяй по ночам,
Когда не до сна:

В Армению к нам
 Возвратилась весна.
 Там пускаются в бег
 Воды мутные рек.
 Там блуждает поток
 Безо всяких дорог.
 Там травы пьянят
 И телят, и ягнят.
 Ежевичник вокруг
 Ощетинился вдруг,
 Разросся в тепле.
 На мокрой земле
 Четыре звезды:
 Овечьи следы.
 И ветер притих.
 На листьях сухих
 Орехи лежат
 И ждут медвежат.
 Пень, маленький стол,
 Как будто зацвел.
 Плетет паренек
 Весенний венок.
 Пора бы венку
 На шею быку.
 Издалека
 Зовет паренька
 Усталая мать.
 Однако не спать
 Ему по весне,
 Ему, как и мне,
 Постель не нужна:
 Душа в нас одна.

Повторяй по ночам,
 Когда не до сна:

Вся в пене волна,
 И земля зелена.

В Армению к нам
 Возвратилась весна.
 Возвратилась весна,
 И зачем я не там?
10–11 ноября 1956
Москва

Сожалею

Я в жизни всем помог, себе я не помог.
Всем впрок мои дары, мне самому не впрок.
Прохожий поумнел, усвоив мой урок,
А сам безумен я: нерадостный итог.

Всех встречных я поил моим хмельным вином
И не пригубил сам в пути моем земном.
Всю жизнь я сватом был и крестным был отцом,
Хотя мне больше всех всегда был нужен дом.

Все доверялись мне, как будто я тайник,
Доверившись другим, раскаялся я вмиг.
Всё в жизни расточив, зачем я не привык
Выпрашивать любовь, скупясь, как ростовщик?

20 апреля 1957

Москва

Кузнец и ювелир

Узор словесный мне претит. Устал я наконец.
Пускай искусен ювелир, искуснее кузнец.

5 мая 1957

Москва

Завидую

Ах, каким, наверно, стало б счастьем,
Если бы, тревогой не томим.
Был бы я бездумно-безучастен,
Как иные, да, подобно им,
И какое счастье, в самом деле,
Вместе с сердцем тихоньким своим
Спать спокойно по ночам в постели,
Как иные, да, подобно им!
Так и жить — беспечно, не внимая
Радостям и бедам никаким,
И на жизнь взирать, как рысь лесная,
Немигающим зрачком немым.
Чтобы ретивое не болело
Тем, что так мучительно другим.
Зло или добро — какое дело? —
Как иные,
да, подобно им!

Только не могу за наше завтра лучшее
 Не болеть.
 И не могу, неутомим,
 Нашу жизнь пустить по воле случая,
 Как иные, да, подобно им!..
5 мая 1957
Москва

Я рожден...

Я рожден, чтобы стать
 В сердце матери скорбью немой
 И, как сын долгожданный,
 Издали возвращаться домой.

Я рожден — утешать
 Душу ту, что обидой полна,
 И на свадьбах плясать
 Со стаканом хмельного вина.

Я рожден, чтобы криком
 Младенческим требовать: «Пить!»
 Материнским напевом
 «Баю-баюшки» первенцу петь...

Я рожден, чтоб светить
 Фонарем, где метельная муть,
 И упасть в полный рост,
 Преграждая отчаянью путь.
5 мая 1957
Москва

* * *

Как содрогаюсь я,
 твоим прикосновеньем обожжен,
 Внезапно ветер ледяной
 При мысли:
 Вдруг ты не со мной!

И как пугаюсь я,
 в пути неведомом насторожен,
 При мысли:
 Вдруг любовь убил
 Я нежностью моей шальной!

Дрожу,
в тревогу погружен,
Над жизнью сына моего,
И над любимой женой,
И над страной моей родной,

Как сердце,
В холод, в дождь и в зной.
14 ноября 1957
Москва

Жизнь поэта

Он брат Арарату:
ступни его зноем палит,
зато голова снежной шапкой свободно парит.

Он словно ракета:
отброшенным пламенем жжет,
хотя каждым словом и помыслом рвется вперед.

Слова его тихи,
он их произносит с трудом,
а в сердце — обвалы, в душе — нестихающий гром.

Пускай он, затворник,
загадкой слывет меж людьми,
лишь только б слова его стали пословицами.
16 марта 1959
Москва

* * *

Твоя незрелая любовь и зрелое мое страданье
вдруг встретились, как на тропе
два путника. И побрели.
И разойтись не в состоянье
твоя незрелая любовь и зрелое мое страданье.

Когда, устав, решив прилечь,
мы на ночлег ложимся рядом,
над нами, чтобы нас сберечь,
стоит старинное сказанье.

А между нами, словно меч, —
твоя незрелая любовь и зрелое мое страданье.

20 марта 1959

Москва

Тебя нет и не будет

Тебя нет, тебя нет...

И утро
такое мутное,
такое нудное.

...и не будет тебя.

И горизонт закрыт,
его закрыла не туча,
а воздушная складка твоего платья.

Тебя нет, тебя нет...

И, как воздух, жгуча
эта тоска,
это проклятье.

...и не будет тебя?

И, кажется, чиркнешь спичкой —
и воздух вспыхнет,
и рассеется мрак.

Тебя нет, тебя нет...

И слава богу!
Почему же я чувствую тебя так,
как безногий чувствует ногу,
которой нет!

И не будет!

30 марта 1959

Москва

Искусство

Ветер какую-то тянет мелодию,
что и Бетховену сделала б честь.

На горизонте брезжит рассвет —
тусклый на темном — картина Рембрандта,

Каждый день миллионом трагедий
жизнь передразнивает Шекспира.

А мы?.. Играем с тобою в искусство
с таким упоением и безрассудством,
каких не знал и герой Сервантеса...

20 марта 1959

Москва

Не без боли

И это почувствовал я не без боли,
Почувствовал я, что, лишь после того
Как дерево спилено,
Мы видим его настоящий обхват.

15 декабря 1959

Ереван

Я — счета

Я в счета для вас превратился...

И вы

Гоняете взад и вперед без конца

Костяшки мои.

Вы гоняете их —

Считаете что-то весь день

И еще

Хотите, чтобы я не стучал?

Чтоб я даже пикнуть не смел?

15 декабря 1959

Ереван

Я слышу розы красной крик
сквозь горьковатый дым табачный
и сквозь холодный дым зимы.

И голос маленькой, неврачной,
мне неизвестной птицы вдруг
приносит звуки одобрения

в часы передрассветной тьмы
сквозь горьковатый дым табачный
и сквозь холодный дым зимы.

И кажется, что почтальон
меня немедля осчастливит,
достав из сумки два письма.
Но писем нет.

Стоит зима.
И курится дымок табачный.
Декабря 1959
Тбилиси

Язык воды

Язык воды — язык чужой страны,
который я не твердо разумею:
всё, что услышу,
понимаю я,
а вот ответить не умею.
Декабря 1959
Тбилиси

ТРЕХГОЛОСАЯ ПЕСНЬ

Первый голос

О родина!
Уже лет тридцать учу я твой язык,
но всё же говорить с тобою о тебе
я без ошибок не могу —
всегда, всегда
сбиваюсь и теряюсь от волнения!
Когда весною ранней
твоей кукушки слышу кукованье,
то мнится,
что кукушка, заикаясь,
мое косноязычье переводит,
восторг телячий мой,
что поздравляет за меня
ликующая птица
тебя с твоей весной!

И даже тени летние твои
мои признанья безмолвно переводят

и солнцу твоему на синем небосводе
поют хвалебный гимн любви,
то удлиняясь,
то сжимаясь,
подобно черным языкам огня...

Когда плоды в твоих садах осенних
с деревьев каплями катятся огневыми,
понятно каждому, что это
мое торжественное песнопенье,
дарами вдохновленное твоими.
Об этом говорит и твой морозный снег,
он запах детства дальнего принес,
он, как и я, в тебя влюблен навек,
и, словно я, он безголос!..

А в мир,
когда с тобою о тебе я говорю, —
о, даже и тогда
не что иное я творю,
как измеряю скудными словами молчание мое,
чтоб с болью убедиться снова
в бессилье собственного слова,
в могуществе молчанья твоего...

О родина!
Ты — многовековая фамилия моя.
А я...
Суметь бы так мне жить,
чтобы тебе стыда не знать
за то, что ты дала мне имя!..
Ведь гибель праведная — жизни половина!
Суметь бы так мне умереть,
чтоб ты... оплакивала сына!

Второй голос

О моя родина!
Я ничего, ничего не могу тебе дать:
что бы ни дал я тебе,
это будет отдарком —
ты подарила мне всё!

У меня пред тобой даже нет ощущения долга:
весь — с головы и до пят — я твой должник!
Заверяет лишь тот, кто боится,
что ему не поверят.

У меня же и помыслов нету тебя заверять:
я — твоя вера,
зрячая вера!
О моя родина!
Меня призывают тебя изучать.
Зряшный совет!
Я — твоей жизни частица.

Я — темный мох
на камнях твоих древних и новых мостов,
на боках родников заповедных,

я — твоя боль, обнаженная в слове,
которое не переводится на чужеземный язык.

Я — только дым
вчерашних твоих ердыков
и сегодняшних труб,
лишенный, быть может, огня твоего,
но именно этим огнем рожденный.

Я — только дым,
и этим дымом
вношу в атмосферу твое дыхание.
Я — дым, и только,
и говорить не умею,
зато твою сущность в небе пишу...
О моя родина!
От цветов и оттенков пейзажей твоих,
вечных и вечно изменчивых,
я так окрашен,
как небо твое на закате.
Я так испятнан твоими пальцами,
как звездами небо ночное.

О моя родина!
Я тебе жизни своей не жертвовал
и не участвовал в битвах твоих,
но и полшага, пожалуй, не сделал,
который не вел бы к тебе,
я начинаюсь тобой и тобой завершаюсь,
как замыкается круг...

Воды твои текут сверху вниз,
я же с низин поднимаюсь к вершинам,
как поднимается зной.
И когда приходит твоя весна,
и во мне эпигономством каким-то дивным

расцветает одна и та же мечта;
если я, как цветок на иссохшем стебле,
как трава на склонах гранитных гор,
если я помогу твоему цветению,
я смогу сказать:
«Не напрасно жил!..»

Третий голос

Отчизна моя!
Такие слова у меня — для тебя,
каких никогда никому не найти,
я и сам до сих пор не могу их найти!

Они есть во мне,
но их нет во мне, —
вроде мощных струй в глубине твоей!

Они способны гореть,
но и обжечь до слезы, —
вроде чистого спирта лозы твоей!

Они так близки,
но и так далеки, —
вроде той горы, что выросла в твой герб!
3 января 1960
Тбилиси

Правдивая песня

Правдивая песня рождается так:
Ружье заряжено. Спущен курок.
Отдачу выдерживает стрелок,
И мертвым на землю падает враг.
11 июля 1961
Москва

Имя твое

Ненавижу я имя твое,
Как, быть может, тело твое
Ласку рук моих ненавидит.

Ненавижу я имя твое,
В мой язык оно вонзено,
Словно пшата колючий шип.

Расспроси меня заодно —
 Это имя какого цвета?
 Этот цвет ненавижу люто.

...Дочь родится на счастье мое —
 Дам я дочери имя твое.
 Ненавижу я имя твое.
25 июля 1961
Ереван

Схожу с ума

Меня услышав,
 Кто спросит, тот прав:
 «С ума ты сошел?»
 А вот — мой ответ:
 «Да, сошел навсегда,
 Почему бы и нет?»
 Как же влюбляться, с ума не сойдя?
 Дрова загорятся — с ума не сойдя?
 Не побеждают; — с ума не сойдя.
 Детей не рожают — с ума не сойдя.
 С ума не сойдя — вода не вскипит,
 Не треснет гранат, если он не набит
 Зерном сумасшедшим, чья жаркая тьма —
 Зрелость, сплошное схождение с ума.
 Лето кончается?
 Сходит с ума.
 Планета возвращается?
 Сходит с ума.
 Зернам, пока не сойдут с ума, —
 Колосками не быть.
 Ладонкам, пока не сойдут с ума, —
 Руками не быть.
 Словам, пока не сойдут с ума, —
 Стихам не быть...
 Ах, быть бы и мне сумасшедшим вполне...
1 октября 1961
Ереван

Безусловное условие

Зеленые мысли, зрелые мысли —
 Это еще не стих.

(Нет! Самородок духа,
 Самоцвет волшебства,

Раскрытие вечное скобок.
Решение неразрешимого —
Вот что такое стих!)

Бездомные, безымянные,
Горбатые «почему»
Снуют везде; ты вступи его
В душу к себе, окрести его
Словом своим, и выйдет стих
Из горбатого «почему».

Большие чувства, мелкие чувства —
Это еще не стих.

(Нет! Плоть от собственной плоти
С твоею собственной кровью,
В воздухе некий трепет
И содрогание недр!)
Ночь богаче оттенками,
Чем разноцветный день.

Попробуй поймай ветер!
Попробуй запечатлей
Зыбкую поступь тени,
И получится стих.
Что же делать? Работать?
Но как над этим работать?
К будням привить воскресенье,
Море воспламенить,
Не отставать от века,
Не спешить никогда. —
И яйцо обретает устойчивость,
И приготовишь ты
Вместо яичницы солнце.
7 октября 1961
Ереван

В жизни встречаемся мы случайно

В жизни встречаемся мы случайно,
А расстаемся волей-неволей.

Хочешь — молчи,
Хочешь — кричи,
Если поможет крик.
Хочешь — рви зубами подушку,

Хочешь — уткнись в подушку
И прикуси язык.
Если ты верующий — кляни бога,
Если неверующий — поверь.

Хочешь не хочешь — одна дорога,
Жить, не жить — всё равно теперь!
Поздно что-нибудь изменить,
Дело это — пропащее.
Но, знаешь, это и есть — жить.
Это и есть любовь. Настоящая.

В жизни встречаемся мы случайно,
А расстаемся волей-неволей,
26 января 1962
Ереван

Задание вычислительным машинам и точным приборам всего мира

Вычисляете, всё вычисляете...

А сосчитайте, за сколько мгновений
сколько крови из сердца девушки
приливает к ее смущенным щекам
и термоядерной вспышкой рдеет?
Что за космическое излучение
глаз затуманенных достигает,
когда наши взгляды внезапно встретятся,
и эти лучи обоюдозоркие
опасны или полезны?

А то вычисляете, всё вычисляете, всё вычисляете...

А подсчитайте, сколько тепла
наши ладони отдали детям,
их волосам шелковистым и пальчикам,
гибким станам наших возлюбленных,
острым плечам наших бабушек немощных,
и, подытожив, вычитите разность
отданного и полученного!

А то вычисляете, всё вычисляете да вычисляете...

И укажите, на скольких женщин
мужчина — хотя бы один из многих —
глядит с вожделением и корыстью,

на скольких с восторгом благоговейным
и на скольких с братскою нежностью?

И адреса обозначьте тех женщин,
с которыми нас судьба не столкнула.
хотя и могла бы свести на всю жизнь!
И назовите число детей,
наших детей, на свет не родившихся...

А то вычисляете, и вычисляете, и вычисляете...

Мы еще толком не знаем даже,
почему человек смеется,
лишь человек, и никто другой.
Ну так сочитите количество смеха,
рассортируйте его по звуку
и объясните разницу между
хохотом и усмешкой...

Электрическим черепом всемогущим,
циклопическим глазом всепроникающим
разложите тоску и тот дым спрессуйте,
невидимый дым, который всегда
приходит с тоской и один уходит:
куда-то рассеивается, но куда?

А то всё считаете, всё считаете...

И назовите ближайшую дату,
когда угнетаемые народы
освободятся от угнетающих,
когда возмездие неизбежное
свершится именем справедливости.
Сколько веков уже, в боге изверившись,
ждут этой даты жертвы насилий,
всё еще верят, всё еще ждут!
Вы, провозвестники нового века,
не окажитесь и вы химерой.

А то всё считаете, вычисляете, прогнозируете...

И укажите число мостов,
страны связующих, по которым
хотели пройти мы, но не проходим
и не пройдем никогда...
И назовите число упований и грех,

названных этими именами
лишь потому, что они не сбываются.
И несомненным числом обозначьте
сомнения, с которыми мы созреваем,
а чаще всего до времени старимся.

И линию разочарования найдите,
и хочется верить, что хоть она
не будет зигзагообразной.
И вместе с линией жизни нашей
найдите надежды обманутой линию,
они параллельны, а параллели,
кажется, не пересекаются.
И подсчитайте количество дней и ночей,
неисчислимо-бессчетных, пропавших бесследно
в очередях, в походах и в чтение газет
многоязычных, заглавными буквами чьими —
огненно-черными — каждое утро глазеют стволы
дальнеприцельных орудий, и душу сверлят перископы
лодок подводных, и красную кровь превратить
в белую воду хотят водородные бомбы.

И подытожьте-ка, сколько урана взорвать
надо на этой земле, чтоб кора раскололась
и обнажилось ядро?
Вы должны подсчитать
и объяснить, от каких еще видов оружия
матери больше детей не сумеют рожать.
Если вы сможете всё это точно учесть,
больше не будет нужды говорить об утрате
веры и бремени этой утраты.
Останется вам
лишь объяснить,
каким чудом
под бременем этой потери
мы не вонзились еще в эту землю,
как кол?!

И объясните по-дружески также, как часто
андерсеновский мальчик является в мир,
чтоб короли увидали, что они голы?
И, если можно, откройте нам, будьте добры,
как они ходят теперь:
наготу прикрывают
или по-прежнему голы, а тех, кто дерзнули смотреть, --
жить заставляют с завязанными глазами?

И сопоставьте — бетховенская глухота
связана ли с возмущениями в атмосфере,
с мощными взрывами на потрясенной земле,
и, если связь существует, прошу, поясните,
что, современники, можем мы в будущем ждать:
множество новых бетховенов мир осчастливят
или количество глухонемых возрастет?

И подсчитайте еще напоследок, прошу вас,
как,
каким образом,
с помощью доброй машины какой,
может еще человек
оставаться и быть человеком
или же только теперь
Человеком пытается стать?

26 октября 1962

Ереван

Исповедь

Во мне самом француза-вольнодумца
Услышал я, не вняв я
Голосу моих благоразумных предков.
Святой отец Благоразумие!
Тебе в грехах я исповедуюсь.

Святой отец! Пускай ценою жизни,
Стерпеть хотел я слово «осторожно».
И это грех?

Святой отец! Подумал я, что можно
За правило принять неправильность.
И это грех?

Святой отец! Что, если будут ноги
Самим себе повиноваться,
Голове наперекор?
И это грех?
Что, если нам хоть раз в течение веков
Не налагать на слово «человск»
Эпитетов-оков?
И это грех?

Святой отец, где исповедаться
Не верующему в тебя?

Я жажду исповеди
Любой ценой:
Ценою отлученья
И вечного мученья.

Где мне исповедаться? Кому?
Святой отец Благоразумие!
Нет, не святой, нет, не отец!
14 июля 1963
Ереван

Прикосновение мгновения

Когда вонзается закат огнистым гребнем
в облака
И выбегает ветерок обнюхать землю, как щенок,
Уткнуться в каждого из нас,
и в каждый куст, и в каждый лист...
Когда вечерний холод чист,
заносчив, молод, мускулист
И, разрешив себя ругнуть, заставит ворот
застегнуть...
Когда сквозь бархат темноты не слышно лая
суеты,
А знаки редкие огней
зажгут орнамент древних дней, —
Тогда с наивностью детей
Я верю вечному добру
И в то, что смертью я умру...
простой, естественной, своей...
14 ноября 1963
Ереван

Одноглазый

Одним лишь глазом смотрю на жизнь
(Другой из простого стекла).
И вижу глазом этим одним
Многое я,
Но больше в сто крат вижу вторым,
Потому что мне
Глазом здоровым видеть дано.
Мечтать же — только слепым.
14 ноября 1963
Ереван

Так не любят

Меж любовью и долгом
это я торчу,
как шлагбаум...
Вот я выдерну с корнем себя,
то есть прямо к Закону пойду,
поднимусь и скажу:
«Сделай, Отче, меня, человека,
беспристрастным параграфом Свода Законов твоих.

Сотвори из меня, — я скажу, —
твое нет и нельзя,
не положено,
не подобает...
Возьми мои руки —
для чего они мне?
Всё равно я торчу, как бревно,
меж любовью и долгом —
возьми мои руки, ты слышишь?!
Всё равно без нее как без рук!
Без нее...
Без нее —
той, которой моя говорил я — да так,
что лягушки
пучеглазо и буддообразно взирали на нас,
очевидно пытаюсь понять это жгущее слово,
это слово палящее и задыхающееся — моя».
А теперь ты настолько моя, насколько моя
Абиссиния,
А теперь ты мне так близка, как близок
Мадагаскар.
Вот и сам я теперь,
как нелепый какой-то шлагбаум,
меж любовью и долгом —
такой неуклюжий —
торчу.
Нет, так не любят.
Так медленно умирают.
Так на приколе тлеют старые корабли.
14 ноября 1963. Ереван

Доброй ночи

Вечер набух. Давно раскопала ночь
Клювы кривые огней.

Тротуары под каблуками устали зевать.
 Улицы выметены.
 Завтра выметет солнце последние клочья тьмы.
 Город спит.
 И с глазами открытыми —
 Город спит.
 Неужели не спится тебе?
 Доброй ночи тебе, дорогая!

Готова печаль ветвистая вновь одеться листвой,
 Листвой, чтобы тень отбрасывать, ядовитую тень.
 В этой тени ядовитой кто хочет, пускай спит,
 Лишь бы не ты.
 Доброй ночи!

И сторожа,
 Ночные пастыри, дремлют,
 Пока фонари-овчарки
 Стерегут загон осторожности.
 Только я не смыкаю глаз,
 Как будто тебя назойливо
 Выживает сейчас
 Эта старая дева,
 Старая дева Бессонница,
 И никакие снотворные не помогут
 на этот раз.

Да, боюсь я Бессонницы,
 Старой девы боюсь,
 Как ребенок боится врача.
 Лишь бы ты не болела.
 Усни!
 Доброй ночи!

Сколько в жизни моей было разных ночей?
 Не сочтешь!
 Арифметика тут ни при чем.
 Разве только на пальцах любви сосчитаешь,
 Но пальцы любви
 Не разогнутся, согнувшись.
 Я буду считать,
 Лишь бы ты поспала,
 Доброй ночи тебе, дорогая!

Этот вежливый дождик
 Всю ночь для меня моросил,
 Шел исправно,

Хоть я никакого дождя не просил,
Но другие-то спят и подавно!
Закрой же глаза!
Доброй ночи!

Забрезжила ранняя рань,
Даже дождик перестал,
Только ты без конца.
Хоть на миг, словно дождь, прекратись,
перестань!
Смилуйся!
Словно дождик, шепни:
Доброй ночи!
9 февраля 1964
Ереван

Любовь

1

На карту никто не наносит ее нехоженных
троп.
Негаданная, приходит, как дождь или как
потоп.

Любовь.

Нидерланды вечные, когда, за клочком
клочок,
У моря ты отвоевываешь
Насущную землю свою.

Любовь.

Когда проплывает
Корабль по реке судоходной,
Мосты перед ним поднимаются,
Как руки сдающихся в плен.

Любовь.

2

Своему собеседнику,
Как автомат, отвечаешь,
А в глубине души
Обращаешься неумолчно

К той, самой далекой в мире,
Чье имя с тобою, как паспорт
Без печати.

Любовь.

Удары в сонной артерии, как будто капля
за каплей
Податливый камень долбят, нет,
не по дням — по часам
Сети тугие бессонниц,
В которые рыба не ловится,
В которых бьешься ты сам.

Любовь.

Как будто бы заживо
Кожу с тебя содрали.

Любовь.

Повсюду преследуют
Эти глаза тебя.
Ставят печать на вселенную.
На питьевой воде,
На всей твоей жизни, на каждом
Шарике кровяном
Штампом,
Клеймом.
Печатью.

Любовь,
10 марта 1964
Дилижан

Повседневное чудо

Мы встретились.
Ты поняла?
Как малыш, перепачканный за игрой,
Жизнь омылась,
И воздух вылунился
Из мглы, как птенец из яйца;
Дождик и снег —
Тоже воздух
Во плоти.

Вкусный воздух!
Ты попробуй
Проглоти!

Мы встретились. Ты поняла?
Разлученные,
Твоя близость с моею близостью
Соединились в нежности,
И возникла любовь.
Так водород удваивается,
И кислород усваивается,
И возникает вода.

Мы встретились,
Чтобы рухнули
Книжные ветхие стены.
Знание растворилось во влажных твоих глазах.
И на лоне истории твой драгоценный след.
Разрушен и восстановлен воздух твоею рукой.
По новым законам физики,
Которые гения ждут.

Мы встретились...
И заснули бесконечные «но»,
Чтобы вдруг пробудилась радость
И устремилась вверх,
Пытаясь вихрем лучистым
Пронзить небесную твердь.
Оттуда бы непрерывным
Ливнем на целый мир!

Мы встретились,
Просто встретились,
Чтобы впредь, как теперь,
Просто будням сопутствовала
Привычные чудеса.

18 марта 1964

Дилижан

Мой горизонт

Мариам!
Слышишь ты, Мариам!
На улице ливень.
Открыть окно
Всё равно что открыть
Бутылку бешеного джермука.

Из окна вылетаю в небо.
 Оно
 Ясное после дождя,
 Словно твой взгляд.
 Оно
 Безграничное, как улыбка твоя.
 Падаю с неба.
 И вокруг меня скалы величественно
 сидят.
 Как допотопные птицы.

Нет, не меня,
 Ты сама себя отвергаешь,
 И лживым твоим словам
 Так же легко спугнуть меня,
 Как этих каменных птиц.
 Поняла?
 Тогда посмотри!

К ласковому горизонту
 Прильнуло широкое поле,
 Чья голова кустистая,
 Словно гора лесистая.
 Имя горы бессловесной
 Мало кому известно,
 Как и мое.
 А кому
 Имя твое не известно,
 Схожее с горизонтом,
 Имя твое, Марнам:
 Подходишь —
 И убегает,
 Отходишь —
 И настигает.

Хоть бы когда-нибудь
 Мне моего горизонта,
 Приблизившись, не спугнуть!
14 марта 1964
Дилижан

Изнанка

Ивы для того,
 Чтобы... реке указывать путь.

Дым для того,
 Чтобы... ветер знал, куда ему дуть.

Кузнечики для того,
Чтобы... ночную тьму испещрять
Нотными знаками музыки своей.

Жаворонки для того,
Чтобы... песней своей осушать
Утреннюю росу.

Поздняя осень
Лишь для того,
Чтобы... вселенную расширять,
Роняя листву.

А поэты разве не для того,
Чтобы так вот
Наизнанку
Вывернуть всё?

23 июня 1965

Ереван

Незадачливый мир

Ах ты, мир! Незадачливый мир!
Недотепа-растрепа,
Когда же ты дашь
Твои дикие космы пригладить моим
горячим рукам,
Как отцовские руки причесывают
Сына без матери?

Ты, непутевый!
Меня ты совсем замотал,
Мои волосы ты намотал
На стволы и на стебли,
На пальцы, на когти, на щупальца тварей
твоих
Туго-туго,
Чтобы тварям друг друга
Неистово дергать и рвать
И нестерпимую боль равновесием звать.
Что за дело тебе до меня,
Незадачливый мир,
Недотепа-растрепа
Ты, мир непутевый!

Не боишься ты, мир, за меня?
Я боюсь.

За тебя я боюсь.
 Вдруг умру я?
 Что, если со смертью моей
 Равновесье нарушится?
 Вдруг мирозданье обрушится?
 За тебя я боюсь,
 Незадачливый мир,
 Недотепа-растрепан
 Ты, мир непутевый!
9 ноября 1965
Чанахчи

Весть

Встречайте... встречайте сомнение!
 Слышите? В двери ваши
 Постучалось оно.
 Что же! Встречайте сомнение!
 Давно я сомнение встретил
 И проводил давно.

Отпразднуйте встречу, как празднуют
 Новое древнее сретенье!
 Костер в груди разожгите!
 По крайней мере, вовеки
 Не будет сердцу темно.
 Теперь вы сомненье встречаете,
 Его проводил я давно.

Встречайте, встречайте сомнение!
 Нет, я не пророк его.
 Я только спасен сомнением.
 Встречайте, встречайте сомнение,
 Ибо всем нам нужна
 Вера — не суеверие!
 Вера — не суеверие!
28 августа 1965
Чанахчи

Старые шрамы этого мира

Ах, старые шрамы этой земли...
 Даже нашу здоровую плоть смогли
 распороть они
 И живую боль, словно божий дар, в нашу

суть вложить, —
Ведь пришлось бы нам плоховато жить,
Если б каждый был, как бычок, здоров
И аптечно чист,
Словно мятный лист.
Что же вас, друзья, старых шрамов боль стала
так пугать, —
Ведь благая боль может помогать?

И кому нужны
Наш апломб и спесь, этот стиль смешной и
смешная роль,
Если держит руль только эта боль,
Чей целебный вкус порождает нас
И морщин игра —
Не дурацкий пляс,
А живой обряд, ритуал судьбы,
Он вседневно нам осеняет лбы.
Что же вы, друзья, старых шрамов боль стали
избегать, —
Ведь живая боль может помогать?

И сама ли боль причиняет вред
Или горсть пилюль,
Что едим, когда хотим уничтожить боль, —
Кто ответит остроумно
На такой вопрос тупой,
Дурачок какой?
Кто согласен спорить с болью,
Дурачок какой?
Ведь, по сути, спорить с болью,
Значит — морю спорить с солью!
Как же, как, друзья мои,
От самих себя удрать?

И кому необходимо от самих себя удрать?
Ночь вот-вот сойдет, как всегда, с небес,
Наступив на нас,
Как тяжелый пресс,
И почти совсем
Нас убьет часов на семь.
Но мы не умрем, поверьте.
Переживем подобие смерти и воскрешение.
И в завершение останется матрица
в распоряжении жизни,
Курсивы нашего тела и нашего духа.

Грамматика боли, правописание которой
 Еще никогда облегчению не поддавалось.
 Пусть утро-ребенок, как вымытый школьник,
 Заучит печатные оттиски жизни, —
 Курсивы нашего тела и духа, —
 По правилам вечного правописания боли.
 Друзья, для чего этот старый учебник
 Сжигать вместо кокса, — нельзя ли иначе?
 По-моему, некуда деться, друзья,
 И в будущем нужно радушно и дружно
 Приветствовать боль,
 И больше того, мы объявим законной
 Нашу исконную боль,
 Нашу добрую...
9 ноября 1965
Чанахчи

Миру нужна чистота

Чистота нужна миру. да, нужна —
 В облике героев, грустью осененных,
 На гибель обреченных... от вечной
 неприкаянности.
 И в облике тех женщин, которые при жизни
 Из всех мужчин на свете знали одного...
 И в облике мужчин, чьи фигуры хмуры,
 Под ноги глядят, плечи их понуры,
 Но — мысли свободно
 Летят, куда угодно и когда угодно,
 И взмывают ввысь
 Помимо нашей воли,
 А когда устанут,
 Чайками садятся
 На океан всемирный
 Людской судьбы и боли...

Чистота нужна в облике улыбки,
 Чтобы мы вошли в сладкий жар улыбки,
 Как вошла пчела в свой медовый дом.

Чистота нужна в облике живом
 Смеха — чтобы вдруг раздавался взрыв.
 Никого вокруг не спросив,
 Чтоб катил поток, с головы до ног

обдавал и мыл
Без мочал, без мыл.

Чистота нужна в облике гвоздики.
Пусть к земле она пригвоздит земное,
Землю склеит пусть с воздухом, и с ними
Склеит нас пускай аромат гвоздики.

Чистота нужна в песне соловья,
Чтобы азбукой, только ему известной,
Ему одному, только птице чудесной,
Впредь всегда посылать в мирозданье приветы
И, быть может, услышать оттуда ответы,
Нам неведомые, серьезные, звездные...

Чистота нужна
И в облике, видишь, той птицы —
Пунцовая шапка, черное тело, —
Той птицы,
Которая к небу воздела
Свой клюв, чтобы молиться,
И вот она молится, как кардинал без паствы,
Совсем не за наши души,
А только за чистоту этого древнего мира...

Нужна чистота!..

Чистота нужна,
Чтобы даже окаменелые камни
Внутренне ощущали себя
В прежнем, жидком существовании,
Чтобы даже растенья могли выдыхать...
солнечный свет,
А не только незримый поток углерода,
Чтобы впредь — человек себя чувствовал
так хорошо,
Как мелодия в величественном храме природы,
Как цвет — на гениальной картине природы
И словно игрушка, которую держит
дитя природы...
Миру нужна чистота... ребенка,
Того ребенка,
Которого ежедневно рождают на свет
Даже нечистые люди,
Даже они, нечистые люди,
Потому что... миру нужна чистота!
20 ноября 1965
Чанатчи

Свет благодатный

Свет благодатный,
Нет, не вечерний,
Нет, не закатный,
Росистый свет
Праведной жизни,
Пролейся. брызни!

Ночная служба кончается,
Распрямляет природа колени.
Рассвет-просветитель,
Великий святитель,
Гасит лампы, светильники, свечи.
И наконец
Выходит солнце,
Верховный жрец.
Ленивые тучные тени
Сами себя пожирают,
Как будто тени сгорают,
Стройные и пригожие,
Танцовщицы темнокожие.
У рассвета свирель
Из дерева абрикосового.
Из каждой скважины луч:
Невероятный,
Простой и сложный
Мотив творенья:
«Свет благодатный!»
Свет изобильный,
Щедрый, всесильный,
Звонкий, напевный,
Апостол вседневный,
Приносишь ты веру.
Гонишь химеру,
Угодник и сводник,
Искатель, старатель,
Порою предатель,
От века навеки любовь.
Навек в человеке любовь.
Свет благодатный,
Чтобы на свете
Единственной тенью
В небе осталась
Радуга — тень
Летнего ливня.
Так разодень,

Свет благодатный.
 Цыплят расписных.
 Ты живописец,
 Чтобы запели кругом петухи.
 Зов многократный,
 Простой и сложный
 Мотив творенья:
 «Свет благодатный!»
 Свет вездесущий,
 Лейся, струнсь
 Ты, всемогущий,
 И на вершины
 И в наши глубины.
 Чтоб нам не ютиться, как рыбам,
 во мраке без окон.
 Скрытную воду пронизывай, панцирь
 и кокон.
 Солнечным жаром, бесшумным ударом
 Необожженную глину-мечту
 Пестуешь ты, необъятный,
 И не смолкает
 Простой и сложный
 Мотив творенья:
 «Свет благодатный!»
19 марта 1967
Арэни

Новое определение притяжения

В оковах любви и отчаянья
 Вопросы бесчисленные
 ответов просят.
 А буквы напряжены
 и друг друга притягивают,
 Как в позвоночнике позвонки.
 И получается
 Страшный скелет невыносимых слов:
 «Так жить невозможно...»
1969

Простое желание

Чего я хочу?
 Думаете, счастья хочу?
 Нет!

Я хочу всего-навсего
Видеть,
Видеть отчетливо.

Возможность видеть отчетливо —
Божественный дар, по-моему.
Видеть не только во мраке, —
И, ослепленному страстью,
Видеть, как некая тень
Точнее часов солнечных
Неуклонно показывает
Время нашей души
Наперекор Эйнштейну
И в согласии с ним.
Видеть в себе самом
И в недрах земного шара
Кипение невыносимое,
От которого бьемся мы
О собственный потолок,
И потолок не выдерживает.
Видеть, отчетливо видеть
Это кипенье зудящее,
Видеть его, как видишь
Глухую возню кротов,
Бугорки замечая,
Вскакивающие на поверхности.
Этого на копейку
Не купишь, конечно, нет!
Ценой моего искусства,
Ценою жизни моей
Желал бы я приобрести
Хотя бы возможность увидеть
Направление, в котором
Мы шагаем, шагаем
Неизвестно зачем.
Ответь мне, моя любимая!
Скажи, в каком направлении
Наша любовь идет?
Откуда наши стремленья?
Что нас впереди ждет?

Ты слышишь?

Уже не чирикают,
Пищат воробьи: «Что... что... что...»
И от этого трескается
Синий небесный свет,

И в небесные трещины
Перепела заколачивают
Пронзительное «нет... нет... нет...».
Сжался!
Скажи хоть что-нибудь
Не мне, так птицам в ответ.

19 марта 1969

Дилижан

СОДЕРЖАНИЕ

ПЯТНАДЦАТЬ ВЕКОВ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ	5
---	---

ДАВИД САСУНСКИЙ	41
-----------------------	----

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Трудовые песни	145
Песни любви .	163
Песни изгнания	171
Песни о природе.	176
Обрядовые песни.	180
Колыбельные песни	186
Плачи.	191
Заклинания	197

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛИРИКИ (IV–XVIII вв.)

Комитас.	201
Степанос Сюнеци	202
Саакадухт Сюнеци	203
Амам Аревелци.	205
Григор Нарекаци	206

Ованес Саркаваг Имастасер	245
Нерсес Шнорали	249
Костандин Ерзнкаци	257
Фрик	265
Хачатур Кечареци	271
Наапет Кучак	275
Памятные записи	305
Аракел Сюнеци	310
Ованес Тлкуранци	316
Мкртич Нагаш	323
Аракел Багишеци	327
Керовбе	330
Григорис Ахтамарци	332
Нерсес Мокаци	341
Мартирос Крымеци	344
Нагаш Овнатан	348
Багдасар Дпир	354
Петрос Капанци	356
Григор Ошаканци	358
Арутин Саят-Нова	361

ПОЭЗИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Микаэл Налбандян	403
Мкртич Пешикташлян	409
Рафаел Патканян	411
Геворг Додохян	418
Газарос Агаян	420
Смбат Шахазиз	422
Дживани	425
Петрос Дурян	429
Иоаннес Иоаннисиан	433
Александр Цатурян	443
Шушаник Кургинян	451
Сиаманто	456
Ваан Текеян	461
Даниел Варужан	469
Рубен Ссвак	479
Мисак Мецаренц	483

СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Наири Зарьян	495
Азат Вштуни	509
Гегам Сарьян	513
Ваграм Алазан	530
Гурген Маари.....	536
Ашот Граши.....	551
Гурген Борян.....	562
Паруйр Севак	570

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ДАВИД САСУНСКИЙ
И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
*Армянская литература
с древних времен*

Главный редактор *Владимир Вестерман*
Редактор *Кирилл Винокуров*
Компьютерная верстка *Виктория Челядинова*
Корректор *Татьяна Некрасова*

Издательство ИП «Культура Евразии»
Москва, Большая Никитская, д. 50
Тел.: (495) 291-93-27

Издание осуществлено
при технической поддержке издательства
«Зебра Е»

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru